

ИРИНА ЛЕУХИНА

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ

РАДУГА

Часть 3

Прошло 13 лет. Я успешная модель и бизнес-вумен. У меня свой модельный дом, а также я управляю многими благотворительными проектами. Моя жизнь успешна, как и мечтала. Но ночью, когда никто не видит, я думаю о Глебе. Моя первая любовь от которой я отказалась.

Спустя годы судьба дает нам второй шанс. Мы стали старше, но стали ли мы умнее, мудрее, откровеннее...

Где начинается радуга? Часть 3

Ирина Леухина

Я открыла глаза из-за женского визга и резко поднялась с постели. Сейчас ночь, но почему-то в окне мне померещилась яркая вспышка. Едкий запах защекотал обоняние и сдавил грудную клетку. Я подскочила на ноги и подбежала к окну, чтобы понять что за опасность в деревне, когда взрывная волна сбила меня с ног. Я упала на дощатый пол хижины, чувствуя как ладони покрылись мелкими, но кровоточащими царапинами. Попыталась подняться, оперевшись об стол, но не удержалась и снова упала, разбивая колени. Грохот от взрывов и автоматной очереди приглушили остальные звуки. А сизый туман разъедал слизистую от чего у меня потекли слезы.

Первородный страх окутал меня. Мне показалось, что я задрожала всем телом от предчувствия скорой расправы. Но я слышала женские крики и что-то во мне заставило не сдаваться. Пока рано. Пока рано поддаваться панике.

Откуда тут опасность? Это ведь деревня с обычными эфиопскими трудягами, которые хотели выжить. Они жили здесь, чтобы прокормить себя и своих детей.

Уши заложило, а туман в голове не собирался пропадать. Все перед глазами показалось размытым. Только периодические вспышки ярко виднелись за окном. Я повторно попыталась встать, но не успела. Кто-то проломил дверь моей хижины. Огромная черная тень с автоматом в руках направилась ко мне. Массивные кожаные армейские ботинки тяжело опускались, и вроде бы глухой звук отзывался слишком четко и громко в туманной голове. Черные пальцы больно впились в плечо, поднимая меня. Он не задумался, что мне больно. Хуже того, когда я не сумела подняться, неизвестный прикрикнул на меня на незнакомом диалекте. Я не поняла его, но инстинкты кричали, что мне нужно его бояться. Моя жизнь сейчас не в моих руках.

Мне пришлось подняться и пройти на выход. Дуло автомата уперлось в правую лопатку, неприятно покалывая. Я, запинаясь, переступила порог и окинула взглядом долину.

Глаза давно слезились от едкости вокруг. Сердце кольнуло от окружающей боли и страданий. Я увидела как мужчины пытались бороться с захватчиками, но явно проигрывали им. Женщины испугано кричали, пытаясь спасти детей. Но к сожалению черных теней слишком много в нашей деревне. Кто-то из них поджигал местные посева, а кто-то вырубал скот. Недалеко от меня кто-то истошно закричал, но крик резко прервался после одиночного выстрела.

Что-то во мне сломалось. У меня пропал воздух, и я начала задыхаться. Тень позади меня сильно толкнула, чтобы поторопилась, но я не смогла идти. В изнеможении я схватилась за руку неизвестного, пытаясь произнести слова помощи на амхарском. Но страх парализовал память, из-за чего я выдавала ужасную смесь на разных языках. Мой беспомощный вид не вызвал сострадания у тени. Наоборот, он повысил голос и пнул меня, попав в бедро.

Боль, страх, унижение. Никогда не думала, что меня можно сломить. Но перед лицом реальной опасности я оказалась слабой, обычной женщиной, которая молила о пощаде. Я валялась на пыльной земле, слезы текли по щекам, руки дрожали, а голова шла кругом.

Тень крепче прижала к себе автомат, направляя в меня дуло. Вспышка ярко осветила мне лицо скрытое маской. Темная кожа в прорези блестела, как и черные глаза. В них не было сомнений или раздумий. Одна лишь цель и готовность убить.

Стольких потеряв, я никогда не ценила свою собственную жизнь. Она просто была, и мне казалось, что я обязана ее прожить.

НО я вообще хотела ли иметь свою жизнь? Хотела ли жить по-настоящему?

Вчера я бы не поняла вопроса, а сейчас да. Я хотела жить. Хотела ценить счастье, которое мне подарила судьба. Хотела поблагодарить за все, что получила и не ценила. Принимала как должное. Потому что сейчас перед лицом смерти я искренне хотела дожить до старости. Хотела видеть людей, которых люблю. Хотела сказать, как они дороги моему сердцу.

Медленный ВДОХ и последующий ВЫДОХ.

Мой выбор впервые не принадлежал мне. Сейчас жить мне или умереть решала сама судьба. И я покорно позволила сердцу выбрать направление.

Я медленно закрыла глаза, отдаваясь освобождающему чувству, когда услышала очередной одиночный оглушающий выстрел.

Глава 1

«Уважаемые пассажиры, рейс Аддис-Абеба — Москва прибывает в пункт назначения. Просьба привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть ремни безопасности. Мы снижаемся. Спасибо за выбор Ethiopian Airlines».

Я вздрогнула, когда стюардесса прикоснулась к моему плечу. Последние семь часов проспав в маске для сна, я малость дезориентировалась и позабыла где нахожусь. Меня окружали туристы и ученые, которые громко переговаривались, но шум не отвлекал меня, а только раздражал и путал воспоминания.

Я поправила кресло и пристегнулась, а затем откинула голову и перевела взгляд на иллюминатор. Москва. За последние тринадцать лет этот город стал мне домом. После длительных перелетов между странами и континентами, сюда я могла вернуться и отдохнуть. Скинуть образ успешной модели и снова стать Ксюшей Малаховой, а не Малахитовой принцессой. Я покрутила на пальце мамино кольцо с малахитом, обдумывая неожиданно навалившуюся тоску. Так всегда происходило, когда возвращалась со своих благотворительных проектов и акций.

Резкий толчок, и мы на земле. Люди заплестили пилотам, а я равнодушно встала и достала ручную кладь. Багажа у меня нет. В эфиопской деревне мне не нужно много одежды. Удобные штаны, футболки, обувь, практичное белье и средства гигиены и то не всегда. Некоторые женщины создавали изумительное черное мыло на основе золы разных трав. После месяца жизни в деревне моя кожа становилась еще мягче, а волосы крепче. Словно я на курорте в спа время проводила, а не горбатилась вместе с остальными женщинами и детьми в полях.

Я вышла из зала прилета и подошла к ожидающим. К удивлению я заметила ждущего Матвея Маркова. Высокий и стройный темноволосый мужчина, который чересчур часто бывал в спортзале. Потому что по виду не скажешь, что он основал крупнейшее строительное предприятие в городе, а также владел несколькими заводами на Урале. Если бы я не знала подноготную его прошлого, то подумала, что он спортсмен или актер, но точно не бизнесмен. А также мой лучший друг, который подхватил меня и крепко обнял.

— Ксюха, как давно мы не виделись. То бизнес, то твоя Эфиопия, ты вообще собираешься отдохнуть? — забрал у меня спортивную сумку и, обхватывая плечи, повел к выходу аэропорта.

— Эфиопия для меня отдых, — подмигнула я. — Ты можешь как-нибудь приехать и оценить, куда я трачу твои взносы.

Давно пыталась уговорить его на поездку в Африку, но он наотрез отказывался.

— Ксюх, с тобой хоть куда, — он открыл двери, пропуская меня вперед. Меня тут же обдал прохладный ветер, и я поежилась. В восточной Эфиопии в мае начался сухой сезон, хотя через пару месяцев там пойдут проливные дожди. А я успела привыкнуть к африканской жаре, забыв про особенности погоды в Москве, где почти наступило лето. Солнце ярко светило, но грело не достаточно сильно. Матвей снял с себя кожаную куртку, накинул мне ее на плечи, заметив мой дискомфорт, и продолжил. — Например, Дубай, Мальдивы, Сейшелы, на крайний случай Куба. Но не Африка с Эболой, желтой лихорадкой и малярией. Я пас.

Он закинул сумку в багажник, пока я усаживалась на переднее место. Затем открылась

водительская дверь, впуская прохладный ветерок и автомобильные гудки. Я закинула куртку на задние сидения и осмотрела салон, замечая изменения.

Матвей тот еще любитель машин. Люди меняли айфоны, а он автомобили. Раньше он предпочитал марки немецких машин, потом перешел на английские. Был период американских, а затем винтажных и спортивных. А сейчас я отметила некоторые сходства с автомобилем одного знакомого.

— Ты перешел на китайский автопром? — уточнила с ухмылкой я.

Матвей скорчил рожу, словно школьник, зажигая двигатель без ключа.

— Да-да, — кивнул он, заметив мое ошарашенное лицо. — Это машину можно завести при помощи обычного ключа, чип-карты и при помощи беспроводного доступа, — Матвей поднял руку, где на пальцах покачивался брелок с эмблемой китайской марки. — А также тут автоматическое включение фар и затемнение окон, защита от опасных световых лучей. И еще много всего.

— Знаешь, Матвей, если бы ты был водителем и все свое время проводил в машине, я бы поняла зачем тебе столько удобств в машине. Но признайся честно как долго по времени в месяц ты проводишь за рулем?

— С водителем считается?

— Нет.

— Моя первая поездка за месяц, — смущенно улыбнулся Матвей. — Ты права, Ксюха, покупка дорогих машин одна из самых бесполезных вещей.

— Но их перепродажа разве не приносит тебе денег?

— Приносит, но полезность от этого все равно не прибавляется. Ты, к примеру, людям жизнь улучшаешь. Вот это я понимаю полезное хобби. Расскажи, что там с твоей деревней. Это ведь три года твоей работы.

— А что там может происходить, — улыбнулась воспоминаниям и продолжила. — Благодаря Кван Чу Вону заработал завод, который дает работу многим жителям из деревни. Она далеко от туристических троп, поэтому брать деньги неоткуда. Также мы с женщинами улучшили работу и продажу черного мыла. Там теперь растет много посева, хотя была проблема с водой. Мужчины отстроили десять новых домов, а количество скота увеличилось вдвое. Я могу с гордостью сказать, что благодаря нашему с Ануш проекту эта деревня в Эфиопии решила свою проблему с голодом и теперь к ним приходят из других деревень.

— Мистер Кван влюблен в тебя, Ксюша, раз купил завод и дал работу деревенским.

— При том что большая часть прибыли уходит на увеличения количества грамотного населения и улучшение здравоохранения, — тихо добавила я и отвернулась к окну, за которым мелькал вид на Москву.

— Он само благородство этот Кван, — издеваясь проговорил Матвей.

— Знаю, — прохрипела я. — Но я не люблю его при всем его великолепии. И самое противное, он знает, что я не люблю его. Но он продолжает любить и надеяться на взаимность. Я такая стерва.

Между нами повисло тяжелое молчание, которое Матвей поспешил прервать.

— Как ты не боишься ездить в свою благотворительную африканскую деревню.

— А чего бояться, — удивилась я. — Я по их меркам не красивая. Затем все люди знают меня. А еще они мне благодарны за помощь, поэтому каждый готов защищать меня, лишь бы я возвращалась.

— Но ведь Ануш, — резко замолчал, но все же решил закончить. — Она погибла год

назад на одной из акций.

— Она погибла не во время благотворительной акции, — нахмурилась я и повернулась к нему. — А во время спасательной операции. Там рисков вдвое больше. Никто не мог предсказать, что она отправится туда, где произойдет второе обрушение.

— После того как спасатели проверили там все, — прибавил он.

— К чему ты это? — не понимая, пробормотала я.

— А то, что как бы эфиопы тебя там не любили, всегда есть риск, что что-то пойдет не так. Вдруг война, террористы или болезнь. Ксюша, я таким неуклюжим образом пытаюсь предостеречь тебя, потому что волнуюсь.

Мы продолжили ехать, думая каждый о своем. На светофоре Матвей затормозил, и в этот момент на экране его телефона выскочило уведомление. Он прочитал его с широкой улыбкой на губах.

— Я чего-то не знаю или правильнее сказать кого-то? — прищурилась я.

Матвей хмыкнул и тронулся с места. Сделал поворот и затем снова затормозил на светофоре. Он упрямо сохранял молчание, но я видела как его распирало от вспыхнувших чувств и желания поделиться.

— Матвей Марков, сейчас никто в тебе не признает того Мрака, которого я помню. Ты сейчас больше на светика семицветика похож.

— Малахит, ты как всегда ляпаешь глупость, — засмеялся Матвей. — Мраком я в школе был. Тогда это было круто. Леха придумал это прозвище, и оно зараза приклеилось. Да и девчонок так клеить удавалось быстрее.

— Так кто из тебя светиком сделал?

— Мила. Ее зовут Мила, — повторил он. — Я с ней в клубе недавно познакомился и это меткое попадание прямо в сердце. Она милая и нежная, а еще такая независимая лисичка, которую охота постоянно ловить. Но при этом в ее глазах я вижу столько обожания, что делает нашу игру такой сладкой.

— Ого, — ахнула я, смеясь. — Точно светик, а не мрак. Мила совершила то, о чем мечтали многие девчонки со школы.

— Она меня пленила, — прижал руку к сердцу Матвей, тормозя около подъезда моего дома. — Мне на встречу нужно, поэтому на кофе не поднимусь, но завтра приглашаю тебя на обед.

— Хорошо, ты ведь не передумал вкладывать деньги в фонд лечения бесплодия?

— Завтра и поговорим об этом. Но нет. Не передумал, Ксю. До завтра. Отдыхай, а ты весь день ехала сюда.

Матвей и я вышли из машины. Он достал сумку из багажника и слегка обнял меня на прощание, затем сел в машину и уехал на встречу. А я задумчиво следила как фары в последний раз подмигнули мне перед тем как скрыться за поворотом.

Медленно развернулась к многоэтажному зданию с элитными квартирами и безрадостно вздохнула. На самом верху есть пентхаусы, которые покупали супер богатеи. У меня же квартира находилась ниже и по квадратным метрам она меньше, но я нуждалась в любом удобном жилье, а не в месте для постоянной жизни.

Я зашла в подъезд, где меня встретил консьерж. Их основная задача знать в лицо всех жильцов и выполнять их просьбы. К примеру, в моей квартире есть растения, которые они поливали, получая за это приличное жалование.

Нынешний консьерж — сухощавый мужчина лет пятидесяти с седыми короткими

волосами. Он галантно поклонился, подавая мне ключи от квартиры, отчитался о проделанной работе и передал полученную ими почту.

Я вошла в квартиру одна. Она полностью готова к моему приезду. Везде все отмыто и проветрено. Холодильник полон едой и напитками, а также на столе меня ожидал готовый ужин. Аппетитный запах витал в воздухе, но при этом полные тарелки спрятаны под металлическим клошем, чтобы еда не утратила тепло свежеприготовленной пищи. Рядом стояли откупоренная бутылка красного вина пино-нуар и бокал на тонкой ножке.

Оперативно сработано, хотя я им сообщила только дату прилета. А еще, как выяснилось, они знали мои вкусовые предпочтения. Открыла клош, а там паста с грибами и жульен. Эти блюда идеально сочетались с пино-нуаром.

Отошла на кухню, чтобы помыть руки, а затем села за стол. Девятнадцатый этаж позволял смотреть на распростертый передо мной город. Вкусная еда, красивый вид и абсолютно одинокая квартира. После ужина я приблизилась к французским окнам и лбом уперлась в стекло, оставляя потные отпечатки.

Дыхание создало влажное облачко, на котором я вывела «Глеб» и тут же резко стерла. После чего быстро ушла в спальню. Завтра вернется Ксения Малахит, — решительно пообещала про себя я. Бизнес-вумен, владелица успешного модного дома, кстати лучшего в Москве, а также щедрый меценат и талантливая модель. Надо только пережить эту ночь страданий и тоски.

Глава 2

Утром после хорошей порции спорта и кофеина я наконец привела свои чувства в порядок. Прошла через крутящиеся двери в мой дом моделей и оглянулась, а воспоминания словно замедленный фильм замелькали перед глазами.

До того как я стала владелицей собственного модельного дома прошло много лет. Сначала пять лет работы моделью, затем представителем одного итальянского дома мод. Вообще свой первый год в Париже я с Ануш работала над одним проектом. Но потом я подписала контракт с Нью-Йорком и переехала туда, а Ануш осталась в Париже. Мы не виделись больше шести лет, но затем состоялась встреча в Москве, которая подвела черту нашего нового сотрудничества.

Оказалось, что мы мечтаем об одном и том же. Сделать Москву столицей мод, наравне с такими гигантами как Париж, Милан, Лондон или Нью-Йорк. Не просто столица страны, а центр, где тоже могли появляться тренды всемирной моды.

В тот год я закончила свой контракт с Миланом, отказалась от предложения Версаче и вернулась в Москву. Я и Ануш начали строить нашу мечту по кусочкам. Почти по маленьким кирпичикам. В Москве после нашего открытия все прежние друзья неожиданно стали врагами. А за границей нас еще не принимали всерьез. Приходилось продирааться сквозь густой терновник, чтобы достичь той вершины, до которой мы хотели пойти.

Сначала Ануш нашла потрясающего дизайнера. Невероятно талантливого, но абсолютно не предприимчивого. Нам пришлось выдирать его из лап лицемерных сук, которые пользовались его талантом, при этом не давая развиваться ему. Затем я нашла моделей двое мужчин и одну девушку, которые сейчас покоряли Париж, но от нашего лица.

Мы шаг за шагом продвигались к вершине и добились ее.

Однажды я рассказала Ануш про свое хобби. После случая с яйцеклеткой, когда благодаря мне у женщины появился шанс стать матерью и обрести свое счастье после гибели своего ребенка, я ощутила небывалый всплеск радости. Раньше я думала, что ощущение жизни мне давали одни лишь съемки. Только перед камерой я становилась живой и полноценной. Затем в моей жизни появился Глеб, который тоже помог мне ощутить вкус жизни, но я от него отказалась. Я думала, что не смогу больше нормально вздохнуть. Меня даже перестал радовать моделинг, ради которого сама же отказалась от Глеба. Но потом мое сердце вновь начало биться, когда во мне появилось безвозмездное милосердие. Чувство для меня абсолютно новое, когда помогаешь не ради чего-то, а ради чужого счастья

Ануш сначала скептически отнеслась к моим излияниям, но затем сама прониклась. Однажды она поехала со мной в один детский дом, куда я привозила подарки, там же играла с детьми и устраивала мастер классы моделинга или фотограф-сессии с последующей раздачей фото. Холодная и равнодушная к чужим страданиям Ануш прослезилась. В следующую мою поездку она напросилась сама и принимала непосредственное участие во время встречи.

После этого мы каждый год ездили на массовую волонтерскую работу, и периодически приезжали на городские благотворительные мероприятия. К детям мы приезжали на каждые праздники, а если не могли, то устраивали им полноценное торжество.

В любых крупных акциях мы участвовали вместе, но однажды Ануш поехала без меня. Срочно собирались опытные волонтеры для помощи во время спасательной операции. В

России на берегу Тихого океана случилось землетрясение. Опасались, что случится цунами, но обошлось. Вот только некоторые здания все же разрушились. Во время спасательных операций волонтеры должны находиться в палаточной зоне. Их работа располагать пострадавших, делать списки умерших и потерявшихся, кормить, разносить одежду и провожать на транспорт. Но Ануш всегда была упрямой и несговорчивой. Она отправилась вместе со спец отрядом, который вытаскивал людей из завалов, и, услышав писк ребенка, забежала в полуразрушенное здание. Оно не устояло и обвалилось, когда Ануш почти вывела девочку. Ребенок выжил, а Ануш нет. Это случилось почти год тому назад.

Я прошла по коридору дома моделей, останавливаясь перед слоганом, который придумала Ануш:

«Человек сам выбирает, каким ему быть: хорошим, красивым или умным. И хочет ли он быть всем одновременно, хотя для этого нужно прикладывать немало чертовых сил».

— Ануш могла подбодрить, — тихо подошла ко мне Марина, моя подруга и теперь главный распорядитель моделей. — Ты рано.

— Не спалось, — хмуро ответила, приглядываясь. — Как тебе работается с Денисом? Я ведь права? Он мастер фотографий.

Мы развернулись и направились к лифтам. Мимо меня прошли стройные модели и молодые ассистентки, которые везли пустые вешалки на колесиках. Мы зашли в стеклянный лифт, и Марина, развернув папку, начала отчет:

— Он конечно талант, но бесит изрядно. Он иногда так холодно смотрит на меня. Я из-за этого себя тараканом ощущаю. А еще меня бесит его тон, когда он говорит: Я знаю, что понравится Ксюше. — скопировала его тон Марина и затем продолжила своим голос. — Фу, как бесит меня твой Денис. Но в фотографиях он мастер, с этим не спорю.

— Что по поводу сайта? Ты говорила, что он стал часто виснуть.

— Это да, все программисты хватаются за головы, особенно когда вспоминают дату твоего прилета. Но Миша говорит тут нужен не просто программист, а спец в кибербезопасности. Он утверждает, что кто-то либо взламывает, либо вирус уже там в системе.

— Хорошо, Марин, найди лучшего и пригласи к нам. Нужно, чтобы в конце недели сайт работал на всю мощь, — жестко произнесла я, задумчиво следя как Марина записывала задание в электронный органайзер.

— Что-то еще? — уточнила она.

— Проект конкурса на какой стадии?

— Анатолий стопорит его как может. Ксюш, мне кажется Хрусталеvский не хочет, чтобы агентство моделей расширилось. Он каждый твой проект блокирует, хотя они приносят миллионы.

— А что Анатолий просит?

— Он хочет, чтобы Нинель стала главным модельером нашего дома без конкурса, — тихо сообщила Рубин, словно нас кто-то может подслушать.

— Я поговорю с ним, — нахмурилась я.

Анатолий Хрусталеvский, к несчастью, мой совладелец. Ануш и я создали этот бизнес, но затем она влюбилась и вышла замуж. Вообще он изначально пробовался к нам как модель. Но иметь красивое лицо не значит уметь им пользоваться. Он не умел позировать и имел хамоватые наклонности, что создавало сложности при его выходах на подиум. Я бы с радостью его выгнала и навсегда забыла, но Ануш влюбилась в него.

Темные глаза, светлая шевелюра, хитрый взгляд с прищуром и с шальной улыбкой. Он притягивал взгляд, когда заходил в помещение. А еще он умело ухаживал за моей подругой. К счастью, он не подкатывал ко мне, словно сразу поняв, если сделает это, то потеряет и Ануш. Спустя полгода отношений они поженились. А год назад он получил наследство, как и я. Ануш разделила свою долю дома моделей на двоих. Теперь одна четвертая была у Анатолий, а остальное мое. У Хрусталева не хватало власти и доли, чтобы управлять этим местом. Но хватало, чтобы подвергать сомнению все мои решения.

Это усложняло мне работу, а значит мне нужно придумать, как у него забрать долю модельного агентства «Малахитовая кошка».

— Спасибо, Марин. Позови мне Никиту. Также у меня обед с Матвеем, если ничего не отменится.

— Окей, не буду ничего планировать раньше обеда, — кивнула подруга.

Я приблизилась к своему кабинету, а она замерла на пороге приемной.

— Рада, что ты вернулась, — прошептала Рубин, обнимая меня, и ушла.

После чего я прошла по ковровому покрытию, уселась в свое директорское кресло, включила компьютер, вытянулась, а затем связалась с секретаршей, чтобы она принесла зеленый жасминовый чай.

Через какое-то время в дверь постучали, и появилась вихрастая голова моего финансового аналитика. Никита Стафеев настоящий мастер цифр. Он по столбикам скучных чисел быстро определял, где провал, а где обвал. Он всегда знал, куда лучше вкладывать деньги, а куда нет. Когда Никита согласился работать со мной, я точно в тот день словила фортуный оргазм. Даже Матвеев завидовал моей удаче с Никитой.

— Рад видеть тебя, Ксения, — поприветствовал он и сел передо мной.

Он разложил бумаги в определенном порядке и снова затеребил волосы.

— Я тоже рада, — улыбнулась ему. — Кофе?

— Не-ет, — заикнулся он и нахмурился, разглядывая бумаги. — Ксения, что-то не так.

— Ты о чем? Проблемы с документацией, — сделала глоток остывшего чая и вытянула шею, чтобы посмотреть. — Ты что-то нашел?

— Ксения, я не могу понять, где дыра. Сколько ищу ее, но не могу найти. Я заподозрил утечку уже полгода назад, но подходящих улик не было. Одна лишь моя интуиция. Но сейчас... вот держи, — он протянул мне стопку из бумаг, которую я приняла.

Я внимательно рассмотрела то, что беспокоило Никиту, заостря внимание на выделенных местах. Финансист прав. Есть небольшие необычные переводы, но они могли иметь разумные объяснения. Если только.

— Почему у тебя вызвало сложность проверить переводы, — сухо спросила, листая дальше.

— Потому, что по документам все чисто. Есть приказы, есть обоснования для переводов, но затем деньги пропадают. Я это понял только когда несколько дней следил за последними переводами и старалась их отследить. Причем старые переводы и документы я не нашел в архиве. Хотя может быть при тщательном обыске они все же найдутся. Но у меня есть подозрение, что если я открыто заявлю об этом, то все данные быстро очистятся или пропадут по объяснимой причине.

— Думаешь в твоём отделе есть кто-то кто чистит все это? — уточнила я, откладывая бумаги в ящик.

— Я не просто думаю, — возразил он, распахивая глаза и наклоняясь ко мне. — Я в

этом уверен. А еще я уверен, что кто-то пытается создать яму для твоего бизнеса.

— И кто это? — с сомнением пробормотала я, уже обдумывая возможные варианты.

— Думаю это....

Никита не успел закончить, как дверь распахнулась, и через порог вальяжно переступил Анатолий Хрусталеvский.

Он казался голливудским актером, который прогуливался по красной дорожке, раздаривая широкие улыбки и сверкая глазами. Анатолий подошел к Никите и вытянул к нему руку для рукопожатия. На что мой финансист с кислой миной пожал ее, но почти сразу выдернул свою ладонь, как будто это опасно для его здоровья.

— Ксения, я тогда пойду, — замялся Никита, собирая бумаги. — Я лучше позже сообщу свои соображения на тот счет.

Кивнула ему, понимая почему он не хотел обсуждать это дело при Анатолии. Финансист быстро ушел и тихо закрыл дверь, оставляя меня и Хрусталеvского наедине.

Анатолий потянулся к селектору и нажал на кнопку связи:

— Милая, принеси нам два кофейка, — вытягивая гласные, попросил гость и упал на свободное место.

— Что тебя привело сюда? — спросила его, закрывая на ключ ящик с бумажными уликами.

— С чего ты решила, что меня привели дела? — улыбнулся мужчина, а я в ответ только молча оскалилась, ругаясь про себя.

Потому что работать сюда он никогда не приходил. Только для того, чтобы попросить что-то у меня или высказать свое «против».

Приподнимая брови в ожидании, я выстукивала пальцами незатейливый ритм по столешнице, когда секретарша занесла две чашечки с кофе на подносе. Она новенькая и видимо не знала некоторых моих правил, а именно вилить своим задом перед данным мужчиной в моем кабинете — запрещено.

— Спасибо, милая, — улыбнулся во все зубы Анатолий, а я мысленно выбивала их из десен.

Он никогда мне не нравился, хотя мне постоянно приходилось притворяться милой ради Ануш.

Девушка перевела на меня взгляд и тут же потерялась, потому что направленный на нее мой хищный взгляд угрожал. Он предвещал для нее много проблем, и она это почувствовала.

Секретарша смущенно пожала плечами и поспешила выйти из кабинета.

— Милая девушка, — прищелкнул Анатолий, смотря ей вслед. Затем он повернулся ко мне и, хмыкнув, отпил кофе. — Ксюш, я...

— Я предпочитаю Ксения, — рубанула я, поглядывая на часы.

— Ксения, — зарычал Анатолий и, отставив чашку, подошел ко мне. — В твоём агентстве моделей все такие красавицы. Достаточно умные, а главное умеют вести себя в обществе. Ты ведь этому тоже их обучаешь, я знаю.

— Не понимаю к чему это ты...

— А также скоро к твоему агентству присоединится отличный и богатый модельер Нинель, — не дал мне сказать Анатолий. — А у нее муж связан с такими людьми, которые заинтересованы в красавицах. И это возможность выйти на хороший и самое главное прибыльный рынок.

— Знаешь, Анатоль, — тихо проговорила я, напрягаясь всем телом. — Что-то мне не

очень нравятся твои намеки.

— Какие намеки, Ксюша, — улыбнулся Анатолий и встал, чтобы подойти ко мне. — Я хочу, чтобы Нинель стала главным модельером твоего агентства.

Грубо отодвинула его и встала. Я не любительница алкоголя, но после общения с Анатолием без него никак. Он снова попытался сделать предложение, которое мне точно не понравится. Я достала пузатый бокал и трехзвездочный коньяк, налила себе на два пальца и в один глоток выпила.

— Я бы тоже не отказался, — проговорил за моей спиной Анатолий, хитро улыбаясь.

Глухо хмыкнула и обернулась к нему уже с новой порцией.

— Обойдешься, — рыкнула на него. — Я уже сказала, что модельеры без таланта мне не нужны. Мне ее модели не нравятся. Скучные или похожие на других. Ничего особенного я в ней не вижу. Поэтому мой ответ на твое предложение — «нет».

— Ты не понимаешь от чего отказываешься, — подошел ближе Анатолий, от чего у меня сперло дыхание.

Меня очень беспокоила его близость, словно его касания убивали мою душу.

— Лучше оставайся на месте, — приказала ему я, а он поднял руки в успокаивающем жесте.

— Окей, Ксюш...

— Ксения, — резко перебила его.

— Хорошо, Ксения. Ты ведь сама говорила, что мы все уникальны, — резко сменил тему Анатолий, при этом яростно сверкая глазами. — Так почему ты не хочешь пригласить к себе Нинель. Это ведь только ты считаешь ее модели скучными, но не все такого же мнения. Возможно именно она сможет привнести что-то новое в агентство. Что-то что сделает его лучше.

— И каким образом? — прорычала я. — Деньгами, которых у нее завались. Да, я считаю, что каждый человек уникален, но в своем деле. Вот только модельерство не призвание Нинель.

— Да кто ты такая, чтобы решать у кого какое призвание, — рявкнул Анатолий. — Кто ты, чтобы смела выставить критерии моды. Да как ты смеешь оценивать чужой талант.

— Я модель, ясно. Я профессионал в моде. И я точно знаю и понимаю, что модели Нинель пустышки, как чертовы мазки на белой стене. Без смысла и ясности. Это пародия на моду. То что создают некоторые модельеры ради эпатажа. Что-то яркое и несуразное. Настоящий талантливый модельер — он человек искусства. Он передает свое мировоззрение при помощи ткани. Свой мир при помощи формы. Свою душу при помощи одежды. А мы модели это доносим до остальных. Именно поэтому Коко Шанель когда-то создала черное платье. Потому что ее душа страдала, и она передала эту боль через наряд. А Нинель.... В ней нет ни грамма таланта. А еще ее мир мерзок и прогнивший, и я не хочу его доносить до других.

— Но твоя идея с конкурсом среди модельеров, моделей и фотографов — это бред, — воскликнул Анатолий и с возмущением уставился на меня. — Ну зачем ты ищешь таланты среди бедной массы, если можно взять готового богатого и влиятельного модельера. Который к тому же сможет увеличить твои доходы, если отправлять девочек к влиятельным дядечкам!

— Чего? — охнула я и подошла к нему, чтобы схватить его за воротник. — Ты что удумал? Хочешь из моего дома моделей сделать сутенерское агентство?

— Ксюш, говоришь так, будто девочки не понимают для чего им дана их красоты.

— Ксения я для тебя, — оттолкнула его и вернулась за стол. — Запомни, Анатолий Семенович, у меня и моего дома моделей есть репутация и марка, которую я и Ануш создавали собственными руками. И еще одно... если ты еще раз придешь ко мне с таким предложением, то я стану для тебя Ксенией Валерьевной. Твоим непосредственным боссом, так как ты до сих пор числишься в штате. Ты понял меня?

Анатолий взлохматил волосы и непринужденно улыбнулся, словно не я его только что отчитала холодным тоном руководительницы. Он поправил манжеты и воротник и отступил к двери.

— Что же, видимо наш разговор закончен, Ксения. Я все понял.

Он напоследок кивнул, открыл дверь и мягко ее закрыл. Я услышала, как он начал флиртовать со секретаршей, но она не среагировала на его пошлый флирт. И только после второго провала за день он покинул приемную.

Я устало упала на кресло и глубоко вдохнула.

ВДОХ-ВЫДОХ.

После каждого его прихода я чувствовала себя лимоном, побывавшим в двух-трех чашках чая — потемневшим и с ошметками.

Через минуту меня отпустило, и я приступила к многочасовой работе. Мы действительно планировали устроить конкурс, наподобие того, в котором я участвовала на юге. Я хотела найти себе новых талантов по всей стране и затем продвигать их в другие страны, а лучших оставить себе и сделать лицом бренда.

Мои маркетологи и рекламщики прислали мне план продвижения и рекламные баннеры. Во время моего просмотра их предложений зашла Марина.

До поездки в Париж она мечтала стать моделью, поэтому жестко следила за своей фигурой, чтобы не превысить весовых параметров. Но потом, когда она начала работать ассистентом и распорядителем у Ануш, она сбавила обороты. Она продолжила заниматься спортом. Хотя теперь она питалась не одними только правильными низкокалорийными смузи, но и обычной едой. Хоть и без сладкого.

Нынешняя Марина не стройная модель, а женщина с пышными формами. Благодаря нормальному питанию к ней вернулась полнота груди и объем пятой точки. И я убеждена, что это ей к лицу. Особенно блеск в глазах и здоровый румянец на щеках.

— Как твои переговоры с Хрусталеvским, — скривила губами Марина и уперлась бедром о край стола. — Ты выглядишь вялой.

Она с жалостью глянула на меня и на пустой коньячный бокал.

— Он точно не вампир? — отшутилась я и откинулась на кресло. — Ты что-то принесла?

Заметила большую стопку бумаг в ее руках и вздохнула. Моделью быть проще. Весь день работаешь перед камерой или стоишь перед модельером, пока он творил, а потом показываешь его творения миру. А тут приходилось столько работать мозгами, что даже хотелось задуматься, нужно ли мне все это.

— Я нашла спеца, — улыбнулась Марина. — Он год назад переехал с юга, но рекомендации и тут и там о нем хорошие. Я проверила. Он специализируется на безопасности информации, поэтому быстро поймет как обезопасить сайт. Я с ним связалась, и он согласился.

— Хорошо-хорошо, — мельком просмотрела кейсы парня, цепляясь взглядом за

знакомые название фирм. Им врать нет смысла. Особенно мне. Поэтому уверена, что парень мне действительно подойдет. — Тогда пусть подписывает контракт на работу и на годовое обслуживание. А там посмотрим.

— Туки-туки, — дверь отворилась и в проеме появился Матвей. — Ксюх, на обед пойдем?

— Пять минут, — вместо меня ответила Марина и с недружелюбным оскалом пригласила друга присоединиться.

— Ты, как всегда мила и очаровательна, — ответил взаимностью Матвей и примостился на свободный стул. — А ты сидишь только на столах или только на них лежишь?

— Я..., — гордо задрала голову Рубин, но разом изменилась в лице, когда до нее дошел смысл сказанных слов. — Ты такой кретин, как всегда.

— Так, — встала и выключила технику. — Вы можете ссориться хоть целый день. Матвей, вставай, мы идем обедать. Марина, а ты будь осторожна с Анатолием. Он удумал сделать из моих девочек — эскортниц. Если он будет часто с ними общаться, лучше гони его.

— Вот же козел, — прорычала Марина, сжимая кулаки. — Как с ним вообще Ануш жила, не понимаю. Подожди минуту, я схожу за контрактом.

— Быстрее, — махнула ей рукой, а сама отнесла бокал и быстро сполоснула его.

Марина вернулась через минуту и дала мне на подпись стандартный контракт.

— Тогда вперед, принцесса, — улыбнулся Матвей, поправляя пиджак. — Марин, тебя не приглашаю, вдруг что-то опять с твоим желудком случится. А виноват буду я.

— Ха-ха, шутник, не могу, — скривила губы Рубин и ушла, размахивая бумагами.

Матвей и я вышли из кабинета. Проходя мимо, я кинула внимательный взгляд на секретаршу, но она спрятала лицо за волосами. Скорей всего придется ее проверить и уволить, если она любовница Анатолия. Не хотелось, чтобы он следил за мной чужими глазами.

Марков первый зашел в лифт. Он придерживал рукой дверцы, до тех пор пока я не миновала их. Затем он нажал первый этаж и, разглядывая зеркало, заговорил:

— Давай я выкуплю его долю.

— Тебе то зачем модельное агентство, — устало спросила я, поправляя волосы.

— Хрусталеvский вредит моему другу, а мне это не в тягость. Так почему бы не договориться?

— Ты думаешь, он продаст? — уточнила я, вглядываясь в мужчину.

— Мне, — заносчиво переспросил друг и ткнул в свою накаченную грудь большим пальцем. — Куда он денется.

— Я подумаю, — ответила ему и первая двинулась из лифта. — Если сильно dokonает меня или девочек, то лучше с тобой делить бизнес, чем с ним.

После этого мы вместе направились в ближайший ресторан для обеда.

Мы зашли в ресторан итальянской кухни, где Матвея все знали. Хостел с яркой многообещающей улыбкой встретила дорогого гостя, но друг неожиданно отстранено прошел мимо нее и резко обернулся:

— Ксю, ты как девушка скажи, тебе бы тут понравилось?

Растерянно окинула взглядом стены терракотового цвета, заостря внимание на маленьких черно-белых фотографиях, которые образовали общую большую картину, если отойти подальше. Затем перевела внимание на стенд с темно-зелеными бутылками с разными винами и узор оливкового цвета. Большие широкие окна открывали вид на Москву, в то время как яркое, но приятное освещение отбрасывало легкие тени.

Тут мило, но вечером тут будет потрясающе.

— Ты хочешь пригласить девушку на свидание? — прямо спросила я и отправилась за разочарованной девушкой-хостелом, которая изменила отношение к «дорогому гостю» и нетерпеливо постукивала мыском туфли. — Когда хочешь привести ее сюда?

— Обдумываю зарезервировать столик на завтрашний вечер.

— А почему не сегодня? — удивилась я, присаживаясь за стол. — Разве она тебе не понравилась? Причем сильно, раз ты не хочешь опростоволоситься и проверяешь ресторан на мне.

— Ненавижу это слов, Ксю, — нахмурился Матвей, но затем его лицо резко преобразилось от сияющей улыбки. — Но она да... Кажется я в нее влюбился, Ксюш. И ты была права, когда говорила, что... — Он замер и опустил голову, чтобы собраться мыслями. — То, что я называл любовью оказалось романтизацией моего интереса к тебе. Мне хорошо с тобой. И я всегда знал, что мы с тобой классная команда. И по глупости я романтизировал все это и назвал любовью. Но сейчас....

Дерзкая улыбка и хитрый взгляд Матвея по-настоящему обрадовали меня и даже растрогали. Я давно заметила, что в душе хмурого и не подпускающего близко к себе парня скрывался нежный романтик, который умел трепетно любить.

Тем временем он заказал у подошедшего официанта пасту и салат, а я нагло продублировала его.

— Значит Мила, — тихо проговорила я и, улыбаясь, коснулась руки Матвея. — Я рада, что ты обрел новое чувство и понял наши прошлые отношения. А еще я рада, что могу называть тебя другом. До сих пор.

— Это точно, — рассмеялся он и резво взялся за приборы, когда официант принес салаты. — И как твой друг, я намерен помочь тебе освободиться от Анатолия.

— И во многом ты готов мне помочь?

Матвей на секунду замолк, обдумывая ответ, но я не дала ему ответить, продолжив:

— Ты кстати можешь помочь мне с другим. У меня возможно сидит кто-то наподобие шпиона и не один, — нахмурилась я и сделала глоток воды. — Ты говорил, что у тебя хороший специалист по безопасности есть.

— Есть, а что ты хочешь?

— Выискать предателя. Анатолий подмазывается к моей секретарше. За ней нужно присмотреть, а также проверить. Еще у меня есть подозрения на некоторых людей из финансового отдела.

— Надеюсь не Никита, — отвлекся от пасты Матвей. — А то это будет полный отстой.

— Нет, не он. Он наоборот нашел дыру, которую определить как она работает сложно. Он этим занимается. Но он не знает кому доверять.

— Поэтому нужно проверить весь финотдел? — ввел пароль в телефон и открыл свои контакты Матвей.

— Да, — кивнула ему и намотала на вилку пасту. — Мне нужно понять, насколько сильно Анатолий проник в структуру моего агентства. И вообще он ли это устроил? Не хочу полностью менять штат, но если придется, то я это сделаю.

Мой тон резко изменился на холодную отчужденность, которая часто пугала других. Но Матвей давно привык к этому, поэтому он только неоднозначно хмыкнул и нажал на экран телефона. В ответ звякнул мой, а на дисплее выскочило уведомление.

— Я написал ему, что ты с ним свяжешь, а также предупредил, чтобы выполнял любую твою просьбу. Напиши ему имя твоей секретарши, ее адрес и телефон. Он установит за ней слежку.

— Это ведь незаконно.

— Знаю, — Матвей закинул в рот отломленный кусочек хлеба и демонстративно пережевал. — Но раз это необходимо, то мы сделаем осторожно и незаметно.

— Ты такой жук, — закатила глаза и молча доела обед.

Затем набрала начальнику безопасности все нужные ему данные и отложила телефон.

— Кофе? — уточнил Матвей, а я отрицательно отмахнулась.

— Ты лучше скажи, — поставила локти на стол и опустила подбородок на сложенные руки. — Ты действительно хочешь внести взнос в фонд для помощи в бесплодии?

— Я то да, — согласился он, внимательно рассматривая мое лицо. — Но я хочу вначале узнать. Ты это делаешь для того, чтобы... что? Ты бесплодна, но я этого не знаю? Ты хочешь ребенка? Ты...

Матвей, подыскивая слова, обвел взглядом зал, а затем вернул внимание на меня. Он с ожиданием моей исповеди всмотрелся в мои глаза. Я поджала губы и повернула голову к окну. По улице прогуливались прохожие. Кто-то приехал из других городов или даже стран поглазеть на Москву. Кто-то из местных грелся под лучами еще не особо теплого солнца.

Я не знала ответа на вопрос друга. Я сама не понимала, зачем затеяла еще один фонд. Возможно я до сих пор оставалась под впечатлением от судьбы Лидии. Той женщине, которой я отдала яйцеклетку. Либо под моими действиями скрывалось что-то другое. Тайное желание, которое медленно крепло. Желание, которое мне раньше было трудно понять.

— Тринадцать лет назад я отдала яйцеклетку одной женщине. Она хотела ребенка, но здоровье ее уже не позволяло выносить, а тем более зачать здорового ребенка. Она однажды увидела меня и попросила об услуге.

— Почему именно ты?

— Я была похожа на ее умершую дочь, — вроде бы внешне спокойно произнесла я. Но внутри меня все подрагивало от волнения и необъяснимой тревоги. — Тогда-то я и согласилась.

— Обморок? — уточнил Матвей, вспомнив мое тогдашнее состояние.

— Не всегда благотворительность безопасна для благодетеля.

— Ох, твою же..., — ругнулся друг, взъерошивая волосы. — А ты хочешь...?

— Найти ребенка? — он кивнул. — Нет. Он мой и не мой одновременно. Но создать

фонд... это желание оттуда. Скорей всего.

— Ксюша, ты меня поражаешь, — выдохнул он. — Мы знакомы с тобой почти четырнадцать лет. Это приличный срок, по моим меркам. Но ты не перестаешь меня удивлять. То используешь меня, чтобы тебя бросил парень. То морозишься, чтобы я смог понять свои чувства. То борешься со всем миром за свою идею. Ты не устала от всего этого?

Мне хотелось сказать «нет». Мне хотелось ему начать втолковывать, что моя нынешняя жизнь — предел мечтаний. Но это ложь. Я не сожалела о прошлых поступках. И в то же время я сожалела, что тринадцать лет тому назад у меня не хватило ума продолжить бороться за Глеба. Мне тогда нужно было довериться ему. Всего лишь полностью открыть душу перед ним. К тому же это не страшно сделать перед человеком, который первый открылся. Но я не смогла.

Возможно это самая большая и самая глупая ошибка за всю мою жизнь.

— Мне пора вернуться, — проскрежетала я, вставая.

Матвей не прокомментировал мой побег, но взглядом отчитал меня по полной. Он взял счет и оплатил его. После чего мы вместе вышли и направились к агентству.

— Сегодня вечером есть планы? — спросил Матвей, когда приблизились к входным дверям и к широкой вывеске модельного дома.

— Ужин с Кван Чу Воном, — кивнула я с напряженной улыбкой.

Мне до сих пор не по себе после нашего разговора. Друг заметил мое состояние и мягко прижал, убаюкивая в крепких дружеских объятиях.

— Все будет хорошо, Малахит. Ты справишься. Я верю в тебя.

Он нагло взлохматил мою укладку и, ухмыляясь, убежал на парковку к машине. Я подняла голову, чтобы посмотреть на небо, и после побежала к себе. У меня осталось еще много работы.

Дом моделей встретил меня криком. В комнате для фотосъемки спорили двое: Марина и Денис. Рубин сильно сжимала кулаки и упрямо глядела на парня, который с равнодушной ухмылкой парировал.

Денис, когда-то мой одноклассник, как и Матвей. Мы учились вместе в выпускном классе на юге, куда я переехала к тете после смерти родителей. В то время Денис Яров был аутсайдером. Слишком холодный, циничный и равнодушный. Характером, правда, он не сильно изменился, но в школе мы сдружились. Именно его фотографии помогли мне выиграть в моем первом конкурсе.

Теперь он работал с нами. Мне удалось выловить Дена между контрактами пару месяцев назад и пригласить ко мне. Обрадовались все, кроме Марины. Рубин тоже тот еще не подарок. Она постоянно ссорилась с Матвеем, а теперь и с Денисом.

Иными словами эта парочка заставила меня задуматься о найме офисного психолога, но не для них, а остальным — очевидцам их конфликтов. Потому что у меня созрело подозрение, что они оба получали извращенное удовольствие от ссор. А вот свидетели получали психотравму из-за их метаний упреков, усмешек и обоюдных издевательств.

— Денис, я ведь просила эту модель сделать чуть отрешенной. А тут она словно переживает за всех и за все, — громко заворчала Марина, когда я тихо приоткрыла дверь в фотостудию.

— Марина, при всем уважении, — он замолчал на секунду, ухмыльнулся и подошел к девушке ближе. — Не мешайте.

Денис заметил меня и, схватив готовые фотографии, направился ко мне.

— Как удачно, что ты здесь. Хотел показать тебе недавнюю съемку.

— Испорченную съемку, ты хотел сказать, — прорычала Марина, приближаясь.

— Улучшенную, чем требовалось в задании, — добавил Ден и холодно посмотрел на Рубин.

Подруга набрала воздуха, чтобы продолжить спор, когда я высоко подняла руку и медленно опустила, требуя тишины. Я взяла стопку фотографий и быстро пролистала их. На первый взгляд идея Марины интересная и необычная, но Денис привнес в нее что-то особенное. Что-то, что сложно объяснить, но можно почувствовать.

— Я возьму их с собой и приму решение в кабинете, — решила я, прижимая фото к груди. — Вы снова ссоритесь. Не говорите, что вы так общались весь месяц, пока меня не было?

Всматриваясь в лица друзей, я устало вздохнула. Марина немного смутилась моего прямого рассерженного взгляда, а Денис спокойно пожал плечами. Что же, ясно. Никто из них не собирался мне рассказывать правду.

— Раз вы сохраняйте молчание, — продолжила я. — Тогда постарайтесь, чтобы из-за ваших ссор не пострадали другие. Иначе вы оба получите замечание от меня. И плевать, как вы оба важны для меня. Запомнили?

Холоднее уточнила я и вышла из комнаты, направляясь к себе.

Остаток рабочего дня я провела у себя. Распланировала, как разделаться с рабочими долгами в ближайшие дни, расписала условия конкурса, выбрала нужные фотографии и многое-многое другое. Я бы наверное осталась в агентстве до полуночи, если бы не выскочившее напоминание вместе с сообщением от Кван Чу Вона. Он пригласил меня на свидание еще вчера. Он вообще готов был встретить меня в аэропорту, чтобы провести время со мной. Но в первые дни после благотворительной работы я слишком чувствительна. И могла пообещать ему то, что не смога впоследствии выполнить. Так бессмысленно рисковать мне никогда не нравилось.

А сегодня.... Я хоть и устала, но это предпочтительное для меня состояние, чем не стабильный эмоциональный фон.

Я достала из ящика документы, которые принес сегодня Никита, и сложила их в портфель. Выключила компьютер, и задвинула стул. Сумочку повесила на плечо, а портфель прижала между рукой и телом. Я вышла из кабинета и наткнулась на молоденькую секретаршу.

— Вы ведь уже знаете как меня зовут, — подошла к ней, сжимая ремень сумки. Взглядом внимательно прошлась по светлым волосам, по лицу форме сердечка и пухлой верхней губе. Она казалась мягкой и нежной как мягкое ванильное мороженое, но меня уже не смягчить внешним видом. — А я вот не знаю. Кто вы?

— М-меня? — запнулась она и облизала губы, недавно смазанные блеском. — Авдеева Евгения. Но можно просто Женя.

— Не тебе давать мне разрешение, — отрезвила ее я, от чего девушка смутилась и склонила голову. — Ты новенькая. Я понимаю, сложно сразу понять какие правила правят на работе. Тогда слушай и запоминай. Ты работаешь на меня. Только на меня. Скорей всего ты хотела попасть сюда как модель, но не получилось. Если будешь хорошо и преданно работать на меня, то я не брошу тебя. Если в тебе есть потенциал, то ты станешь моделью или тем, кем ты хочешь. Хрусталеvский может обещать тебе успех, но гарантировать его могу только я. Сделай правильный выбор и приходи завтра на работу. А там посмотрим,

насколько ты решительна в сделанном выборе.

Женя растерянно взглянула на меня, но резко опустила взгляд. Видимо я смотрела на нее слишком холодно и прямолинейно. Я не прощаясь вышла из приемной и отправилась на выход. По дороге домой я набрала сообщение Марине, чтобы она прислала мне всю необходимую информацию по Авдеевой Евгении, моей новой секретарше.

Через полчаса файл с документом мне упал на электронную почту. Его я переправила Валентину Яковлевичу, начальнику безопасности Матвея. Так же я с ним договорилась, что мы встретимся, когда у него появится нужная информация.

После я отправилась наводить марафет для романтического ужина с красавцем мужчиной. Для него я выбрала платье из коллекции «Винтажная пудра»: без рукавов, на присборенных бретельках, с закрытым декольте, собранная ткань на талии, а также с легким палантином на плечах. Цвет весны. Розовая пудра в легкой мягкой ткани сделала меня нежной и ранимой, словно цветочный лепесток.

Глаза я решила не подчеркивать карандашом. Только тушью придала объем ресницам и подкрасила розовым золотом веки. А на губы нанесла алый блеск. Он придавал сочность, но оставался не вычурным.

Вот теперь мой образ готов.

В телефоне всплыло уведомление. Это консьерж предупредил, что меня внизу ожидал гость.

Поправив распущенные и тщательно уложенные волосы, я надела туфли на высоком каблуке и, захватив клатч с телефоном, вышла из квартиры.

Меня ждали около лифта.

Кван Чу Вон, который просил называть его Кванджон, настоящий кореец из богатой семьи. Мы с ним познакомились почти два года тому назад на благотворительном мероприятии в Пекине, и уже полгода как встречались.

Он — высокий и стройный мужчина, с мужественным волевым подбородком, с миндалевидным разрезом глаз и с двойным веком, с широким носом и с губами идеальной пропорцией. Но он оделся в костюм тройку кирпичного цвета, который совершенно не сочетался с цветом моего платья.

Я тихо и печально вздохнула, не показывая легкого разочарования. Он этого не заслужил. К тому же в его руках находился букет с розово-белыми тюльпанами. Цветы всегда могли порадовать девушку, даже если она заметила отсутствие гармонии в выборе нарядов.

— А ты выбрал очень подходящий букет, — улыбнулась я, подставляя щеку под его губы.

Кванджон ласково прикоснулся к щеке поцелуем, вызывая легкий трепет. Я сильнее, чем обычно сжала клатч и тюльпаны, когда он сложил руку, предлагая опереться на него. Вместе мы вышли к машине, которая ожидала нас.

— Ксения, — произнес он по-своему мое имя и продолжил на английском. — Мы так давно не виделись. Скучал по тебе.

С легкой улыбкой я провела по его руке, давая знак, что услышала его, но все же промолчала и не ответила взаимностью. Хотя тоже скучала, но ему не нужно этого знать.

— Я заказал столик в одном ресторане, — добавил Кванджон, не дождавшись ответа. — Ты не против средиземноморской кухни.

— Рыба, оливковое масло, зелень, — пробормотала я. — Мне нравится твой выбор.

Мы доехали до ресторана. Один из лучших в нашей столице. Кванджон помог мне выйти, и мы вместе вошли в фойе. Нас встретил метрдотель и провел за столик.

Я по привычке мельком осмотрела зал и удивленно моргнула, заметив Анатолия. Перевела взгляд на Кванджона, а затем вновь посмотрела на то место, где находился бизнес партнер, но, к сожалению, он не пропал. Анатолий сидел в другом конце зала и не обращал внимание на меня, но надолго ли.

— Ксюша, — тихо позвал меня Кванджон и взял за руку. — Ты сегодня задумчивая. Из-за работы? Или деревни?

Его пальцы переплелись с моими в прочный замок. Это действие вызвало во мне много приятных чувств, но их не достаточно, чтобы полностью отвлечь меня от дел. Если только не заставляешь себя забыть.

Глубокий вдох и медленный выдох. Я крепче взялась за мужскую руку и широко улыбнулась.

— Кванджон, все хорошо. Мы пришли сюда ужинать, а не обсуждать дела. Лучше расскажи, как поживает твоя сестра, а еще про матушку не забудь. Она очень милая женщина.

Не удержалась от сарказма в конце я, вспоминая как впервые встретилась с его матерью три месяца тому назад в Париже. Маленькая даже хрупкая женщина с вечно хмурым лицом. Она с первого взгляда провела параллель между мной и ими. Она даже не подумала стесняться и высказала свое мнение обо мне при мне же. Кванджон из-за нее еще долго испытывал стыд. Попытался подарить различными дорогими подарками или больше проводить время со мной. Но я не заинтересованна в браке, да и никогда не была, поэтому не обижалась на его мать. Вот только мои уверения не помогали.

— Дорогая, — прошептал он. — Моя матушка в хорошем состоянии. А сестра хочет еще раз встретиться с тобой. Она задумала поучаствовать в твоём конкурсе.

— Серьезно? — удивилась я. — А родители разве ей позволят?

— Ее это не волнует. К тому же у нее есть я. Брат, который поддержит.

Нам принесли наш ужин. Запеченная рыба с картофелем и салат из черри и рукколы. Я старалась больше не рассматривать зал и уделить все свое внимание Кванджону. Но периодически я кидала взгляды на другой конец ресторана, где сидел Анатолий и никто иной как Нинель. Супруга бизнесмена Воровицкого.

Нинель Воровицкая — костлявая женщина, у которой, по-моему, серьезные проблемы с булимией. Я часто замечала за ней, что она постоянно уходит в туалет после приема еды, а также отметила потрескавшуюся кожу на пальцах рук и отеки в области век. Я особо не интересовалась медициной, но в модельном бизнесе приходилось встречать и вот таких «стройняшек». Изможденные, костлявые, высохшие. Они всегда смотрели на еду, словно это амброзия, а потом сбегали в туалет, чтобы выbleваться. После чего они гордо возвращались в зал и ядовито насмеялись над здоровыми людьми, которые поправились на килограмм.

Вот еще одна причина моего нежелания впустить в дом моделей Нинель. Она ведь всех моих девочек сведет с ума издевками и нотациями, как худеть.

— Ксюша, мне приятно, что ты интересуешься моей семьей, — вдруг начал Кванджон, и мне пришлось быстро перевести взгляд. — Я счастлив, что ты со мной. Что ты настолько прекрасна, от чего моя жизнь наполняется красками. Я люблю тебя, Ксения. И я...

Он махнул кому-то позади меня, а я тем временем напряглась, услышав скрипку.

Это ведь не может быть реально, — прошептала про себя, боясь оглянуться.

У него взволнованный вид, а в глазах весь вечер мерцала надежда. Кван Чу Вон выглядел сегодня иначе, чем в прошлые наши встречи. Он заказал столик в лучшем ресторане Москвы. Он слишком рьяно ожидал моего прилета. Он словно готовился к чем-то важному. Он ведь даже подарил мне тюльпаны, а в Корее эти цветы дарятся только очень важным людям.

Это значит....

— Дорогая, Ксения, — к нам поднесли шампанское и после звучного хлопка послышалось журчание. — Я хочу, чтобы наши судьбы связались в одну единственную нить. Чтобы наше счастье объединилось. Чтобы мы вместе отправились в далекий путь до самого конца.

Он вытащил из нагрудного кармана футляр для кольца, медленно открыл его и пододвинул ко мне. Я с ужасом уставилась на мерцающий брильянт в обрамлении из изумрудов и нескольких малахитов. Я приоткрыла рот, чтобы ответить. Чтобы объяснить ему, какой он замечательный человек. Ведь он подарил идеальное кольцо специально для меня.

Но разве я достойна стать его женой? Разве он не достоин лучшей партии, которая всем сердцем любила бы его?

Я медленно протянула руку к футляру и поднесла его почти к носу, заметив надпись на ободке металла. Что-то на корейском. Не удивилась бы, если он попросил написать слова любви на помолвочном кольце. Вот только моей любви в наших отношениях никогда не было.

— Кванджон, — прошептала я, поднимая печальный взгляд на него. — Ты....

Я не успела закончить, потому что некто подошел к нашему столику и начал кричать.

— Да кто ты такая, черт тебя возьми, — заорала Нинель, стоя передо мной и размахивая руками. — Чтобы отказывать мне. Ты все равно будешь подчиняться мне. Поняла, Малахит!

Я растерянно посмотрела на истерящую женщину, а перед глазами момент из прошлого. Как мать Глеба пришла домой раньше времени и кинулась на меня. Она кричала и вырывалась из рук сына, чтобы убить меня. Или хотя бы покалечить. Истории любили иногда повторяться.

Истеричка привлекала все больше внимания к нашему столику, я же посмотрела на Анатолия. Он с наслаждением отпивал пузырящееся шампанское, поглядывая на импровизированный спектакль. Наши взгляды встретились, и его губы изогнулись в зверином оскале. Впервые этот человек показался мне опасным. Не надоедливым, как муха, а опасным, словно пушистый ядовитый тарантул. Мне показалось, что он сидел в темном угле зала и методично плел изящную паутину, чтобы после молниеносно сожрать.

Что это? Игра теней или разыгралось мое воображение из-за усталости и стресса. Ведь понадобилось только моргнуть, чтобы образ опасного Анатолия пропал. Исчез, словно его и не было. Осталась только истеричная Нинель, которую увел телохранитель ее мужа.

— Нам лучше уйти, — предложил Кванджон, и я тут же ухватилась за его предложение.

Схватила палантин и укуталась в нем. Футляр с кольцом оказался в моих руках. Я первая вышла из зала, ожидая Чу Вона в фойе. Ко мне подошел метрдотель и попросил прощение за поведение женщины. На что я только отмахнулась. Кто мог знать, что именно в этот вечер Анатолий встречался с Нинель.

— Замерзла? — уточнил Кванджон и повел меня к машине.

Мы молча ехали. Попали в небольшую пробку, но никто из нас не хотел поднимать

озвученную в ресторане тему.

Через сорок минут машина остановилась около моего подъезда. Кванджон первый вышел из салона и обошел автомобиль. Он открыл мне дверь и помог выйти.

— Ксения, — начал он.

— Прости, Кванджон, — прошептала я чуть плача. — Я не думала, что ты встречался со мной, рассчитывая на брак. Я думала, что между нами слишком много препятствий, которые отпугнуть тебя от меня. И не думала, что они тебе не покажутся серьезными.

— Ксения, ты для меня особенная.

— Но ты для меня — нет.

Кванджон на секунду отвернулся, когда по его лицу пробежала мрачная тень. Затем он с шумом выдохнул и с улыбкой повернулся ко мне.

— Я надавил на тебя?

— Скорее я обманула тебя, — протянула ему закрытый футляр, а он молча забрал. — Прости.

— Ты не виновата, что я продолжал надеяться.

Я стремительно приблизилась к нему, потянувшись к его губам. Холодные и напряженные не поддавались моему напору. Он казался каменным изваянием, а не человеком. Я уже хотела отступить, когда он крепче прижал к себя и яростно ответил на поцелуй. Кванджон словно пытался стать для меня кем-то. Хотел стать особенным этим поцелуем. Он хотел заставить мое сердце биться при упоминании всего лишь одного его имени.

Но мой трепет перед ним ничто. Однажды я уже испытывала настоящий огонь в душе. Он до сих пор имел власть надо мной. Всего лишь одно имя заставляло меня преклонить голову. Именно поэтому я должна в скором времени отпустить Кванджона. Потому что я не свободна. Потому что моя душа принадлежала другому.

— Прости, но сегодня я не позову тебя к себе, — прошептала ему в шею, и почувствовала как он кивнул.

Он еще раз сжал меня в удушающих объятиях и отпустил, чтобы сесть в машину и уехать.

Я провела пальцами по горящим губам и стерла стекающую слезу. Как я устала устраивать битвы с собственной тенью. Тенью из прошлого, которая притягивала и навевала теплые воспоминания.

Перестук каблучков по асфальту неожиданно успокаивал, а в коридоре меня остановил консьерж.

— Извините, Ксения Валерьевна, — чуть наклонив голову, проговорил старик, на бейдже которого я прочитала «Иван». — Вам письмо пришло еще в обед.

Я взяла тонкий конверт и рассмотрела его с разных сторон. Мое имя, мой адрес — отправитель не ошибся ни с чем. Адресант отправил его из южного города, где когда-то я провела целый год. Оно написано Юрьевой Любовью. Еще одним человеком из прошлого.

Я вошла в квартиру, переоделась и налила себя белого сухого вина. Вскрыла конверт специальным ножом, и оттуда выпала небольшая сложенная вдвое бумажка.

«Ксюша, не знала писать тебе или нет. Но моя мама тебе все же тетя. Почти родная кровь, хоть и дальняя. Она умерла почти год назад. Она не оставила завещание и поэтому все ее наследство делится между родственниками. И я надеялась, что тебе ничего не нужно. Ведь ты богатая и успешная. Но написать тебе мне все же пришлось».

Люба Юрьева, твоя двоюродная сестра».

Я без радостно хмыкнула. Тетя Маша умерла, а ее дочь написала мне после того, как прогорят все сроки вступления в права наследования. Даже смешно стало от ее попытки образумить и убедить, что мне не нужно чужое наследство.

Жаль, конечно, тетку, но большим сочувствием я похвастаться не могла. Точно не в отношении женщины, которая взяла меня на передержку.

Мое утро, как и всегда, ничем не отличалось от предыдущего. Я словно робот выполняла монотонные утренние действия, не задумываясь зачем. Может потому что привыкла видеть ухоженное тело в зеркале. Самый вероятный ответ.

Только в машине меня окутало какое-то странное чувство. — Предзнаменование? Будто нещадный дамоклов меч обратил наконец и в мою сторону свое карающее острие.

Уже в агентстве, когда я вошла в приемную, то в первую очередь посмотрела на новенькую секретаршу, вспомнив ее досье.

Авдеева Евгения приехала из Уфы. В родном городе она участвовала в трех-четырёх конкурсах красоты, ни разу не победив. Ее единственный самый лучший результат — попадание в десятку. В Москву она рванула десять месяцев назад. Подавала заявки во множество агентств, но безуспешно. Везде дали отказ. Месяц назад, видимо отчаявшись, она пришла к нам. Я угадала, что она вначале пробовалась к нам моделью. Только в тот момент мы не интересовались ее типажом. Да и особенных талантов на кастинге девушка не проявила. Но Евгения видимо смогла как-то растрогать Марину. Возможно жалостливым рассказом. Из-за этого Рубин взяла девушку себе в помощницы. А неделю назад моя верная секретарша попала в больницу. Другие девчонки не справлялись с нагрузкой, а Женя в этом оказалась более проворной девицей, чем я думала.

Внешне она казалась нормальной девчонкой, которая пыталась дойти до личной вершины успеха. Не мне ее судить, но все же что-то не давало мне покоя. Не приятное чувство ворочалось в глубине души, и не позволяло ей полностью довериться.

— Ксения Валерьевна, — поднялась с крутящегося стула девушка и, закусив щеку, продолжила. — Я принесла вам кофе и поставила на ваш стол. А еще я хорошенько обдумала ваши вчерашние слова.... И обязуюсь доказать вам мою верность. Я восхищалась вами, когда вы только начинали покорять Париж. До сих пор вы для меня идеал модели. Я хочу стать вами, вот только у меня нет таланта. — Она сконфуженно опустила голову, сжимая до покраснения пальцы. — Поэтому мне хватит работы на вас. В вашем агентстве.

Я всмотрелась в чуть расширенные зрачки девушки, увидев собственное отражение: недоверчивое лицо, сжатые губы, пронзительный взгляд. Почувствовав неловкость от неподдельного благоговения девчонки, я отступила. Молча кивнула и прошла в кабинет, заснув тревогу в более глубокие дали души. Нечего портить жизнь простушки только из-за личных проблем с доверием.

Что за глупые чувства. Меня ведь никто не предавал. Наоборот, это делала я. Но почему-то я до сих пор с трудом верила людям, но при этом не обдуманно доверяла некоторым личностям. Хоть начинай выщипывать волосы на голове, приговаривая «верю — не верю».

На столе замигал селектор, а нажав на кнопку из динамика вырвался взволнованный голос Евгении.

— К вам Н-никита Стафеев.

— Его можешь впускать без предупреждения, как и Марину, — посоветовала ей я, поправив кресло на котором сидела.

В кабинет вошел Никита, как всегда, с кипой бумаг наперевес. Его костюм тщательно отутюжен, а обувь ярко блестит. Он выглядел почти идеально. Только его волосы сильно взъерошены, даже хохолок приподнят на макушке, из-за частого прикосновения. Он мягко

прикрыл дверь, стремительно прошел к столу, а затем аккуратно отодвинул стул и сел.

— Ты проверила документы? — он тут же начал с дела.

— Доброе утро, — ухмыльнулась я, с наслаждением замечая его смущение и неловкость. — Продолжай, мне нравится твоя увлеченность делом.

— Извини, Ксюш. Тебе тоже доброе утро, хотя мне сложно почувствовать его. Я не спал всю ночь и перепроверял данные. У тебя ведь есть связи с органами или безопасниками.

— Для чего? — удивленно моргнула я.

— Проверить кому принадлежат некоторые счета и проверить их по базам.

— Найду, даже если нет. Дай мне список имен или счетов, что у тебя там. Я передам безопаснику.

Он положил на стол один лист с полностью забитыми цифрами, напечатанные двенадцатым размером шрифта в два столбца. Пронумерованные счета рябили в глазах, но я упрямо пробежалась по ним, а затем сложила вдвое листок и спрятала между страниц блокнота.

— Это все?

— Дальше, когда мне пришлют имена, я смогу проверить некоторую информацию, но что-то большее уже не в моей юрисдикции. Не мешает работа безопасника, следователя, а также айтишника и проверенного интригана.

Я кивала при каждом слове Никиты, но в конце непонимающе уставилась на него. Это он съюморил только что или... я чего-то не догоняла.

— Интриган? То есть?

Никита оглянулся, словно в кабинете есть кто-то еще, и наклонился ниже. Он опасливо заглянул в глаза и на полном серьезе добавил:

— Ксюша, в твоём агентстве работает целая система. Хорошо отлаженная и проверенная. Бумаги с явными следами не попадают ни мне, ни Марине, ни верным тебе людям. Но кто из них кто, я не могу сказать. Их придется выкуривать, как крыс с корабля. Поэтому нам нужен интриган, который сможет запустить механизм выкуривателя.

Я в шоке откинулась на стул и постучала по столу. Марину нельзя посвящать в дело. Она начнет искать врага чересчур открыто. А Никита слишком искренний, и не сумеет соврать в случае чего.

— Как думаешь, как давно появилась отработанная схема? — устало провела по лбу, не касаясь накрашенных глаз.

— Года два, не меньше. Слишком все чисто, — с сочувствием ответил Никита.

В ярости сжала зубы, чтобы не заорать от отчаяния. Но прошлое не изменить, как бы никто не старался. К тому же кроме ярости во мне поднялось нечто похожее на облегчение. Ануш никогда не узнает о том, что наше агентство стало для кого-то ширмой.

— Ксения Валерьевна, — прозвучало из селектора тихий голос секретарши. — У вас онлайн встреча с Реми Бонне через десять минут. Мне уже прислали сообщение от секретаря, что они готовы войти в эфир.

Нажала на кнопку и поблагодарила девушку.

— Никита, я поняла. Продолжай работу, но будь осторожен. Хорошо?

Он кивнул и встал, но в какой-то момент финансист замер, словно его озарило важной идеей.

— Ксюша, а вдруг год тому назад Ануш не просто умерла? Вдруг она тоже узнала или поняла, что агентство стало ширмой. Вдруг ее смерть не была случайной?

Я, не поднимая взгляда, махнула финансисту рукой, чтобы он проваливался из кабинета. Сама же, как дверь закрылась, метнулась к бару и налила себе коньяк. До онлайн встречи оставались считанные минуты, но мне нужна эта секунда, чтобы выкинуть тревогу из сердца и волнение. А что если Никита прав? А что если... А что...

Столько бессмысленных вопросов, которые наполнены эмоциями, а не фактами. Значит мне нужно найти факты, чтобы ответить на все застрявшие в голове вопросы.

С резким замахом я отправила в глотку остатки напитка и вернулась за рабочий стол. При помощи зеркала поправила прическу и макияж, и только после этого нажала на кнопку принятия вызова.

— Bonjour, chère Xenia. Je suis heureux de travailler à nouveau avec vous*, — полилась из динамика мягкая чуть вибрирующая речь француза.

Вдох-выдох, после чего я растянула губы в очаровательной улыбке и почти без акцента заговорила на французском.

Следующий час я провела в обсуждениях деталей конкурса и того участия, которое хотели принять французы. Они заинтересованны в русских моделях, а также в некоторых работах наших фотографов. Когда-то мои снимки от Вениамина Лессовского взорвали Париж. Они висели буквально везде. Из-за чего метру Лессовскому пришлось провести еще одну фотосессию со мной и даже устроить выставку в европейских городах.

Рене хотел повторить тот успех, поэтому мое предложение о конкурсе его захватило. Оставались только некоторые детали и составление графика работы. Следующая наша встреча с Рене скорей всего состоится уже в Москве на открытии мероприятия.

— И вот еще один момент, — вдруг взмахнул рукой месье Бонне и, зачитав с бумаги имя, уточнил. — Кто такой А-на-то-лий Хру-ста-лев-ский?

— А что с ним такое? — напряглась я, сжимая в руках карандаш.

— Он написал моему ассистенту об изменениях условий. Причем на такие, которые ни одного нормального бизнесмена не интересуют. У него действительно есть власть?

Карандаш с громким треском сломался в руках, тихо выдохнула и с напряженной улыбкой ответила французу.

— Он супруг моего погибшего партнера Ануш Бахтамян. У него есть доля агентства, то что досталось ему в наследство, но власть у него номинальная. Если вас беспокоит, то я... — (Займусь им/уберу/уничтожу/закопаю в ближайшей могиле) в голове промелькнули возможные варианты ответа, но пришлось ответить ему более правильно и корректно. — Поговорю с ним, чтобы устранить проблемы.

— Было бы неплохо, — согласился француз. — Я то верю вам, Ксения, потому что знаком лично. Но возможно найдутся те, кто поверит мужчине больше, чем женщине.

На этих словах Рене Бонне отключился, а я с отчаянием посмотрела на бар. Как же хотелось выпить еще, но работы предстояло много. Даже больше, чем я думала. Придется записать целый список вопросов, которые необходимо проверить с безопасником. Неужели придется еще и детектива нанять, чтобы он тихо расследовал преступление? А еще конкурс на носу и возможный взлом моего сайта.

На телефон пришло сообщение от Кванджона.

«Может поужинаем с тобой сегодня? Сразу после работы».

«Я только за. Тебя ждать в шесть у агентства?».

«Да. До скорого».

Остальные часы пролетели. На обед я не ходила, но секретарша принесла заказанный

салат из соседнего ресторана. Ближе к шести я выключила всю технику и сложила бумаги в сумку. Проверила наличие списка со счетами между листами блокнота и аккуратно положила его на глубину сумки.

Затем я вышла в приемную, где Женя тоже собиралась.

— Ой, я не спрашивала. Но мне уже можно домой?

Подобострастие в голосе все же иногда подкупало. Даже больше откровенной лести. И хоть смысл в этих словах примерно одинаковый. ЧСВ внутри жалко гордилось от такого отношения.

— Да, конечно. Иди, Женя.

Она смущенно улыбнулась и, крепко прижимая сумку к боку, постаралась поскорее скрыть с моих глаз.

— Ты еще тут, — вынырнул из ниоткуда Денис, дерзко ухмыляясь. — Разговор есть.

— Ден, ты раньше меньше губами двигал, что сейчас произошло? Откуда эти ухмылки, — подколола его я, но фотограф только больше этому обрадовался.

— Заметила, да? Хочу больше улыбаться людям. А то многие думают, что я мрачный тип.

— А-а, — понимающе протянула я. На сколько я помнила, так выразилась Марина, когда впервые встретилась с Денисом на съемке. — Вот только ухмылка — это не улыбка. Когда человек улыбается, то другим становится от этого спокойно. А от ухмылки люди больше напрягаются.

— Вот же, — прищелкнул Денис и мрачно замолчал. — А я думал, почему модели стали лучше работать. Они меня что ли боятся?

Не отвечая на вопрос, я хмыкнула, от чего друг поменялся в лице и горестно опустил голову.

— Подумай об этом на досуге. Ты чего-то хотел?

— Я? — не понял Денис вопроса, но потом ахнул и пробормотал. — Скоро намечается встреча выпускников. Мне прислали ссылку на приглашение. Вот подумал спросить. Ты поедешь туда? Кстати Маркову тоже нужно спросить.

— А ты сам хочешь поехать? — напряглась я от нахлынувших воспоминаний. — Хочешь встретиться с людьми, с которыми почти не общался?

— Честно? Не особо. Но двое Бельковых и жены обоих близнецов наши одноклассники. И все они жутко приставучие. Особенно, когда узнали, что я работаю с тобой и часто вижу Маркова.

— Матвей ведь друг близнецов, — вспомнила неожиданно я.

— Но посылает он спокойно всех, — ухмыльнулся Ден.

— Я не хочу идти на встречу выпускников, — заикнулась я, когда к нам приблизилась Марина.

— По какому поводу вы шепчетесь, — подозрительно уставилась на нас Рубин.

Она сощуренным взглядом смотрелась в наши лица, словно мы преступники и попали на допрос. Нет, я иногда замечала ревность в глазах подруги, но чтобы до такой степени. Неужели пока меня не было эти двое сблизились и из-за этого их отношения еще больше усложнились.

— Предлагал Ксюше пойти на встречу, — подмигнул девушке Ден. — Ты не приглашена.

— Что-о! — ахнула Марина и ее рука стремительно полетела в бок фотографа. —

Почему?

Денис что-то ей ответил и тут же за это получил. Они продолжали бороться, словно им шестнадцать. Может я чего-то не понимала или вот так работала влюбленность, меняя людей. Они громко ссорились и получали от этого удовольствие. Мне же время напомнило, что я скоро могу опоздать. Поэтому ...

— Нас пригласили на встречу выпускников. Ты ведь не забыла, что я, Яров и Марков были одноклассниками.

Марина пристыжено опустила руку и злобно зыркнула на Дениса, от чего тот расплылся в улыбке. И зачем ему учиться улыбаться, если он способен дарить улыбки только Марине.

— Ой, а я чего-то разозлилась, — пробормотала она, местами краснея. — Я хотела предупредить, что завтра спец приезжает в десять. И тебе нужно будет с ним встретиться и обсудить контракт, а также особенное дело.

— Хорошо, завтра напомни мне о нем. А сейчас меня ждет Кванджон.

— Ты там отдохни, — крикнула напоследок Марина, когда двери лифта закрывались.

Кван Чу Вон стоял около машины с маленьким букетом. Раньше он нечасто дарил мне цветы. Это немного настораживало, в то же время радовало. Он притянул меня в объятия и поцеловал в щеку. Словно не он вчера делал предложения, и не он тут же получил отказ. Словно вчерашний день мне померещился. Кванджон галантно открыл дверь и помог мне сесть, а после обошел темно-синий полуспортивный автомобиль.

— Ты бронировал столик?

— Нет, — глянул на меня мужчина и завел машину. Он с легкостью влился в поток и, кинув на меня быстрый взгляд, уточнил. — Есть предложения?

— Поехали ко мне. Закажем ужин доставкой и проведем этот вечер вместе, — с намеком добавила я.

— Ксения, это идеально, — он резко развернулся и нажал на газ. — Я хотел предупредить тебя. Мне нужно уехать в Сеул на две недели.

— Тогда..., — положила руку ему на бедро, чуть сжимая. — Нам точно лучше провести этот вечер наедине. Только ты и я.

Мы достаточно быстро добрались до моей квартиры. Я попросила консьержа заказать ужин и принести его ко мне. А в квартире....

Едва только дверь за нами закрылась Кванджон мягко, но настойчиво притянул меня к себе. Его губы напали на мои, и на секунду я утонула. Забывая о проблемах, о возможных интригах в агентстве, обо всем. Вспоминая, что я человек, что я женщина, которая тоже нуждалась в тепле.

*Здравствуйтесь, дорогая Ксения. Я рад снова работать с вами (с фр.).

Временно я превратилась в старшеклассницу, которая с непосредственной улыбкой шагала по улице, размахивая ранцем. Только вместо ранца — брендовая сумка, а на ногах высокие каблуки. Но все же я произвела фурор в агентстве, когда утром пришла на работу, широко улыбаясь каждому встречному.

В приемной Евгения сидела, перепечатывая рукописный текст с бумаги, но иногда ей приходилось сбавлять темп, чтобы удалить лишние буквы. Она не сразу заметила меня и от этого сильнее сконфузилась. Я кивнула ей, вместо приветствия, и прошла к себе. Под нос мурлыча знакомый мотив популярной песни, я упала на кресло, раскинув руки, и с довольной улыбкой осмотрела рабочее место.

Теперь в моих силах завоевать мир. Вроде бы. Самую малость.

Оказалось человеку немного нужно. Даже эмоциональная усталость не устояла от напора всего лишь капельки ласковой нежности и чуть приторной заботы.

Нажала на кнопку селектора и попросила принести чашку крепкого кофе и стакан воды без газа. Спустя пару минут Женя переступила порог и осторожно поставила поднос на край стола.

— Вы сегодня в хорошем настроении, — заметила она, расставляя блюдце с чашкой и стакан около меня.

— А что это так заметно? — задорно подмигнула ей, вдыхая терпкий кофейный аромат. — Что у нас сегодня? Много работы?

— Рутина.

— Отлично, — улыбнулась я и взяла горячую чашку в руки, слегка обжигая пальцы. — А то я немного не в форме.

Женя мягко засмеялась, но, заметив мой потяжелевший взгляд, попыталась скрыть смех в кулак.

— Извините, — прошептала она, но я от нее отмахнулась, надеясь, что она тут же покинет кабинет. — Вы оказались правы.

Неожиданно она прервала мои размышления. Евгения выпрямилась и даже упрямо поджала губы, словно решила вызвать меня на бой. Я усмехнулась этой мысли и обратила все внимание на девушку, которую еще плохо знала.

— Анатолий вчера связался со мной. И он... пригласил меня на свидание, — я тут же открыла рот, чтобы повторить факты бесполезности Хрусталева в модельном бизнесе, но она энергично замахала руками. — Я помню наш вчерашний разговор. И я не собираюсь вас предавать. Ни в коем случае! — Повторила она, вздохнула и продолжила. — Но разве не удобнее, если я притворюсь согласной с ним. Возможно мне удастся втереться ему в доверие или же узнать его план. А возможно вообще отдать нужные ему бумаги, но с неправильной информацией. Как вам идея?

Она приподняла брови и напряженно растянула губ, словно боялась и сомневалась одновременно пришедшей на ум идее. Или она опасалась моей реакции на высказанное предложение.

— Хорошая идея, — пробормотала я, но сама тем временем задумалась о другом.

Уж слишком уверенно она говорила о подставе. Неужели она не впервые делает то, что предложила? Или она готова на все, чтобы работать со мной? Или я просто придиралась к

молодой девчонке, которая пересмотрела кино и желала помочь кумиру.

— Даже очень, но не делай того..., — на секунду я запнулась и опустила голову, чтобы подобрать нужные слова. Даже самая обычная крыса в опасной ситуации кидалась на врага, а на что способен Анатолий никто не знал. Не хотелось бы, чтобы девчонка пострадала по глупости. — Не попадай в неприятности. Хорошо?

Я посмотрела на Женю и шокировано отшатнулась от нее. Маленькая чашка с эспрессо выпала из рук и с глухим стуком рухнула на ковролин, выплескивая напиток темным пятном. Терпкий запах окружил меня, но я продолжала смотреть на секретаршу. Ее острый взгляд напоминал наточенный кинжал, которым она кромсала меня. Мне даже показалось, что она выдумывала пытки для меня, уместившись в жалкую секунду.

Затем Женя моргнула, и мираж исчез. Она участливо подскочила ко мне, чтобы вытереть черную лужу, а я не могла шелохнуться. Словно я превратилась в камень от взгляда юной Горгоны.

Что это было? Реальность или мираж?

— Вызову клининг, чтобы убрались тут. Хорошо? — Она подняла ясный взгляд и с чуть луковой улыбкой позвала. — Ксения?

— Да-да, мне как раз..., — растопырила пальцы над столешницей в поисках оправдания заторможенного состояния и с облегчением вздохнула, когда услышала из сумки звуки рингтона. — Мне звонят. Позови клининг и побыстрее.

Женя ушла, а я вытащила телефон дрожащими руками и провела по экрану, чтобы принять вызов. Я находилась на грани, что была рада любому голосу, даже с предложением какой-нибудь ненужной покупки. Купила бы все — без расспросов.

— Алло?

«Ксения» — с корейским акцентом произнес мое имя Кванджон. — «Я через час улетаю, но, когда вернусь в Россию, хочу обговорить свое предложение еще раз. Пожалуйста, Ксения, подумай о нем. Возможно любовь придет к тебе позже, и мы сумеем построить наше счастье».

— Хорошо, подумаю, — прокряхтела я, вставая.

В кабинет со стуком вошла миловидная женщина в форме клининга с желтой махровой тряпкой и красным закрытым ведром. Она внимательно оглядела помещение, ища место происшествие, и остановила взгляд на мне. Мне пришлось пальцем указать на пятно и выйти, чтобы не мешать.

«Ксения?»

— Да, Кванджон. Я тщательно подумаю о твоём предложении. Когда ты приедешь, мы с тобой еще раз поговорим об этом. Удачной поездки, — прошептала я.

— Откуда ты? — послышался голос Дениса из коридора, когда я заблокировала экран телефона. — Подожди ты и есть тот самый мастер? Вот это да...

Я повернулась к секретарше, желая перепроверить увиденное. Но Евгения невозмутимо печатала на компьютере и не обращала на меня внимание. В эту секунду мне даже померещилась мысль, что сама сошла с ума.

В телефоне появилось уведомление от начальника безопасности Матвея. Он получил вчера фотографии счетов и приступил к поиску информации. В ответ я попросила его, чтобы он сегодня проследил за моей секретаршей Авдеевой. Ее данные я ему отправляла для проверки прошлого. Также прояснила, что у нее свидание с моим ненадежным партнером. Начбез без раздумий ответил согласием. Он будет ждать девушку у выхода агентства и затем

проследит до ее дома.

— Проблемы? — учтиво спросила Евгения.

— Никаких, — улыбнулась ей и прошла к выходу приемной. — Пойду проверю, кого не ожидал увидеть Денис.

Вышла в коридор, направляясь в сторону комнаты отдыха, откуда слышались голоса Дениса и Марины. Фотограф что-то рассказывал, прерываясь иногда на смех, а Рубин злобно шипела комментарии. Видимо шутка была про нее.

Я уверенно шла по коридору собственного агентства. Даже если мои чувства немного растрепанны и находились в беспорядке. Возможно кто-то рядом плел вокруг меня паучью паутину.

Но я камень, — сжала сильнее кулаки. — И я не сдамся быстро.

Я рывком открыла матовую дверь и замерла на пороге. Денис с Мариной стояли ко мне спиной и вновь сочно переругивались. Но меня заинтересовали не они, а тот, кто стоял перед ними.

Я не могла отвести взгляда. Он словно приклеился и теперь оторвать его можно только с корнем. Ведь передо мной стояла более мужественная, более взрослая версия Глеба. Но он не перестал быть притягательным для меня.

Он чуть смущенно улыбался, когда слушал рассказы Дениса и ворчание Марины, но затем замер. Он поднял голову, словно почувствовал мое присутствие, и мир вновь исчез.

С нашей первой встречи ничего не изменилось. Мир отказывался подчиняться нашему притяжению. Он сразу отправлялся в путешествие, оставляя лишь нас. Но кое-что все же изменилось. Время не стояло на месте, а прошлое не исчезло за столько лет. Как и мой нехороший поступок.

— Ксюша...., — исступленно проговорил Глеб и даже протянул руку.

Я молча отвела взгляд. А затем постыдно сбежала из комнаты отдыха, спустилась по лестнице и вон выбежала из агентства. Оказалось мне не под силу смотреть ему в глаза. По крайней мере пока не под силу.

Для чего Глеб снова появился на моем пути?

В эмоциональном мироощущении он остался для меня особенным. Всю ночь мне снились его серые глаза и мерцающие солнечные блики в них. За прошедшие годы его плечи стали шире и крепче. А еще даже с того расстояния, с которого я рассматривала Глеба, заметен его поджарый торс, скрытый под рубашкой.

Ведь уже в те года я предполагала, что он станет потрясающим мужчиной, как и внешней, так и внутренне. Он скорее всего до сих пор порядочный, честный и сильный человек, который восхищал. Но, чтоб мне провалиться, одно дело предполагать, а совсем другое убедиться в старых предположениях спустя годы тоски по нему.

Сколько лет я прокручивала события прошлого. Представляла, как мы общались в школе или во время прогулки. А еще я выдумывала другую ветвь событий, в которой поступала иначе. Мне сложно вспомнить ни единого денечка в кочевой модельной жизни, где я бы не думала о нем или о нас.

А сколько раз мне казалось, что я видела его. Знакомая футболка или очертания фигуры заставляли мое сердце волнительно трепетать с надеждой, что сейчас, именно сейчас смогу увидеть его. Но каждый раз я обманывалась и испытывала опустошающее разочарования. Я подбегала к незнакомцу, а затем рассерженная на саму себя уходила прочь. Потому что на меня глядели не знакомые серые глаза с крапинками любви и заботы, а незнакомые, которые пылали похотью или восхищением общей поверхностной красоты.

Я столько раз плакала, скрывшись ото всех в ванной. Ведь в который раз велась на собственную иллюзию и начинала надеяться, а после убивалась от ее разрушения под ядрами реальности.

И вот снова. Мой Глеб стоял в комнате отдыха модельного агентства. Он смотрел прямо на меня. В его взгляде заметны узнавание, восторг, а еще нежность, которая не должна быть. Ведь он должен смотреть на меня с яростной болью, с безнадежной жестокостью. Именно так, чтобы я осталась антигероиней в его жизненной истории, которую он ненавидел много лет. Тогда я смогу пережить нашу встречу и остаться холодной и равнодушной. Ведь он не может по-прежнему быть добрым ко мне, в то время как я снова и снова буду предавать его.

Я открыла глаза, упираясь взглядом в потолок. Темнота ночи окутала комнату, и только свет ночника чуть разбавлял ее из дальнего угла. Я судорожно схватила край одеяла и откинула прочь от себя, затем приподнялась на локтях, чувствуя липкий пот на теле, и глубоко задумалась.

Это сон или игра воображения?

Что мне приснилось, а что я видела в действительности?

Про себя я по порядку начала перечислять события прошлого дня. Ночь с Кванджоном. Утро в агентстве. Звонок Кванджона. Голос Дениса. А потом...

Глеб... Глеб... Глеб...

Его имя зазвучало эхом в голове, ускоряя вереницу прошедших событий. Мне захотелось вытеснить голоса, которые выкрикивали имя и которые напоминали мне о некогда поутихшей тоске. Но в след за всем этим проснулась мерзкая вина, протухшая, словно рыба забытая в мусоре.

Телефон безостановочно мигал из-за непрочитанных сообщений. Вчера, когда

прибежала домой, я, не раздеваясь, рухнула в кровать и отключилась от мира. Я поступила так глупо; сбежала как маленькая от собственноручно созданных проблем. Неужели я настолько наивная, раз надеялась, что у меня есть шанс сбежать от них.

Прошлое всегда настигнет провинившегося отступника. Оно нападет и выстрелит пулями нерешенных проблем. Они как раз любят попадать в цель тогда, когда ты счастлив и готов начать новый путь.

Я просмотрела все сообщения, и все они пришли от Марины. От спокойных: «Где ты?», до истеричных: «Совсем чокнулась так убежать от спеца!».

Значит мне не померещилось. И этот парень не был всего лишь копией Глеба. Это действительно он, мой Глеб. Нет, не мой. Давно уже не мой.

Три часа ночи. Я одна в огромной квартире. Жуть подкралась неожиданно, но с ней бороться легко. Всего-то нужно включить главный свет. В шкафу на самой верхней полке я нашла потрескавшийся от частых перелетов чемодан, а в нем потускневший и помятый блокнот. В него я когда-то излила все свои чувства Глебу и спрятала вместе с нашими фотографиями.

Не выдержав, я закричала и швырнула блокнот подальше от себя. Фото и некоторые вырванные листки выскочили из него, и в свободном бумажном полете опустились на пол. В то время как сам блокнот отскочил от стены и глухо рухнул.

Ненавижу. Ненавижу себя, свое сердце и испытанные чувства.

Моя ненависть так велика, что она резко перекинулась на других. На Глеба, что когда-то появился в моей жизни. На Марину, которая вернула его. На агентство и на человека, что подставлял меня. На весь мир. На всех людей.

— Не-на-ви-жу..., — прошипела я, а боль в сердце дала течь.

Горькие слезы потекли по щекам, а всхлипы сорвались с сухих губ.

— А-а, — простонала я, качаясь всем телом и обнимая себя руками.

Как же больно в груди. Как же хотелось вырвать собственное сердце, чтобы оно перестало болеть; чтобы чувство вины исчезло; чтобы я обрела истинную свободу.

Я хотела летать. Всегда об этом мечтала. Но никто не предупреждал, что ради этого придется падать. Часто. Больно. Сильно.

Я взлетела и снова упала.

НО.

Хватало ли у меня сил взлететь?

Я упала на пол и без устали смотрела в потолок. Следила как через окно проскользнули предрассветные сумерки, а затем проскочили первые лучики солнца. Я чуть повернулась, и теперь у меня появилась возможность следить за самим рассветом, а не за его тенями.

Оно такое безмятежное, умиротворенное и невозмутимое. Солнцу наплевать, смотрят на него или нет. Ждали его или нет. Хотели его или нет. У него свой путь, с которого оно не собьется, и ему глубоко наплевать, если кому-то его лучи мешали.

Люди не такие. Им всегда кто-то может помешать. Им всегда важно, чтобы на них смотрели или ждали. Мы такие зависимые. Наша свобода эфемерна и придумана философами. Она — не доказанная теория.

Неужели я отдала всю свою жизнь идее? Мечте? Чему-то, что не может быть реальностью. Или, правильной сказать, иллюзии.

Я встала. Мне пришлось встать. Затем я занялась обычными делами и пришла в агентство. Еще ранее утро и никого нет. Только я и моя тень. В кабинете я нашла сумку,

которую вчера забыла. Вчерашний день вновь хотел ворваться в мои мысли, но я запретила — думать об этом, а тем более страдать. Включив компьютер, я приступила к работе, запланированную еще вчера.

— Вот это да, — зашла без стука Марина и поглядела на наручные часы. — Обычно я открываю агентство. Почему не отвечала?

Мельком посмотрела на циферблат в правом углу экрана компьютера. Прошло два часа. Живот противно заурчал, но я его проигнорировала.

— Может позавтракаем? — предложила Марина и присела на край стола. — Ты выглядишь несколько изможденной и голодной.

— Не всем же цвести и пахнуть, — буркнула я и закрыла файл. — Зачем пришла?

— Какие мы буки, — проворчала Рубин и положила на стол бумаги. — Вчера наш спец провел первичный осмотр и вот отчет. Наши сисадмины от него в восторге. Вежливый, контактный и очень профессиональный. За пять минут разобрал проблему на кусочки. Так что советую подписать с ним долгосрочный контракт.

— Подписывай, — кивнула я, читая отчет.

Глеб действительно разложил всю проблему так, что даже мне понятно. Сотрудничество с ним гарантировало мне, что проблема с сайтом разрешится в ближайшие дни. Мое агентство будет с ним работать, и плевать, что от этого мне не по себе.

Бесстрастно посмотрела на подругу, но все же наткнулась на внимательный, даже чуть сощуренный, подозрительный взгляд. Она сложила руки на груди и, приподняв бровь, уставилась на меня.

— Ты чего? — удивилась я, чувствуя как недавно удобное кресло стало колючим и кривым.

— Кто он? — прямо спросила она.

Я громко хмыкнула, имитируя равнодушие и непонимание. Мне не хотелось рассказывать Марине даже часть испытанных переживаний, а тем более подробности. Но ее вид говорил об обратном. Ее не провели мои жалкие попытки отмазаться, и вряд ли я откуплюсь поверхностным рассказом. Нет, она жаждала услышать всю историю с мелкими деталями и нецензурными вставками.

— Хотя можешь не говорить, — вдруг воскликнула Марина и выставила руки. — Твоя сумасшедшая реакция, раз. — Загнула указательный палец. — Денис его назвал одноклассником, а это значит и твой тоже, два. Глеб был шокирован не меньше тебя, три. Он с юга, где у тебя случилась первая любовь морковь, четыре. Ты ведь мне однажды говорила, как его зовут? — Задумалась она, почесывая щеку. — Глеб? Глеб. Глеб! Так это он? — Выкрикнула она и наставила на меня палец.

— Марина....

— Капец, я привела в агентство твою первую... И раз я не видела никого в кого ты влюблялась после. Даже Кванджон и Матвей не смогли пробить в тебе стену. Значит единственную любовь. Офигеть! Да я почти Купидон. С таким же мерзким характером и с такими же пухлыми боками, — провела она по выпирающим бедрам.

— Марина, — взвыла я. — Хватит о Глебе.

— Ухожу, — вдруг соскочила она, подхватывая отчет. — Пойду делать контракт для него. Потому что я хочу посмотреть, что победит: старые чувства или свежая страсть.

Марина чуть не подпрыгивая выбежала из кабинета. Я же смогла только устало провести по лбу и напряжено выдохнуть. Как же это бесит.

От переживаний меня отвлекло уведомление от начальника безопасности.

«Встретимся в кафе в двух кварталах от вас. Будьте там через час»

Самое время. Мне срочно надо передохнуть.

Собрала выложенные вещи и вышла в приемную, где давно сидела Евгения. Она подскочила при виде меня и суматошно начала наводить порядок на столе.

— Я ухожу завтракать, — предупредила я. — Если будет что-нибудь важное, позвони.

— Хорошо, — кивнула Женя и открыла рот, когда я уже собралась выходить. — Ксения Вал...

— Что такое? — вернулась я и недовольно передернула плечами.

— Мое свидание с Анатолием. Прошло нормально. Вы были правы, он пытался убедить меня в том, что вся власть у него. И что с его помощью я стану топ-моделью.

— Что-нибудь важное? — нахмурилась я.

— Вроде бы ничего, — Женя задумчиво прикусила губу и отвела взгляд. — Но он пригласил меня на еще одно свидание. Оно состоится через три дня. Возможно тогда будут новости.

— Отлично, — улыбнулась я и поторопилась выйти из агентства.

Скоро начнется смена Глеба, а я не готова снова встретить его.

До кафе я добралась пешком. Выпустив сытых гостей, я зашла, выбрала столик у окна и заказала плотный завтрак. Безопасник должен прийти не скоро, а я как раз могу успеть нормально поесть и отдохнуть от суеты.

Ожидая заказ, я рассматривала улицу. Пешеходы шли на работу. Кто-то быстро, кто-то размеренно. Но все они спешили по делам, и это забавляло.

Я ведь сама ежедневно бегала по улицам города, не замечая светящегося солнца и его согревающее лучи. Обошло внимание и то, как весна плавно обратилась в лето. Я пропустила так много, и вновь жалела об этом.

Вдруг на другой стороне улицы я заметила знакомое лицо. Я не могла вспомнить имя, но я точно знала, что знакома с ней. Светлые длинные волосы, аристократичные черты лица, гордость во взгляде и в изящных движениях рук.

Она казалась знакомой незнакомкой. Потому что она навевала что-то неуловимо знакомое и в то же время далекое из-за давности лет.

Девушка степенно шла по тротуару, и мне показалось важным узнать куда. Возможно в ближайший бизнес-центр, вход которого прямо напротив окон кафе. Или в бутик нижнего белья. Или она сядет в такси. Или, самое мало вероятное, спустится в метро?

Почему-то мой взгляд неуловимо тянулся за незнакомкой. Она уверено обходила прохожих, не желая прикасаться к чужим телам, а они все без исключения оборачивались в след за ней. И девушка знала это. Она знала, как влияет на людей, и испытывала удовольствие от владеящей власти. Она скрывала свое наслаждение, но я то видела его. Потому что она чем-то похожа на меня. Имя знакомой незнакомки скользило на кончике языка и тут же соскальзывало, когда я пыталась его произнести.

Ее имя...

— Вы уже тут. Похвально. Меня зовут Валентин Яковлевич. И я начальник безопасности у Маркова Матвея Васильевича, — я кинула взгляд на появившегося мужчину лет пятидесяти. Он среднего роста, но при этом с выпирающей мускулатурой. Он оделся в обычные синие джинсы и футболку, которая не скрывала загорелое накаченное тело, и его, кстати, крайне сложно назвать старым. Я снова повернулась к окну, чтобы проследить за

девушкой, но она успела исчезнуть с улицы. — Вы ведь Ксения Малахова?

— Да, — я откашлялась и посмотрела на мужчину. — Вы рано.

— Как и вы. Давайте сразу к делу. Мои ребята проследили за девушкой. Вот фотографии.

Валентин Яковлевич положил белый конверт и пододвинул ко мне. Я, оглядываясь по сторонам, открыла его и достала снимки. На них Евгения в красивом сиреневом платье без бретелек и Анатолий в костюме в клетку. Оба смеялись и пили шампанское из тонких фужеров, флиртуя глазами. Обычное свидание.

— О чем они говорили? Вы знаете?

— И да, и нет. Мы не смогли пройти в ресторан, там запись на месяц вперед. Аппаратура сквозила, но это из-за ресторана. Я когда-то работал у его владельца. Он тот еще подозрительный тип, поэтому в каждом его ресторане работают глушилки. В машине и на прогулке их разговоры были не о чем. Говорили о себе, немного судачили о вас. Много говорили о будущем девушки. Точнее мужчина вешал ей лапшу на уши.

— Хорошо, — сложила фотографии обратно. — А что по счетам?

— Завтра пришлю вам файл. Нужно перепроверить данные. Это все?

— К сожалению, нет, — вздохнула я. — Кто-то последние два года прикрывался моим агентством. Возможно отмывали деньги, возможно что-то еще. Мой финансист нашел дыру и сейчас начнет искать доказательства. Но мне нужно проверить людей, которые работают на меня, если не каждого, то многих.

— Я не детектив, — предупредил безопасник чуть нахмурившись. — Я могу только выполнять мелкие поручения, а не расследовать преступление.

— А у вас есть знакомые, которые смогут этим заняться? Если понадобится, то я смогу устроить его у себя. Мой деловой партнер, — я ткнула в конверт и добавила. — Который встречался с моей секретаршей. Он предлагал мне недавно сделать из моего агентства — сутенерство, а моих девочек отправить в эскорт. Возможно это связано, точно сказать не могу. Но он впервые об этом заговорил, и я обеспокоена.

Мужчина внимательно осмотрел мое лицо, детально изучил мою позу и только спустя пару минут неохотно кивнул.

— Хорошо. У меня есть знакомые в нужных местах, кому будет интересно о вас узнать.

— Ух, спасибо, — обрадовалась я.

— Не нужно. Я предан Матвею Васильевичу, а он вами дорожит. Поэтому я не могу отказать вам, — в этот момент подошла официантка, чтобы поставить мой заказ. Валентин Яковлевич встал и добавил: — Всего доброго, Ксения.

Затем он вышел, ни разу не оглянувшись. Я же неохотно приступила к позднему завтраку, потеряв всякий аппетит.

В агентство я вернулась словно воришка мелкой руки. Прижималась к стенам, оглядывалась по сторонам, выглядывала из-за угла. Мне было противно думать, что кто-нибудь увидит меня такой: шуганной и озирающейся. Хотя кому я врала.... Ведь я вела себя так, чтобы меня не заметил один конкретный человек.

Из-за всего пережитого в кабинете у меня разболелась голова. Обезболивающее временно помогло, но лучше от этого не стало. При этом я настырно продолжала работать, пытаясь игнорировать пульсирующую боль в висках.

В какой-то момент я поняла. Это конец. Не в моих силах терпеть мигрень до окончания рабочего дня. Лучше вернуться домой и продолжить там разработку конкурса. Заодно все важные документы останутся в сохранности домашнего сейфа. А также меньше шансов столкнуться с Глебом.

Последний довод заставил увериться в правильности решения. Я тут же приступила к сборам, чтобы не начать рефлексировать на тему «трусливого побега из собственного агентства». Но двойной стук в дверь неожиданно спас меня от начинающегося саморазрушения.

В дверном проеме кабинета появился темноволосый мужчина с дерзкими черными глазами. Матвей с шальной улыбкой вошел, не забыв закрыть за собой дверь, и приблизился к столу.

— Ты чего такая полумертвая? — он упал в кресло для посетителей и положил щиколотку одной ноги на колено другой, а затем внимательнее всмотрелся в мое лицо. — Проблемы с Анатолием?

Помрачнев при упоминании этого имени, я отложила собранную сумку и откинулась на спинку кресла.

Вот же хрустальная заноза хрустелевской задницы.

Интересно сколько он хотел поиметь от сотрудничества с Нинель и внедрения эскорта в мое агентство. А если он еще и воровал тут? И именно он стоял за дырами в финотчетах. Неужели он обворожил кого-то из бухгалтерии? Хотя... разве способен Анатолий претворить незаконную деятельность и не испугаться наказания? Все же я сомневалась в его способностях махинатора и преступного гения.

— Ксюха, — заволновался друг, про которого я забыла. — Если все так плохо, давай я выкуплю его долю. Я найду точки влияния на него. Если не смогу, то в крайнем случае подключим Квана. У него денег то побольше будет.

— Я думаю, скоро проблема с Анатолием решится, — ответила ему и замялась, не желая раскрывать детали, а также признаваться, что у меня больше болела голова из-за другого сверкающего. — Матвей...

— Ксюха, — он спустил ногу на пол и уселся на край кресла. — Ты ведь помнишь, что мне ты можешь рассказать все. Даже если в аффекте прибьешь кого-то, то я всегда помогу спрятать тело и сделать нам на двоих алиби.

Я благодарно улыбнулась, но трусливо смолчала. Высказать вслух свой страх, значит признать его. Но мое подсознание нагло прошептало, что я боялась Глеба. Даже не его самого, а то как он влиял на меня, даже не осознавая своей власти.

Хотя мне было достаточно сказать Матвею, что Глеб подписал с агентством контракт, и

мой друг сразу бы понял все. Так просто, но произнести даже такую малость оказалось сложно.

Поэтому я на выдохе проговорила:

— Давай выпьем чего-нибудь. Хочу уйти пораньше.

— Без проблем, — Матвей явно удивился моей просьбе, но не подал вида.

Про свой уход я предупредила только Марину. На что подруга прислала анимированный смайлик зайца.

С чем полностью согласна.

Я выключила компьютер, собрала важные бумаги для домашнего сейфа, сложив их в папку-портфель, и схватила сумку. Мы вышли в приемную, где я попрощалась с Евгенией и предупредила, что сегодня больше не вернусь.

В коридоре я панически оглядывалась на любой шорох. Матвей сначала с недоумением поглядывал по сторонам, надеясь увидеть что-то опасное, но затем озадаченно нахмурился. Он первый подошел к лифтовому холлу и нажал кнопку вызова. Я же продолжала оглядывать коридор, который оставался пустым, что большая редкость в послеобеденное время, но от этого мне спокойнее не становилось.

Вдруг мне послышалось нецензурное выражение со стороны Матвея, который закрыл глаза и покачал головой.

— Ксюха, тебе точно нужно выпить и много, — проговорил он, прижимая меня к себе. — Ты чего на панике. — Матвей уткнулся в мои волосы, как иногда делал, не выпуская из крепких мужских объятий. Я с шумом выдохнула, отругав про себя за беспричинную панику. Ну, не съест же меня Глеб спустя столько лет вместо обеденного гуляша. Но тут Матвей напрягся и тихо крикнул. — Это что еще за привидение из прошлого?

Я резко отпрянула и оглянулась. Глеб выходил из кабинета программистов. Он на секунду замер, увидев нас двоих, но затем спокойно продолжил путь и остановился рядом с нами перед закрытыми дверцами лифта. Глеб повернул голову, переведя взгляд с Матвея на меня, и слегка улыбнулся. Или же попытался приподнять уголки губ для сдержанной приветственной улыбки.

— Привет, Марков.

— Алмазов, — кивнул ему друг, укоризненно поглядывая на меня. — Не думал тебя тут встретить.

Матвей оскалился в ухмылке, а его плечи подрагивали от сдерживаемого гогота. Его взгляд насмешливо говорил: «Снова мной воспользовалась, чтобы сбежать от него», напоминая про роковую вечеринку перед началом учебного студенческого года.

— Тебе на первый? — уточнил Матвей, когда мы втроем зашли в лифт.

— На парковку, — хмуро проговорил Глеб, отворачиваясь от нас.

— Как и нам с Ксюшенькой, — подмигнул мне друг и нажал на паркинг.

Вот же засранец! — разозлилась я и ударила его локтем в живот. Матвей только нагло хмыкнул и вновь повернулся Глебу, чтобы накалить обстановку еще сильнее.

— Какими судьбами в Москву?

— Люся учится в московском вузе. И тут больше заказов по моей специальности, — холодно ответил Глеб, не смотря на нас.

— Люся уже в вузе, — удивленно прицокнул Матвей. — Это сколько ей уже. Я помню ее семилетней щербатой девчужкой с двумя хвостиками по бокам.

— Двадцать два уже.

Я кинула взгляд на Глеба, вспоминая его сестру. Как же быстро пролетело время. Я тоже помнила ее маленькой, милой, с чуть вздернутым носиком и с серебристыми глазками, как у ее брата. Мне трудно представить ее взрослой девушкой.

Лифт продолжал спускаться, и остаток спуска мы молчали. Обстановка не располагала для дружеского разговора бывших одноклассников. Хуже того, мы с трудом смотрели друг на друга. Слишком неловкой и постыдной была последняя встреча.

Но все же мы втроем вышли из лифта на парковку и направились к машинам. Видимо они припарковались недалеко друг от друга.

— Представляешь сегодня мне пришлось парковаться рядом с авто, водитель которого сто процентов леворукий придурок, — громко пожаловался Матвей и достал из кармана ключи, покрутив их.

Мы подходили к его нынешней любимице, когда соседняя машина, которая, кстати, совсем немного скосила и не попала в парковочное место, пикинула от брелка Глеба.

— Видала, так я прям в точку попал, — сморозил чушь Матвей, из-за чего Глеб злобно взглянул на него.

— Матвей, — цыкнула на него я.

Они словно специально назло друг другу припарковались рядом.

— А что? — удивился друг и открыл машину. — Лучше запрыгивай в салон, Малахит.

Я дернулась, чтобы поторопиться к переднему месту, когда раздался нежный девичий голос.

— Глебушка!

Маленькая юркая блондинка с пшеничными волосами прыгнула на Глеба, а он не оттолкнул ее из-за наглых манер, наоборот, крепко обнял и даже поцеловал в щеку.

В шоке я уставилась на парочку, потеряв речь, слух и кажется здравый смысл. Но при этом продолжала неотрывно смотреть на них.

— Что ты тут делаешь? — удивился он, но по-доброму. В его голосе отсутствовали даже намеки гнева, одна лишь ласка и любовь.

У него есть девушка! — заорала про себя я.

Вот эта милая молодая красотка его девушка. На вид ей лет двадцать. Она ниже меня ростом, но ее миниатюрность делала ее еще милее. Хотя куда уже больше! Ее серые глазки сверкали словно жемчужины на дне моря, и это был удар поддых. Потому что она идеально подходила Глебу, который безумно любит окружать заботой и защитой близких.

Мое сердце вновь с отяжкой кольнуло. Что это было? Неужели я ревновала? Но почему так сильно и пронзительно, словно он до сих пор принадлежал мне. Я отвернулась от них, чтобы не выдавать свой раздрай.

Я ведь давно не имела права на эти чувства. Такой замечательный мужчина, как Глеб, обязан с кем-нибудь встречаться и кого-то любить. Он не мог по-другому жить. Раз я сама отказалась от него, то должна была найтись та, которая оценит его.

И эта сероглазочка идеально подходила для этой роли.

— Мила? — удивленно прошептал Матвей и вышел из автомобиля, громко захлопнув дверь.

От еще большего шока я резко развернулась к парочке. Теперь мне было жалко друга. Кто же знал, что девица, в которую он влюбился, окажется с двойными стандартами любви.

Матвей всегда отлично держал лицо, но сейчас его мастерство подвело его. В его глазах заметна боль и растерянность, когда он уставился прямым взглядом на ветреную девушку,

которую совсем не смущало происходящее. Ведь двое мужчин с чрезмерно развитым собственническими чувствами глядели на нее, а ей хоть бы хны.

Вот только Глеб не выглядел парнем, испытывающим ревность — скорее удивленным и подозрительным. Он уставился на Маркова и спрятал Милу за собой.

— Мила? Матвей, это Люся, — и жестче добавил. — Моя сестра.

Теперь у меня случилась передозировка шока. Я закашлялась и медленно перевела взгляд на пораженного друга. Он сильно побледнел и теперь во все глаза пялился на Глеба, словно пытался отыскать следы лжи. А Мила, или Люся, тем временем ослепительно всем улыбнулась и выступила вперед.

Это что получается... Матвей склепил в клубе сестру Глеба. Они переспали, а он еще и влюбился в нее. В сестру человека, с которым он на ножах.

Я закрыла рот ладонью, чтобы скрыть вырвавшийся ох. Матвею кажется тоже было не лучше. Он даже отступил под гнетом озарения. Люся продолжала улыбаться, что меня навело на мысль, что она знала. Она знала, кто с ней флиртовал. Она его сразу признала и понимала, что он не узнал маленькую сестренку некогда одного одноклассника. Даже намерено скрыла свою привычную форму имени.

Один Глеб выглядел странно. Он подозрительно смотрел на нас и на сестру, но не мог понять в чем причина нашего группового шокового состояния. Он уже собрался разобраться во всем, когда Люся положила руку ему на плечо и проговорила.

— Брат, меня просто не узнали. Ведь так, Матвей?

Он кивнул.

Меня же Люся проигнорировала, как будто меня тут не стояло. Хотя нет, в какую-то миллисекунду она обожгла меня взглядом, значит помнила. Но не испытывала теплых ностальгических чувств от встречи.

— Значит Мила и Люся одно лицо? — все же уточнила я у всех.

Матвей еще раз с трудом кивнул и тяжело глотнул.

Все пора спасать ситуацию!

Я схватила его за безвольную руку и отобрала у него ключи, затем повела в машину и заставила сесть в салон. Неловко помахала напоследок Алмазовым и забралась за руль. Не любила водить, хотя умела. Матвей когда-то заставил. В итоге завела я не с первой попытки, но выехала без столкновений с парковки и даже доехала до ближайшего бара.

Нам теперь точно не помешало выпить и много.

Когда двигатель заглох, Матвей выскочил первым из салона, оставив меня наедине с автомобильным монстром. Он даже не подумал дождаться меня на улице и стремительно исчез в дверях бара. Я же запнулась, когда выбиралась из машины, немного помучилась с сигнализацией и, ругаясь про себя, поспешила за другом. В дверях я столкнулась с компанией молодых парней, которые просияли улыбками и пропустили меня вперед.

Внутри бара я огляделась, выискивая темную макушку друга, и наткнулась на него, сидящего за барной стойкой. Перед ним уже стоял ополовиненный пузатый бокал с чем-то коричневым, который Матвей разглядывал пустым взглядом. Я выдохнула и присела на соседний стул, жестами попросив бармена налить и мне того же.

Я думала, что Матвей не заметил моего появления, но он неожиданно посмотрел на меня и пододвинул мне второй бокал, который успел незаметно поставить бармен, а затем заговорил.

— Знаешь, — печально улыбнулся друг и сделал большой глоток. — Глеб меня всегда

до усрачки бесил. Вот с первого взгляда на него, я понял, что этот придурок меня жутко бесит. Он всегда такой правильный, хороший парень, который поступает по совести. А я... — Матвей задумчиво уставился вдаль и провел языком по зубам. — Циничный ублюдок, который живет по собственным правилам. Сам приколот в том, что мы никогда не соревновались, но, черт... Сложно сказать. Мы боролись. Мы конфликтовали. Только наши бои проходили на каком-то другом уровне. Словно дрались наши тени, а мы сохраняли худой мир. Но все изменилось в тот день, когда появилась ты. Ты стала триггером наших старых невидимых соревнований. Наша молчаливая тихая борьба переросла в явные активные действия, обострив наши немирные отношения.

— Не знала, что между вами такая сильная связь, — хмыкнула я и отпила пару глотков как оказалось виски.

— Ксюх, не зли, — прорычал он, злобно взглянув на меня, но через секунду не удержался и улыбнулся. — Хотя ты права. Он чертов идеальный парень, брат и тому подобное. И так случилось, что именно его сестра залатала во мне мои дыры. Это даже забавно....

Матвей растер лицо и допил остатки из бокала, жестом приказав повторить.

— Ты отступишься от нее из-за Глеба?

Уточнила я, но при этом подумала о том, что для такого человека, как Матвея Маркова, это даже еще больший вызов, которые он любил. Для него вся его жизнь — это один большой вызов.

А слабо тебе жить? А слабо тебе исполнить мечту? А слабо завоевать ту девушку?

Чем сложнее задание, тем интереснее жить. Хотя даже он от такого уставал. Иногда людям требовался покой, чтобы отдохнуть и набраться сил.

— От Милы? — удивился Матвей и растянул губы в залихватской улыбке. — С чего это вдруг. Он ее брат, а не муж. Меня даже муж вряд ли остановил бы. А тут всего лишь брат. К тому же Глебу нужно заняться своими дырами, а не моими или сестры.

Друг с намеком уставился на меня, резко дернув бровями несколько раз, словно обязанность отвлекать от них внимание Глеба торжественно возлагается на меня. Я неловко отвела взгляд и схватила бокал, но так и не отпив, поставила обратно на стойку.

Я не смела вновь влезать в жизнь Глеба. Просто потому что не имела на это никаких прав спустя тринадцать лет разлуки.

Матвей словно услышал мои безмолвные терзания и устало вздохнул.

— Раньше я думал, что у Глеба нет слабости, — вдруг начал он хмыкнув. — Что он идеальный во всем. Из-за него моя теория об отношениях с треском ломалась. Я всегда думал, что каждый человек в своей душе имеет дыры, ну, или, можно сказать, слабости. Слабый характер, сила духа, тело, безграничная доброта, жестокость или еще что-то. И, чтобы из-за этой дыры из человека не вытекала жизненная сила, ему нужен другой. Тот, кто поможет залатать в тебе эту слабость, а ты в свою очередь чинишь его дыру. Я эгоист, циник, да и просто козел. Я всегда знал это и не понимал у кого хватить смелости приблизиться к моим дырам. В какой-то момент даже думал, что я никогда не встречу ту, что залатает меня. Но вот встретилась она.

Друг мечтательно улыбнулся и повел плечами, разминая их.

— Мила чинит тебя? — понимающе прошептала я.

— Мила не просто чинит. Обычно люди ломаются из-за моих игр, а она поддержала их. Более того посмела изменить правила и занять место ведущего. И это вдохновляет меня.

Он, не глядя, протянул бокал в мою сторону, а я в ответ чокнулась своим. Мы одновременно улыбнулись и выпили, со стуком ставя опустевшие стекляшки на стойку.

— Но со мной же ты дружишь без игр, — заметила я спустя время.

— Неа, — возразил Матвей и всем корпусом повернулся ко мне. — Ты отказалась играть со мной в игры. Не поддержала их и не изменила, как пытались другие. Просто безоговорочно отказалась, — возмущенно пробурчал он, а затем тихо добавил. — С тобой мне комфортно, поэтому я и дружу с тобой.

Хмыкнула, разглядывая полки бара с бутылками различного алкоголя, и задумалась о теории Матвея. О слабости и о дырах в душах людей. Это как плюс и минус, электрон и протон, контакт и неконтакт. Они все неизменно притягивались друг другу, потому что разные и одинаковые одновременно.

— Так ты нашел слабость Глеба, — вдруг спросила я.

Раньше я как-то не задумывалась, что он может быть слабым. Мне он казался абсолютно идеальным. Но ведь была причина по которой я ушла?

Он глянул на меня, нахмутив брови, словно уж я то давно должна была понять. Но я не понимала. Или все же понимала, но не признавала.

— Самоотверженность очень красивое качество, — проговорил Матвей. — Оно красивое, но опасное. Человеку постоянно приходится разрушать самого себя ради другого. Он безрассудно отдает частичку себя и ничего не требует взамен. Но надолго ли хватит человека? И кто рядом с ним? Представляешь как это опасно, если рядом с самоотверженным человеком тот, который умеет только потреблять. Думаю... Это словно есть каждый день яд, который накапливается и медленно травит. Мучительная смерть замедленного действия.

— Он и мне всего себя отдавал, — согласилась я, вспоминая прошлое.

— Но ты и вернула все, что забрала, — заметил Матвей. — Не кори себя за ошибки прошлого. Мы все живем с закрытыми глазами и из-за этого натываемся на углы. Мы прячемся в темноте, чтобы окружить себя иллюзией идеального мира. Но стоит открыть глаза, и тогда ты перестанешь натываться, но за это придется платить. — Друг посмотрел на меня, приподняв бокал, словно приготовил текст тоста. — Придется увидеть мир такой, какой он есть: изломанный, несовершенный, но настоящий.

— За настоящий мир, — поддержала его я.

За первым бокалом, последовал второй, а затем и третий. После мы перебрались за столик в глубине зала бара. Там мы немного перекусили, а выпили еще больше. И хоть мы пили почти наравне, сильнее развезло почему-то Матвея. Я же чувствовала легкую опьяненность, хотя раньше не замечала за собой огнеупорную стойкость перед алкоголем.

Большая стрелка часов приближалась к десяти, и нам стоило, как по-моему, уже расходиться. Но затолкать в машину Матвея я не смогла, даже если бы сильно захотела. А ведь необходимо еще и такси заказать, расплатиться и придумать, как докинуть друга до дома и самой добраться без приключений.

И как быть?

— На, — кинул мне прямо в руки свой телефон Матвей, нагло улегся на стол, как когда-то в школе на парту, и тихо договорил. — Позвони Анне. Она мое доверенное лицо. Она доведет нас по домам.

Я разблокировала телефон пальцем Матвея и зашла в контакты. Нашла некую Анну, хотя сфокусироваться на буквах оказалось достаточно сложно, и позвонила.

«Чего тебе, Марков?» — прохрипел женский голос в трубку.

— Алло, — неловко проговорила я. — Это Ксения. Друг Матвея. Он напился. Да и я не очень трезвая. А его машина тут. Он сказал позвонить вам. И вроде бы уснул.

Я присмотрелась к развалившемуся телу и тяжело вздохнула, чувствуя как переступила из легкой опьянённости в среднюю стадию.

«Ксю?» — уточнила она. Я кивнула, хотя она этого не видела. — «Говори адрес».

Я продиктовала его и выключила телефон, положив на столешницу, подозвала официанта и расплатилась по счету. Где-то через полчаса приехала некая Анна. Она видимо не задумывалась дома с выбором одежды и прибыла в джинсах, в спортивном свитере и в кроссовках. Девушка собрала волосы в хвост, а ее лицо полностью без косметики казалось свежим. Она мрачно уставилась на пьяное тело Матвея и сквозь зубы прорычала.

— И какого ..., ты не мог нажраться дома, а не в баре. Вот же болван!

Я некрасиво пялилась на незнакомую Анну и недоумевала. Почему она казалась мне знакомой? Либо это из-за пьяного состояния, либо я что-то забыла. Но она мне действительно казалась очень знакомой.

— Чего расселась? — рявкнула она уже мне. — Хотя ты тоже немного не того, — заметила она, присмотревшись внимательней.

Анна оглянулась и, увидев охрану, подошла к ним. Она живо о чем-то с ними говорила, достала бумажник и дала им наличку. Они сначала пошли в отказ, но тогда Анна просто добавила еще. Охранники переглянулись и согласно закивали.

— Ее тоже, — кивнул в мою сторону один из парней.

— Нет, ее подстрахую я, — строго ответила ему Анна.

Девушка быстро осмотрела стол и, заметив телефон Матвея и ключи от машины, забрала их к себе. Она легко подхватила меня подмышки и подняла из-за стола.

— Я дойду сама, — запротестовала я.

— Точно?

— Да-да, возьму только сумочку.

Я наклонилась и схватилась за ручки сумки, но выпрямиться мне не удалось. Я начала резко заваливаться обратно на диванчики, а руки неприятно отказались слушаться меня. Благо Анна успела поймать и повела на выход мое пьяное шатающееся тельце. Она сняла с сигнализации автомобиль, охранники затолкали Матвея на заднее сидение, а меня Анна посадила вперед, пристегнув ремень.

На улице она попрощалась с парнями и села за руль. Она с легкостью завела двигатель, и мы выехали с парковки.

— Ты чего так пялишься на меня, — сурово спросила Анна, когда затормозила на светофоре.

— Мы знакомы?

— Напилась до такого или рили не помнишь? — уточнила она и взглянула на меня. — Ясно, значит вообще не помнишь. Школа, одиннадцатый класс, выпускной.

— Гордеева? Ты Гордеева! — Воскликнула я и сжала щеки ладонями. — А Матвей не говорил, что ты с ним.

— Я работаю на него, — поправила Анна. — Как-то давно спелись, вот и продолжаем работать вместе.

— А-а, — протянула я. — Ты изменилась. Извини, что не узнала.

— А вот ты — нет, — глухо произнесла девушка, а я повернулась к ней, ожидая

продолжение. Аня сначала не хотела договаривать, но, взглянув на меня, недовольно закончила. — Все такая же: красивая, статная и неприступная.

Больше мы с ней не говорили. Доехали до многоэтажного элитного дома, где проживал Матвей. Анна сходила на ресепшен и попросила местного консьержа донести жильца до квартиры. Ее там знали, как частого гостя Маркова, поэтому спокойно выполнили ее просьбу.

Спустя пятнадцать минут Анна вышла, в то время как я сидела на скамейке перед подъездом и по чуть-чуть трезвела от вечерней прохлады.

— Тебя проводить? — неохотно спросила она.

— Подождешь со мной такси? — то ли попросила, то ли спросила я. Но Анна спокойно кивнула и присела рядом со мной, подтянув джинсы на бедрах и раскинув ноги в разные стороны.

Такси должно приехать через десять минут, и я глубоко вдохнула, проветривая голову. Вдруг Анин телефон зазвонил. Она не хотела отвечать, но подумав нажала на зеленую кнопку. Аня начала так красочно ругаться со звонившим, что меня это даже смутило. Спустя пару минут ругани она с силой нажала на отбой и возмущенно хлопнула себя по ногам.

Она взглянула на меня, потом резко отвернулась, а через секунду призналась.

— Марков недавно устроил в мой отдел Сашу. Помнишь его? Воропеев Саша. С ним я сидела за первой партой. — Она повернулась ко мне, и я в ответ кивнула. — Вот теперь я с ним работаю. Он мой подчиненный. И это... Я сильно зла на Матвея из-за этого.

— До сих пор не отпустило? — понимающе спросила я.

— Это было так заметно? — дернулась Анна.

— Не знаю про всех, — начала я. — Но мне да.

Мы переглянулись и тут же отвернулись. В школе мы не стали подругами. Я вряд ли вспомнила хотя бы один наш разговор за тот год. Но мне она нравилась тогда. Классная девчонка, хотя немного резковата.

— Мне тоже было очевидно, что Глеб станет твоим мужем, — произнесла вдруг Анна, хмыкнув. — А не Арины. Кто же знал, что мышка окажется той еще охотницей.

— Арина? Вахрушева? Соседка Юрьевых? — напряженно переспросила я. — Они женаты?

— Ты не знала? — удивленно проговорила Анна, разворачиваясь всем корпусом. — Лет десять уже, плюс-минус. Точно не скажу.

Аня не заметила, как я впала в обездвиживающий шок. Нет, я знала про чувства Арины. Но для меня оказалась немного неожиданно то, что они вместе. И не просто вместе, а женаты. Когда Света рассказала мне про беременность в туалете аэропорта, то я вначале поверила. Я искренне поверила в то, что Арина беременна от Глеба и уже находилась на шестом месяце. Но затем меня отпустило и во мне закралось сомнение. Безоговорочно верить Свете — верх глупости. Поэтому я залезла в соцсети, где Арина в открытом купальнике на фоне моря снималась с другой Ксюшей. Она тоже из нашего класса, и с которой я вроде как тоже сдружилась в тот год.

Я долго исследовала ее страничку и не нашла даже намека на беременность или на прочные отношения с Глебом.

А сейчас... Арина все же добилась того, чего мечтала. Она стала женой Глеба.

— Твое такси, — проговорила Аня, вставая.

Она посадила меня, хлопнула дверь и помахала на прощание. Я сделала нечто

похожее, взмахнула вялой рукой и упала на сидение.

Тут же зашла в соцсеть через старую закрытую страничку и вбила в поиск прежний никнейм Арины. Он у нее не изменился, но остальное стало иным. Теперь в описании профиля я могла прочитать следующее:

«Лучший визажист Арина Алмазова.

Опыт — больше десяти лет визажа.

Делаю свадебный макияж и для фотосессии.

С мужем любим нашу красавицу дочь».

Мои руки задрожали, когда я прокрутила ленту дальше к опубликованным фотографиям Глеба, который обнимал маленькую девчачью копию самого себя. С улыбкой от уха до уха, с серыми глазками и папиным выражением лица.

Он женат и у них есть общая дочь.

Выключив телефон, я устала в окно, в котором мелькал переливающийся ночной город, и думала о том, что теперь пропала даже сотая часть возможности нашего совместного будущего.

Следующие пару дней я провела дома. Заперлась в четырех стенах, питаюсь доставкой из ресторана, и тщательно прописывала детали концепции конкурса. Различные нюансы подбора моделей среди мужчин и женщин, критерии оценки возможных фотографов и модельеров.

Основная идея конкурса заключалась в том, чтобы найти новые лица, свежие идеи и интересные ракурсы. А кто кроме новичков способен разбавить приевшиеся образы опытных мастеров. Я задумала расширить условия конкурса, который когда-то помог мне выбраться в Париж. А еще во время добровольного заточения ко мне пришла прекрасная идея, которую я расписывала на разбросанных листках а4. Теперь по моему плану финалисты должны будут скооперироваться, чтобы в финале у всех был шанс проявить себя во всей красе.

Мой проект с каждой новой задумкой становился все рискованней. Потому что ключевая особенность конкурса в том, что на рейтинг конкурсантов будут влиять оценки зрителей. Любый скандал вокруг организаторов мог повлиять на репутацию всех участников и конечную запланированную выставку.

Что будет со мной после такого коллапса, я боялась даже подумать. И все же сдаваться я не собиралась.

Начало набора конкурсантов я наметила на конец сентября. У меня как раз хватало времени для окончания разработок и заключение договоров с инвесторами. Я, как модель, планировала часть для моделинга. Вспоминала все свои тренировки в школе моделей, чтобы потенциал участников раскрылся полностью за время конкурса при выполнении заданий. Денис разрабатывал план для фотографов. Хотя маэстро Лессовский тоже успел приложить руку в разработку конкурса, но при этом отказался от официального участия как организатор.

Мне оставалось найти талантливую и именитую модельера. Такого, который смог бы помочь в поисках не огранённого брильянта среди тысячи пустых ярких стразов.

Я вздрогнула, когда в густой тишине квартиры раздался рингтон. Стандартная мелодия вызова вторично заиграла, а я продолжала невозмутимо сидеть на полу, дочерчивая план и выписывая возможные идеи. Тем временем звонивший не сдавался. Телефон лежал на столе в двух шагах от меня, но я не спешила у нему. Я надеялась, что после третьего раза аппарат умолкнет, а звонивший успокоится, но чуда не произошло. Рингтон раздался в четвертый раз, тогда я выпрямилась и на коленях доползла до столика с лежащим на нем телефоном. На экране маячило имя контакта: «Рубин».

Что совсем не удивительно. Только у нее и Матвея хватило бы наглости звонить после явного игнора.

Я нажала на зеленую кнопку и приложила трубку к уху.

«До сих прячешься», — хихикнула из динамика Марина.

Вздыхнула, прижимая телефон плечом к уху, и поднялась на ноги, которые слегка затекли.

— С чего это вдруг? — попыталась равнодушно ответить ей и отправилась на кухню налить стакан воды, когда услышала смех подруги.

«Ну да, ну да», — проговорила она, а я словно наяву увидела, как Марина покачала головой в имитации покорного принятия. — «Именно поэтому ты два дня тому назад

напилась с Матвеем в баре. Я ему даже звонила, чтобы узнать подробности, но он их не помнил. А бедный Глебушка тем временем все крутит головой и с надеждой поглядывает на дверь твоего кабинета. Вдруг ты проскользнула мимо и сейчас выйдешь к нему, чтобы крепко обнять и сочно поцеловать». — Марина громко засмеялась, от чего я немного смутилась. Вряд ли так должны поступать взрослые люди. Они не должны сбегать от проблем. — «Ну вы, конечно, детишки».

С этим даже не охота спорить, — нахмурилась я и все же слегка разозлилась. Выискала тут мудрая нимфа. Сама недалеко от нас ушла, а еще пытается учить меня, как строить отношения.

— Да кто бы говорил, — не удержалась и рявкнула я, в ту же секунду облившись водой. — Ты сама с Денисом играешь в дерганье косичек и обзыванием друг друга. Словно вернулись в пятый класс. А у нас... Наши отношения с Глебом закончились очень давно. Без условно между нами остались какие-то чувства, но это не любовь. А..., — я задумалась над своими эмоциями, которые вспыхивали при любом упоминании прошлого, вспоминая лишь бесконечное терзание. — Разъяснение.

«Что ты хочешь этим сказать», — голос Марины стал серьезнее. На фоне послышалось как она хлопнула дверью и как вокруг нее стихли остальные звуки.

Я снова задумалась и приложила руку на грудь, где билось встревоженное сердце. Последние тринадцать лет я думала лишь о том, что хотела извиниться перед ним. Более того, я хотела встретиться с ним, чтобы покаяться и освободиться от тянущего груза.

— Мне нужно извиниться перед ним. Я должна ему объяснение, почему бросила; почему не рассталась с ним по-человечески; почему не рассказала о запланированном переезде, а также о причинах своего гнусного поступка. Единственное, что я чувствую к нему..., — наконец я почувствовала озарение и невесомое облегчение. — Вину.

Тишина кричала громче слов. Марина парализовано вслушивалась в остаточное эхо моего признания и казалось, что она не верила мне.

Но ведь это правда. Или все же не вся?

«Ты действительно в это веришь?» — наконец-то прозвучал ее вопрос.

— Да.

«Хорошо», — мне показалось, что Марина хотела добавить: «Раз ты в это веришь». Но она промолчала и только в конце сказала. — «Тогда приходи завтра в агентство. Тебе нужно подписать много бумаг, и Стафеев спрашивает про тебя по три-четыре раза на дню».

После этого она сбросила звонок, а я положила телефон на столешницу подальше от небольшой лужицы и закрыла лицо ладонями. Как же сложно анализировать свои эмоции, определять испытанные чувства и осознавать, какие поступки ты совершаешь.

Перед Глебом у меня долг. Меня терзала вина перед ним, а не старые чувства, которые не выветрились из сердца. Он смог жить дальше, и теперь у него отдельная от меня жизнь. Теперь он муж и отец, и я не смела разрушать его планы из-за эгоизма и не способности отпустить прошлое. К тому же в моей жизни присутствовал мужчина, по которого я забыла.

Одной рукой я вновь взяла в руки аппарат и разблокировала его, а другой кинула сухое кухонное полотенце на растекшуюся лужу. Часы показывали три часа дня. Я прикрыла глаза, чтобы вспомнить разницу между Москвой и Сеулом и подсчитать который у него сейчас час. После подсчета я с легкой душой набрала его номер и замерла, когда услышала гудки.

Я редко проявляла инициативу и звонила Кванджону. Потому что он часто оказывался занят, а еще потому что не часто появлялась причина для звонка. Я невольно напряглась,

когда гудки повторились, но сбрасывать вызов не торопилась.

Первый. Второй. Третий. Первый. Второй. Третий.

Может быть он занят? Я отвела трубку от уха и посмотрела на экран с вызовом и фотографией Кванджона, и в эту секунду он чуть хрипло ответил.

«Алло?».

— Привет, — прошептала я на корейском, выучив ради него несколько слов и выражений.

«Рад тебя слышать, Ксения», — усмехнулся Кванджон, видимо мой акцент оставался ужасным.

Я присела на барный стул и прикрыла глаза. Мы разговаривали почти полчаса на разные темы, которые накопились за несколько дней молчания. Не забыли поговорить и о погоде в наших городах, а также поинтересовались настроением и даже самочувствием друг друга. Кванджон мягко отвечал на мои вопросы и с участием спрашивал обо мне.

Впервые в разговоре с ним я ощутила согревающее тепло. Нет, мне и раньше было приятно с ним общаться и проводить время. Но в этот раз что-то изменилось. Я почувствовала себя намного лучше после того, как услышала его голос. Моей душе стало чуточку легче, словно он снял с меня часть груза и выкинул в Тихий океан.

«Может мне приехать раньше?», — вдруг спросил Кванджон, вырывая меня из раздумий. — «Или ты приезжай ко мне. Твой голос грустный».

— Это лишнее, — запротестовала я, ощущая радость и волнение от его предложения. — И мой голос нормальный. Возможно немного нервничаю на работе. Конкурс скоро должен начаться и я... волнуясь.

«Он пройдет замечательно. Я в тебя верю, Ксения».

На фоне прозвучал гневный голос, который кричал на корейском. Кванджон отвлекся и также быстро ответил не менее яростно и громко неизвестному крикуну. Я все же отвлекала его от дел.

— Тебе пора, — проговорила я.

«Ксения, я скоро приеду», — пообещал Кванджон.

— Жду тебя.

Он отключился первым, а я измотано уставилась на пустую серую стену. В голове вновь промелькнула мысль, что нужно туда повесить парочку картин, раскрасив обстановку. Но к сожалению эта мысль появлялась уже несколько лет подряд и не собиралась стать задачей. Не до нее как-то.

А еще мне показалось, что я устала от одиночества. Поэтому я так отреагировала на встречу с Глебом, поэтому с теплом отнеслась к обычному разговору с Кванджоном. Потому что я захотела стать счастливой женщиной, а не только успешной.

Я устало приподнялась и отправилась дальше выполнять свою работу, но теперь на моих губах мелькнула слабая улыбка, про которую сама иногда забывала.

На следующий день я собрала оставшиеся крупинки смелости и отправилась в агентство. Принятое решение грело душу, но в то же время сорняки сомнения продолжали расти, противно вопя, что я лгунья.

Меня с Глебом связывают только профессиональные отношения, — твердила полупшепотом я, когда поднималась в кабинет. — Наше прошлое не влияет на настоящее.

Но казалось, что именно эти слова казались с привкусом сомнения и отдавали душком лжи.

Уже в приемной я холодно поприветствовала Евгению, от чего бедняжка побледнела, затем стремительно прошла в кабинет, на автомате отмечая новые горшки с цветами, и со вздохом упала в директорское кресло.

Через минуту рутина засосала меня в рабочую пучину. Меня не было двое суток, а казалось, что неделя. Накопилось немыслимое количество предложений от модельеров, которые хотели взять у нас моделей. Также нужно было проконтролировать старые договоры на показы, где мои люди обязаны присутствовать, а модели демонстрировать одежду. Даже фотографы прислали заявки на поиск новых лиц. А еще нельзя забыть про журналы, интернет-издания, пиарщиков и многих других.

Все они обращались к нам, когда нуждались в красивом лице для привлекательной картинки.

Я проверяла личную электронную почту, когда застопорилась на знакомом имени на месте отправителя. Виктор Гайднер. Он очень известный модельер головных уборов, но мне не приходилось лично с ним работать. Насколько я знала, он всегда вел достаточно уединенный образ жизни, но это не мешало его работам становится популярнее из года в год.

Я не удивилась бы, если в будущем его имя станет нарицательным для какого-нибудь нового вида головных уборов. Но сейчас меня больше заинтересовало его письмо, которое до сих пор висело на почте неп прочитанным.

«Генеральному директору модельному агентству «Малахитовая кошка» Малаховой Ксении.

Дорогая, Ксения. Вам пишет представитель Дома моды «Гайднер». Некоторое время назад с нами связался маэстро фотографий Вениамин Лессовский. В нашем разговоре он упоминал вас, а также про вашу совместную работу с ним и что благодаря этому маэстро устроил выставку фотографий в Европе. Он не забыл рассказать о вашей конкурсной идее и о том, что вы в поисках опытного модельера, который смог бы придумать задание для участников и захотел бы оказаться в составе судей.

Если вы еще заинтересованы, то ждем от вас ответа.

Ассистент Виктора Гайднера — Марк Ларсонс»

Обалдеть!

— Ихуа! — выкрикнула я, подпрыгнув на кресле, и замерла, когда дверь резко открылась и появилась Евгения.

— Что-то случилось?

Моя секретарша с беспокойством глядела на меня, внимательно осматривая рабочий стол. Я же нахмурилась, растеряв недавнюю радость, и уставилась на застывшую девушку.

Откуда столько резвости? Я еще понимала, если бы она услышала звуки борьбы, разбитое стекло или крики помощи.

Или мой вопль оказался громче, чем я могла подумать. Или.... Она специально прислушивалась к звукам из кабинета. А если я запрусь тут с Кванджоном, чтобы устроить марафон секс-целей? Хотя это вряд ли, но все же. Она станет подслушивать или еще хуже, запишет на диктофон.

От злости мои мысли ушли в крайность, поэтому я заставила себя выдохнуть и расслабить мышцы. Я улыбнулась уголками губ и, закрыв ноутбук, на котором только что просматривала личную электронную почту, ответила:

— Ничего, Евгения. Ко мне на сегодня кто-нибудь записывался?

Девчонка явно смутилась. Она переступила с ноги на ноги и сцепила руки перед собой.

— Эм, — замялась она и отступила еще на шаг. — Вроде бы к вам должен прийти с отчетом мастер из программного отдела.

— Мастер? — уточнила я надтреснутым голосом.

— Ну да. Тот новенький красавчик, — заулыбалась она.

Я прикрыла глаза, чтобы скрыть от секретарши тревогу и злость.

«Она только что посмела назвать его красавчиком?», — со злостью трещал внутренний голос. И в то же время жалобно пищал: «Он должен зайти ко мне для отчета?».

Какой отчет? Почему ко мне?

— А разве не Марина принимала от него отчет? — вспомнила я.

— Да, — кивнула Женя. — Но сегодня она уехала на съемки с девочками. От меня что-нибудь еще нужно?

В ответ я отрицательно взмахнула рукой, после чего Евгения тихо ушла, оставив меня окончательно сбитой с толку.

С чего бы Марине отправляться на съемки? Она давно от этого отказалась. К тому же это работа куратора, а не распорядителя. Если Марина и отправлялась в «поле», то только на крупные показы или к знакомым фотографам. А это значит....

— Вот же зараза, — прорычала я и стукнула кулаком по столу.

Выпустив пар, я открыла ноутбук и быстро напечатала ответ Виктору, а затем выключила его и убрала в сумку.

Следующие часы проходили словно в тумане. Я смотрела на циферблат, переводила взгляд на дверь и ждала. Ждала, когда Евгения войдет и скажет о приходе Глеба. Ждала его стук в дверь. Ждала услышать шум его шагов. И почему-то я была уверена, что обязательно смогу распознать именно его стук, шаг, а тем более голос.

В эти секунды я медленно сходила с ума. Мне казалось, что я слышала его где-то рядом, но это оказывался фантом. Всего лишь иллюзия, моя сбредившая фантазия свихнутого мозга.

Виски ныли от долгой головной боли, глаза резало от света экрана компьютера, а губы сохли от переживаемого стресса. Я облизнула их раз, два, три. Затем выпила воды, чтобы немного смочить кожу губ. А после нанесла жирным слоем гигиеническую помаду. Но спустя время ее пришлось стереть, потому что образовались белые катышки на уголках.

Надо сходить к косметологу, а то после Эфиопии так и не добралась до салона красоты.

Я достала зеркальце и поставила на стол. Аккуратно поправила макияж, убрала лишний блеск, а после уставилась на отражение. Мрачное, изможденное и напряженное лицо разочаровало меня.

Какое уродство, так скоро и до мешков под глазами недалеко.

Хмыкнув, я провела кончиком указательного пальца по щеке, затем оттянул кожу вокруг глаз, разглядывая красноту, и убрала руки. Затем громко выдохнула со звуком «т-п-р-р-р», активно шевеля губами, а дальше сжала кулаки и следя за отражением надавила ими на бледные щеки. Я состроила мерзкую гримасу, сильнее сжимая кулачками скулы. Легкая боль приводила в чувство, рожица создавала иллюзию отдыха, а небольшая разминка мышц лица насыщала энергией.

— К тебе можно? — зашел без стука Глеб, прерывая меня в самый глупый момент моей разминки.

Он закрыл дверь, а я от смущения скрыла ладонями лицо и тихонько простонала. Ведь он все видел, а мне стыдно, хотя не должно.

— Теперь да, — прорычала я, отняв руку ото лба. — Где Женя?

— Она отошла в бухгалтерию. Сказала, что ты свободна.

— Угу, — простонала я. — Ты принес отчет?

Глеб молчал, поэтому мне пришлось посмотреть на него, и только после этого он протянул мне бумагу. Приглядевшись в него, я заметила легкую ухмылку на его губах, словно он едва сдерживался от бурлящего смеха. Из-за этого я разозлилась и резче обычного выхватила отчет из сжатых пальцев.

— Забудь, что видел, — пробурчала я, разглядывая буквы. — Ты должен был постучать.

— Буду знать, — хмыкнул он и опустил голову. — Хотя сомневаюсь, что смогу забыть.

Я снова уставилась на него, чтобы увидеть насмешливый вид Глеба, и вспыхнула. Вот же.... Паршивец!

Бумага в моих руках слегка помялась, но я упрямо решила разобраться в тексте, игнорируя мужчину, который только что ввел меня в краску. Я дважды перечитала отчет, но уловить смысл написанного мне не удавалось. Нахмурившись, я приступила к третьему перечитыванию, когда Глеб оперся о стол и наклонился ко мне.

— Давай объясню, — предложил он, а я же в ответ громко шикнула.

На меня давила атмосфера.

То, что Глеб стоял в десяти шагах от меня.

То, что нас разделял всего лишь один стол.

То, что поблизости никого — кроме нас.

А еще меня смущал тот факт, что я до сих пор словно чувствовала его дыхание, тепло и его самого. Все это усиливало давление на меня, не давая вздохнуть.

Огненная лавина прокатилась по телу, а на лбу появилась испарина. К тому же один наглый бессовестный вопрос возник среди роя мыслей и в ближайшее время точно не собирался оттуда исчезнуть.

А если я подойду к нему, встану напротив него, чтобы наши дыхания снова, как раньше, смешались в единый поток, то что произойдет?

Бумага выпала из моих рук, и я прикрыла глаза, чтобы они не выдали моего состояния Глебу. Чтобы он не понял, о чем я думала, пока читала его отчет. Словно там не программистские термины, а пошлый эротический роман из киоска.

— Ксе... Ксюша? — выпрямился он.

— Я ничего не поняла. Можешь объяснить в двух словах, что происходит с моим сайтом? — измождено прохрипела я.

— Если коротко, то кто-то запустил SQL-инъекцию в базу данных. В данном случае у тебя неплохая защита, но у каждой защиты есть дыры. Кто-то со стороны обнаружил их и впрыснул инъекцию.

— Но зачем?

— Ради информации. Твоя база данных достаточно обширная.

Я встала с кресла и решительно подошла к Глебу.

— То есть ты хочешь сказать, что кто-то со стороны знает всю мою базу данных. У него есть имена, телефоны, фото и все остальное, — выкрикнула я, и тут же зажала себе рот, оглядываясь.

Быстро отошла к двери и выглянула в приемную, к счастью, Женя до сих пор не вернулась. Поэтому я чуть спокойнее заперлась, вернулась к Глебу и вновь заговорила, но намного тише.

— Ты кому-нибудь об этом говорил?

— С чего это? Босс же тут ты. Эту бумагу, — он кивнул на мой стол. — Я составлял у себя в собственном компьютере. А детали о своей работе я могу доложить только директору или его доверенному лицу.

— Хорошо, — выдохнула я. — Тогда больше никому не говори. Ладно?

Глеб кивнул и напряжено уставился на меня.

— Ксюш, у тебя проблемы?

— Не у меня. У агентства, — не охотно ответила я. — То есть вся база данных теперь у них?

— Я этого не говорил, — отрицательно махнул головой Глеб. — У тебя изначально была хорошая защита на сайте. Поэтому хакеры не получили твою базу данных. Как я понял, в их силах только получать данные логического значения и времени.

— Это что значит? — зависла я.

— Они знают кто и когда заходит в базу. Получают информацию о запросах. Они могут проанализировать, что у вас есть в базе данных и что интересно пользователям, то есть, в данном случае вам. Но у них нет имен твоих партнеров или номера.

— А ты можешь понять, кто это делает? — Вдруг задумалась я, когда стала понимать, что у взломщиков не так много-то информации.

— В принципе, да, — осторожно ответил Глеб. — Но на это нужно время.

— А мы можем знать, какую информацию они берут от нас?

— Да, но я не смогу понять, как они ее проанализировали. Поэтому я предлагаю их заблокировать. Могу хоть завтра это сделать, — предложил Глеб.

— А они сразу поймут, что доступ перекрыт? — уточнила я, на что он кивнул. — Тогда это не подходит. Мне нужно понимать, что они получают и что их больше всего интересует. Еще неплохо было бы узнать, кто это делает. Глеб, что самое опасное в этих инъекциях?

В ажиотаже я не заметила, как снова приблизилась к нему, и вгляделась в его мерцающие глаза.

— Если им удастся встроить SQL-инъекцию, то они получают всю базу данных. Они смогут войти под любым логином и в их силах удалить, изменить или выкрасть любые данные.

— Особенно если войдут через мой логин, — стала наконец понимать и я.

— Верно. Также они могут запустить произвольный код для изменения сайта, — добавил он.

— То есть, на моем сайте вдруг может появиться баннер порочащий агентство. Это будут видеть все, а компьютер покажет, что это сделала я. Верно?

Глеб со вздохом кивнул. Я зависла, когда его плечи медленно поднялись и опустились. Словно что-то в его действиях успокаивало меня и не давало в панике бегать и вопить.

— Им много времени понадобится, чтобы встроить инъекцию?

— Не знаю, зависит от уровня хакера.

— А ты сможешь контролировать работу хакера? — уточнила я и с надеждой уставилась на Глеба.

Он слегка кашлянул и провел в нервном жесте по шее.

— Ты хочешь следить за ним, чтобы получать информацию о его действиях. А когда он активизируется, то сразу блокировать его?

— Что-то вроде того, — неуверенно прошептала я и покивала головой.

Глеб замялся. Он опустил взгляд и сжал губы в тонкую линию.

И в эту секунду до меня дошло, что только что наделала. Вдруг ему неудобно отказать мне, потому что мы знакомы чуть ближе, и поэтому я не совсем обычный клиент. Вдруг я давлю на него, а он вообще подписывался на другой заказ. Мне ведь нужно объяснить ему, что наше прошлое не должно влиять на наше настоящее.

Я в ужасе распахнула глаза и сделала резкий шаг к нему, почти прикасаясь к его груди.

— Глеб, — прошептала его имя, и он вновь посмотрел на меня. — Это не прописано в контракте работать киберкриминалистом. Я оплачу твою работу, хотя не пропишу ни в одном контракте. Потому что...

— Об этом никто не должен знать?

— Да, — кивнула я. — Но я не обману тебя... Что скажешь?

— Я поставлю маячки, чтобы определить интерес хакера. Также я поставлю маяк на то, когда хакер вломится в самую базу и начнет действовать изнутри. Но насчет поиска человека, — Глеб задумался и через минутку ответил. — Подумаю об этом и дам ответ позже.

— Спасибо, — с истинной благодарностью прошептала я, чувствуя как наворачивались слезы.

Наши прямые взгляды встретились, и я наконец осознала, как близко к нему стояла. Нас разделял лишь шаг. Один крошечный шаг между нами. Дела мы обсудили, но забыли упомянуть про нас. То, что делало с нами притяжение.

Время замедлилось, а чувства обострились. Мне казалось, что наши сердца забились в одном ритме, а дыхание подстроилось друг под друга. Мне даже показалось, что я почувствовала его запах. Словно он не изменилось за эти тринадцать лет. Только стал более мужественным, более подходящим для него.

— Ксюша...

Стук в дверь.

Мы оба одновременно моргнули и отступили. Я искоса взглянула на него, отмечая вздымающуюся грудь, сжатую челюсть и промелькнувшую боль в глазах.

И снова горькая вина сковала мое сердце. Потому что он снова страдал, и снова — из-за меня.

— Ксю, я приехала со съемок, — прозвучал голос Марины за дверью. — Ты чего заперлась?

— Я пойду, — отмер Глеб. — Мне Рубиной тоже не говорить о твоей просьбе?

— О нашем контракте, — настойчиво поправила его. — И да, ей лучше не знать.

Глеб кивнул и отправился к двери. Звук, открывшегося замка, эхом раздался в пространстве. Марина дернула за ручку и уставилась на спокойного Глеба и на мою напряженную фигурку в глубине кабинета. Она переводила взгляд с одного на другого, с подозрением разглядывая нашу одежду.

— А что вы тут делали? — прошептала она, сложив руки на груди.

— Отчитывался, — холодно ответил Глеб и, обойдя девушку, ушел.

Я вернулась на место и, сложив его отчет в четверо, убрала в сумку с ноутбуком. Марина с открытым ртом подошла ко мне и требовательно прищурилась. Ее лицо передавало бурю эмоций. Казалось, что она уже успела придумать нашу историю воссоединения и ее понесло.

— Это ведь то самое, — выдала она. — Вы снова вместе?

— Нет.

— Но вы заперлись в кабинете.

— Мы говорили о деле.

— Одни в кабинете.

— Мы сейчас с тобой тоже ОДНИ, в кабинете. Можешь запереться и провести эксперимент. Будем ли мы с тобой говорить о делах или заниматься другим непотребством, — с ухмылкой ответила ей и отвернулась к компьютеру.

— Сравнила, — хмыкнула она. — Его и меня. Глеб в твоём сознании всегда побеждает. Перед тобой пресмыкались такие красавчики, а ты переступала их, словно они прокаженные. Красивые, богатые, сексуальные. Я тогда начала подозревать асексуальность в тебе. Но, к счастью, у тебя появился Кван Чу Вон.

— Марина, — позвала ее я и устало посмотрела. — Хватит. Больше не говори о Глебе и мне в таком ключе.

— Почему?

Ее голос наполнен удивления, но она уловила в моем тоне некую обреченность и уже серьезнее посмотрела на меня.

— Он женат. И у него есть дочь. Даже если бы я захотела снова начать с ним встречаться, то не стала бы рушить семью. Ничью. В особенности его.

Марина замолчала. Ее лицо превратилось в маску и даже показалось, что ее глаза потухли. Она кашлянула и вдруг вспомнила про работу, которую не закончила. Она поспешила уйти, чтобы оставить меня в покое.

До конца рабочего дня я сидела у себя. Женя принесла мне пару бутербродов вместо обеда. Я кое-как успела закончить накопившуюся рутину и собралась домой. Секретарша уже покинула рабочее место, потому что она отпросилась на час раньше из-за разболевшегося зуба.

Сумка на моем плече немного тяжелая из-за ноутбука и некоторых бумаг из сейфа перевешивала, от чего я шла нетвердой походкой. Глаза слезились из-за недавнего зевка. И я пропустила момент, когда приехал лифт. Двери раскрылись, когда я подходила, и передо мной неожиданно появилась Мила. Или Люся из прошлого. Маленькая семилетняя девочка, которая широко улыбалась при виде меня. Когда-то она, ее брат и я отправились в пеший горный путь. Она тогда радостно обнимала меня и просила не уходить.

Раньше ее серые глаза с восторгом блестели при виде меня. Сейчас же они угрожающе сузились. Мила вышла, держа за руку четырехлетнюю малышку. Я присмотрелась, вспоминая, где я ее видела. Но серые глаза сказали все за себя — передо мной дочь Глеба.

— Оксана, не убегай, — строго проговорила Мила. — Где Глеб?

Вопрос был задам мне. Я растерянно открыла рот и тут же закрыла. Потому что Глеб появился сам.

— Папа, — прокричала Оксана и вырвалась из рук тети. Она сорвалась и со всех ног побежала к отцу. Глеб широко улыбнулся дочери и присел, чтобы поймать ее.

Я словно в замедленной съемке следила за маленькой девочкой и за ее отцом. Как он поймал ее. Как закружил. Как громко чмокнул в пухлую щечку и прижал к себе. Как трогательно он зажмурился, когда маленькие ручки обняли его шею.

У меня пропал голос. Слезы наворачивались от сцены, а в носу защипало. Да что это со мной? Словно увидела слезовыжимательный фильм с трагическим концом.

Я отвернулась от них и нажала на вызов лифта, заставляя себя не прислушиваться к

разговору брата и сестры, но уши словно отказались подчиняться моему сознанию. Именно поэтому я слушала и хорошо слышала их семейный разговор.

— Я ведь попросил тебя подождать внизу, — недовольно проговорил Глеб.

— Прости, — прошептала Мила. — Окси не хотела сидеть.

— Ладно, я закончил. Мне осталось только собрать вещи и можем уходить. Возьми Ксютку на руки.

Я резко повернулась к ним, натолкнувшись на робкий взгляд Глеба, и снова отвернулась.

Мне показалось, — стала убеждать себя внутренним голосом. — Оксану можно называть и Ксюшей. Но это не одно и то же. Это разные имена.

Я еще раз нажала на кнопку, но лифт не спешил подниматься.

— Да, конечно, — ответила Мила и потянулась к племяннице.

— Хочу пи-пи, — проговорила девочка, крепче обнимая отца.

Глеб устало выдохнул, но сопротивляться не собирался.

— Люся, спускайся одна. Я свожу... Оксану в туалет, а потом мы спустимся к тебе.

— Окей, — улыбнулась ему Мила и клюнула его в щеку.

Двери лифта запахнулись, и я быстро вошла в него, надеясь уехать одна. Но Мила успела проскочить за мной. Теперь на некоторое время мы заперты в металлической коробке.

— Не вздумай вспоминать прошлое с ним, — жестко проговорила она, разрушая тишину. — Он забыл тебя, и теперь он счастлив.

— Я знаю, — спокойно ответила ей и добавила. — Арина всегда любила его.

— Арина то тут причем, — разозлилась Мила, разворачиваясь в мою сторону. Она угрожающе положила руки на талию, нахмурила брови и прищурила взгляд. — У него есть Оксана и я. Те, кто его любят. А ты разрушаешь его жизнь. Всегда. Даже когда ты сама не знаешь об этом. Одно только воспоминание о тебе портит ему день. К сожалению, он подписал контракт до того, как узнал кто в агентстве главный. Поэтому прошу, ради хорошего прошлого между вами. Если ты его тогда реально любила. Если ты до сих пор к нему относишься иначе. Не губи его жизнь снова. Пусть он уйдет отсюда целым.

Лифт приехал на первый этаж. Звоночек тихонько цокнул, оповещая нас. Мила сделала пару шагов на выход, затем снова повернулась ко мне и, смеясь, добавила:

— И передай Матвею, чтобы перестал бегать от меня.

Затем она вышла гордой плавной походкой, а вот я почти выползала на подгибающихся ногах.

— Голову выше, — рявкнул Вениамин Лессовский и направил фотоаппарат на модель.

Девушка неудачно дернулась, и вспышка осветила чересчур напряженное личико и выделяющиеся мышцы шеи. Она нервно сглотнула, пытаясь расслабиться, но музыка скрипки, которую включал маэстро во время работы, тревожила модель, как и резкие движения фотографа.

Лессовский повторил несколько кадров и недовольно покачал головой, поджимая губы. Он уставился на девушку жестким немигающим взглядом и рявкнул.

— Не годится. Живо переодеть ее. Она в этом платье как натянутая тетива.

Стилисты и ассистенты подлетели к модели, потому что платье действительно стягивало тело слишком сильно. Девушка даже немного поморщилась, когда ее приподнимались, чтобы помочь слезть с пьедестала, и осторожно прошла за ширму, держа за руку помощника.

Вениамин подошел к столику, чтобы поменять объективы, и, не поднимая головы, спросил:

— Не хочешь снова в кадр?

— Точно нет, — усмехнулась я.

Вот же старый пройдоха. Маэстро всегда при работе с моделями вел себя резко, а иногда и грубо. Не каждый человек выдерживал такой натиск. Я ему когда-то говорила, что если бы не его дрянной характер, то он бы утонул в новых лицах. Но Лессовский отказался вести себя хорошо, потому что считал, что только в тяжелой обстановке можно вытянуть из моделей настоящие чувства.

Со мной ему комфортно работалось как раз из-за того, что мои эмоции легко выплескивались на фотографии без дополнительного стимула.

Поэтому этот шулер и пригласил меня сегодня сюда. Он почему-то уверен, что как только я увижу съемки, почувствую накаленную атмосферу, то тут же захочу сниматься.

Но это не так.

— Сомневаюсь, что я подойду, — отмахнулась от щедрого предложения и сложила руки на груди.

— Ты со смерти Ануш не участвовала ни в одной съемке, — заметил фотограф и внимательно посмотрел на меня. — Но прошел уже целый год. Может пора снять траур.

Я глянула на старого маэстро и неловко опустила взгляд. Он действительно уже давно не молод, и он скорей всего говорил эти слова исходя из прожитого опыта. Но мне сложно ему объяснить, почему не хотела снова вставать перед камерой.

— Вениамин, она готова, — подошел к старику статист, смущенно показывая на переодетую модель.

Маэстро развернулся и поменялся в лице.

— Да что вы их перетягиваете как колбасу. Разве нельзя ей дать чуть воздуха, — разозлился Лессовский. — Выпрями руку. Не эту, другую. Голову выше. Расслабь лицо.

Фотограф будто сумасшедший снимал модель, а я, наблюдая за его работой, задумалась.

Как я раньше не замечала суетливой атмосферы на фотосессиях? Как вообще это можно пропустить? Все они: статисты, стилисты, помощники, модели, фотографы — словно обезумели. Они бегали, двигались, шуршали, говорили. Столько бесполезных действий,

которые впервые меня утомляли, а не заряжали энергией.

Я себя почувствовала статуей — безмятежной, спокойной и обездвиженной. Неужели когда-то я с волнением ожидала съемки, готовилась к ней, репетировала, а затем до упора работала по двенадцать часов. Неужели это являлось частью моей жизни больше десяти лет. Как я еще осталась живой и здоровой?

Ух ты, это и есть тот самый внутренний рост, когда внутри наконец обрел свободу. Словно я получила вольную от музыки, которая держала меня в тисках из мечт и желаний. Словно теперь я способна найти новую мечту и поставить цель возможно даже в ином направлении. Ведь я достигла всего того о чем мечтала в детстве, и теперь пора отправиться в другое путешествие.

Я посмотрела на руки, удерживая внимание на запястьях. В какой-то момент мне померещилось, как с них падали ржавые кандалы. Теперь на моих руках оставалось всего лишь одно украшение, мамин подарок — кольцо с малахитовым камнем талисманом.

С улыбкой я снова кинула взгляд на Лессовского, а затем на модель. Девчонка в начале переволновалась, скорее всего из-за того, что ее выбрал сам маэстро, но сейчас она справлялась. Она расслабленно стояла перед камерой и позировала так, как требовал фотограф.

Теперь я могла покинуть съемку.

В кармане завибрировал телефон. Я нажала на кнопку и, отвернувшись от толпы, быстро заговорила.

— Марин, я выезжаю в агентство...

— Ксюха! — Истерично перебила меня подруга. — Беда!

— Какая? — заволновалась я. В голове промелькнул вчерашний разговор с Глебом. Вдруг вся моя база появилась в сети. Или вдруг все деньги со счетов агентства исчезли в неизвестном направлении. Или появились сфальсифицированные материалы на сайте. Руки задрожали, от чего я чуть не уронила на мраморный пол телефон, а в плотке появился ком, который не проглотить. Но все же я смогла прохрипеть в трубку два слова. — Быстро рассказывай.

— Тут твой сын.

Что?

— Ты чего несешь? — чуть не расхохоталась я, чувствуя облегчение. — Какой сын? Откуда? Ты ведь знаешь я никогда не беременела. Хотя стоп, — неприятная мысль засвербела на кромке сознания. — Сколько ребенку лет?

— Двенадцать.

— Двенадцать! — ахнула я, подсчитывая в уме год рождения. — Марина, что за бред. Ты разве забыла, что во Франции мы работали вместе. Я даже выходные не брала, а ты говоришь про ребенка.

Я опомнилась, где находилась, и оглянулась, вдруг кто подслушивал. Но громкая классическая музыка и разговоры приглушали мой голос. Я сильнее прижала телефон и прошипела обезумевшей Марине.

— Так я скоро приеду. Поэтому уведи ребенка, чтобы никто не увидел его. Не думала, что ты поведешься на явную ложь.

— Ты не поняла, Ксюха, — всхлипнула Марина, добавляя. — Ты его не рожала, но он твой сын. Его мама Лидия. В агентстве тебя ждет Лев Бойм. Твой биологический сын.

Воспоминания словно вспышка появлялись одна за другой. И одна мысль жалила меня

ядовитым жалом.

Как я могла забыть о таком?

Я сорвалась с места из павильона, сбрасывая по дороге звонок. Внизу меня ожидала машина, на которой из-за пробок я больше часа добиралась до агентства.

Казалось, что внутри все чувства провалились в бездонную пропасть, когда Марина произнесла имя мальчика. Лев Бойм. Как давно я не слышала эту фамилию. Я почти забыла как отдала Лидии донорскую яйцеклетку. В те дни я пообещала женщине, что ни в коем случае не стану связываться с ребенком. Потому что.... Мама она, а не я.

Я бы не хотела, чтобы ребенок испытывал обиду на меня или на Лидию. Вдруг он бы посчитал, что мой поступок бесчувственен, и захотел бы доказать, как я не права. Или еще хуже, ему могла почудиться некая связь с биологической матерью, которая успела забыть о той истории.

К тому же уже тогда я считала, что единственная мать у родившегося малыша была и есть Лидия. Именно она боролась за него и страстно желала.

Я почти бегом ворвалась в агентство. Со мной кто-то здоровался, но кто именно я бы даже не вспомнила. В лифте мне посчастливилось ехать одной. Мои попытки успокоить дыхание проваливались. Я пробовала счет, игру вдох-выдох, но ни черта не получалось. Поэтому я выскочила из лифта еще более нервной, заполошенной и перевозбужденной.

Ведь в дальних глубинах холодной души я хотела этой встречи. Совсем чуть-чуть, но хотела. И хоть я была солидарна с мнением Лидии, что встречи с ребенком могли ему навредить, но продолжала хотеть этого. При этом я ни за что не посмела бы этого сделать.

— Где он? — прорычала я, увидев Марину.

— В комнате отдыха, — пробормотала она. — Он там....

— Неважно.

Рубин последовала за мной. Я не видела ее, но слышала цокот ее туфель. Я стремительно направлялась в сторону комнаты отдыха, но, когда открывала матовые двери, не ожидала увидеть еще и его.

Глеб сидел вместе с мальчиком на диване. До того как я ворвалась, они пили чай и ели бутерброды, но сейчас они оба молча уставились на меня.

Мальчик оказался достаточно высоким для двенадцатилетнего возраста. У него яркие зеленые глаза, коротко постриженные русые волосы, чуть заостренный нос. С его лица не успела сойти детская припухлость, а на щеках мелькали несколько сочных веснушек.

Как у меня когда-то в детстве.

Внешне он моя копия. Моя мужская версия. И он смотрел на меня моим настороженным пронзительным взглядом, от которого у многих бегали мурашки.

— Ксюша, — встал Глеб и преградил мне путь к мальчику. — Я многого не знаю о твоей прошлой жизни. Хотя возможно тебе стоит мне рассказать. Ему на вид лет тринадцать и по внешности видно, что он твой. Поэтому ответь мне....

Глеб двусмысленно замолчал, словно ожидал от меня особого признания. Очень-очень особого. И оно касалось меня, мальчика и Глеба. Словно он решил....

— Проваливай отсюда, Глеб, — рявкнула я, от чего все в комнате вздрогнули. — Он тебя вообще не касается. Я его не рожала, ясно. Все свои предположения и фантазии засунь себе за шиворот. А теперь иди работай, и не общайся с чужими детьми, которые к тебе не имеют никакого отношения.

Глеб сначала недоверчиво всматривался в меня, словно искал ложь в моих словах. Но он

поверил мне, и затем в его глазах промелькнула яростная буря. Видимо он уже уверился в мысль, что Лев наш с ним сын. Его ноздри раздулись от гнева, челюсти напряглись, но он сдержался и молча обошел меня, со всей силы хлопнув дверью.

— Ого, — сболтнула Марина из угла.

Я хмуро уставилась на нее, от чего она съежилась. Затем я подошла к парню и схватила его за руку.

— Увези его домой, — приказала Марине, поднимая мальчишку на ноги.

— Но я не хочу домой, — заупрямился мальчик, вырываясь из моей хватки.

Я чуть склонилась перед ним, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, и тихо спросила.

— Ты видимо хочешь, чтобы мне предъявили иск?

— Нет, — замотал головой он.

— Или чтобы поползли слухи обо мне?

— Нет.

— Тогда чего ты хочешь? — угрожающе прошипела я.

— Поговорить, — обречено ответил Лев и опустил голову.

Я выпрямилась и устало посмотрела на понурый вид мальчишка. Но не в моих силах помочь ему. Я ему никто, он должен это понять.

— Марина, — резко повернулась к ней и процедила. — Отвези пацана домой. Его наверное уже ищут домашние.

— Вы даже выслушать меня не хотите? — взвился Лев от моего приказа.

Его взгляд заволокло слезой, которую он быстро смахнул. Он сжал кулачки, но попытался скрыть их за широкими штанинами школьной формы.

— Да пойми, Лев, — воскликнула я. — Ты сын Лидии. Я не посмею за ее спиной разговаривать с тобой. С ребенком, которого она так хотела. Я обещала ей это.

Лицо мальчишка погрузнело. Он вздрогнул при моих последних словах, но в ответ сделал только один жалкий кивок. Он поднял пыльный рюкзак и закинул себе за спину, направляясь к Марине. Уже в дверях Лев остановился и не глядя на меня сказал:

— Ваше обещание больше не действительно. Мама умерла два года тому назад.

После чего он ушел. Марина с беспокойством взглянула на меня, но я махнула ей в сторону двери. Пусть сначала отвезет его. Не хватало, чтобы он нашел себе еще больше приключений за этот день.

Я зашла в кабинет и заперлась, приказав Жене никого ко мне не пускать. Там я налила в бокал коньяка на добрых два пальца и сразу опрокинула его в себя. Не медля, я включила компьютер и вбила в поиск: «Лидия Бойм».

«День памяти Лидии Бойм.

Известный в узких кругах мастер перевоплощений, который бросил свою карьеру больше пяти лет тому назад. В те годы люди думали, что причина отказа от поприща — в семье, но правда стала известна спустя несколько дней после ее смерти.

Пять лет тому назад Лидия Бойм перенесла инфаркт миокарда. Из-за нее пришлось отказаться от стрессовой работы и посветить себя семье. Но пару дней тому назад Лидию Бойм госпитализировали из-за повторного инфаркта. За ее жизнь хирурги боролись несколько часов, но, к сожалению, она умерла из-за остановки сердца.

Высказываем всей редакцией «Голос моды и стиля» соболезнования семье и близким. Она осталась в наших сердцах, как лучший мастер перевоплощений.

Василиса Мелкина».

Только один модный журнал более и менее подробно опубликовал на сайте заметку о смерти Лидии. Другие издания публиковали только слова соболезнования или информацию о самой Бойм. Но все они датировались двухлетней давности.

— Почему надо было ехать именно на юг? — снова проворчала Марина, готовя место для переодевания. — Почему нельзя было выбрать тематику города?

Тихо хмыкнув, я пересматривала очередность локаций, чтобы учесть световые лучи во время съемки. Мне несложно понять Марину, так как отправляться в «поле» в другой город — сложно. Особенно когда график ограничен одним — максимум двумя днями.

Мы все понимали, что эти два дня для всей команды станут нервнорубочными.

Ведь сегодня всей команде пришлось подниматься очень рано, почти ночью, чтобы успеть заехать в агентство перед утренним рейсом. Они забирали уже упакованные фотооборудование, костюмы и остальные мелочи и только после поехали в аэропорт Москвы. Перед посадкой Марина вытребовала у агентов регистрации, чтобы их персонал тщательно следил за багажом. Чтобы ни в коем случае ничего не сломалось. Ведь у нас в графике предоставлялось всего два дня для съемки пробной афиши конкурса.

В итоге мы приземлились в аэропорту южного прибрежного города всего пару часов назад, забросили личные вещи в гостиницу и сразу отправились на берег — наша первая локация.

Изначально мы с Денисом долго обсуждали мою идею, так как сомневались есть ли в этом необходимость. Но вчера Вениамин Лессовский убедил меня, что концепция конкурса и афиши тонко связаны и превосходны в своем изяществе.

Он имел в виду то, что когда-то Денис Яров стал моим первым фотографом, с которым я работала индивидуально, еще в начале наших с ним карьер. До этого меня, конечно, снимали в школе моделей, но я тогда не выступала под псевдонимом Малахит и не продвигала собственные идеи. Тогда я только набиралась опыта и тренировалась. Да и было мне меньше шестнадцати.

Но здесь в городе на берегу Черного моря я сама нашла команду, с которой победила в первом самостоятельном конкурсе. С Денисом в качестве фотографа, и с подружкой Ариной, ставшей моим стилист-визажистом. Именно тот конкурс открыл мне дорогу в Москву.

Сейчас я хотела предоставить похожую возможность другим. Но не только моделям, а также фотографам и модельерам.

Поэтому я захотела вернуться в то место, с которого когда-то начинала. К тому же не я одна.

Когда начали съемку, солнце уже нещадно палило. Картинка от этого не портилась, только ассистентам приходилось бегать за водой вдвое чаще.

Мы планировали показать на афише пять девушек, но так же мы собирались выделить одну начинающую модель. Она должна выступить прообразом успеха новичка, который только начал путь к Олимпу. Этаким символом мечты, ради которого участники пришли на конкурс.

Начинающую модель звали Бабушкина Варвара. Я ее нашла чуть больше восьми месяцев назад. В тот период неожиданная смерть Ануш подкосила меня. В те дни я мало спала и из-за этого часто поздней ночью выходила погулять.

Однажды в одном из баров я заметила девушку. Иссиня-черные волосы, черные глаза, острые черты лица. Она мне напоминала ворона в облике девушки. Она — невероятно красивая, но безумно уставшая, сидела в углу бара. Синяки под глазами и серый цвет кожи

уродовал ее природную красоту, а поникший и грустный вид только усугублял.

Затем к бармену обратился с вопросом один мужчина. Что именно он спрашивал, я не слышала, но заметила как они переглянулись в сторону девушки. Тот мужчина внимательно оглядел ее и кивнул, после этого бармен подошел к ней и прошептал пару слов. В ту же секунду незнакомка побледнела, а ее взгляд еще сильнее потускнел, но она посмотрела на того самого клиента и слабо кивнула. Мужчина не медля приблизился к ней, а через пару минут они оба ушли.

Мне это показалось подозрительным, но не преступным.

На следующую ночь я опять пришла в тот бар, где видела девушку-ворона. Она уже сидела на том же самом месте, с тем же самым видом. И снова бармен организовал знакомство, но уже с другим.

Тогда до меня стало доходить, кем работала эта девушка.

В течение недели я приходила в бар и следила за ней, надеясь вырвать с ней минутный разговор. И когда этот момент настал, то я убедила ее попробовать. Она пришла на следующий день в агентство и с тех пор ее мир изменился, как и мой. Этот проект вдохновил меня и вновь заставил чувствовать жизнь вокруг.

В первую очередь я изменила ее имя. Бабушкина Варвара превратилась в Рэйвен — в почти реального ворона. А затем новоявленная модель приступила к тренировкам. Я не прогадала с ней. Варя вкладывалась в дело без остатка, и вот спустя восемь месяцев она афиширует конкурс, который должен стать мероприятием года.

— Где ты ее откопала? — восхитилась Марина, когда подошла ко мне. Съемка находилась в самом разгаре, и вместе мы наблюдали за талантом Вари перевоплощаться. — В тебе скрыт тот еще нюх на затаенный алмаз.

Я молча пожала плечами, потому что единственная просьба Вари перед подписанием контракта касалась ее прошлого. Она просила сохранить эту тайну, чтобы ее прошлое не портило будущее. Марина с иронией глянула на меня, но смолчала, зная как сложно меня разговорить.

— Ксю, — подошел Денис, меняя объективы. Он явно вспотел, хотя оделся в шорты и футболку. Его кожа немного покраснела, но довольная улыбка радовала взгляд. Он отпил немного воды и повернулся ко мне. — Как же иногда приятно вернуться домой. Я словно в прошлое вернулся. Хотя в тот день было чертовски холодно, а ты напоминала мне подмороженную рыбу. Но то утро стоило того, чтобы запомнить его. Ведь так?

— Вот спасибо, — хмыкнула я. — Нашел, что вспомнить.

Денис ощерился и вернулся к работе, я же покачала головой, а вот Марина вспыхнула и резко повернулась ко мне:

— О чем это он? — Ревнивые нотки в ее голосе контрастировали с излишне равнодушным видом. Марина в белоснежном сарафане на тонких бретельках слегка покачивалась на носках и пялилась на меня, пытаюсь скрыть дотошный взгляд. — Ксюша, у тебя были отношения с Яровым?

— Нет, конечно, — рассмеялась я. — Он про съемки говорит. Мы когда-то снимали тут кадр. Может помнишь его из моего портфолио? Я на берегу моря, за мной проблески раннего рассвета, — сначала направила руку в сторону горизонта, словно воссоздавала картину из прошлого, а затем ладонями провела по талии, договаривая. — А на мне тонкое почти прозрачное платье.

— Помню, — кивнула Марина. — Твой первый конкурс.

Я заметила, что напряжение покинуло подругу, и радостно улыбнулась.

— Угу. Тогда я ооченела пока снималась. Самое обидное, что Дэн и Арина оделись по погоде. Они расхаживали в теплых штанах, куртках, утепленных резиновых сапогах. Ведь нам нужен был снимок в воде. А я и так в легком наряде, так еще ноги и подол платья пришлось намочить для наибольшего эффекта. Добавь холодные брызги волн. И перед тобой Ксюша — замороженная рыба.

Содрогнувшись от воспоминаний, я посмотрела на тот камень, где когда-то снималась. Казалось, что я до сих пор стояла там в тонком платье и позировала, чтобы изменить будущее.

Сейчас память подкидывала моменты, которые навевали теплые и нежные чувства. Хотя в те годы я думала, что этот город буду проклинать и вернуться сюда меня ничто не заставит. Время действительно не может излечивать душевные раны, но оно способно заставить забыть боль. Забавный эффект, но именно он помогает не сойти с ума.

Денис снова отошел от моделей, но уже для того, чтобы заставить ассистентов поменять направление света. Он несколько раз прокричал, размахивая руками, и подошел к нам.

— Вот были ведь деньки, — согласился Дэн. — Как мы тогда вообще справились? Сейчас, чтобы сделать снимок, нам нужно столько людей, — он окинул взглядом берег, по которому бегала наша команда из десяти человек, не считая нас и моделей. — А в то утро нас было трое, и один из них модель.

— Энтузиазм и не на такое способен, — хмыкнула я.

Денис отвлекся, потому что кто-то перепутал отражатель. Он убежал разбираться, оставив нас. Марина задумчиво уставилась на горизонт, а затем обескураженно на меня покосилась.

— Ксю, а я ведь и не задумывалась об этом.

— О чем?

Рубин опустила голову и сконфужено проговорила.

— О том, что ты рвалась к намеченной цели и не сдавалась, когда другие бы давно опустили руки. Помнишь тот год, когда меня опрокинули с парижским модельным местом, — я неловко кивнула, вспомнив как заняла ее место. — Тогда обида сильно угнетала меня. Мне ведь нужно было каждый день с тобой контактировать и наблюдать как ты работаешь. И как бы я не старалась, но душа у меня болела каждый раз, когда видела тебя за работой. В то же время я понимала, что ты предала меня не предавая.

— Ты меня запутаешь сейчас.

Я приподняла брови, чтобы хоть как-то показать, что слушала ее, хотя не поняла ни слова. Она до сих пор злилась на меня или все же простила?

Марина подняла голову и посмотрела прямым взглядом на меня, грустно улыбнулась и продолжила:

— У тебя всегда был талант. Ты потрясающая модель, а сейчас ты невероятный владелец агентства моделей. Раньше я завидовала и думала, что тебе сама судьба предоставляет всё чего ты хочешь. А тебе остается только выбрать. Я даже не задумывалась, что ты боролась по-настоящему. Ты работала, тренировалась, искала команду на новом месте. Жизнь закидывала тебя в дебри, но ты сама находила и прокладывала новую дорогу к выбранной мечте. Конкурс на юге, в Москве, массовый кастинг у Лессовского и много-много других моментов за рубежом. Многие из них составляли шанс один на миллион. Я... только сейчас стала осознавать сколько труда ты вложила в мечту. И мне, черт возьми,

стыдно за то, что я принижала твоё упорство и способности. Я восхищена тобой, Ксю, и счастлива, что работаю с тобой.

— Неожиданно, — шумно выдохнув, чтобы скрыть замешательство, я договорила. — Спасибо, для меня это ценно.

Марина широко улыбнулась, но затем она скосила взгляд, прищурилась и помрачнела, словно с картины смылась вся краска.

— А этот что здесь забыл? — обреченно прорычала Марина.

С недоумением я оглянулась, потому что редко кто мог вызвать такую безысходную реакцию у Рубина, и заметила на выступе набережной одного из избранных.

Там стоял Матвей Марков, безустанно нам махая. Он заметил разочарованную гримасу Марины и тут же послал ей воздушный поцелуй, на который она ответила рвотным рефлексом.

К нему со спины подошли еще трое мужчин. Все они примерно его роста и комплекции, но из-за солнечного света я не смогла разглядеть их лица. Марина же спустила солнечные очки с макушки и присвистнула.

— Он знаком с близнецами.

Близнецы! Я сомневалась, что столкнусь за эти два дня со знакомыми. Но оказалось, что с некоторыми мне придется пересечься.

— В школе у него были друзья, — заметила я, когда наконец рассмотрела лица парней. Они уже вчетвером махали нам, зазывая подняться к ним. — Подойду к ним, пока они не взлетели. Ты со мной?

Марина скосила взгляд на Дениса, который увлечено крутился вокруг моделей, и согласно кивнула. От удивления я немного нахмурилась. Никогда бы не подумала, что Рубин способна предпочесть общество Матвея кому-либо. Но задавать вопросы я не спешила.

Мы друг за другом осторожно поднимались по узкой тропинке, чтобы не оступиться на скользких камнях. Мне оставался последний самый высокий подъем, когда появилась рука, которая схватила меня и подняла на брусчатую набережную.

— Ты не говорила, что съемки будут проходить здесь. Я ведь к родным приехал, — усмехнулся мне Матвей и слегка прижал к торсу, а затем глянул на близнецов, сморщив нос, и проговорил. — А вот эти при...ветливые друзья встретили меня без разрешения в аэропорту и похитили.

Я усмехнулась, когда представила картину того, как мускулистого Матвея запихивали трое друзей в багажник, связывая и вставляя кляп. Почему-то эта сцена так ярко появилась в голове, что мне с трудом удалось удержать смешок.

Около парапета стояли два брата-близнеца, с которыми когда-то училась в одиннадцатом классе. Тем временем еще один давний друг Матвея — Леха помогал Марине взобраться на мостовую. Вчетвером мы подошли к братьям, которые приветствовали нас одинаковыми залихватскими улыбками, как когда-то меня в мой первый учебный день в новой школе.

Марина не участвовала в обмене приветствий. Она с равнодушным видом отошла к парапету и оперлась на него, не проявляя кокетливого интереса к новым знакомым. Ветер шевелил ее распущенные волосы и подол сарафана, и она с легкой улыбкой наслаждалась утренними знойными лучами солнца.

Я отвернулась от подруги, когда один из Бельковых протянул мне руку и насмешливо проговорил:

— Не ожидал тебя увидеть, Ксю.

— Да-да, — поддержал брата второй близнец. — Сколько лет прошло, а ты ни капли не изменилась.

Неожиданно мне стало неловко от их пристального внимания, из-за чего я смущенно отвернулась. В ту же секунду, заметив мое стеснение, Матвей хлопнул одного из братьев по плечу и поднял с ними другую тему.

Тиски ослабли, освобождая меня из плена.

Тем временем в сторону Рубина медленно приближался Леха. Он явно определился с курсом и не намеревался от него отходить. Поэтому он бедром оперся о паперти и с улыбкой бывалого ловеласа обратился к ней.

— При-иве-ет, — вытягивая гласные, проговорил он и откинул назад боковую длинную челку. — Я Леха.

— Марина, — прохладно ответила подруга, едва глянув на Леху.

Брови мужчины удивленно дернулись, но сдаваться он не собирался. Леха хмыкнул и сложил руки на груди, чтобы проявились накаченные бицепсы. Он кивнул в сторону близнецов и повторил заход:

— Эти парни учились с Ксюшей. Кстати в белой футболке вроде Ян, а в серой — Олег. Но это не точно. Можешь их Белками называть, как я, когда не знаю кто передо мной.

— Лосихин, ты кого тут белкой назвал, — прорычал Ян.

— Имей в виду, что нас двое, а ты один. И рогов на твоей голове как-то не видать, — добавил Олег.

— Чтобы иметь рога, — гордо проговорил Леха. — Надо женатиком быть. Мне этого не видать, а вот вам, Бельчата....

Бельковы переглянулись и уже шагнули в сторону дерзкого Лехи, когда Марина громко хмыкнула.

— Зоопарк, завязывайте с детской грызней. И кстати, — Марина ткнула в накаченный бицепс и сильно ущипнула его, от чего Леха вздрогнул. — Этим меня не удивишь. Я каждый день вижу очень много красивых тел, так что можешь перестать стараться.

Подруга оценивающе оглядела мужчину и издевательски улыбнулась ему, понизив мужскую самооценку до критического минимума. Леха резко выпрямился и сделал пару огромных шагов от ядовитого взгляда девушки.

Я переглянулась с Матвеем, который не впервые видел показательный разнос Марины. Он специально громко кашлянул, чтобы привлечь внимание Рубина, и насмешливо процедил:

— Бука не в настроении дружить. — Марина демонстративно цыкнула на него и медленно провела пальцем по шее, но Марков в ответ сложил губы в трубочку и покачал головой. — Да-да, снова однотипные угрозы.

Точно хуже всяких детей. Ведь давно стали взрослыми, а ведут себя, словно пятнадцать это не цифра, а количество извилин в мозгу. Сначала одни игриво ссорились друг с другом, а теперь другие.

— Матвей, — я осуждающе посмотрела на друга. — Опять вы друг друга подначиваете.

— Не я начала, — намекнула Марина, повернувшись к нам. Она уже собралась продолжить ябедничать на Матвея, но резко захлопнула рот, когда Денис выпрыгнул на набережную.

Олег, как более непосредственный из близнецов, удивленно уставился на

одноклассника и шагнул к нему, чтобы крепко обнять.

— А ты откуда тут появился?

Ян тоже подошел, но более степенно и слегка толкнул кулаком в плечо Дениса, проговаривая:

— Неужели решил устроить нам сюрприз?

— Я-а, — неловко кашлянул Дэн и отступил. Все же он в школе мало общался с одноклассниками и видимо растерялся от столь дружественного приветствия. — Работаю с Ксюшей. Я штатный фотограф в ее агентстве.

Близнецы одновременно повернулись в мою сторону и одинаково уставились на меня.

— Вот как, — протянул Ян и почесал затылок. — Смотрю вокруг тебя столько наших крутятся. Может ты еще кого-нибудь в запасниках держишь?

Он шутливо подмигнул мне, а вот я неловко кашлянула. Ведь они еще про Глеба не знали.

— Я не специально, — с трудом прохрипела и посмотрела на Ярова. — Дэн, тебе помощь нужна?

— Нет, модели сейчас переодеваются, а ассистенты меняют точку. Так что у меня мини перерыв.

Ветер усиленно подул, из-за чего последние слова Дениса показались размазанными. Мы все шагнули поближе к паперти и повернулись к морю, рассматривая как внизу на берегу ассистенты меняли положение отражателей, а помощники помогали моделям переодеться.

— Ух ты, какая красotka, — протянул отошедший от недавнего отказа Леха и встал на цыпочки, вытягиваясь на несколько сантиметров, чтобы лучше рассмотреть моих девочек. — Кто она?

Я проследила за рукой Лехи, заметив девушку, которая ему понравилась. Переодетая Варя поправляла темно-синее шифоновое платье с атласными вставками. Она слегка наклонила голову, чтобы ветер не сумел испортить ее прическу, и изящно выгнулась. Видимо пробовала новую позу для съемки.

— Это Рэйвен, — ответил Дэн, разглядывая подготовку девушки. — Она новенькая, но очень способная.

В голосе фотографа проявились нотки восхищения. Марина бросила на него мимолетный ревнивый взгляд и поспешила отвернуться. Но я понимала почему голос Дениса казался влюбленным. Иногда во время работы с кем-то талантливым появлялась особая творческая химия. Она не связана с любовным интересом, но связь напоминала романтические чувства, которые одухотворяли творения жизнью.

Но я точно знала, что эта связь не любовь. Она не создавала крепкие узы, а только временно привязывала творцов, чтобы они могли создать произведение искусства.

— Познакомишь? — с новыми силами оживился Леха.

— Нет, мне нужна модель в рабочем состоянии, — резко ответил фотограф

Леха обиженно засопел, выпятив нижнюю губу, и гнусаво застонал. Его выражение лица казалось таким уморительным, что все не удержались и прыснули от смеха. Даже хмурая Марина прикрыла рот, скрывая широкую улыбку.

— Обломщик, — огорченно пробормотал Леха, рассматривая Варю.

Вдруг Ян облокотился на перила и со вздохом проговорил:

— А нам уже не до этого.

— Да-а, мы давно и прочно женаты на наших красотках, — пихнул брата Олег.

Близнецы мечтательно улыгнулись, словно представляли, как обнимали своих жен.

Матвей понимающе хмыкнул и коснулся моего плеча, привлекая внимание.

— Помнишь Ксюшу? Вторая Ксюша в классе. Ты за нее еще вступилась перед Динкой.

— Помню, конечно, — кивнула я, вспоминая самую зашуганную девчонку за последней партой. — А что?

Ян расплылся в широченной улыбке и ударил несколько раз по гордо выпяченной груди.

— Она моя.

— А моя Машка, — добавил Олег. — Отличница с первой парты.

В памяти всплыли лица одноклассниц, которые стали женами близнецов.

Кто бы мог подумать, что судьба свяжет их. Я бы даже предположить такое не смогла.

— Ого, — наконец пробормотала я, а то тишина слегка затянулась. — На выпускном помнится вы им помогли.

— И с этого дня все завертелось, — хором ответили они.

— У нас уже дети есть, — вдруг с намеком проговорил Олег. — У него двое, а моя третьим беременна. Чего не скажешь про вас, ребятки....

— Про нас? Ты о чем? — я с недоумением уставилась на Олега, а затем медленно перевела взгляд на другого брата. Но из-за того, что у них внешняя идентичность, у меня рябило в глазах. Они одинаково с явным намеком пялились на меня, а потом с тем же взглядом уставились на недовольного Матвея. Они то понимали тему разговора, а вот мне оставалось стоять с глупым видом и переводить взгляд с одного на двоих.

Леха громко выругался и стукнул себя по лбу, выступая вперед.

— Да когда вы уже начнете встречаться! — Он ткнул сначала в Матвея, а затем в меня. — Мрак со школы вьется вокруг тебя. Хотя не спорю, сейчас он стал более спокойным. Но вы ведь классно смотрите! — Леха замахал руками перед моим лицом, словно хотел нарисовать картину, где влюбленная парочка гуляла по городу, держась за ручки. И эта парочка очень сильно напоминала меня и Маркова. — Давно пара вам начать встречаться и устроить сказку с долго и счастливо.

Леха торжественно раскинул руки, ожидая аплодисментов. Но его встретила оглушающая тишина с тихими отзвуками прибоа.

Я ошарашенно посмотрела на друга, который устало прикрыл ладонью глаза, скрывая смущение. Марина с Денисом в унисон тихо рассмеялись и одновременно повернулись друг другу. У меня промелькнула мысль, что они прям сейчас поссорятся, но они молча отвернулись и притихли, как и я. Потому что я не имела понятия, что отвечать. Ну ведь не признаваться им, что мы с Матвеем уже давно разъяснили свои отношения. И что вообще-то у него появилась девушка, которая ему нравилась. Это не моя тайна, да и я не на исповеди, чтобы объяснять нашу ситуацию.

К счастью нас спас Денис. Он кашлянул и спросил у близнецов.

— Ребят, а ведь на сегодня намечена встреча выпускников? Много наших собираются?

— Встреча выпускников? — удивился Матвей. — А почему я ничего не знаю?

— Потому что в соцсети чаще нужно заходить, — хохотнул Леха и продолжил, причитая хуже старой карги. — Хотя крутым бизнесменам не до этого. У создателей денег каждая минута стоит слишком дорого, чтобы тратить на жизнь в интернете.

— Почти все, — Олег перекричал Лешин гундёж и хлопнул ворчуна по спине. Леха крякнул и снова обиженно уставился на друга. — Не ответили только вы трое, а еще вроде

Глеб с Рустамом отказался. Денис, приезжай! Мы сняли огромный дом для встречи. Детей скинули на одну ночь родственникам. Вспомним молодость, а потом вернемся в будни взрослых нелюдей.

Олег с надеждой посмотрел на нас, а Денис как-то неловко переступил с ноги на ноги.

— К сожалению, ребят, — с сомнением проговорила я, поглядывая на Дениса и Марину. — Мы приехали по работе.

— А я вообще с вами не училась, — добавила со смешком Марина.

Денис показал на фотоаппарат в руках и покачал головой, молча присоединяясь к моей реплике о работе.

— Меня бабуля ждет, которая не видела меня почти полгода, — проговорил Матвей. — Так что жаль, конечно, но мы испортим вам статистику посещаемости, парни.

Он радостно им ухмыльнулся и протянул руку, будто находился на бизнес-переговорах, где он там царь и бог.

Бельковы мрачно переглянулись и решительно сложили руки на груди. Один уставился на меня, другой на Матвея. Их кровожадный взгляд пугал меня до чертиков. Я даже почувствовала, как мелкие мурашки побежали по коже, приподнимая белесые волосики.

Жуть какая!

— То есть ты нас не видел шесть лет, — сурово начал Олег.

— Вообще-то пять, — перебил его Матвей, двигая бровями.

— Не важно, — отмахнулся Ян, плечом подпирая брата, и указал на меня пальцем. — Ты вообще пропала на десять лет. А моя Ксюха хочет встретиться с тобой, вспомнить школу, да и просто поболтать по-женски.

— Короче, — подошел со спины близнецов Леха и налег на их плечи. — Вам не отвертеться.

— Но у меня команда, планы, сроки ..., — попыталась откреститься я, но меня уже никто не слушал.

— Марина, — обратился к ней Ян. — Тебя тоже приглашаем. Многие приходят со своими парами. Будешь как Дэновский плюс один.

Марина с Денисом заблеяли что-то в ответ и даже сделали шаг друг от друга, но и их отмазки благополучно игнорировались.

— А тебя, Мрак, мно-о-огие ждут, — с намеком проговорил Олег и затем с серьезным лицом спросил. — Ведь ты мне брат?

— Мужик, обернись. Твой брат рядом. Не узнаешь? — хмыкнул Матвей.

Олег, поджав губы, повернулся к Яну, который с улыбкой пожал плечами.

М-да, и как быть?

Я глянула на команду, которая доделывала последние приготовления для оставшейся съемки на берегу, и задумалась. В принципе если мы даже переночуем в арендованном доме, то есть все шансы успеть. Утренние лучи нам нужны только для съемки на берегу, а на завтра мы отложили горные локации. Нам главное успеть до девяти приехать на место, но команда у нас опытная. Мы могли даже отправиться с разных точек, чтобы успеть вовремя.

Матвея глянул на меня вопросительным взглядом, спрашивая о планах. Видимо мое лицо выдало сомнение, а также желание поехать на встречу выпускников. Особой тоски по школе я не ощущала в себе, но встретиться с Ксюшей, Ниной и Ариной мне хотелось. Совсем чуть-чуть, но хотелось.

— Возможно идея не так уж и плоха, — решила я. — Арину зато встречу. Мы тогда

все же были подругами.

— Только вроде как или совсем почти, — пробурчал Матвей и со вздохом кивнул. — Ладно, парни, уговорили. Денис с Мариной тоже поедут, — неожиданно добавил он.

— Чего? — ахнула Марина, едва не упав от шока. — Не решай за меня.

— Я привезу их, — не отреагировал на ее выпад Матвей. — Скинь адрес. Номер прежний, дубина. Мог бы просто позвонить, — добавил он Олегу, щелкнув его по лбу.

Они тихо обсуждали, где находился арендованный домик и как до него нужно добраться, когда к нам поднялась Варя. Полупрозрачная шифоновая ткань взлетала при каждом порыве ветра, но атласные вставки с мелкими узорами из блестящих стразов скрывали особые интимные места девушки.

Она без стеснения прошла мимо мужчин, не замечая как Леха уставился на нее во все глаза, поправляя футболку и шорты и закидывая челку назад для пущего эффекта.

— Ксения Валерьевна, может быть нам зайти в воду? — как всегда, тихо спросила Варя.

— В воду? — переспросила я и перевела взгляд на водную гладь.

— Да, видите там груда камней, — показала вдаль модель, указывая на то самое место, где когда-то снималась я. — Можно сделать так, чтобы кто-нибудь из нас выходил из воды, а кто-то позировал на самом камне.

Я задумалась, мысленно представляя как это будет выглядеть, и заинтересованно кивнула.

— Мне нравится, — согласилась я, стараясь запомнить все изменения в нашем графике. — Сначала по плану, а потом опробуем твою идею.

Я глянула на Дениса и Марину, которые быстро сообразили, что у них увеличился объем работы. Особенно если мы хотим этим вечером отдохнуть. Они втроем направились к спуску, когда Леха вальяжно подошел к Варе и сладко заговорил.

— Вы б только знали, насколько сильна ваша сила красоты. Вы бы стали моей владычицей в ту же секунду. Хотя... Я уже покорен вами.

Варя окаменела от столь пафосного подката незнакомого парня. Она обняла саму себя, вспомнив об откровенном наряде, и отстранилась от незнакомца. Внешне она казалась решительной и стойкой, но я то знала, что из-за прошлого комплименты и подкаты ставили ее в тупик. Из-за этого она стопорилась, не зная как правильно себя повести.

Я подошла к ней и подтолкнула ее со спины.

— Иди работать, — холодно приказала ей, чтобы она быстрее вернула боевой настрой, а затем повернулась к Лехе, прикрывая уход Вари. — Не лезь.

— Но я....

— Я сказала, не лезь.

Морозный тон моего голоса не остудил Лехин пыл. Он мрачно глянул на спину уходящей модели, а после перевел просящий взгляд на Матвея. Но Марков прекрасно знал, что с «такой» мной лучше не спорить, поэтому он развел руки, показывая свой нейтралитет. Леха хмуро пожал плечами и все же отступил, признавая поражение.

— Во сколько вы освободитесь? — спросил Матвей, поправляя часы на правом запястье.

— В семь мы закончим. Поэтому подъезжай к гостинице в двадцать тридцать, — быстро ответила я.

Матвей кивнул, достал телефон, добавляя новую заметку в задачник, и уставился на друзей.

— Ну что... раз похитили, выдвинули требования и получили выкуп в виде согласия, то возвращайте меня домой. Иначе моя бабуля найдет вас и растолкует, что значит ее любимого внука похищать.

Парни попрощались со мной, издали помахали Денису и ушли к припаркованной машине. Последним отходил от меня Матвей. Он протянул ко мне кулак, который мне пришлось стукнуть, и прошептал:

— До вечера, Ксю.

После их ухода я уставилась на горизонт, замечая как естественный свет поднялся. Каменный выступ, который заинтересовал Варю, до сих пор являлся отличной платформой для хорошего кадра. Но теперь его нужно использовать чуточку иначе, чтобы не поломать образ афиши.

Еще немного постояв на набережной, я обдумывала новую идею, а затем спустилась к команде, чтобы скорее приступить к ее реализации.

В девять вечера мы уже ехали по неизвестной для меня горной дороге до незнакомого поселка, где ребята сняли огромную виллу, судя по фотографиям. Пока ехали Матвей рассказал, что когда-то давно бывал в том месте. Там красивые виды на снежные горные вершины и зеленые луга. А еще он предполагал, что скорее всего Бельковы сильно приуменьшили размах вечеринки. Он уже не раз сталкивался с ситуацией, когда близнецы обещали устроить встречу только для близких друзей, но в итоге оказывалось, что гостей пришло больше тридцати.

Из-за этого он сомневался, что мероприятие получится спокойным и мирным без бурных ссор и разборок отношений.

Скорей всего на эту встречу выпускников собирались прийти не только наши одноклассники, но и множество старых друзей и знакомых и, конечно, плюс один бывший соучеников школы, в которой я училась.

В салоне автомобиля стояла неестественная тишина. После рассказов Матвея я глубоко задумалась о скоропалительном решении отправиться на встречу. Денис и Марина, отвернувшись друг от друга, сидели на задних сидениях и сохраняли непривычный нейтралитет. Матвей же хмуро рулил и иногда косился на меня, словно ожидал взрыва с моей стороны.

В какой-то момент я не выдержала, уставилась на него прямым взглядом и вполголоса заворчала:

— Почему ты всю дорогу косишься на меня, словно я должна была психануть уже минуту назад. А ты будто санитар психдиспансера и в кармане у тебя шприц с успокаивающим, — вытянула шею, пытаясь рассмотреть выпуклости в пиджаке.

Вдруг я права....

— Они женаты, — коротко ответил Матвей, не глядя на меня.

— Кто?

— Глеб и Арина.

Марков больше не косился на меня этим странным взглядом, но зато я поняла почему он проявлял столько беспокойства. И почему он не хотел отпускать меня одну на встречу выпускников.

— Знаю, — спокойно ответила я и поправила ремень безопасности, который неудобно врезался мне в грудь.

— Знаешь! — Выкрикнул Матвей и резко посмотрел на меня.

— Смотри на дорогу, придурок, — сзади рывкнула Марина, но Марков проигнорировал ее.

Он снова пялился во все глаза на дорогу, крепче сжимая руль, и чуть спокойнее спросил:

— Почему мне не сказала, что знаешь? Я волновался, переживал, обдумывал как тебе сказать помягче. А она знает и так легко говорит.

Я оглянулась на Марину и Дениса, которые недовольно вцепились в ручки дверей из-за рывка машины. Также я заметила, что в их ушах торчали белые беспроводные наушники, из которых чуть слышно лилась музыка. Они снова отвернулись каждый в свое окно, потеряв интерес к Матвею.

Сев нормально, я уточнила у друга.

— А ты то откуда узнал?

По губам Матвея скользнула легкая мечтательная улыбка, без слов объявив источник информации.

— Мила, — прошептала я одними губами, и Марков кивнул.

Глянув через зеркало заднего вида на парочку сзади, которые вообще закрыли глаза, я наконец решилась признаться другу и поэтому немного наклонилась к нему через консоль.

— Матвей, я в порядке. Я не ожидала от него, чтобы он вечно помнил меня. Или того хуже... Страдал, ожидая меня. Когда я улетала от него, то надеялась, что он построит свою жизнь. — На несколько секунд я замолчала, чтобы собрать в кучку все блуждающие мысли.

Взгляд цеплялся за исчезающие во тьме деревьями, но в голове не появлялись нужные слова. Они вертелись где-то рядом, шепча и напоминая о себе, только они казались слишком пафосными или даже глупыми.

Но Матвей знал меня лучше, чем я себя.

— Даже если эта жизнь без тебя, — понимающе прошептал он.

— Тем более, что без меня, — добавила я. — Я любила его. И я всегда желала ему только счастья.

Разве любимому можно пожелать жить в горе?

— Но Арина...

— Всегда любила его. Уж она то все отдаст ради его счастья, — грустно перебила я.

Больше эта тема не поднималась.

Мы ехали по горной извилистой дороге в поселок. В салоне стояла умиротворяющая тишина, от которой тянуло в сон. Но мне с каждой секундой становилось все не спокойнее. Мое сердце металось от волнения, а в голове стучала мысль: «зря я поехала». Возвращение в прошлое, которое недавно казалось мне отличной идеей, чтобы провести время, несло нечто опасное. Также из-за него я переносилась в те дни, когда я чувствовала себя счастливой, а счастье тесно сплеталось с грустью.

И именно из-за тоски ныла душа, потому что только сейчас, вернувшись и оглянувшись на прожитую жизнь, я осознавала чего лишила себя ради мечты. И хоть мое мнение не изменилось, но затаенная печаль всплыла наружу из-за возвращения сюда.

Спустя двадцать минут машина заехала на территорию горной виллы. Мне приходилось не единожды видеть красивые, богато оформленные дома, но все же я обомлела, когда увидела арендованный отель. Не знала, что недалеко от этого города в горах скрывалась вот такая красота.

Кроме того территория окружена с одной стороны густым лесом, а с другой уходила

вверх с заснеженными вершинами гор. Внутри по кругу расположились три огромных двухэтажных здания, объединенные общими тропинками. В центре образного треугольника открытый бассейн с площадкой для барбекю. А еще повсюду цвели цветы. Их рассадили по схеме, создавая цветовую ароматную композицию.

Это место называлось «Mountain villa», судя по вывеске на воротах.

Это место идеально подходило для масштабных вечеринок, и тогда назревал вопрос. Чего мне ждать от встречи выпускников?

На парковке уже теснилось множество машин. Я заметила и новенькие европейские автомобили, и поддержанные азиатские. Матвей каким-то чудом обнаружил пустое место и припарковался. Я же посмотрела в разные стороны и с подозрением уставилась на друга.

— Тебе не кажется, что машин слишком много? — наконец прозрела я. Ведь Матвей в дороге предупреждал ожидать крупную вечеринку, да и утром Леха явно собирался присоединиться, но я только сейчас стала осознавать реальный масштаб мероприятия, и это меня беспокоило.

На что я в действительности подписалась?

— Ты разве не поняла? — удивился Матвей, глуша двигатель. — Встреча выпускников это только название или приманка. Как сказали близнецы, согласились почти все одноклассники, но это не значит, что кроме них не смогут прийти другие: семья, друзья, друзья друзей и тому подобное. Даже я не рискну предсказывать, сколько народу нас ждет.

— А я еще беспокоилась, что лишняя, — проворчала Марина, выбираясь из машины.

Мы все, хлопнув дверьми, подошли к заднему бамперу, и Матвей поднял крышку багажника, чтобы забрать сумки для ночевки.

Марина достала телефон и сфотографировала селфи на фоне виллы, освещенной маленькими круглыми фонариками. А я только глянула на экран блокировки и скинула новые уведомления о звонках Анатолия.

Тем временем Матвей достал маленький чемодан Рубина и хмуро заметил:

— Бельковы способны уболтать дьявола прийти на вечеринку, если от этого будет толк. В школе они дружили почти с каждым классом. Так что.... Людей там точно должно быть немало.

Денис как-то странно хмыкнул, будто вспомнил что-то забавное из прошлого, и достал свою дорожную сумку.

— Ого, а я думала, что в вашем трио болтун ты, — проговорила я, когда мне передали мой чемоданчик.

— Серьезно? — замер Матвей, оглянувшись.

— Ксюша, — хохотнул рядом Денис и продолжил. — Он с людьми начал разговаривать только после твоего прихода. А так, именно Бельковы сделали его своим другом. Марков был популярен в школе, потому что он сын богатых родителей, но именно близнецы окончательно распиарили его, как мрачного плейбоя.

— Мне казалось, ты тень, — резко повернулся к фотографу школьный мрачный плейбой и с возмущением уставился.

Денис поднял руки, выставив ладони, и растянул губы в этакой извиняюще-успокаивающе- и в то же время — насмехающейся улыбке.

— Ты прав, — кивнул он. — Тень не всегда видна, но ей всегда всё видно. — Затем Ден повернулся ко мне и, заглянув в глаза, проговорил. — Поэтому представь насколько велик был шок одноклассников, когда Мрак заговорил с тобой по собственному желанию.

Ого-го. Теперь та сцена мне представилась совсем иной. Помнится, тогда я еще сильно удивилась реакции одноклассников, но сейчас всё переворачивалось с ног на голову.

Я с явным шоком в глазах уставилась на смущенного друга. Он закрыл багажник, слегка отвернулся от меня, чтобы скрыть порозовевшие щеки, и покачал головой.

— Ты не рассказывал, — глухо проговорила я и наклонилась, пытаясь заглянуть ему в глаза.

Тогда получалось, что его чувства на тот период были намного сильнее и имели подоплеку. Его жажда общения со мной и его интерес не являлись блажью богатого мальчика, который всё получал, как я думала тогда.

Стыд подкрался откуда не ждали. Особенно если вспомнить моё отношение к его вниманию, будто надоедливая муха и ничего для меня не стоящего.

Теперь уже мои щеки ярко вспыхнули. Тело сковало неловкость. А мое сознание сконфуженно переосмысливало тот прожитый год.

Юность и глупость явно стоят в одном ассоциативном ряду. Потому что другого объяснения своим поступкам и слепоте я не находила.

Тем временем Марина звонко рассмеялась и ткнула в Матвеевский бок, от чего он круто повернулся к ней и со злостью уставился.

— Кромешный мрак влюбился в бездушный камень. Оба бесчувственны и оба холодны, словно мертвецы. Эх, жуткая смесь, парень, — она прошла вперед, потянув за собой чемоданчик, а после оглянулась на нас. — Давайте живей, сумеречные. Мне срочно нужно выпить.

Марина отправилась вперед, помахивая нам рукой, за ней последовал Денис, а я еще не успела полностью отойти от навалившейся правды, поэтому замерла перед началом тропинки.

— Все окей? — со спины подошел ко мне Матвей.

— Вроде бы да, — на выдохе ответила ему. — А ты?

Я смело посмотрела на него и с облегчением отметила улыбку и отсутствие печали в глазах. Ведь это значит, что мы справились. Возможно раньше я была для него намного больше, чем подруга. Я была для него потенциально возлюбленной. Но не сейчас.

Сейчас мы друзья. Наша дружба длится больше десяти лет, и старые чувства её не разрушат.

— И я.

Мы зашли в главное здание виллы, где встречал обслуживающий персонал. Две девушки в темно-синей форме и с эмблемой отеля с улыбками поприветствовали, проверили наши фамилии в списках, а затем проводили нас в свободные комнаты. Причем у каждого отдельный стандартный номер.

Через пять минут наша четверка спустилась в холл, и затем мы направились в сторону смеха и танцевальной музыки. Все гости собрались в центре отеля около бассейна, и многих из них я знала. Хотя точно не всех.

Мы, озираясь, прошли в зону барбекю, когда я услышала писк и затем кто-то кинулся обнимать меня. Тонкие руки обхватили мою шею, чересчур крепко сжимая трахею, а вот сам хозяин конечностей верещал в ухо и прыгал, будто пытался взобраться на дерево. В какой-то момент мне показалось, что я попала в стационарный блендер и некто нажал на кнопку ускоренного старта.

Краем глаза заметила, как Марина убежала в бар, Денис отошел к знакомым, а вот

Матвей остался рядом, но лучше мне от этого не стало. Он хитро осматривался, не собираясь помочь мне — оторвать непонятное удушающее чудо.

— Ксюша, — пропел знакомый голос.

Я кое-как отодвинулась от нападающего и заглянула ему в лицо. Точнее ей.

— Ксюша, — тихо проговорила я, чувствуя как медленно расплзлась улыбка.

— Я так рада видеть тебя, — обнимая, продолжила твердить на ухо школьная подруга. — Столько лет прошло, а ты совсем не изменилась.

Ксюша отступила на шаг, не отпуская моих руки, но зато я смогла хорошенько её рассмотреть. У неё всё такая же тонкая и изящная фигура, нежные черты лица и обалденные длинные русые волосы, которые она редко мелировала. Но теперь ее мимика стала более подвижной и эмоциональной, она стала смелой и задорной, а из ее глаз исчез страх и вялость, которые заменились стойкостью и уверенностью.

Она явно изменилась за эти годы в лучшую сторону.

— Я тоже рада, — прошептала, сама не ожидая от себя таких эмоциональных слов.

Широко улыбаясь, она отпустила меня, чтобы энергично потереть ладони, и мелко запрыгала на месте. Я заметила, как к нам направились оба Бельковых и слегка беременная Бэмби. Вот она явно не изменилась. У неё до сих пор глаза казались широко распахнутыми, в которых плескалась детская наивность и непосредственная обидчивость.

— Вы приехали, — поприветствовал Олег, обнимая беременную жену. — Вечеринка в самом разгаре. Заметил сколько знакомых лиц тебя окружают?

— Заметил, — хмуро проговорил Матвей, оглядываясь. Он чувствовал себя не комфортно, хотя вида старался не показывать. Но, взглянув на друзей, он расслабленно улыбнулся. — Вы как всегда.

— А то, — поймал в объятия Ксюшу Ян. — Женушка вообще успокаиваться не хотела, когда узнала, что Малахит приедет.

Давно я не слышала свое старое прозвище, словно прошли сотни лет. Но как раз из-за него мне почудилось, что я снова восемнадцатилетняя глупая девчонка. Именно она радовалась внутри меня и улыбалась знакомым лицам. Именно она, а не я чувствовала себя счастливее и расслаблялась от охлажденного коктейля, который недавно грубо всучили.

Возможно ради этого собирались одноклассники, чтобы вновь стать молодым. Хотя бы на один вечер.

Я открыла рот, чтобы сказать какую-то ностальгическую глупость, когда высокая девушка протиснулась мимо близнецов.

— Ксюха, — обняла меня Нина. — Как давно тебя не видела и не слышала. С выпускного, — последнее слово прозвучало с толикой обидой, что логично, ведь я сбежала, не попрощавшись.

Вечеринка перед поступлением в университет стала поворотной точкой в моей жизни. С того дня я ни с кем не связывалась из прошлого, а о моем решении знала одна лишь Арина.

— Мне пришлось уехать тогда, — вскользь упомянула тот день я, а Нина выпустила меня из объятий и мягко улыбнулась.

Затем она глянула на серьезного Матвея, затем перевела внимание на меня и ее глаза предвкушающие загорелись.

— Ребятки, неужто вы вместе приехали? И как давно вы вместе?

— Мы не вместе.

— Мы друзья.

Одновременно мы с Матвеем ответили на повторяющийся вопрос, но нам снова поверили с натяжкой. Все вокруг глядели на нас с умиляющим видом, будто нам неловко признать наши отношения.

— И как давно? — хитро спросила Нина, а девчонки тихо захихикали.

Они явно не верили в наши платонические отношения. Из-за этого становилось неловко, что мы не вместе. Интересно сколько в мире появляется пар из-за общественного желания свести людей? Потому что даже я, чувствуя такое давление, хотела просто с ними согласиться и признать их правоту.

Но, к счастью, Матвея таким давлением не испугать.

— Уже лет тринадцать, — посмотрел на меня друг и тепло улыбнулся. — Со мной она контакт не теряла, чего не сказать о вас.

Он с намеком оглядел моих школьных подружек и, закинув руку мне на плечо, едко улыбнулся Нине. Неужели Матвей получал удовольствие от ядовитого сарказма? Потому что когда Нина сморщилась, словно в ее тарелку подложили протухшую рыбу, Марков ослепительно улыбнулся, будто получил приз.

Вот что за человек?

— У тебя такой не смешной юмор, — проговорила она, сильнее морщась.

— Зато честный.

— Скорее специфический.

Кому-то честный, кому-то мерзкий.

Только хорошее настроение ребят не омрачилось из-за издевки Матвея. Они весело переглянулись друг с другом и начали щебетать о прошлом.

Вокруг стоял шум, но мне это не мешало испытывать радость. В эту секунду я просто по-человечески радовалась встречи с ними. Сейчас я даже не понимала, чего страшилась, когда рьяно отказывалась от приглашения.

— А кто-нибудь видел Арину? — спросила у всех, тем самым затушив оживленный разговор.

Почему все вели себя одинаково? Будто я спрашивала у них, где зарыт труп, который я же сама и закопала прошлым летом.

Каждый из них отвел взгляд, а Нина еще и нахмурилась, смущенно начав:

— Она вышла замуж.

Опять начинается!

— Слышала, — хмуро ответила я.

— У нее новая фамилия.

С трудом сдерживая досаду, я молча кивнула. Матвей заметил, что меня начало трясти от повтора диалога, поэтому он громко рассмеялся и прижал меня к себе.

— Расслабьтесь, она знает, что Арина стала Алмазовой. Так что булки можно разжать. Анти-азверин не понадобится. Она не озвереет при всех.

После такого мое раздражение перекачивало на друга, я злобно уставилась на него, а он в ответ только дерзко подмигнул мне.

Вот же....

Закончить мысль я не успела, потому что в этот момент к Нине подошла девушка в мини-юбке, в прозрачной черной блузке с виднеющимся красивым бельем и на высокой шпильке с красной подошвой. Её длинные волосы убраны в высокий хвост, а яркий макияж притягивал взгляд к красным сочным губам.

Девушка бесспорно красива, но чересчур вульгарна и даже откровенна.

Интересно, с кем она пришла?

— Нин, нужно снова достать бутылку мерло, — зашебетала она.

— Клава, попроси мужиков, — заворчала бывшая баскетболистка, которая даже без каблуков оставалась выше веселящихся девушек. — Я не одна тут высокая.

— Чтобы смотреть как у них течет слюна на меня. Фи, — она пафосно махнула рукой и заметила меня. — Привет, Малахит. Давно не виделись.

Давно не видели? Что?

Я пропустила момент, когда Нина и Клава ушли. Мой мозг не мог сообразить откуда незнакомка знала меня, ведь единственный человек, которого я помнила с таким именем, не мог стать настолько другим.

Ведь так?

— Она изменилась, — проговорила Ксюша, заметив мой шок.

— Бабушкины наряды библиотечарши? — С сомнением уточнила я, потому что другие предположения просто не появлялись.

Ксюша понимающе кивнула.

Вот это да, не думала, что люди способны измениться настолько кардинально.

— Ох, мне нужно сходить в туалет, — проговорила Бэмби, касаясь низа живота. Олег моментально подхватил её под руку и повел в сторону домиков.

В этот момент откуда не возьмись появился Леха. Он поймал в захват шею Маркова, слегка наклоняя вперед. Другу пришлось выпустить меня из объятий и отойти на пару шагов, имитируя попытки выбраться.

— Вот значит ты какой, бизнесмен, — заржал Леха.

— Выпусти меня, придурак, — заворчал Марков на друга и похлопал его по руке.

Было заметно, что Матвей притворялся. Если бы его захватили по-настоящему, он бы давно выбил дух из противника. Но в этот день всем хотелось вернуться в беззаботную молодость и по-глупому попридуриваться.

— Не-а, ты для чего мышцы качаешь? Чтобы силу иметь или для вида, — замахнулся на святое Леха.

Лицо Матвея порозовело, и он хлопнул по плечу противника сильнее.

— Придурак, ты меня скоро задушишь.

Леха тут же выпустил друга и получил нелегкий подзатыльник.

— Ах, ты брехун!

Тем временем Матвей не замечал, как Ян обходил его и давал какой-то знак Лехе. После чего они вдвоем атаковали Маркова, схватили обе его руки и беспощадно завели их за спину.

Пленник попытался вырваться, но силы заведомо были не равны.

— Ну что, Леха, — угрожающее проговорил Ян, переглядываясь с другом. — Проверим насколько изменился Мрак?

— Парни, вы чего? — Переполошился Матвей. — Я ваш друг, вы ведь не забыли? Помните, как помогал вам сваливать на вечеринки? А клеить девчонок?

Но парни его уже не слушали. Они уводили сопротивляющегося Маркова, который сначала пытался вызвать в друзьях сочувствие, а затем пообещал умертвить, как только отпустят. Только я сомневалась, что сегодня его пожалеют, скорее напоят до потери сознания.

— Молодость вспоминают, — подошла ко мне Ксюша, аккуратно взяла меня под руку и грустно улыбнулась. — Матвей редко приезжал домой, а друзья скучали по нему.

— Знаю... Но я не держала его при себе, — спохватилась я.

— Мрак невозможно заставить исчезнуть или появиться, — философски заметила девушка и, слегка отстранившись, пристально всмотрелась в меня. — Я давно хотела с тобой встретиться, но никак не получалось. Пробовала найти твой номер, но максимум выходила на твоего агента, который не верил в мою порядочность. — Видимо моё недоумение отразилось на лице, потому что Ксюша быстро добавила, поясняя ситуацию. — Не верил, что мы учились в одном классе. Поэтому я очень рада, что ты приехала. Я хотела поблагодарить тебя.

— За что? — удивилась я, отступая.

— Одиннадцатый класс, — напомнила она. — Ты спасла меня. И, к твоему сведению, не единожды. Еще выпускной. Тогда я впервые почувствовала себя красивой. И тот вечер сблизил меня с Яном.

— Сомневаюсь, что в этом много моей заслуги.

— И все же... я благодарна. Я рада, что ты осталась прежней и реагируешь на предательство стойко и независимо. Сомневаюсь, что у меня бы получилось также. Если бы меня предала самая близкая школьная подруга, то я бы ей выдрала каждый волосок на ее теле.

Ксюша говорила и демонстрировала жестами всю кровожадность, которую бы испытывала предателю. Ее руки сжимались в кулаки перед лицом, а затем она ударила кулаком по раскрытой ладони и яростно потерла, скорчив грозную мину.

Вот теперь я пялилась с открытым недоумением на недавнее милое личико девушки и осторожно уточнила:

— Предала? Ты имеешь в виду Арину? Почему ты считаешь, что она предала меня? Я вроде не чувствую себя преданной.

— Как? Ты уехала, а она хуже всякой змеи обвилась вокруг Глеба, — прошипела Ксюша, словно Арина лично ее оскорбила.

Возможно именно так и выглядела ситуация со стороны. Но, а если представить на минутку, что слова Светы — правда. Что если мой подлог подтолкнул их почти в тот же день.

Хотя с какой стороны не посмотреть, сейчас я не имела права на обиду или ревность. Даже если они переспали в день моего отъезда, да даже если до моей ложной измены с Матвеем.

Я сбежала, вместо того чтобы рассказать правду.

Я всех бросила, не подумав о людях.

Я думала только об одном человеке — о себе.

Хмыкнув, я переступила с ноги на ноги и будто равнодушно проговорила:

— Так говоришь, что мне приходится поверить словам Светы.

— Каким словам?

— Что Арина забеременела сразу после моего отъезда в Москву, — сожалея, что мой бокал опустел.

— А когда она рассказала тебе? — допытывалась Ксюша, нахмурившись.

— В феврале. Перед отлетом в Париж.

— Сомневаюсь, что это правда, — вдруг проговорила она. — Света соврала тебе, как

по-моему. Арина первые полгода увивалась за Глебом, но он её игнорировал. Но... — девушка смачно прищелкнула тонкими пальцами. — Как раз после февраля они сильно сблизились. Хотя Глеб продолжал сторониться её на людях, но Арина всеми правдами и неправдами обозначала, что она его девушка. Глеб только не оспаривал её слова и всё.

— Ксюш, но Глеб всегда был замкнутым и отстранённым, — проговорила я в защиту парня.

Мне до сих пор не хотелось, чтобы о нем думали плохо, даже в такой неоднозначной ситуации.

— Возможно, — легко согласилась Ксюша и добавила. — Но он также и ответственный. Он бы не постеснялся и спокойно в открытую заявил бы, что они встречаются. Будь это правдой на все сто. К тому же если это особенно важно для девушки.

С этим не поспоришь, — пришлось внутренне согласиться с доказывающим доводом.

Глеб тот еще моралист. Он не способен обманывать девушку или даже водить её за нос в невинных вещах. Он бы не оскорбил её, обвинив во лжи, и в то же время не стал бы врать другим, рассказывая о фальшивых отношениях.

Неужели их брак имел собственные подводные камни и не являлся столь счастливым, как представлялся в интернете.

НО это не моё дело!

— Всё же они женаты, — жестче проговорила я, надеясь прекратить тему.

— Мне кажется, что они поженились из-за Люси, — Ксюша не обратила внимание на мой холодный тон, продолжая размышлять о супругах Алмазовых.

— Почему?

— Ты ведь знаешь, что мама Глеба умерла перед началом универа? — Я кивнула, узнав новость из некролога. — Отец у них тогда был живой и являлся опекуном для Люси, но номинально. Многие об этом знали, хотя не вмешивались. Глеб успевал учиться, работать и заботиться о сестре. Но затем универ закончился, умер отец и Глебу срочно понадобилась жена, чтобы его в армию не забрали, а сестру в приют. С трудом он получил опеку над собственной сестрой. Ну, а затем, что логично, появилась и дочь.

— А ты много знаешь, — то ли похвалила, то ли изумилась осведомленности я.

— После брака я превратилась в болтушку. Город маленький, а слухи везде можно услышать. Ты еще Олесю не слышала. Помнишь ее?

— Школьная болтушка и сплетница, — улыбнулась я, вспоминая полненькую девчонку из класса.

— Вот-вот.

Мы, переговариваясь, продвигались к зоне барбекю. Я не ужинала, и живот с намеком урчал, чтобы его покормили. Мы добрались до еды, когда толпа расступилась, и я заметила её.

Арина словно в замедленной съемке поправляла опавшую прядь и невинно растягивала губы в улыбке. На первый взгляд казалось, что она не изменилась. Гладкие волосы, которые слегка посветлели, нежные черты лица, сверкающая светлая кожа. Но это только на первый взгляд. Всмотревшись, я отметила все изменения, которые претерпевала подруга.

Раньше Арина была мышонком, стесняющимся природной красоты. Она зажимала плечи, глядела в пол и прятала лицо, но эта женщина знала, что красива.

Эта женщина уверена в себе. Она любила себя. А еще она упивалась вниманием с стороны.

Меня так поразило её изменение, что едва не пропустила момент, когда Арина резко побледнела, увидев меня. Наложённые румяна плохо скрывали её появившуюся бледность. Но в какой-то момент она взяла себя в руки и с вызовом уставилась на меня.

Будто я — вор, укравший ценный приз.

Будто я — враг, предавший её.

Прошла еще секунда, когда выражение лица Арины снова изменилось. Теперь она сладко улыбнулась и направилась ко мне. А я снова начала сомневаться в себе.

Что я видела: настоящее лицо школьной подруги или иллюзию из-за слов друзей?

— Думаю, мне лучше вам не мешать, — вдруг сказала Ксюша, мягко провела по моей руке в поддерживающим жестом и отошла к женской группке, где стояла Нина.

На Арине сидело белоснежное льняное платье до колен, а кружевная вставка извивалась по всему подолу. Светлые гладкие волосы чуть ниже плеча она распустила, демонстрируя стрижку каскад. Она отлично подчеркнула глаза, не сильно черня их, а губы выделила малиновой помадой.

В то время как я пришла на вечеринку в простых черных джинсах и в синей блузке с укороченным рукавом. Волосы собрала в хвост, а макияж сделала совсем естественный. Меня даже не спасали известные бренды одежды, идеально сидящие на мне, потому что Арина сегодня подчеркнула нежную женскую красоту, которая не всегда поддавалась даже мне.

Моя красота превращалась в сексуальную, яркую, дерзкую, но не нежную.

Колотый удар зависти чуть не сбил меня с ног. Потому что я впервые кому-то сильно завидовала. И этот кто-то стал — Арина.

— Ну привет, — желчно проговорила Арина, когда подошла ко мне. — Удивлена, что ты приехала. Я была уверена, что Москва, модели, деньги тебя ни за что не отпустят.

— На пару дней почему бы и нет, — настороженно улыбнулась ей, на которую она не ответила улыбкой. Я неловко кашлянула и с интересом посмотрела на новую версию подруги. — Отлично выглядишь.

— Не то что в первую встречу, — резко отбила она.

— Мы тогда были детьми, — попыталась смягчить ее ответ и добавила. — Что с нас взять.

— Вот только о тебе такое же не скажешь. Ведь уже тогда ты выглядела взрослой. Ты хвалилась своим достоинством и знала, куда тебе идти.

Нечто подобное я уже слышала. Но из-за рта Арины её впечатления обо мне звучали как обидная издевка. Я громко хмыкнула, не зная как реагировать, и оглянулась. Большая часть гостей нагло пялились на нас, будто ждали кошачьей ссоры из-за Глеба.

— Мне сказали, что ты тоже многого добилась, — решила на второй заход. — Разве это не круто быть лучшим визажистом? Ты тоже нашла свой путь, и я рада за тебя.

Я широко улыбнулась, надеясь вызвать лестью возвращение нормальных отношений.

— И снова ты, — едва слышно прошептала она.

— Не поняла, — я приблизилась к ней, чтобы расслышать её шепот.

— И в этом мне помогла ты, — громче проговорила Арина. — Снова. Весь мой успех строится на тебе, Малахит. Ты действительно исполняешь желания.

Вот тут я напряглась. Вроде бы каждое её слово можно понять как благодарность, потому что примерно такой же фразой Ксюша благодарила меня минуту назад. Но голос Арины, её тон и искореженные черты лица не напоминали благодарного человека. Казалось,

что её это больше бесило, чем радовало.

— Эм, ну... я...

— Теперь Глеб мой муж, — вдруг гордо заявила она. — Он мой, Малахит. Если ты приехала ради него, то уезжай обратно. Мы любим друг друга.

В замешательстве я замолчала, потому что даже не представляла, что можно ответить на такое. Сообщить о том, что знала об их браке — мне казалось лишним. А уж про работу Глеба на меня в Москве — можно с легкостью приравнять к суицидальным склонностям.

В итоге я слабо улыбнулась и пожала плечами, не отвечая.

Пусть думает что угодно.

Пусть верит, во что хочет.

— Кого я вижу, — фальшиво заворковала Света, прошествовав к нам. За ней, словно безвольная собачка на поводке, шел высокий перекаченный и перезагорелый мужчина с такой же фальшивой улыбкой. Он подмигнул мне и обнял Свету за талию. Ей это не понравилось, поэтому она сильно толкнула его и произнесла. — Познакомься, моя сестренка — Ксюшенька!

Она распахнула объятия, от которых я демонстративно отказалась, холодно взглянув и отступив на пару шагов.

— Все такая же каменная, как и была. Ох, — Света опустила руки и тряхнула головой. — Помнишь ту встречу в аэропорту. Я тогда вышла замуж за немца. Теперь я Хоффман Светлана, круто да?

Я перевела откровенно сомневающийся взгляд на явного европейского южанина за ее спиной, а затем на нее. Не похож этот мужчина на немца, скорее на грека или турка.

— Ах, это, — махнула в сторону спутника Света и наклонилась ко мне, чтобы прошептать. — Его зовут Анисиос. Он так... для развлечения. Могу поделиться, если хочешь?

Она пошло задвигала бровями, а я невольно сморщилась и присмотрелась в лицо двоюродной сестры, вспоминая прошлое. Как она самодовольно вела себя или как пыталась привлечь внимание Матвея. Ведь тогда она была намного красивее, чем сейчас. Теперь она казалась поношенной что-ли. Вроде бы красивая, но потертая от постоянной носки. Но может это из-за недавней потери?

— Сочувствую твоей потери, — вежливо проговорила я.

— Потери? Ты про какую еще потерю говоришь? — громко рассмеялась Света и выпила остатки коктейля. — Я ничего не теряла, чего не сказать о тебе. Слышала, что твой бизнес партнер недавно умер. Она ведь была ещё твоей подружкой. Все покидают тебя. Ведь я права? Родные. Любимые. Друзья. Они либо умирают, либо ты их бросаешь, либо они тебя.

При этих словах Света подошла к Арине и притянула её к себе. Я ожидала, что подруга отодвинется от нее или хотя бы вздрогнет. Ведь раньше именно моя сестра издевалась над ней и называла ее мышонком, но Арина удивила меня. Снова. Она даже не дернулась от прикосновений Светы, потому что они стали для неё привычными, а ещё на её губах промелькнула довольная улыбка.

Арина радовалась моему страданию из-за слов Светы.

Этим она действительно причинила мне боль.

Я ахнула и отступила, попав в крепкие мужские объятия Матвея. Он хмуро посмотрел сначала на мою бывшую подругу, а затем на мою двоюродную сестру. Ему понадобилась секунда, чтобы понять всю ситуацию, потому что от этого он и хотел меня оградить. От боли

предательства друга.

Внутри я страдала, хотя мало кто видел это. Но это замечала Арина, потому что когда-то, когда она являлась мой другом, — она чувствовала меня. Она видела меня настоящую. И она не прекратила видеть, потому что предала, — нет. Арина прекрасно знала, как мне больно. Она видела боль в моих глазах, в моих движениях и даже в моей манере держать голову. Она видела всё это, а я видела её удовлетворение от моих страданий.

От этого боль предательства друга прошибла меня второй раз.

Матвей тоже всё понял, поэтому он только крепче прижал меня к себе и шепнул: «Держись!».

Всё верно. Я глубоко вздохнула и натянуто улыбнулась. Потому что они вдвоем могли причинить мне боль, но унижить меня они не посмеют.

— Сколько знакомых старых лиц, — хохотнул Матвей. — Свет, ты прям уж совсем измялась. Дай угадаю, недавно под машину попала.

— Скорее повзрослела, — прочирикала она. — Хотя характер у тебя, как и прежде, дерьмо, но тело... потрясающее. Если захочешь, можем наконец сделать то, о чем оба мечтали ещё в школе.

— Точно нет, у меня все в порядке с отношениями, — заявил громко Матвей. — И в поношенном презервативе не нуждаюсь.

— Так значит вы вместе? — уточнила Арина с облегчением.

— Пойдем лучше выпьем, Матвей, — я сжала ему руку и кивнула в сторону бара. — А то я устала после съемок.

Он кивнул, напоследок улыбнулся девушкам и повел меня к бару. Там мы взяли напитки и немного закусок, а затем спрятались в уединенном месте. Мы могли наблюдать за всеми, а они за нами — нет.

— Матвей, неужели я настолько слепа? Я что-ли вообще не разбираюсь в людях? Но разве я не видела плохих людей? Нет, видела. Но почему я не замечала в Арине столько... Зависти?

Подобрала единственное описание, которое приходило на ум. Она злилась на меня. Она радовалась моему горю. Это всегда было так, и я просто слепая гусыня раз не замечала. У нас вообще существовала дружба в те годы, или дружила только я.

— Иногда ты сама не хочешь замечать в людях гниль, — вдруг произнес Матвей. — Иногда это помогает, потому что некоторым людям нужно время, чтобы стать человечнее что ли. А вот некоторые этим пользуются. Кто-то из-за страха, кто-то из-за малодушия, а кто-то специально, чтобы использовать.

— То есть меня спасало мое холодное отношения к людям. Их это отпугивало?

— Думаю, да, — согласился со мной Матвей и протянул бокал для чоканья.

Смех со стороны зоны барбекю притянул наше внимание. Там Марина и Аня Гордеева стояли в компании парней и веселились. Они пили напитки и рассказывали что-то смешное, открыто флиртуя с ними. Среди собравшейся мужской компании я заметила двух школьных футболистов. Хотя теперь они больше напоминали фанатов футбола: с выступающими пивными брюшками и серым оттенком лица.

— Аня тоже тут, — заметила я.

— Угу, отругал её недавно за то, что она не предупредила меня про встречу выпускников.

— А она?

— Поржала надо мной, как обычно, и сказала, что положила мне на стол приглашение.

Я присмотрела к девушкам, отмечая интересную странность. Они флиртовали со сборищем мужчин, но обе смотрели на других. Они невольно поглядывали в сторону, рыская взглядом по толпе и останавливаясь на одном. Марина следила за Денисом, а Аня за Сашей, который тут тоже находился. Он стал мужественней за эти годы. Очки остались, но оправу он поменял на стильную и идеально подходящую ему. Теперь школьный ботаник — Сашка Воропеев стал импозантной мужчиной.

Обе пары следили друг за другом и усилено пытались это скрыть.

— Забавно так, — проговорила я.

— Что именно?

— Они пытаются флиртовать с другими, — кивнула в сторону девчонок. — Но их взгляды тянутся к другим. Они даже сами не осознают как синхронно ведут себя.

— Кто бы говорил, — рассмеялся Матвей.

— То есть?

— Ты так вела себя с Глебом.

Вечеринка медленно набирала обороты.

Матвей водил меня с собой, общаясь со старыми знакомыми и попутно знакомя меня, если до этого не знали друг друга. С кем-то он играл в волейбол, с кем-то бегал курить во время перемены. Он и сейчас иногда покуривал, но реже и вообще давно пытался бросить надоевшую привычку.

Хотя Матвей говорил, что в прошлом больше молчал, как по-моему, это не совсем так. Возможно он не любил общаться, и бывало он легко игнорировал людей, но всё же он был и есть достаточно обаятельным, хоть и засранцем. К тому же знакомых на вечеринке у него оказалось очень много.

Периодически я сталкивалась с Ариной и со Светой, но мы больше не разговаривали. Видимо грозный вид Мрака отпугивал их, как и моё каменное лицо.

Тем временем Марина медленно напивалась. Краем глаза я замечала, как её смех увеличивал громкость, а её улыбка напоминала пародию на пьяного доброго Джокера. В какой-то момент я шагнула к ней, чтобы увести в номер, но Денис меня опередил. Я слышала, как они сначала ворчали друг на друга, но Марина в конце подчинилась. Она позволила увести себя, после чего Денис больше не возвращался.

Аня не уступала Марине в объеме выпивки, но пьянеть совсем не собиралась. Она допивала текилу, когда к ней подкатил один из Антонов (вроде бы Ветров). Она не успела ни послать его, ни врезать, когда подлетел взбудораженный Сашка и ударил соперника по лицу. Бывший футболист рухнул в бассейн, обдав их высокой волной.

Поднялась нереальная шумиха. Кто-то прыгнул за пьяным мужиком в воду, а кто-то побежал за помощью персонала. В итоге я пропустила момент, когда Аня с Сашей исчезли, но после их точно никто не видел.

В эту ночь многие напились, обмочились и скорей всего опозорились. Но Бельковы уверенно контролировали процесс, и к трем часам вечеринка начала медленно рассасываться. Правда я уже этого не застала, как и некоторые участники.

Я отправилась к себе ближе к часу, пообещав Ксюше, что утром вместе с ней посетим местные бани и хаммам. Девчонки знали, что я не останусь на вилле на двое суток, поэтому предложили встретиться пораньше.

Уже в своем номере, лежа на кровати, я старалась не думать о взгляде Арины, в котором

читалась злость и невероятное желание уничтожить.

Мягкая постель давно перестала управлять мной. Я уже забыла что значит хотеть поваляться и медленно в свое удовольствие потянуться. Но сегодняшней день иной. Тут всё другое. Ещё раннее утро, а солнце уже во всю освещало и согревало мой номер. Из приоткрытого окна дул свежий горный воздух, который бодрил и насыщал энергией.

В то же время я ощущала во всем теле приятную негу. И хоть во мне не просыпались чувства от «возвращения домой», но легкая ностальгия проскальзывала где-то в недрах души. Меня даже не омрачало вчерашнее озарение и новое виденье прошлого.

Видимо прощаться мне давалось легче, чем сохранение крепких и долговременных взаимоотношений.

И всё же именно отсюда начался восход моей карьеры. В родном городе мне всегда помогала мама с молчаливой поддержкой отца. Здесь же я впервые столкнулась с отчаянием и пренебрежением. И именно тут я впервые приняла судьбоносное решение.

Поднявшись с кровати, я подошла к окну и распахнула сначала шторы, а затем створки, впуская прохладный ветерок в номер. Взгляд падал на мерцающие вдалеке солнечные блики от горных вершин, ослепляя взор. Тем временем удары сердца замедлились, когда я медленно вдохнула, задержала дыхание и затянжно выдохнула.

Это место вряд ли станет мне домом, но тут я провела один из важнейших годов в жизни. Здесь я обрела то, что научилась ценить.

Подумав, я накинула гостиничный халат и выбралась на балкон, подставляя лицо восходящему солнцу. Часы показывали пять утра, но лучи касались кожи едва чувствуемым жаром, мягко согревая и успокаивая. Я сделала еще несколько глубоких вдохов и распахнула глаза новому дню.

Неожиданно в глубине номера смартфон издал звук. Кто-то в такую рань прислал мне сообщение. Нехотя я вернулась в комнату и разблокировала экран.

«Это Ксюша Белькова. Раньше Звягинцева. Если не спишь, то приходи к нам в сауну № 3. Девочки с ресепшена тебе подскажут. Посидим, погреемся. Со мной будут Маша и Нина. Больше никого. Очень надеюсь, что ты придешь. Ксюша».

Большой палец завис над экранной клавиатурой, когда телефон вздрогнул во второй раз. «П.с. Мы встали в такую рань ради тебя. Надеюсь совесть заставит тебя прийти».

С ухмылкой я прочитала второе сообщение и набрала: «Скоро буду». После такого только бессовестный мудака проигнорировал бы их просьбу, которую они озвучили ещё вчера. Меня и без того мучила совесть, потому что исчезла из их жизни, будто меня не существовало. А ведь могла хотя бы отправить им смс.

Я быстро скинула халат и ночную рубашку и одела белую длинную футболку и короткие черные шорты; взяла легкую пляжную сумку и закинула туда отдельный изумрудный купальник без бретелек, чистое нижнее белье и свежую одежду; обулась в парусиновые вьетнамки и вышла из номера, также взяв с собой телефон и ключ-карту.

— Не похоже, чтобы ты шла на завтрак, — прозвучал за спиной голос Дениса.

Я обернулась на звук и застыла, рассматривая взъерошенного и заспанного мужчину. Он одетый во вчерашние джинсы с помятой футболкой казался мне нереальным. Ведь таким я его никогда не видела. А ещё он казался расслабленным и немного ранимым, словно этой ночью он опустил щит и снял кольчугу из холода и равнодушия.

— Не похоже, чтобы ты вышел из своего номера, — также подозрительно пробормотала я с легкой насмешкой.

К удивлению, хладнокровный Денис Яров покраснел. Он поджал губы, чтобы сдержать улыбку, но не преуспел в этом.

Понимающе хмыкнув, я спросила:

— Марина сильно напилась?

— Достаточно, чтобы создать неловкую ситуацию, но недостаточно, чтобы не соображать, что делает.

Радостная улыбка мелькнула на моих губах, когда Денис расплылся в беззаботном счастье и пружинистой походкой подошел к двери своего номера.

— У вас все хорошо? — вдруг спросила я, вспоминая как последние дни они демонстративно игнорировали друг друга.

— Думаю да, — ответил он, вошел в номер и уже оттуда добавил. — Будем надеяться, что и Марина того же мнения.

Я нахмурилась при его словах, хотя сама опасалась того же. Иногда Марина поступала слишком непредсказуемо. Когда ожидаешь от нее гнева и ярости, она проявляет понимание и милосердие, а когда надеешься на логику и здравомыслие, она показывает чудеса истерии.

Я уже развернулась, чтобы уйти, когда дверь Дениса вновь открылась и из номера высунулась его голова.

— Ксюша, мы встанем в семь, чтобы через час уже уехать.

— Хорошо, я тогда тоже постараюсь....

— Нет, я не про это, — перебил меня Денис. — Оставайся на вилле. Мы ведь знаем план, поэтому думаю мы справимся там без тебя. Отдохни, тебе не помешает.

Я слабо кивнула ему, а он в ответ подмигнул и снова исчез за дверью.

На ресепшене меня встретила чуть сонная девушка. Она объяснила как добраться до сауны номер три и с блаженством на лице уткнулась в дымящую кружку с кофе. В столь ранние часы мне никто не попадался. Но при этом я заметила, что зону барбекю уже успели убрать, очистив от мусора и использованных полотенец.

В предбаннике сауны висели три пляжные сумки, стопкой стояли свежие полотенца и простыни, а на столике лежали разные женские мелочи, оставленные девчонками. Кто-то положил резинку для волос, кто-то оставил браслеты, а кто-то ключ-карту. Сначала я закрылась, чтобы к нам никто не смог войти, после, поставив телефон на беззвучный режим, повесила сумку и быстро переделась в купальник, а затем вошла в парную, где сидели три женщины.

— Ксю! — в три голоса прозвучало имя, и я, улыбаясь, прошла к ним.

Над камнями поднималось немного пара, утяжеляя дыхание. Горячие доски обжигали кожу, от чего я слегка зашипела от легкой боли. Но постелив простынь из предбанника, полоч перестал быть обжигающим, и я, присаживаясь рядом с Ксюшей — напротив Нины и Маши, спросила у всех.

— Всем доброе утро, а не рано ли для сауны? — Они хитро покачали головой. Тогда я обратила внимание на другое, кивнув в сторону маленького животика Маши. — А разве беременным можно?

Маши распахнула рот, вытягивая губы в букву «о», и глупо замахала ресницами. Сейчас она напоминала анимешную куколку с огромными невинными глазками, на которую без умиления не взглянешь.

— По чуть-чуть можно все, — хихикнула она и нежно провела по выпуклому месту. — А у тебя нет детей?

— Откуда, — ахнула я с улыбкой, махнув рукой, но через секунду уголки губ медленно опустились. Память мне подкинула воспоминания о недавнем приходе Льва. Ведь он мой сын, даже если я его не рожала. Вот только рассказывать о нем желание не появлялось. Сначала бы самой разобраться, чего я хотела, а потом уже делиться с другими. Поэтому я взглянула на девушек, тихо добавив. — У меня одна работа на уме.

Ксюша рядом хмыкнула, а Нина с ухмылкой уставилась на обиженную Бэмби. Она сложила руки на груди и грустно добавила:

— Ну вот, — надув губы, Маша ещё раз печально вздохнула. — Я ставила на то, что ты сбежала из-за беременности. Только я не выбрала чей ребенок: Глеба или Матвея. Хотя скорей всего от Матвея. Ведь это он помчался за тобой в Москву.

— Я ведь говорила, что эти слухи Света специально распускает, — резко высказалась Ксюша, добавляя немного пара. — Ты бы не сбежала и не сделала бы аборт. И точно не стала бы изменять Глебу.

От шока я могла только переводить взгляд с одной одноклассницы на другую. Неужели люди думали обо мне все эти годы такие глупости?

— После моего отъезда распространились такие истории? — уточнила я, чтобы убедиться в том, что поняла их правильно.

— Это еще цветочки, — проговорила Нина, поправляя простынь на груди. — Слышала, что ты обокрала свою тетку и умчалась покорять Москву. А там... вроде стала эскортницей. Самой дорогой и известной.

Я опустила взгляд на собственную грудь в изумрудном верхе купальника, немного поправила его, обдумывая — интересны ли мне подробности слухов обо мне.

— Ого, неужели мои истории настолько интересны. Или кроме меня никто не казался столь привлекателен для слухов? — попыталась перекинуть разговор на кого-нибудь другого.

Девчонки с улыбками пожали плечами и переглянулись, будто вспоминали самые стоящие истории за прошедшие годы.

— Ну то, что Света вышла замуж за старого немца это не слух, — начала Маша, раскрывая простынь, чтобы поправить ее. Из-за чего на секунду мелькнул ее оголенный живот и полная грудь. Затем она хихикнула, прижав руку ко рту, и добавила. — Но я уверена, что она переспала с Антоном на выпускном. Не знаю точно какой именно: Быстров или Ветров.

— Или с обоими сразу, — прыснула Ксюша. — Но после тебя источником громкого скандала стал Рустам. Друг Глеба.

— Огромный шкафчик, — я понимающе кивнула, вспоминая его. — Но как? Он вроде бы не бабник и не альфонс какой-нибудь.

Уже в те годы Рустам казался крепостью, которую нельзя разрушить или изменить. Он мне напоминал гору, которую не сдвинешь, и это в нем восхищало. Хотя я ему не очень нравилась. Видимо не доверял мне, хотя принимал из-за чувств Глеба.

— Он женился один из первых из нашего класса. Так ещё на нашей учительнице, ты должна ее помнить, — Ксюша наклонилась ко мне и впиалась взглядом. — Валерия Ивановна стала Исаевой спустя три или четыре года после твоего отъезда.

— И спустя полгода родила мальчика, — кивнула Маша. — У них паренек та-акой

красавчик.

— Рустам пришел после армии и сразу к ней на порог, — вспомнила Нина. — Он ее добивался месяца три или четыре и все. Сразу под венец. Надо было глазками стрелять в сторону Рустама, а не Дениса. Э-эх!

— Тебе нравился Денис, — удивилась я. — Не замечала.

— Так ты только Глеба и видела, — заметила Ксюша, толкнув меня. — Мне в те годы вообще никто из наших не нравился.

— А мне нравился, — вздохнула Маша и на показ провела по щекам, будто вытирала прошлые слезы. — Я так была расстроена, когда увидела тебя, Ксю, с Глебом на свидании. Плакала несколько дней.

— Но если ты не встречаешься с Матвеем, — вдруг спросила Нина, упираясь в меня внимательным взглядом. — Ты сейчас что ли одна? Никого на примете нет?

Я провела влажной ладонью по потному лбу и неловко отвела взгляд. Мне до сих пор становилось неуютно при разговоре о личной жизни. Мне не нравилось рассказывать о своих мужчинах, о сексе или о возможных любовных интересах. В подростковом возрасте меня это мало интересовало, а сейчас эти вопросы вызывали воспоминания.

Поэтому вместо ответа я перевела стрелки.

— А у тебя?

— Есть, — улыбнулась бывшая баскетболистка. — Он даже выше меня. У нас скоро свадьба. И раз ты снова появилась в городе, то ты приглашена.

Вот же....

— Мне немного неловко врываться снова в ваши жизни, — проговорила я, оглядывая покрасневшие лица.

— Чушь, — снова толкнула меня Ксюша. — Ты не ребенок, которого рожаешь. Вот лучше бы он извинялся и чувствовал себя неловко, когда разрывает всё у нас, когда выбирается из матки.

— Ух, — заворчала Нина, пряча лицо в ладонях. — Я вообще-то собираюсь в скором времени забеременеть, но после твоих рассказов сомневаешься нужен ли ребенок.

— Нужен, — заулыбалась Маша и снова погладила животик. — Беременность и роды это всегда риск. Но разве не рискованно садиться за руль и не пристегиваться. А ты каждый раз ворчишь, когда вытягиваешь ремень безопасности.

— Удача любит рискованных, — ухмыльнулась Нина.

— Вот и к беременности также относись, — засмеялась Ксюша, затем повернулась ко мне и заговорила. — Это конечно нечто, когда начинаются реальные схватки. Каменеет живот, с каждым часом схватки становятся чаще, интенсивнее и больнее. Затем мучаешься, потому что ждешь полное раскрытие, а затем выталкиваешь животом из себя младенца. Каждый раз приходилось вспоминать, как напрягать живот, словно хочу сфоткаться стройной или показаться любимому в одном нижнем белье.

— О да, — согласно замахала Маша. — А еще дышать, а не орать. От этого легче не становится, а глотка потом болит.

— Зачем вы мне всё это говорите? — Ужаснулась я и невольно отсела от девушек. — Я не собираюсь рожать в ближайшие годы.

— Это они так тебя заманивают в клуб матерей, — устало проговорила Нина. — Ты им объясни, что привлекательнее от этого их клуб не станет. Даже политики врут на выборах, а вы....

— Мы за правду, даже не красивую, — хмыкнула Ксюша и все засмеялись. И я с ними.

В сауне мы сидели ещё минут десять. Затем Маша попросилась на воздух, после чего мы вышли и отправились купаться в закрытом бассейне. Всё утро девчонки рассказывали мне все последние новости, которые я пропустила. Они даже умудрились вспомнить учителя математики — Алексея Ивановича, с которым я участвовала в математическом конкурсе, и русичку — Маргариту Геннадьевну, с которой мне удалось поссориться.

Несколько часов пролетели незаметно. Утренние процедуры массажа и спа расслабили нас, и мы едва передвигали ногами, когда шли завтракать. Мой живот противно урчал, потому что я единственная кто не додумался перекусить перед походом в сауну.

Мы направлялись в сторону столовой зоны, когда услышали ссору. Женский голос с каждой секундой ставился истеричней. Он мог даже показаться слегка обезумевшим. В то время как спокойный и рассудительный голос мужчины пытался достучаться до женщины.

— Ставлю, что это Саша с Аней после ночи любви не поделили одеяло, — ухмыльнулась Нина.

Губы изогнулись в ухмылке, потому что Нина опередила мои мысли. Хмыкнув, я глянула через окно во двор, где сидели на лежаках обсуждаемые нами Саша и Аня. И они явно не выглядели ссорившимися. Они обменивались коктейлями и сладко целовались, когда их руки касались друг друга.

Мы с Ниной ошиблись, потому что ссорила точно другая пара.

— Ты ошиблась, Нина, — хихикнула рядом Ксюша, которая тоже заметила влюбленных.

Моё тело неосознанно напряглось, будто оно знало наперед, чьи голоса ругались. Что-то требовало во мне сбежать, пока есть возможность. Но я пропустила момент, когда мы подошли и одновременно замерли перед входом.

В общей комнате с диванами и креслами, с огромным инкрустированным камином, обширным баром и стереосистемой для просмотра в большой компании стояли двое. Они с мрачным видом глядели друг на друга, когда неожиданно женщина подлетела к мужу и, схватив за футболку, затрясла его.

— Ты вообще любишь меня? — Заорала Арина. — Как ты можешь так поступать со мной. Оксана и моя дочь тоже. Но ты хочешь развода. Ты хочешь забрать мою дочь в столицу. Что ты за человек такой?

— Арина, тебе не нужна Ксютка, — Глеб оторвал от себя руки жены и слегка оттолкнул её. — Ты стала матерью из-за собственного эгоизма. Ты захотела привязать меня к себе, хотя мы изначально договаривались о фиктивности нашего брака. Так что не обвиняй меня в том, в чем я не виноват. Я заберу дочь с собой, потому что ей лучше со мной. К сожалению, ты иногда забываешь про нее. Что о ней нужно еще и заботиться.

— Глеб, но я люблю только тебя, — заплакала она. — Я родила для тебя, потому что ты любишь детей. Я готова исполнять любую твою прихоть, чтобы ты был счастлив. Я не понимаю, почему ты не можешь полюбить меня. Почему ты не говоришь мне этих слов. Почему....

— Потому что ты и так знаешь мой ответ, Арина, — рявкнул Глеб. — Я никогда не любил тебя. И никогда не скрывал этого. Я столько лет пытался образумить тебя, чтобы ты начала жить своей жизнью. Не моей. Но ты снова и снова оказывалась рядом со мной, как липучий и колкий репейник. Я отталкивал тебя, а ты приходила снова и снова. И даже в тот день, когда я и Ксюша поссорились....

— Так всё дело в ней, — ахнула Арина. — Ты снова из-за Малаховой стал таким

холодным со мной.

— Арина, я всегда с тобой холодный, — возразил он. — Но ты этого не замечаешь.

— Она изменила тебе с Мраком!

— Не важно. Мы сейчас говорим о нас с тобой. Так вот в тот вечер ты пришла ко мне, а не к ней. Ты пришла ко мне, чтобы рассказать о ее многочисленных изменах за моей спиной. Уже тогда я думал, что этот поступок не дружеский. А сейчас, Арина, я уверен в том, что ты все эти годы настойчиво хотела быть со мной. Но ты никогда по-настоящему меня не любила. Ты любила иллюзию наших чувств и наших мифических прекрасных отношений.

Многочисленные измены? Казалось, что мой мозг выхватил только эти слова. Но к ним добавилась мысль, которая обжигала и переворачивала всё моё отношение к Арине. Она побежала рассказывать ему ложь, когда я собирала вещи. Она провожала меня, хотя за пару часов до этого врал Глебу. Она ведь могла начать встречаться с ним и без лжи обо мне. Она могла....

Ногти впились в нежную кожу ладоней, из-за сжатых кулаков. Девчонки с сочувствием посмотрели на меня, а я, уже не сдерживаясь, направилась к ней. К моей вроде как подруги, которая обещала никому не рассказывать правду. Хотя мы не договаривались, чтобы она не врал обо мне, но от этой оговорки мне точно легче не становилось.

— Что ты ему рассказала? — Я выскочила из укрытия и уставилась тяжелым взглядом на Арину. Она ахнула и прижала руки к побледневшим щекам, но осталась стоять на месте. — Ты ведь единственная знала правду, и я попросила тебя об одном. Молчать!

Арина испуганно посмотрела на Глеба, а затем собралась, нагло вылупилась на меня и даже сделала шаг в мою сторону.

— Что плохого в том, чтобы использовать козыри, — заявила она.

— Козыри? — В шоке повторила я. — Оболгав меня? Так оказывается ты не мышонок, Арина, а канализационная крыса.

— Малахит, а чего ты хотела? Чтобы я восхищалась тобой даже тогда, когда он нашу дочь называет в честь тебя. Даже тогда, когда я застаю его за просмотром новостей из мира моды. И когда...

— Арина, — рявкнул Глеб и схватил жену за запястья. — Хватит!

— А то что?!

— Перестань устраивать ссору, — разозлился Глеб и тряхнул Арину, а затем отпустил.

Мы стояли друг против друга, порывисто дыша. Я не могла поверить в то, что когда-то доверяла ей. В тот год мне нравилась мысль, что у меня есть настоящая подруга, которой я дорожила. Но только оказалось, что всё это вымысел, а не дружба.

В какой-то момент я услышала, как за спиной Ксюша быстро вводит кого-то в курс дела, а затем знакомые руки заботливо коснулись моих плеч.

— Ксюх, давай вернемся в город?

Матвей развернул меня к себе, словно я бездыханная кукла, и аккуратно убрал пару влажных волосков с лица.

— Ты как? Поехали?

Я смогла только слабо кивнуть и сделать один шаг вперед, когда услышала безумный крик Арины.

— Ты жалок, Матвей. Как и ты, Глеб. Вы бегаєте вокруг неё, а она вас использует. Вы для неё всего лишь игрушки, забава, развлечение....

Матвей возмущенно заглотнул воздух, а Глеб рванул к ней. В то же время я резко

развернулась и с размаху ударила её по щеке. Хлесткий звонкий удар раздался в тишине комнаты. Я знала, что вокруг успели столпиться люди, но все молчали. Так же как и Глеб с Матвеем. Так же как и Арина со мной.

Я глядела в знакомые глаза, но они уже не напоминали мне о прошлой Арине. Я пыталась в них найти отражение прошлого. Ведь когда-то в них полыхали настоящие чувства поддержки, сопереживания и многого всего остального. Я не понимала, как они могли трансформироваться в злость и в зависть. Была ли вероятность того, что я просто в тот год не разглядела эти эмоции, или Арина отлично их скрывала от меня.

Но ударила я её не из-за этого. Потому что единственное, чего я точно никогда не позволяла другим, так это оскорбление. Особенно если оскорбляли близких для меня людей.

— Не смей, — холодно процедила я, глядя ей в глаза. — Так о них говорить. Ты злишься на меня, так оскорбляй меня. Не смей трогать других, только потому что хочешь сделать больно мне.

— Но ты играешь ими!

— Я никого не держу рядом с собой. Я наоборот отталкиваю людей, когда сомневаюсь, что смогу сделать человека счастливым. Я никогда никого не ломала, чтобы оставить его в моей жизни только из-за моего эгоизма. Если я чувствую, что ему лучше без меня, то я лучше отпущу. Я лучше вырву себе сердце, чем позволю страдать ему рядом со мной. Но тебе это не понять. Ведь так, Арина?

Она ответила на мой вопрос — красноречивым молчанием. Я медленно оглянулась и только сейчас заметила, сколько вокруг людей. Смотреть на Глеба или Матвея я принципиально не хотела. Слишком громко звучали мои слова. Отголоски моего признания, как и их, создавали душную атмосферу.

В углу я заметила взъерошенную чуть помятую Марину и с облегчением выдохнула. Она поняла, что ей пора выйти на сцену и пробилась сквозь толпу, держа в руках телефон.

— Звонила Варя. Нам нужно ехать.

— Заказывай такси. Позавтракаем уже на месте. Дэн, — гаркнула во все горло я. Её вихрастая темная голова появилась в том же углу, где минуту назад стояла Марина. — Собирайся. Пора заняться делом.

Они оба мигом исчезли собираться, но толпа не расходилась. Люди пялились на нас и тихо переговаривались друг с другом. По крайней мере в их руках отсутствовали телефоны. Я сделала шаг, чтобы тоже уйти, когда услышала тихий голос.

— Ксюша....

— Оставайся тут. Ты редко отдыхаешь, а у нас дела.

— Но...

— Матвей, прошу это лишнее.

Через полчаса мы уехали. Мы прибыли на место горной съемки и тут же приступили к работе. Я работала, словно снова стала новенькой ассистенткой. Бегала, таскала вещи, меняла декорации. Мне казалось, что если я остановлюсь, то сегодняшнее утро снова догонит меня. Марина пыталась помогать мне, но похмелье и бурная ночь давали о себе знать.

Но я про себя благодарила её и Дениса за то, что они оба молчали. Они не вспоминали утреннюю ссору и мои растрепанные чувства, будто ничего не было. К тому же во мне отсутствовали любые признаки желания поговорить. И видимо все знали об этом или предполагали. На телефон за весь день пришло только одно сообщение не связанное с

работой.

«Это Нина. Сохрани, пжлст, номер. Ты обещала быть на свадьбе. П.с. Ты была крута».

Её последние слова поддержки не подбодрили меня. Наоборот, мне показалось, что я вернулась в школу. Снова оказалась меж двух огней и мнимой соперницы. Ведь в тот год я столько проблем словила от того, что закрутила роман с популярным парнем и подружилась с мажором. А ведь хотела прожить у тети в тени.

Это ведь надо было прожить тот год настолько ярко, что до сих пор получаю пинки.

Вроде бы глупо об этом думать, ведь давно не школьница, но, к сожалению, и не думать об этом не могла.

Уже поздно вечером вся команда села на самолет. Я перекупила себе место в первом классе, чтобы немного отдохнуть от окружающих людей. К тому же мне принесли наушники и ночную маску на глаза, но не успела я приготовиться ко сну, когда рядом плюхнулось всей массой огромное тело.

У Матвея точно талант к неожиданным появлениям.

— Ты разве не планировал остаться подольше, — хмыкнула я, продолжая подготовку ко сну.

— Не-а, — протянул он и махнул стюардессе. — Шампанское, пожалуйста.

Девушка кивнула и помчалась выполнять заказ.

— Так значит я наконец стал дорогим для тебя человеком? — С ухмылкой проговорил он.

— Скорее близким, — глухо ответила я и сжала маску для сна. — Разве ты этого не знал? Вот я не знала, что до меня ты был молчуном в классе.

— Почему ты сбежала?

— Стала неловко от собственной эмоциональности, — неуверенно начала я. — Словно снова в школу попала. Я, ты, Глеб и ревнивая девица. Вроде давно взрослые, а ведем себя как дети.

— И ты из-за этого сбежала? — Рассмеялся Матвей. — Я уж подумал, что ты влюбилась меня, когда я влюбился в другую.

Я косо посмотрела на него и ответила на его залихватскую улыбку.

— Не дождешься такого.

— И кстати, в те годы я молчал, не потому что был стеснительным молчуном, а потому что обижался на бабушку. Она отправила меня в обычную школу, а не в лучшую, где учились мои друзья. Я хоть и молчал, и был букой со всеми, но когда хотел умел быть обаятельным засранцем.

— Видимо как раз из-за этого бабуля тебя и отправила в обычную школу к обычным деткам. Чтобы не поднимал голову выше нужного.

Матвей хмыкнул и вдруг посмотрел в проход между рядами сначала вперед, затем назад; глянул через меня в окно, снова в проход, уселся по удобнее, поправил бежевые брюки, разгладил рубашку и очень сильно обрадовался, когда девушка принесла бокал.

— Да говори, что хотел сказать, — устало произнесла я.

Но он продолжал молчать, хотя весь его вид говорил, как ему неймется что-то мне поведать. Он, причмокивая, допил шампанское, кивнул девушке, чтобы повторила, и только после второго бокала завел разговор в интересующее его русло.

— Может тебе снова попробовать отношения с Глебом?

— Чего?

— Ты ведь до сих пор сохнешь по нему, а он, — он задумчиво провел по волосам. —

Точно до сих пор любит тебя.

— Матвей....

— Он так смотрел на тебя, когда ты уходила. И так разозлился на Арину из-за ссоры. Я уже подумал, что он не удержится и вдарит ей.

— Это все в прошлом....

— К тому же Арина согласилась подписать отказ от дочери.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — Воскликнула я.

— Ты наконец-то осела. Ты готова к семейной жизни, да и он стал менее самоотверженным придурком. Может вы сейчас сумеете найти слова для разговора.

Стюардесса начала подготовку ко взлету, а я отвернулась к окну. Взлет прошел быстро и почти незаметно.

Матвей умудрился уснуть вперед меня, в то время как я потеряла весь сонный настрой.

Мысли вертелись вокруг идеи друга, но я не хотела с ним соглашаться. Потому что я и Глеб не станем второй раз заново строить отношения. Прошое должно остаться в прошлом, но в чем-то Марков был прав.

Я должна найти слова для разговора. Возможно та связь, которая держала меня с Глебом — это не что иное, как вина. И мне нужно попросить у него прощение.

За ложь.

За исчезновение.

За молчание.

Я задолжала ему объяснение и извинение.

Возможно после этого я смогу открыться к новым отношениям. Ведь я действительно готова к семейной жизни. Даже если не готова сейчас, то впервые за десять лет я захотела её обрести. Я — Ксения Малахова, захотела создать свою собственную настоящую семью.

На следующий день после поездки на юг я получила от безопасника фото и видео со слежкой Жени. Наступил обед, поэтому я без спешки просмотрела каждый кадр, но ничего подозрительного на них не заметила. Немного подумав, мне пришлось отправить Валентину Яковлевичу отмашку, чтобы он прекратил наблюдение за девушкой. Всё же влазить в чужую частную жизнь без причины не в моих правилах.

Растрепанные чувства мешали работать. Но рабочий процесс не ждал, как и предатель, который затесался в моем агентстве. К тому же как бы дерьмого я себя не ощущала, встреча выпускников дало мне кое-что ценное. Вечеринка наглядно показала мне, что у каждого человека имелся неограниченный запас масок на все случаи жизни, и мне нужно быть осмотрительней, а не самоуверенной. Поэтому я собралась и продолжила упорно работать.

На рабочем столе лежал перечитанный в десятый раз отчет Никиты. Ему тоже приходилось не сладко в финансовом отделе. Ведь он тоже не знал, кому можно доверять, а кому нет. А ещё он забрал множество бумаг к себе, чтобы в свободные часы искать следы пропавших денег. В этом ему помогла информация с данными от безопасника, которые я запросила.

Предосторожность Никиты заставила и меня развить некоторую паранойю. В домашнем сейфе уже хранилось большинство договоров по конкурсу вместе с другими конфиденциальными бумагами. А ещё я попросила Дениса заняться проявкой снимков на другой студии.

Мне хотелось исключить как можно больше возможных утечек.

Потому что кто-то тут явно действовал против меня, но я не имела понятия кто.

— К ней нельзя, — услышала слегка приглушенный испуганный голос Жени.

— Я твой босс! Так что села и не высовывайся, — выкрикнул Анатолий и распахнул дверь в мой кабинет.

Я степенно убрала все разложенные бумаги в стол и мрачным взглядом уставилась на непрошеного партнера.

— Что же ты себе позволяешь? — Холодно уточнила я, наблюдая как под брендовой полосатой рубашкой тяжело вздымалась грудь Хрусталева.

Между бровями Анатолия проявились две искривленные морщинки, к которым он всегда был нетерпим, его губы вытянулись в тонкую едва видимую линию, а рука крепко сжимала дверную ручку, от чего его костяшки побелели. Он мягко толкнул дверь, будто сдерживал всю накопленную ярость для меня, и решительно шагнул. Он нагло обошел стол, а затем, упираясь рукой в моё кресло, нагнулся ко мне и прорычал.

— Что ты себе позволяешь, Малахит? Ты мне не доверяешь? Ты дискредитируешь меня? Какого черта, ты присылаешь ко мне юриста, который хочет выкупить мою долю.

Я удивленно моргнула и хмыкнула. К нему я точно никого не посылала, а это значит, что Марков решил действовать за моей спиной. Интересно до поездки или уже после? Но судя по реакции Анатолия, он прибежал сюда сразу после встречи с неизвестным юристом.

Я ладонью хлестнула по его руке, которая опиралась на кресло, а затем встала, когда Анатолий уподобился отступить.

— Это не причина, чтобы врываться в мой кабинет и кидаться претензиями, — грозно проговорила я. — У меня были причины захотеть отказаться от такого партнера, как ты. И

нигде не сказано, что я не в праве выкупить твою долю, если захочу.

Как только стих мой голос, тишина вокруг будто стала тяжелее. Я демонстративно молчала, давая время Анатолию принять решение. Хотя я сомневалась, что он сейчас согласится на сделку, но всё же надеялась, что он где-нибудь проколется. Ведь Анатолий мог случайно проговориться, если бы заволновался из-за намека на подозрение в его нечестности. В то же время я знала, что говорить прямо опасно. Ему нельзя знать, что мои люди прознали про махинации со счетами. Если Анатолий причастен к ним, то он уничтожит все улики после нашего разговора. А если нет, то он может использовать этот момент, чтобы лишить меня доверия со стороны других бизнес-партнеров и спонсоров.

— И какие же причины? — Не повелся на удочку Анатолий. — Я нахожу тебе новых модельеров, которых ты почему-то не приглашаешь. Выполняю работу на показах, хотя мне приходится самому искать приглашения для себя. Ведь ты не удосуживаешься меня внести vip-список. Так почему же ты недовольна мной? И при этом запрещаешь мне высказывать недовольства тобой?

— Наш разговор неделю назад.

— Ах, в этом все дело, — выдохнул Анатолий, отошел к моему бару и, без моего разрешения, налил себе выпить. — Ты дура, Малахит, которая пытается вести себя правильно в рамках морали. Ко мне ЛИЧНО обращались многие девчонки с намеком на то, что они хотят обслуживать особых гостей. Они сами хотят быть содержанками, а не только моделями. Именно поэтому я сделал тебе такое предложение. У Нинель есть выход на богатых мужчин. Её муж Воровицкий достаточно влиятелен, чтобы помочь с этим. От тебя требуется только согласие.

— Вот поэтому, — хмуро проговорила я, подошла к нему и вырвала пустой бокал из рук. — Нам с тобой не по пути. Я собираюсь забрать твою долю, которая попала к тебе случайно. А Нинель можешь вместо меня послать далеко и надолго.

Мы исподлобья глядели друг на друга, а вокруг нагнеталось мрачно-решительное настроение. Обе стороны даже не думали отступать. Анатолий оказался крепким орешком, с этим я прогадала. Когда я впервые встретила его, мне он показался хилым середнячком, которых много, и из-за этого сняла его со счетов. Я даже не заметила, что не осмотрительно повторила ошибку, как когда-то с Ариной.

Недооценила противника, и поэтому оказалась в заведомо в проигрышной позиции. Но битва не вся война.

Нас, к счастью, отвлекли. Кто-то настойчиво постучался, и мы одновременно обернулись на звук открывшегося замка. Марина насторожено заглянула, будто готовилась увидеть чей-то труп, и вошла, оставляя дверь открытой. В приемной мелькнули работники агентства, готовые в любую секунду вбежать в кабинет.

— Нужна помощь? — Спросила у меня Марина, игнорируя Анатолия.

Эта демонстрация ещё сильнее взбесила его; он шагнул ко мне с подрагивающими руками, а я опередив его твердо ответила.

— Нет, Анатолий уже уходит.

Он замер. В ту же секунду по коридору послышался топот тяжелых шагов и в кабинет ворвались двое охранников с вестибюля, а за ними, запыхавшись, плелась Евгения. Огромные мужчины встали и невольно телами загородили для остальных вид на происходящее.

Случился перевес сил и не в пользу Анатолия. Он оскалился охране, понимая, что они

легко справиться с ним. Но, вместо того чтобы уйти, он будто шакал глянул на меня и тихо проговорил, чтобы лишь я одна услышала его.

— Ты не понимаешь от чего отказываешься, Ксюша.

— Ксения Валерьевна, — поправила его и продолжила. — Я советую тебе продать свою долю мне.

— И отказаться от прибыльного, и самое главное перспективного места, — хохотнул он, с пренебрежением оглядывая кабинет.

— Либо ты продаешь мне её по-настоящему цене, — угрожающей прорычала я. — Либо за копейки. Это моё последнее слово. А теперь выметайся из моего агентства. Охрана, выведете его.

Охрана с легкостью схватила его за локти, но Анатолий умудрился шагнуть ко мне и прошипеть в самое ухо.

— В следующий раз я буду не один, Малахит.

Вырвав руки из захвата охранников, Анатолий самостоятельно вышел из кабинета. Люди молча пропустили их, а вот Женя сжалась всем телом, когда он проходил мимо. Но Хрусталеvский даже не взглянул на неё.

Сосчитав до десяти, я вышла в приемную и громко хлопнула несколько раз в ладоши.

— Внимание! Если вы ко мне по делу, то я начну принимать через пять минут. А пока вам лучше разойтись.

Под моим взглядом работники агентства, среди которых я заметила офисников и моделей, медленно начали расходиться. Постояв минуту на пороге, мне удалось наконец-то вернуться к себе. Марина намеревалась остаться со мной, но я покачиванием головы попросила оставить меня. Мне необходимо одиночество, хотя бы на пару минут.

Я с наслаждением плюхнулась в кресло, откинулась на спинку и закрыла глаза. В мыслях мелькали кусочки недавнего разговора, мешая расслабиться. Руки крепко сжимали подлокотники, словно я находилась в самолете, который готовился к взлету. Тревога неприятно покалывала, но уже не казалась такой обреченной. Мне хотелось вырваться из стягивающих пут и яростно закричать, чтобы напугать криком врагов и облегчить душу. Но голос не подчинился мне. Да и тело тоже. Я ослабла, но сдаваться рано. Пока рано.

Едва слышный звук закрытия внутреннего замка двери и последующих шагов по ковровину заставили меня вырваться из гнетущих мыслей. Я выругалась про себя и не открывая глаз процедила.

— Марина, дай мне пять минут одиночества. Это все что мне нужно.

— Ты действительно веришь в то, что одиночество поможет, — конкретно голос этого человека, я ожидала услышать меньше всего.

Резко распахнув глаза, я увидела высокую фигуру Глеба. Он стоял, сложив руки на груди, и уставился на меня с каким-то необъяснимым ожиданием. Может он верил в мою непобедимость или бессмертность, а тут сидело нечто только похожее на меня. Это нечто больше напоминало растекшееся желе с особым ингредиентом тревожного нитья. Возможно такой вид его заставит разочароваться во мне.

— Оно мне помогает абстрагироваться, — я сухо ответила и выпрямилась в кресле.

Мой взгляд бегал по всему кабинету, стремясь не задерживаться на госте. Я не хотела смотреть на Глеба, но сопротивляться соблазну сложно. Особенно после случившегося на вилле.

— Или закрыться, — не поверил моей бравате Глеб и устало вздохнул, опуская руки.

— И это тоже, — я наконец подняла голову, взглянула на него прямым взглядом и равнодушно заметила. — Глеб, дай мне пять минут. После я приму тебя первым. Ты ведь хотел по делу поговорить? Сумел поставить маячки, или они сработали? — Испуганно добавила я.

Вдруг все навалившиеся проблемы — это четко продуманная подстава Анатолия. Саботаж конкурса, дискредитация агентства в интернете и мошенничество сделал один Хрусталеvский. Неужели он хотел забрать у меня моё детище? Или просто жаждал обогатиться? Или он задумал отомстить мне за придуманные обиды?

— Я пришел, потому что услышал крики в коридоре. Хотел вывести этого придурка, но охрана среагировала быстрее меня. А сюда зашел, потому что ты нуждаешься в поддержке.

Его доводы, как всегда, звучали четко и логично. Он, как всегда, поступал правильно и порядочно. Я хмыкнула и попыталась улыбнуться, но серьезный, а главное убежденный вид Глеба не позволил мне обмануть его. Снова. Сейчас он бы не поверил моим увещаниям о нормальном состоянии.

Мне пришлось недовольно захлопнуть рот и слегка кивнуть, в какой-то степени признавая собственное поражение. Прежде мне не доводилось показывать при нем своей слабости. Казалось, что Матвей и то чаще видел меня сломленной и подавленной. А вот Глеб — нет. Даже после давней драки с хулиганками я оставалась стойкой. Нежная барышня, которой требовалась защита, — история явно не про меня.

Молчание в кабинете не напрягало. Мне не требовались слова утешения или крепкие объятия, но то, что он находился здесь, приятно согревало. Меня постепенно отпускали тревога и желание выпить что-то крепкое и дорогое.

Я встала и отвернулась от него к окну. Меня стыдила сама мысль, что снова я проявила перед кем-то яркие эмоции, а он к тому же увидел мою уязвимость. Я сделала глубокий вдох и, развернувшись, заговорила.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему? — Он шагнул ко мне, пытаясь высмотреть ответ на свой вопрос на моем лице.

— Потому что прав на поддержку от тебя у меня нет. Ты мне не друг, и мы оба не свободны.

— Я не знал, что ты в серьезных отношениях с Марковым. Все говорят, что вы дружите.

Истеричный смешок сорвался с моих губ. Вот знал бы ты, Глеб, с кем действительно в серьезных отношениях Матвей, то не произносил его имя так легко.

— Он мой друг, — согласилась я. — Но парень у меня всё же есть.

На столе завибрировал телефон. Он лежал в центре стола экраном вверх. На дисплее высветилось имя «Кванджон» с нашей фотографией-селфи, где мы отдыхали на греческих островах.

— Уходи, мне нужно ответить.

Но Глеб не уходил. Он продолжал, не мигая, пялиться на вибрирующий телефон. Не долго думая, я схватила трубку и нажала кнопку принятия вызова. Мой голос смягчился, когда я слышала Кванджона из динамика. Он мило поприветствовал меня, и я невольно улыбнулась.

Я не видела, когда Глеб разворачивался и уходил, но зато слышала, как дверь ударилась о косяк.

Спустя десять минут мы попрощались, а ко мне проскользнула Марина. Она до сих пор

встревоженная из-за визита Анатолия мялась около стола, но при этом её глаза по какой-то причине возбужденно мерцали.

— Со мной всё хорошо, и да, я собираюсь выкупить долю Анатолия, — вперед неё ответила на возможные вопросы.

В этот момент я набирала сообщение Матвею, в котором согласилась на его предложение будущего партнерства. Мой друг чересчур щедр со мной, но притворяться гордой недотрогой не время. Лучше сотрудничать с честным Марковым, чем с подлым Хрусталеvским.

Нажав кнопку отправить, я взглянула на Рубин. Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и, как только заметила мой пристальный взгляд, атаковала.

— Почему спец вышел из твоего кабинета таким..., — она обвела глазами всю меня, подбирая слово. — Взвинченным?

Я отложила телефон экраном вниз и отодвинула клавиатуру, чтобы дать себе минутку на ответ. Но ступня подруги уже отбивала непрерывную дробь, сбивая с мысли.

— Это не так уж и важно, Марина, — спокойно ответила я, не глядя на нее.

— Ты его послала? Он позвал тебя на свидание, а ты оскорбилась? Ты....

— Это не важно, — рывкнула я и дернулась к главному распорядителю. — Сейчас важны немного другие вещи, а ты продолжаешь приставать ко мне с прошлыми отношениями. Они кончены! Ясно?

— Но я думала, — растерянно произнесла Марина.

— Тебе не нужно думать об этом. Это касается только меня.

Звук не успел затихнуть в комнате, как я осознала, что наделала.

Я обидела её. Снова.

Снова защищала эмоциональные границы, не позволяя рассекретить собственные чувства. Конечно, мои эмоции на пределе, и я сомневалась, что смогла бы выдержать ещё один прессинг. Но при этом разве я в праве срываться на человека, который беспокоился обо мне.

Только потому что хотела закрыться ото всех в глухую броню.

— Ладно, — опустошенно ответила она.

Марина собрала раскиданные папки и молча вышла из кабинета. Я хотела окликнуть её, но передумала. Вместо этого я начала стучать по клавишам клавиатуры, изображая бурную деятельность. Но с её уходом я уронила голову лицом вниз на столешницу и утробно зарычала.

Мне хотелось спрятаться в самую глушь под плотное одеяло, чтобы никто не сумел найти. Но об этом можно начать мечтать только после полного расследования в агентстве, тщательной вычистке штата и смены партнера. Вот тогда и выберусь на отдых на какие-нибудь острова.

С боевым энтузиазмом я приступила к работе, но опять не надолго. В приемной вновь раздались крики и дикие вопли. Я услышала, как Женя верещала, что сегодня она никого ко мне не впустит. Но женский истошный голос ей яростно возразил.

— Эту сучку я увижу именно сегодня и сейчас. И ты меня не остановишь, дрянь, — хлесткий удар, после которого дверь в кабинет грохнулась о стену.

Теперь проем загораживал ещё менее ожидаемый гость. Похудевшая до изможденного состояния, с дотемна загорелой кожей и с безумными бегающими глазами Нинель Воровицкая появилась на пороге моего агентства. Она обежала взглядом кабинет, будто не

могла остановиться, затем суетливо вошла, закрыла дверь на замок, перед этим грубо вытолкнув Женю, и обошла комнату по периметру.

Я внимательно следила за действиями жены бизнесмена, обдумывая вероятные причины встречи.

Тем временем она приблизилась ко мне, обошла гостевое кресло, села в него, закинула ногу на ногу, а затем порывисто поменяла их, словно возомнила себя актрисой эротического триллера. Нинель теребила старинный медальон на груди и жутко щерилась мне, не забывая зловеще похохатывать.

— Давно не виделись, Малахит, — надменно проговорила она, доставая тонкие французские сигареты. Она подожгла одну и претенциозно закурила, даже не думая просить пепельницу или что-нибудь подходящее для пепла. — У тебя красивое агентство, что говорит о твоём хорошем вкусе.

— Чего не скажешь о тебе, — я откинулась в кресле и въедливо осмотрела её.

Леопардовое платье с высоким вырезом, шиншилловый мех на плечах, черные чулки с поясом, на пальце большой бриллиант в классической огранке и в мочках крупные золотые серьги-подвески. Вульгарно и в то же время пафосно, но самое главное безвкусно. Как и все её модели, которые она создавала и смела называть творением.

— Не груби мне, деточка, — Нинель скинула на ковролин пепел и нагло ухмыльнулась. — Ты не знаешь, кого записываешь себе во враги. Я та еще властная стерва, которая до сих пор хочет быть тебе другом. Но если достанешь, то с радостью стану врагом. Буду гнать тебя как пугливую бесполезную ослицу до тех пор, пока не наскучишь мне. Поняла?

— Не особо, — возразила я.

В ту же секунду глаза Нинель налились кровью, а её губы искривились в глумливом оскале, после чего она соскочила с кресла, чтобы опереться о мой стол и надвинуться на меня. Её пальцы продолжали держать сигарету кверху, но горячий пепел упал на край документа, опаливая и черня бумагу.

— Тебе лучше меня бояться, Малахит, — выплевывая слюну, произнесла она. — Я знаю твои слабости, а ты мои нет. Так что слушайся и повинуйся мне.

Нахмурившись, я встала, чтобы выравнять наши взгляды, и проверить кое-какую догадку. Мне не нравилось её вызывающее поведение, вместе со слишком широкими зрачками, переменчивым настроением и критической худобой.

Неужели она не только булимией баловалась, но и чем-то запрещенным и опасным.

— Ты меня совсем запутала. Может объяснишь по-нормальному, — спокойно проговорила я, наблюдая за её мимикой. — Чего ты хочешь?

— Хочу? — Мышцы её лица моментально расслабились, после чего она с мягкой улыбкой упала на кресло и затаилась почти полностью истлевшей сигаретой. — Сотрудничества. И ты на него согласишься. Знаешь почему?

Я с недоумением хмыкнула и равнодушно пожала плечами. Разве у меня есть точки давления? Да и способна ли она сделать что-то серьезное?

— Слушай только имена и мои идеи насчет этих людей, — довольно усмехнулась Нинель и ещё раз затаилась. — Агентство возьмёт на себя Анатолий и раздерет его на части. Потому что я дам ему нотариально заверенный, дарственный документ с твоей красивой подписью. Все твои девочки, о которых ты так беспокоишься, либо вылетят с волчьим билетом, либо станут работать сама знаешь кем. Денис Яров потеряет репутацию

фотографа, потому что у меня есть показания одной модели, которую он изнасиловал. Матвей Марков рыба покрупнее, признаю, — она в последний раз затянулась, а затем затушила сигарету о мой рабочий стол. — Но неизвестно откуда найдутся свидетели того, как он обманул вкладчиков на строительство, а тем временем деньги с его счетов исчезнуть в никуда. Стафеев Никита сядет за мошенничество. Лев Бойм попадет в приют, где из него сделают отбивную. И не делай такие недоуменные глаза. Я знаю, что он твой биологический сын. А Глеб Алмазов, твоя школьная любовь останется без работы, потому что он когда-то нарушил условия конфиденциальности.

— Откуда? — В ужасе прошептала я и присела на край кресла. — Откуда ты знаешь?

— У меня свои источники, — улыбнулась она и встала. — Советую подумать до вечера.

Позвони, когда примешь решение.

Нинель послала воздушный поцелуй, подмигнула мне и вышла, аккуратно закрыв за собой дверь. Мне же оставалось только спрятать лицо в ладонях и глухо застонать.

Что за дурдом вокруг меня? И что мне теперь с ним делать?

Вдох-выдох.

Что мне делать?

ВДОХ-ВЫДОХ.

Что мне, мать вашу, сделать, чтобы их вытащить? — Громче заорала про себя.

— Ксения Валерьевна, — вбежала Женя.

— Пошла вон!

— Но там...

— Вон! — Крикнула я. — Больше никого ко мне не пускай. Сегодня работают другие.

Секретарша сию секунду исчезла, захлопнув дверь, и наконец оставила меня одну.

Кто бы мог справиться с ТАКОЙ проблемой? Кому мне нужно позвонить, чтобы решить её? Я ведь не смогу ни с кем поделиться за между прочим. Особенно с теми, кто находился под прицелом бешеной наркоманки.

Матвей тут же пойдет в атаку, хотя пока рано показывать, что готов к войне. Потому что никто из нас не готов. Кто-то сливал информацию обо мне Нинель. Кто-то кого я часто вижу и у кого огромные уши.

Никиту нужно оградить от опасности, чтобы он спокойно продолжал разбираться со счетами. К тому же вряд ли на него смогут повесить мошенничество, раз он начал распутывать преступную схему и задействовал знакомых из банковской сферы. Это также значило, что они не знали про нашу осведомленность о дырах в бюджете. Никита должен понять схему мошенничества и найти последнюю точку, чтобы рассекретить имя вора.

С Марковым тоже придется играть в молчанку. Пусть он займется подготовкой к выкупу доли, но его придется кое о чём попросить. Нужно, чтобы он активничал не столь явно.

Денис.... Он бы не стал никого насиловать. Но если у Нинель действительно есть модель с хорошими актерскими данными, то дела плохи. Надо будет расспросить его о прошлых конфликтах и возможных отношениях с моделями. Денис ведь ушел из журнала, но он мне не рассказывал причину. Ещё тогда я сомневалась, что он перешел в агентство только ради меня.

Отлично, — мысленно похвалила себя, уже спокойнее рассуждая о навалившейся проблеме.

Оставался Лев и Глеб. Лев находился в семье с биологическим и юридическим отцом. Значит находился в относительной безопасности. На как быть с Глебом. Можно ли ему

рассказать о шантаже и что он в опасности из-за меня? Или его уволить, чтобы оградить от этого?

Не получится.

Нинель знала про мой с ним школьный роман. Неужели кто-то услышал мой разговор с Мариной? Значит увольнение не поможет, и мне придется с ним поговорить о его хакерских возможностях. Может быть ему рассказать о проблеме в общих чертах?

Не самая удачная идея, но другой нет. У меня нет знакомых специалистов хакеров. Только один паренек, так он больше техник, чем программист.

Звонок прервал мои размышления, а высветившее имя наполнила меня надеждой.

— Валентин Яковлевич, — Неверяще прошептала в трубку, сжимая её будто она спасительная соломка в бушующем океане.

«Приезжайте сегодня в Сокольники. Я сведу вас с нужным человеком. Он вам ещё нужен?».

— Ещё как, — я чуть не заплакала от счастья. — Во сколько?

«В семь. Возле Собачьего пруда», — быстро проговорил он и тут же скинул звонок.

Часы показывали четвертый час. Рабочее настроение у меня отсутствовало, да и мыслями я находилась далеко от агентства. Но у меня оставалось время, чтобы кое-что проверить.

Я быстро собрала документы, сложив их в сумку, и выскочила в приемную, чуть не сбивая Женю с корточек.

— Ты подслушивала? — Удивилась я.

— Что вы? — Ахнула девушка, поднимая карандаш. — Он упал, а я его поднимала.

Сначала я взглянула на простой карандаш с резинкой на конце, а затем медленно перевела взгляд на лицо Евгении. Её невинный, чуть взволнованный вид подкупал, но не меня в такой непростой ситуации.

Она могла подслушивать мои приватные разговоры? — Да.

А если у меня в кабинете прослушка? И ведь не проверишь, раз кто-то за мной следил.

Скорой у меня разовьётся паранойя, и я перестану разговаривать в кабинете.

Слегка улыбнувшись я прошла мимо, застегивая на ходу блейзер и поправляя сумку. Кнопку вызова лифта я нажала раз десять, если не больше, и затем ожидала подъема кабины, нервно постукивая мыском закрытой туфли.

— Ксюша, — за спиной прозвучал голос Марины. — Ты куда?

— Не важно, — отмахнулась я. — Срочные дела, я потом позвоню.

— Разве мы не должны выбрать афишу, — обеспокоенно спросила подруга, и я оглянулась.

По правую руку от неё стоял хмурый Денис. В руках он держал пачку фотографий. Наверное с южной фотосессии. Да, мы планировали сегодня выбрать пробную афишу. Но сейчас это казалось не таким важным, как с утра. Вдруг мне придется всё закрыть к чертям, чтобы лишить нелюдей площадки для реализации гнусных планов.

Ведь я смогу это сделать, если придется.

— Отсейте до десяти вариантов. Остальное решим завтра.

— Ксюша, что происходит? — Устало выдохнула Марина и сделала шаг ко мне.

К счастью, в этот момент дверки лифта раскрылись, и, к несчастью, из кабины навстречу вышел Глеб. От него пахло сигаретами, да и выглядел он не важно. Хотя я сомневалась, что мой вид чем-то отличался от его. Я обошла его по касательной и ворвалась

в лифт, сразу же нажимая на кнопку первого этажа.

— Ксения Малахова, — выкрикнула Марина, рванув ко мне, но не успела. Дверки сомкнулись прямо перед ней.

На улице я поймала такси и назвала адрес, но не совсем тот что нужен, а в соседнем квартале. Однажды мой телефон начал барахлить, и я отнесла его в ремонт. Совсем юный мальчишка превосходно разбирался в технике. Именно он вытащил из моего новенького смартфона трекер слежки и обнаружил встроенное подобное приложение.

Поэтому сейчас я снова отправилась к нему, чтобы убедиться, что мой смартфон не подцепил чужую гадость.

— Ксю, — пожал плечами Тимофей. — Давно не виделись.

— Мне нужна помощь, — я проговорила, оглядываясь, и зашла в его квартиру. — Как быстро ты можешь проверить телефон на жучки?

— Срочно? — Равнодушно спросил он.

— Очень.

— За час управлюсь, но попрошу не меньше пятидесяти за работу.

— Удвою сумму, если проверишь его очень и очень тщательно, — протянула ему телефон и снятую недавно наличность и села на свободный табурет на кухне.

Тим ушел к себе выполнять работу, а я сжала руки и кажется начала молиться. Почему-то в эту напряженную секунду я думала о Льве. Он хотел, чтобы я помогла ему, но из-за меня он мог влипнуть в реальные неприятности.

Час пролетел в страданиях и самоуничтожении. Но Тимофей справился быстро и спас меня от долгой муки.

— Он чист, как слеза младенца. Ты ведь ко мне приходила, когда только купила его. Я тебе ещё тогда поставил хорошую защиту. Чего так перевозбудилась?

Он глупо хихикнул, когда передавал мне аппарат, а я забирала его вспотевшими руками. Мне мерещилось, что кусочек металла нес неотвратимую опасность.

— Ты ведь говорил, что шанс заражения есть в случае прямого контакта через USB.

— Было такое, — согласно кивнул Тим.

— Или если жучок засунуть внутрь.

— Угу, но он у тебя чист, — повторил он. — Я проверил внешнюю конструкцию и проверил всё внутри. Никаких левых приложений или управления со стороны.

— Спасибо, — прошептала я и тесно прижала телефон к груди. — Вот твоя вторая часть.

Кивнула на стол, куда положила оговоренную дополнительную сумму.

— У тебя проблемы?

— С чего ты взял? — Ощерилась я, подозревая с бухты-барахты ещё и Тима.

— Ты ведешь себя странно, — прямо ответил парень. — Словно в любую секунду может появиться инопланетянин и украсть тебя.

— Лучше бы инопланетяне, — с горечью ответила я и прошла на выход. — Не думай об этом. Я справляюсь с этим.

Он не успел ответить, потому что я быстро сбежала вниз.

Теперь я была уверена в безопасности личной техники, что ослабляло тревогу и паранойю. Я глянула на наручные часы и убедилась, что до встречи с Валентином Яковлевичем оставалось не так много времени.

Решила не брать такси, а добраться до парка на автобусе. Немного покружив, я

добралась до остановки и села на нужный городской транспорт. Там жил недалеко от Сокольников, поэтому уже в шесть тридцать я входила в парк и в окружающую направилась к Собачьему пруду.

Летний вечер привлек большое количество людей. Они бездумно бродили по тропинкам. На встречу мне попадались то родители с маленькими детьми, то подростки, то влюбленные парочки. Я старалась расслабиться, чтобы не сильно выделяться среди отдыхающих людей. Но мне вряд ли это удавалось. Изредка я оглядывалась по сторонам, будто среди парковых деревьев искала врага.

В одном из киосков я купила поллитровку с водой и сделала жадный глоток. Ровно в семь я подошла к пруду, немного покружив, оперлась о деревянную балюстраду и уставилась на гладь воды. Всё. Больше от меня ничего не зависело. Больше ничего.

Телефон зазвонил в моих руках, и я тут же поднесла его к уху.

— Алло....

«Ксения», — проговорил Валентин Яковлевич. — «Слева от тебя стоит мужчина. Его зовут Завьялов Герман. Он из ФСБ. Он поможет тебе в твоём деликатном деле. Общайся, но не поворачивайся к нему чересчур сильно».

— Поняла, — хрипло ответила я, приподняв голову.

Валентин Яковлевич стоял на другой стороне пруда и словно отдыхающий разглядывал парк. Я скосила взгляд влево и заметила крупную мужскую руку, лежащую поручне.

— Можете называть меня просто Герман, — спокойно начал он, даже не глядя на меня. Он кинул небольшой кусок хлеба уткам, который они моментально схватили. — Он вас проинформировал, кто я?

— Только что, — сухо ответила я, делая ещё один глоток воды. — А вы знаете в чём состоит моя проблема?

— Да. Вы правы раз считаете, что ваша проблема не является чем-то мелким и не заслуживающим внимание. Но меня больше заинтересовало предложение сделать из вашего агентства эскорт. Кто вам сделал такое интересное предложение?

— Мой бизнес-партнер. Точнее наследник моего умершего бизнес-партнера.

— Анатолий Хрусталеvский?

— Да. Вы его знаете? — Удивилась я.

— Что ещё расскажите? — Не ответил на мой вопрос ФСБ-шник.

— Он предложил сотрудничать с Нинель Вороvицкой. Сначала он хотел продвинуть её как модельера и даже планировал закрепить её за моим агентством, но я отказалась. Неделю назад он раскрыл истинную причину сотрудничества.

— Что-то ещё?

— Сегодня Анатолий приходил и устроил ссору. Сказал, что я пожалею. А через пару часов пришла Нинель.

— Они вам угрожали?

— Она сказала до вечера дать ответ, иначе многие мои близкие друзья пострадают. Доказательств она никаких не давала, но мне не показалось, что она блефовала. Она предупредила, что у неё на руках готовые фейковые доказательства.

— Почему вы думаете, что фейковые?

— Потому что у неё есть подписанный, будто бы мною, и нотариально заверенный документ о передаче агентства Анатолию. — Я замолчала, сжимая до хруста пластиковую бутылку. ФСБ-шник молчал, словно думал о чём-то своём. Но мне было по-настоящему

страшно, и я паниковала. — Объясните мне, что происходит. Мне кажется, что за мной следят. Но я не понимаю, зачем им моё агентство. В Москве полно таких, которые совмещают сутенерство с моделингом. Почему именно моё?

— Успокойтесь, Ксения, — спокойно ответил Герман. — За вами не следят посторонние. Мои люди проверили вас. Но почему именно вы... потому что ваше агентство имеет прямой выход в зарубежные страны. С вами контактируют многие заграничные модельные дома, только потому что владелица вы. Поэтому Воровицкая заинтересована в вас. Мы точно не можем понять, какую роль выполняет Хрусталеvский. Сомневаюсь, что высокую, но скидывать его со счетов рано. Мы знаем о деятельности Воровицкой, но прямые доказательства её вины отсутствуют.

— Да она ведь больна, — поразилаcь я. — Как она не допускает ошибок.

— Возможно она всего лишь яркая вывеска, а настоящий управленец скрывается в тени. Мы знаем, что они ежемесячно организуют Сатифэксн клуб. Но нам не удастся узнать ни место проведения, ни время. Они тщательно шифруются.

— А моё агентство это шанс разоблачить их? — Понимающе спросила я.

— И очень большой. Они сильно запаниковали, раз начали в открытую вас агитировать вступить в сговор. Даже пошли на угрозы. Видимо кто-то важный должен присутствовать на следующем собрании клуба.

— От меня требуется впустить Нинель к себе и дать согласие?

— Да.

Я отвернулась от пруда, опираясь спиной о балюстраду. Разглядывая деревья и проходящих, я стала думать. Выбора нет. Мне придется согласиться. Но как они будут получать информацию? Я вернулась в исходное положение и выпрямившись уточнила.

— Вы пришлете девушку для поимки? Мне нужно ее принять?

— Это слишком подозрительно, — тоже выпрямился Герман и спрятал руки в карманы. — У вас есть модели, которым вы доверяете?

— И которые смогли бы стать эскортницей под прикрытием? — Слегка повернулась к нему, но тут же отвернулась раздумывая. — Есть. Что от неё требуется?

— На номер, что вам сейчас придет, — мой телефон пиликнул. — Ей нужно отправить адрес и время встречи.

— Но....

— Слишком рискованно? Да, очень. Ведь всех девушек проверяют на маяки перед входом в клуб, но сначала они приезжают на место встречи, адрес которого они получают за час. А вот оттуда их везут без телефонов в закрытой машине.

Они не собирались мне помогать. Скорее они нуждались в моем агентстве и в моих девчонках, чтобы вычислить преступников.

— Вы ведь понимаете, о чём просите меня?

— Знаю. Единственный шанс на успех это оказаться на точке сбора раньше, чем девушки приедут. И затем проследить за машиной.

Я глубоко вздохнула, примерно представляя, сколько осечек может произойти во время операции. Слишком много риска и вероятных «если». В итоге может оказаться так, что у девчонок либо появиться шанс выбраться из дыры, либо нет.

— Ксения, я понимаю, что вы за них переживаете. Но за последний год пропало почти сотня девушек. Они приезжали ради модельного будущего, начинали работать, а потом исчезали.

— И я сочувствую любым жертвам, но от этого волнение не пропадает. — Я опустила голову, чтобы скрыть слезы, и тихо ответила. — Согласна. Вам нужны данные модели, которая станет приманкой.

— Это Бабушкина Варвара?

— Откуда вы....

— Я из ФСБ, Ксения. Её мы тоже проверяли, и да, она подойдет по всем параметрам.

Его слова заставили меня замереть, потому что я услышала в них двойной смысл. Они узнали о её прошлом. Поэтому она идеально подходила, потому что она не вызовет подозрений, если присоединиться к эскортницам?

— До свидания....

Я резко развернулась, чтобы уйти, но напоследок Герман добавил:

— Если случится что-то срочное, вы тоже можете позвонить по этому номеру. Мы вряд ли снова встретимся.

После мы разошлись в разные стороны. Я бездумно брела до выхода из парка, а затем поймала такси и вышла недалеко от дома, чтобы купить вина и еды. С пакетом я вошла в подъезд, когда консьерж позвал меня.

— Ксения Валерьевна, вам сегодня пришло письмо курьером. Без имени отправителя, но курьер назвал ваш точный адрес и полное имя. Отправитель предупредил его, что вы поймете от кого.

Я сухо его поблагодарила и взяла свободной рукой тяжелый картонный конверт; вошла в квартиру и первым делом открыла бутылку вина, налив напиток в бокал. Только после порции алкоголя я вскрыла конверт, из которого вывалились фотографии.

Трясущимися руками я провела по лаковой поверхности снимков и тут же схватила бокал, допивая вино. Я грубо поставила пустое стекло на стол и снова посмотрела на снимки.

Там было всё. Моё агентство, модели, Денис, Никита, Матвей, Лев, Глеб и даже Кванджон. Также я нашла фотографию с заверенной дарственной, где стояла будто бы моя подпись, и другие снимки с доказательствами не блефа Нинель.

Но ещё среди фотографического вороха я обнаружила визитную карточку с одним номером без имени. Отправитель действительно не нуждался в подписи. Я достала свой старый телефон со старой сим-картой и, как параноик не рискующий афишировать нынешний аппарат, позвонила с него на неизвестный номер.

«Малахит», — самодовольно произнесла Нинель, а на фоне слышались джазовая музыка и людской гомон.

Разлепив сухие губы, я твердо произнесла:

— Я согласна.

Бесцельный взгляд скользил по поверхности французского окна. Я не замечала блестящие огни ночного города. Я не слышала как время двигалось вперед. Я даже перестала чувствовать боль.

Моё опустошение произошло неожиданно. Я старалась произнести два слова своему врагу твердо, сохранив остатки гордости. Но кому я могла соврать в такой момент? Ведь всем: и мне, и ей — было ясно, что меня загнали в угол. Она добивалась этого, чтобы затем раздавить меня, будто я надоедливый жужжащий комар. Поэтому, как только телефон погас, мои ноги ослабли, и я рухнула на пол, облачаясь спиной о стену.

В квартире горел тусклый настольный светильник, отбрасывая сизые тени. На столе лежали раскинувшиеся фотографии, а рядом словно маяк возвышалась темно-зеленая бутылка с вином.

Приподнявшись на колени, я подползла к столу и налила себе второй бокал. Тем временем стрелки на часах успели перескочить отметку двенадцать. Куда пролетели вечерние часы, я так и не поняла.

Пора бы лечь спать, но сна — нет. Сейчас даже алкоголь не помогал мне с бессонницей.

Немного подумав, я поднялась с колен, убрала остатки вина подальше в холодильник, налила себе крепкого черного чая и достала из сейфа бумаги со счетами. Я не спец в финансах, как Никита Стафеев. Математика ещё со школы меня только развлекала, но я не относилась к ней серьезно. Поэтому мне даже не приходила мысль, что списки счетов захотят открыть мне свой секрет.

В начале номера казались обычными наборами цифр с бухгалтерскими комментариями. Но с каждой следующей минутой они стали складываться в знакомый алгоритм. Интуиция насмешливо подкидывала мне зацепки, за которые я ухватывалась, но пока полная картина не спешила сложиться во что-то цельное.

Сомнение оглушило меня. Я настороженно глянула на холодильник, где лежала откупоренная бутылка. Вдруг это банальные галлюцинации, которые объединились с паранойей и усилились алкоголем. Но цифры не исчезали. Наоборот, картина постепенно выстраивалась в идеальную схему.

Сначала бралась некоторая сумма с одного счета, затем менялась на другом, а после выходила на следующую ступень смешивания.

Я устало откинулась на спинку дивана, прикрыв на секунду глаза, и начала вспоминать. Мысленно маячил главный вопрос: почему мне знакома схема хищения денег?

...

Париж. Pullman Hotel. Поздний вечер. Последний день Недели моды в Париже.

Скрестив ноги, Ануш сидела на постели. Она успела сходить в душ и облачиться в белоснежный махровый гостиничный халат. Её темные волосы, завившиеся на концах от влаги, и смугловатая кожа ярко контрастировали на фоне чистого белья. Она загадочно улыбалась, что-то вычерчивая на бумаге. Этим она напоминала ведунью, которая привлекала и одновременно отпугивала своей красотой и неизвестной силой.

Я приблизилась к ней, суша полотенцем волосы, и вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть её чертежи. Но усталость после рабочего дня на ногах мешала думать, поэтому я не удержалась и спросила:

— Ануш, что ты делаешь?

Она мельком глянула на меня и шире растянула губы, будто предсказывала мой вопрос и даже мою будущую, еще не случившуюся реакцию.

— Расслабляю мозги, — хмыкнула она, дописывая схему.

— Своего рода медитация? — Уточнила я и кинула полотенце на стул. — А что именно ты делаешь?

Ануш сложила листки в одну стопку и положила на тумбу, а затем пододвинулась и села на край кровати.

— Мне было лет десять, — вдруг вспомнила она, хотя раньше старалась не упоминать своё прошлое, в особенности родной дом. — В тот день я увидела один фильм. Мельком, когда пробежала мимо комнаты, но он впился в меня, будто не хотел покидать. Этот фильм о мошенниках и....

— Твоя любимая подборка криминальных фильмов, — воскликнула я, перебивая её, и махнула в сторону телевизора.

— Ну да, — смущенно кивнула Ануш и поправила упавшую прядь. Она вновь взяла в руки расписанные листки и с потаенной улыбкой добавила. — Мне нравится, когда голова занята чем-то. Иногда, ради прикола я придумываю планы или схемы....

Я в шоке распахнула рот и уставилась на подругу во все глаза. Потому что я впервые видела её слегка смущенной, ранимой и откровенной. Мне в голову никогда бы не пришла мысль, что Ануш способна обдумывать преступные планы. Это шокировало, и в то же время эта история раскрывала другую, более секретную сторону человека, который сидел напротив меня.

— То есть там у тебя мошенническая схема, — обалдела я и вырвала листки из рук. — А вы полны сюрпризов, мадемуазель Ануш.

Плюхнувшись на постель, я тщательно рассмотрела детально расписанный план. Мелким почерком она расписывала некоторые дополнения, в которые я не вчитывалась. Приблизительно мне удалось распознать шаги и необходимые действия маскировки, но как использовать данный план, я так и не сумела понять. Да и вряд ли бы смогла. Видимо для этого нужен другой взгляд и скорей всего иное мышление.

Хотя общая картина мошенничества впечатляла размахом и детальностью.

— Это что ли план по очищения денег при помощи фирмы? — Спросила я, и Ануш кивнула. — Откуда у тебя берутся такие мысли?

Потрясенно я вернула ей листки, которые она бережно сложила и спрятала в зеленую папку.

— Да просто. Это моё хобби, если можно это назвать так. Хотя иногда я удивляюсь, почему их не использую. Наверное не хватает смелости для этого или возможно мой моральный облик намного лучше, чем я думаю.

— Ага, иначе ты была бы неуловимой, — подколола я её и встала, чтобы лечь к себе.

— Или всё намного проще, — заметила Ануш. — Не хочу думать, что экономическое образование я получила в пустую.

— Да, это более подходящий для всех ответ, — хмыкнула я и выключила свет.

...

Подскочив, я резко обернулась. Руки инстинктивно начали искать телефон, но мозг пока отказывался быстро соображать. Дернувшись, когда встала, я чуть не обронила кружку с остатками чая и грубо пробормотала.

— Чтоб тебя...

Телефон обнаружился на кухне, который я схватила и начала с дрожью искать нужный мне контакт. Часы показывали четыре часа утра, но меня это мало волновало. Потому что до меня дошло, как Анатолий использовал моё агентство, и теперь мне важно дозвониться.

«Алле», — сонный голос Никиты глухо прозвучал из динамика. Мне почудилось, что он сам лег на много позже полуночи и не успел нормально отдохнуть.

— Никита, я знаю по какой схеме идет очистка, — взволнованно выкрикнула я.

«Что?» — Проснулся он и вроде бы подскочил, судя по звуку. — «Откуда?»

— Однажды Ануш показывала нечто похожее, — туманно ответила я.

«Ануш? Но как? Что? Как она связана с этим?»

— Анатолий использовал идею жены, — с озарением произнесла я и с ужасом закончила. — А она могла это узнать.

«Ксюша, я не понимаю», — с ещё большим недоумением проговорил Никита.

— Просто внимательно слушай, что я запомнила, и затем пересмотри бумаги со счетами. Ты сразу увидишь, что я права.

Мой рассказ длился долго. Я рассказала ему всё что запомнила и смогла объяснить. Никита же молча слушал, шурша бумагами. Иногда он просил подождать, чтобы успеть подробно всё записать или проверить. Нас прервал звонок будильника, и наконец моё внимание перекинулось на часы, напоминая о работе. После чего мы рассеянно попрощались.

Устало потеряв глаза, я отправилась в душ. Сделав воду едва теплой, я подставила лицо мощным прохладным струям. Вода больно колола кожу, которая покрылась роем мурашек, но измотанное тело и одурманенная страхом и алкоголем голова обретали давно забытую легкость. Я тщательно намылилась, чтобы затем долго смывать пушистую пену, не желая слишком рано выходить в реальный мир. Ведь там меня ждали нетерпеливые и жадные проблемы.

Спустя время, сильно продрогнув, я всё же вышла из душа. С хмурым видом я встала напротив влажного зеркала и уставилась на себя. Синяки под глазами привлекали лишнее внимание. Их придется замаскировать толстым слоем тонального крема и консилера. Но кое-что меня обрадовало в моём паршивом внешнем виде. Решительный блеск моих глаз вернулся. Теперь зеленые малахиты поблескивали от предвкушения.

Ко мне вернулась жажда борьбы.

Да, меня загнали в угол. Да, меня отрезали от свободы выбора. И, да, казалось, что стены ловушки полностью сломали меня.

Но я... Не собиралась сдаваться.

**

Войдя в приемную, меня встретило пустое место моего секретаря. Меня бы это не смутило и не расстроило, если бы затем я не встретила Евгению в собственном кабинете за моим рабочим столом.

Девушка одета в белую полупрозрачную рубашку без рукавов и в обтягивающую темно-синюю юбку карандаш чуть ниже колен с тонким красно-оранжевым ремешком на узких бедрах; на волосах привычная идеальная укладка, а на лице легкий романтический макияж с едва заметными блестками на скулах, а изящные ноги без ярко выраженных мышц обуты в классические темно-синие лодочки с пятисантиметровым каблучком.

Весь её вид говорил, что Евгения невинна и совсем не опасна. Но она снова оказалась е

моём кабинете, когда меня нет. Она слишком близко находилась ко мне, а ещё она появилась в агентстве в самое не подходящее время.

— И что же вы на этот раз тут делаете? — Издевательски прошипела я, сложив руки на груди.

— Вам пришли конверты из доставки, и я их сюда положила. Они до сих пор закрытые, — как ни в чем не бывало добавила она и лучезарно улыбнулась.

— Да неужто, — процедила я. Её способность находить естественные отговорки потрясала и злила. — Положила?

Она горделиво кивнула, словно издевалась, но на её лице ни один мускул не дернулся, тем самым не выдавая истинных эмоций секретаря. Тогда я шире открыла дверь и махнула в сторону её места. Мои движения стали слишком резкие и потеряли изящество из-за едва сдерживаемого гнева. Женя заметила это и побледнела, а затем беспрекословно вернулась за рабочий стол в приемную и приступила к делам.

Не успев подойти к директорскому креслу, как телефон, с которого я звонила вчера Нинель, завибрировал. Мне пришло сообщение от неё.

Н: «Сегодня к тебе придет распорядитель».

Н: «представ ее девочкам она знает».

Н: «че делат».

Несколько раз прочитав сообщения Нинель, я удивилась едва заметным скачкам в речи женщины. Показалось, что сначала она набирала под диктовку, а затем кто-то даже не забыл проверить текст перед отправкой. Но после Нинель осталась одна, и весь образ правильности скатился в бездну.

Быстро набрав мучивший вопрос, я отправила его.

«Кто она?»

Ответ пришел спустя минуту.

Н: «Ты ее знаешь».

Исчерпывающая фраза. Я нажала на кнопку селектора, присаживаясь на кресло, и сказала Жене:

— Сегодня придется девушка на должность распорядителя. — И поспешно добавила пояснение. — Второго. Её сразу ко мне. А пока позови Варю, хочу с ней обсудить новую идею фотосессии.

— Хорошо.

Рейвен не заставила себя долго ждать. Она плавно вошла, не забыв три раза постучать. Варя редко улыбалась. Только если требовалась улыбка для снимка, но модели не так уж и часто дарили их коммерческим фотографиям. Но мне она улыбалась. Не так лучезарно, как Женя недавно, но искренне, как могла только Рейвен. У этой девушки непокорная душа и мятежный дух, которые на короткий момент потеряли ориентиры.

Я не знала, кому повезло больше: ей или мне. Но Рейвен появилась в моей жизни в тот момент, когда моя жизненная энергия подходила к концу. А я в её, когда она потерялась в плотном тумане отчаяния.

Может, правильней сказать, что мы обе встретились друг другу в нужное для нас время, чтобы спасти.

— Ты звала меня?

Рейвен выпрямилась в центре кабинета, я же в ответ кивнула ей и махнула в сторону кожаных кресел для гостей. Пока она проходила и садилась, я резко встала и закрыла дверь

на замок, а затем присела на соседнее место — поближе к Варя.

— В приемной был кто-нибудь? — Тихонько спросила я.

— Женя и Марина.

— Ладно, — я неловко потеряла руки об штанины и извиняющим взглядом посмотрела на девушку. — Хочу сначала предупредить, что наш разговор только между нами.

— Настолько важная фотосессия? — Улыбнулась она, и тут же нахмурилась, когда увидела мой печальный вид. — Или мы будем говорить о другом?

— Я ведь могу попросить тебя кое о чем, как в благодарность за мою помощь тебе?

— Оно мне не очень понравится? — Быстро поняла Варя, всматриваясь в меня с неприкрытым доверием.

— Поэтому ты можешь отказаться, — предупредила я. — Выбор за тобой.

— Но не желательно, ведь так?

Её глаза поблескивали на свету. Я не могла ей соврать, поэтому обреченно покачала головой, и взяла за её тонкую ладонь. Мой голос охрип от волнения, но я упрямо заставила его продолжить шептать:

— Сегодня к нам придёт второй распорядитель. Она будет заниматься не совсем модельной деятельностью. Думаю, ты понимаешь про что я, — Варя кивнула, не глядя на меня. — У меня нет выбора. Не в моих силах вытащить агентство из дыры без решительных и рискованных действий. И хоть этот поступок кажется опрометчивым, но он единственный из возможных, чтобы спасти всех.

— Вы сотрудничайте с полицией? — Вдруг поняла она и подняла голову.

— Тише говори, — я прижала указательный палец к губам и испуганно огляделась. Я точно знала, что если говорить шепотом, как сейчас, то из приемной никто нас не услышит. — Оказалось, что тут есть огромные уши. Но да, ты права. И нужна девушка, которая бы подходила под параметры, чтобы ей легко поверили.

Варины черты лица исказились, и она вырвала руку из моего захвата. Я никому не рассказывала про её прошлое, но его не спрячешь в тайник и не закапаешь в лесу. Прошлое будто старая привычка, от которой пытаешься избавиться, но время от времени она напоминает о себе — тяжелым воспоминанием или незаметным движением.

Варя только начала свободно дышать, отпуская стыд, но память не исчезла в ленте времени. Она вернулась, чтобы напомнит о себе.

— Моё прошлое и тяжелое семейное обстоятельство, — с горечью проговорила она.

— Да, а также моё доверие к тебе. Такую просьбу не доверишь каждому. Просить об этом в уплату долга — это свинство с моей стороны, но я... опустошена. Я...

— Тогда я сделаю это, — решительно произнесла Рейвен, сжимая край юбки. — Я должна тебе. Ты дала мне мечту и надежду. Кем бы я сейчас была без тебя?

— Ты Рейвен, — улыбнулась я.

— А ты Малахит, исполняющий желания. Я помогу тебе, потому что хочу. Что от меня потребуется?

— Сегодня позвони на этот номер, — передала я ей бумажку с заранее записанным номером ФСБ-шника. — Только будь одна и лучше выучи его или сохрани с кодовым названием.

— Отлично, — Варя забрала бумажку, сложила её в четверо и спрятала в кармане. Затем она встала и, возвышаясь надо мной, ослепительно улыбнулась. — Думаю мне нужно выйти отсюда радостной и счастливой, словно ты предложила мне очень перспективное место.

Я только устало кивнула и медленно встала, когда модель уже отпирала дверь и выходила из кабинета. И в ту же секунду ко мне ворвалась Марина. Очень злая Рубина Марина.

— Какого хрена, — воскликнула она. — Новый распорядитель? Я тебя не устраиваю?

— Я разве говорила о твоём увольнении, — устало проговорила я и вернулась за свой стол. — Будет ещё один распорядитель.

— Но меня хватает за глаза.

— Скоро будет не хватать.

— Но...

— Марина, я все решила, — холодно ответила я, когда затрезвонил селектор.

Медленно протянув к нему руку, я нажала на кнопку и раздался голос Жени.

— К вам новый распорядитель.

— Пусть заходит.

— Ну что же... посмотрим на этого нового распорядителя, — злобно прошипела Марина и сложила руки на груди, будто готовилась к военным переговорам.

Секунды казались вечностью.

Внутри меня плескался коктейль из волнения, сомнения и трепета. Рядом пыхтела Марина, а я пыталась разобраться с чувствами, которые возникали и молниеносно пропадали. Я чувствовала, что сейчас увижу важную подсказку для разрешения окружившего меня бедлама.

Дверь открылась, и я подняла взгляд, чтобы увидеть, как вошла она. Кошмар из прошлого. Передо мной стояла Ирина Янковская. Она снова увеличила грудь и стала краситься ярче, но чёрный комбинезон от Валентино идеально сидел на её точенной фигуре. Как только она вошла, то сразу нагло подмигнула мне и села на гостевое кресло, а затем изящно закинула ногу на ногу.

— Давно не виделись, девочки, — проговорила она томным голосом, словно жаждала соблазнить.

Жгучий обидой взгляд Марины прожег меня. Она возмущенно взмахнула руками, пытаясь привлечь моё внимание. Но затем она обреченно выдохнула:

— Она..., — и вышла, хлопнув дверью.

— Какие мы возмущенные, — хихикнула Ирина, прикрывая тонкой ладонью рот. — Но мы ведь знаем, что не всем можно доверять.

Янковская нервировала меня. Она раскачивала лаковую лодочку на ноге, сладко улыбалась и следила как аллигатор из-под воды. Я представляла себе, как резко встаю, хватаю за мягкие волосы дряни, сидевшей передо мной, а затем выталкиваю её из агентства. Но вместо этого, поставив локти на стол, я сложила руки в замок, ответила улыбкой новому распорядителю и ответила:

— Конечно. Наши дела только между нами.

Ирину перекосило. Она хмыкнула, но зато перестала качать туфлю на большом пальце ноги, оголяя пятку. Она набрала воздуха и открыла рот, чтобы что-то приказать, но я порывисто встала и перебила её.

— Пойдем, представлю тебя девушкам.

Я шла впереди, показывая дорогу в общий зал, где модели проводили большую часть времени в агентстве. Именно тут проходили репетиций, мерки одежды, да и болтали они чаще тут, чем в комнате отдыха. Войдя в зал, все девушки повернулись к нам. Я не видела

Ирину, только слышала цокот каблучков.

В первую очередь я заметила Марину, которая держалась подальше от остальных, сохраняя обиженно-возмущенный вид. Но модели не обратили внимание на охладевшие отношения двух самых главных людей агентства. Они больше заинтересовались новым лицом, корябавший шпилькой местные полы.

— Всем доброе утро, девушки, — поприветствовала я их. Модели почти одновременно шагнули к нам, и в этот момент среди них мелькнула темная макушка Рейвен. — Хочу представить вам ещё одного распорядителя. — Испуганный шепот раздался с разных углов, который с каждой секундой нарастал. Мне понадобилось несколько раз звонко хлопнуть в ладоши, чтобы вновь привлечь всеобщее внимание. — Марина Рубина никуда не уходит. А вот Ирина Янковская, в прошлом достаточно популярная модель, будет работать с нами. Обращайтесь к ней... за помощью. В случае если у вас сложности на работе или дома. Она вам точно... Поможет.

Последнее слово прозвучало ужасно тихо. Его услышали только потому что в зале стояла оглушающая тишина. Я невольно заинтриговала девушек, используя такую странную завуалированную формулировку при описании человека.

Их вопросы без утайки мелькали на озабоченных лицах.

Кто она? Как она может им помочь? Зачем ей помогать? И главное, чем она поможет им в случае чего?

Янковская всегда любила публику и занимать места позади не для неё. Поэтому она с высокомерным видом выступила вперед и помахала всем рукой, от чего висевшие на запястье браслеты переливчато зазвенели.

— Вы можете ко мне обращаться — Ирина. Сокращенное имя или фамильярность я не люблю. Всё верно, вы можете обратиться ко мне за помощью. У меня есть один секретный проверенный способ для решения многих проблем. И как однажды сказала моя старая подруга, — Янковская неожиданно оглянулась на меня и подмигнула. — Хранить честь смолоду — полная чушь. Лучше храни зубы, их дороже вставлять. А честь... Она либо есть, либо её нет. Это решать самому человеку. Но, как по-моему, в чём-то моя подруга была не права. Честь либо есть, либо используй её. Все всё поняли? Будем работать до посинения со мной, — она сладко улыбнулась и цокая шпильками прошла вперед. — Начнем знакомство, девочки?

Варя кинула пронзительный взгляд на меня, словно спрашивала им: «Она?». В ответ я медленно прикрыла веки на мгновение. К счастью, Рейвен поняла меня. Она отвернулась от Янковской, чтобы не проявлять чрезмерную заинтересованность раньше времени.

Я тяжело вздохнула. Сейчас очень многое зависело от того, сможет ли Бабушкина Варвара втереться в доверие наглой, хабалистой бывшей модели.

Выскочив из зала, я направилась к себе. На углу я столкнулась со взъерошенным финансистом. Никита, одетый в простые голубые джинсы и в криво застегнутую рубашку, порывисто схватился за стену и безумным взглядом уставился на меня.

— Что с тобой?

— Ты права, — зашептал он.

Эти два слова напомнили гром среди ясного дня. Слишком неожиданный, но именно от него зависели планы, которые могли в любую секунду измениться.

Схватив его за руку, я потащила его в кабинет. Жени за столом снова не оказалось, как и у меня. Я уже хотела пройти к себе и запереться там с Никитой, но озарение приправленное

паранойей сбила меня и заставила замереть. А вдруг там....

Мы стояли на пороге между кабинетом и приемной, когда Никита вытянул руку и изумленно проговорил:

— Ксюша....

— Слушай внимательно, — зашептала я, развернувшись к нему. — Сегодня пришел новый распорядитель. Она подослана.

— То есть....

— Следи за своими, если мы правы, то они начнут активнее использовать счета. Только никому не говори. Важные документы уноси с собой, как и прежде. И будь осторожнее.

— Ты своего кабинета боишься? — Вдруг понял он и заглянул внутрь через моё плечо.

— Уже мучаюсь паранойей, — туманно ответила ему, на что он понимающе кивнул.

Никита отрешенно развернулся к выходу из приемной, выглянул, чтобы посмотреть по сторонам, и отправился к себе. Конспираторы из нас так себе.

Я вошла в кабинет, захлопнула дверь и громко ахнула. Потому что за дверкой прятался Глеб. Он стоял со сложенными руками на груди и с укором глядел на меня.

— Что ты тут делаешь? — С фальшивым наездом спросила его, а затем осторожно добавила. — Ты слышал?

Глеб опустил руки и размеренно шагнул ко мне, а я внезапно покорно отступила.

— Я помогу тебе. Помнишь ты спрашивала о моих возможностях, — слабо кивнув, я растерянно посмотрела на него. Тот разговор почти стерся из памяти, мне показалось, что он и думать об этом не стал. — Я помогу тебе всем, чем смогу.

— Все услуги я оплачу....

— Детали обсудим на свидании, — Глеб перебил меня и дерзко ухмыльнулся.

От смены темы я нахмурилась. Слова возмущения застряли где-то глубоко внутри глотки, а последнее сказанное им вызывало першение во рту.

Мне ведь не показалось. Он только что сказал «свидание»?

Глеб снова дерзко улыбнулся, сделал шаг ко мне, который я повторно отразила. Он выглядел жутко довольным, зная, что мне придется уступить. Ему даже не понадобится подталкивать меня в принятие решения.

Разве он был таким... ловким в использовании ситуации для себя.

— У тебя жена и ребенок, а у меня отношения, — я с заминкой проговорила, наконец вспомнив важные отговорки, и в то же время утихомиривала вспыхнувшую радость от его слов и действий.

— С женой я в разводе, — спокойно ответил он и решительно подошёл ко мне, врываясь в моё личное пространство. — И я не буду целовать тебя, чтобы сохранить твою верность тому мужчине. Мы просто поужинаем и поговорим о наших делах. Вне этих стен.

Глеб окинул взглядом мой кабинет, в котором я перестала чувствовать себя в безопасности. Он прав, нам лучше поговорить не здесь. Если в моем кабинете прослушка, то возможно нас с Варей кто-то слышал. Нельзя больше так рисковать.

— Ксюша, на свидании мы подробно поговорим обо всём.

— Завтра у меня свободен обед....

— Тогда сегодня вечером мы пойдем ужинать, — решительно вставил Глеб и развернулся к выходу.

— Но..., — сбита с толку, я потянулась к нему и схватила за локоть.

Вот только он даже не дал мне возможности ответить. Вместо этого он наклонился, от

чего наши носы почти касались, и тихо проговорил:

— Чтобы ты не успела сбежать.

На секунду наши взгляды схлестнулись. Его дыхание смешивалось с моим. Все ощущения, которые вызывал у меня Глеб, остались прежними.

Но при этом изменилось всё. В особенности сам Глеб. Он будто перестал быть собирателем, он обернулся в охотника или даже в захватчика.

А я не знала, станет ли это причиной моего разочарования в нём или наоборот ещё большего очарования.

**

Волнение перед свиданием — давно забытое для меня чувство. Меня мало волновало то, что я могу кому-то не понравиться. Если понравлюсь одному, то найду другого.

Но не в этот раз. Я перемерила почти весь гардероб перед встречей с Глебом. Сначала я выбрала одну цветовую гамму и накрасилась в тон ей, но затем мне показался этот вариант слишком ярким или даже броским, поэтому пришлось смывать макияж. Потом я достала черное платье футляр с рукавами три четверти и с квадратным неглубоким вырезом; накрасила обычный смоки айс из черных и серых теней и подводки, добавив только блеск на губы, а волосы сложила в небрежный пучок, чтобы никто не заметил мои длительные приготовления.

В семь мне позвонил консьерж и сообщил, что меня ожидал мужчина. Быстро нацепив лодочки, я схватила маленькую сумочку и выскочила из квартиры.

Внизу я замерла при виде Глеба. Он стоял в центре холла с одной сочной красной розой. На нем сидел серый двубортный шерстяной костюм в тонкую полоску с черной рубашкой и с серебристым галстуком. Его наряд подчеркивал серебристый блеск его глаз и атлетическую фигуру.

Но ещё наши луки попадали в цветовую гармонию, которую я надеялась получить с Кванджоном.

Я опустила голову, чтобы скрыть проступивший румянец, но видимо мимо взрослого Глеба такое не проходило незамеченным.

— Ты отлично выглядишь, — нежно проговорил он. — Мы словно собирались в соседних комнатах.

— Это точно, — я забрала протянутую розу и первая проскользнула к выходу.

Глеб догнал меня на улице, а затем помог сесть в японский кроссовер, и мы молча отправились в ресторан.

Мы припарковались около неплохого места, где мне приходилось несколько раз бывать. Я испытывала неловкость, стоя рядом, когда хостес приветствовала нас, а Глеб упоминал бронь. Нас проводили до нашего столика, а затем оставили одних.

Между нами метр расстояния. Мы впервые сидели так близко напротив друг друга спустя тринадцать лет. Я могла разглядывать его, и никто меня бы не осудил. Мы молча не отводили взгляда друг от друга, будто исполняли старое желание. Мои губы упрямо хотели улыбнуться, а голова кокетливо наклониться. Но мне приходилось сдерживать этим порывы. Слишком они откровенны. Я с усилием сжимала крохотную сумочку на коленях, чтобы удержаться от неодолимого соблазна.

— Тут красиво, — улыбнулся Глеб, осматриваясь. — Ты идеально вписываешься в такие места.

— Ты тоже не особо выделяешься.

— Я долго учился этому.

И снова детская игра в гляделки.

Возможно мы искали ответы на наших лицах. Возможно мы просто не в силах отвести друг от друга пылающих взглядов. Возможно потому что мы космические частицы, которые вращались вокруг друг друга. Возможно я — луна, а он — земля.

Нас отвлек официант, который несколько раз подходил и принес сначала меню, а затем воду и приборы. Я задумчиво перелистывала страницы с блюдами и едва слышно проговорила:

— Даже не знаю, что выбрать, — добавив про себя: — в последние дни аппетит из-за стресса у меня совсем пропал.

— Всё что хочешь, — вдруг ответил Глеб, поджимая губы. — В моих силах оплатить если не любой твой каприз, то по крайней мере ужин в этом ресторане. Я уже не тот бедный и несчастный мальчик из класса.

— Я никогда не думала о тебе в таком ключе.

— Разве? А я когда-то думал, что ты из-за этого тогда сбежала. — Признался он и подозвал официанта, чтобы сделать заказ за нас двоих.

Молодой человек тщательно записал блюда, а затем исчез из виду. Глеб рассматривал небольшую сцену, на которой шли приготовления. Хостес нам обещал, что скоро начнется концерт живой музыки. Не долго думая, я решительно подняла голову и, сжав кулаки, произнесла:

— Я должна попросить у тебя прощение.

— У меня? — Глеб резко повернулся ко мне. — За что? Если ты про ложь Арины, то я всегда верил, что ты мне не изменяла. А про тот вечер, — он задумался. — То я до сих пор не верю собственным глазам.

Он не верил тому, чему увидел? И зачем я тогда совершила тот поступок? Ведь по моим расчетам он нужен был Глебу, чтобы он отпустил меня, возненавидев. Но казалось, что я только задала ему больше условий для решения задачи и исчезла, не оставив возможности найти ответ.

— Эта сцена была рассчитана специально для тебя. Но я правда тебе не изменяла. В тот вечер я обдурила Матвея, и он ещё долго припоминал мне это.

— Припоминал поцелуй? — Притворяясь равнодушным, спросил Глеб.

— Что использовала его вместо щита. Из-за того поступка я до сих пор испытываю чувство вины. Он заставляет помнить о прошлом и сожалеть о содеянном. Мне не нужно было уезжать молча и придумывать детскую сцену, чтобы заставить тебя разочароваться во мне. Я должна была честно поговорить с тобой и с честью выдержать твой ответ, а потом самой принять решение независимо от твоих желаний. Я, правда, могу попытаться оправдать себя тем, что испугалась тогда. Я была молода, и я чувствовала, что ты мог заставить меня задуматься о другой жизни.

— Я бы ни за что не заставил тебя, — воскликнул он.

— Не специально, — возразила я. — Ты бы даже не заметил, как поменял моё мнение. Ведь тогда всего лишь один твой поцелуй лишал меня воли. Тогда я также знала одно, что если изменю своим целям, то буду жалеть об этом намного больше, чем сейчас чувствую вину за свою ложь и побег. За это я и хочу извиниться. Прости, что была трусливой.

Глеб минуту разглядывал меня, обдумывая мои слова и свой ответ.

— Я не виню тебя за твои мечты и твои страхи. Но мне было больно, что ты исчезла без

слов. Если бы ты прямо сказала, что мы расстаемся, потому что хочешь исполнить свою мечту, то мне, думаю, было бы легче.

И за это я буду испытывать стыд до конца своих дней. Вместо того чтобы отпустить человека, я его больше привязала.

— Мне как-то Ануш...

— Ануш? — Переспросил Глеб.

— Да, она была моим наставником. А затем мы вместе создали модельное агентство «Малахитовая кошка».

— А где она сейчас? — Глеб сильнее нахмурился, видимо вспоминая Анатолия и его крики.

— Она погибла год назад.

— Так Анатолий её муж, теперь вдовец и наследник, — понял взаимосвязь Глеб и добавил. — Извини.... Ты говорила....

Он хотел произнести слова сожаления. Я видела это по мелькнувшему сочувствию на его лице. Поэтому я поспешила продолжить.

— Ничего, это было давно. Да, так вот. Она рассказывала, что ей дома советовали хранить честь смолоду. Она же тогда всегда добавляла, что это чушь. Лучше хранить зубы, их дороже вставлять. А честь.... Она либо есть, либо нет. Решать самому человеку. Но при этом то и то начинаешь ценить только спустя время, особенно в старости.

— Никогда о таком не задумывался, — честно признался Глеб и откинулся на спинку стула.

— В восемнадцать я не думала о своей чести. Не знала, что она значит для меня. Не знала за что я способна отдать жизнь, здоровье, мечту. Сейчас... вроде бы знаю. Или думаю так по крайней мере. Я надеюсь, что наш разрыв не испортил тебе твою жизнь. Надеюсь, что ты счастлив, Глеб. Потому что я готова стать счастливой. Ведь я только что освободила своё сердце от мучившей вины.

— Ксюша..., — напряженно выпрямился он.

— Пойми, Глеб, — затараторила я, пытаюсь не сбиться и не забыть запланированных слов. — Я извинилась не ради себя, а тебя. Чтобы ты освободился от тягот раздумья, почему я сделала так. Почему я сбежала, а не поговорила. Я сожалею, что молча сбежала. Но не жалею, что сбежала. Потому что возможно в том возрасте я не смогла бы нормально объяснить, чего я хочу. Почему это для меня важно. Я могла сказать себе, но не другому. Тем более тебе. Я хочу, чтобы ты стал счастливым, Глеб. И этого же я хочу для себя. Всеобъемлющего счастья. Когда ты рад не только в одной сфере: в работе или в личной жизни, а по всем фронтам. Поэтому мне нужно опустить этот гештальт с тобой. И нормально попросить у тебя прощение и пожелать тебе счастья.

— Ого, — вновь откинулся Глеб на стул и улыбнулся. — А теперь успокойся, Ксюша. Я официально заявляю тебе, что прощаю. Я тоже готов снова обрести счастье. Хотя я не жалею ни об одном дне, которые прошли за эти тринадцать лет. Я вырастил сестру, а теперь у меня любимая дочка. Так что всё. Давай теперь попробуем забыть один день. Давай представим, что этот разговор состоялся не сегодня, а тогда за несколько часов до твоего отлета в Москву. Договорились?

— Так легко? — удивилась я.

— Почему бы и нет. Разве не нам решать, как вернуть твою потерянную честь. Раз я этому виной, — подколот меня Глеб. — Спасибо за правду, хотя и спустя столько лет. А

теперь давай поужинаем и поговорим о делах.

В эту же секунду нам принесли наш заказ, и мы с аппетитом приступили к еде.

После мы не говорили о прошлом. Будто действительно этот разговор произошёл перед отлетом в Москву, а не десять минут назад. В конце я испытала облегчение, когда поделилась с Глебом о случаях махинаций в агентстве. Мне также пришлось рассказать и про Ирину. По крайней мере то, что она находилась под протекцией Анатолия и работала совсем над другим проектом. Я ему также примерно обсказала свои подозрения, как эти два случая связаны с проблемами сайта и попытками взлома базы данных. Но при этом я постаралась скрыть от него угрозы Нинель и что всё происходящее завязано на секс-услугах.

Только для Глеба оказалось достаточным узнать об объеме проблем, как он дал согласие. Но в то же время он не давал мне возможности озвучить хотя бы примерный тариф, который я готова оплатить. Будто финансовая сторона нашей сделки его волновала меньше всего.

В этом весь Глеб. Он ценил благополучие, но не акцентировал внимание на деньгах. Мне это качество в нем всегда нравилось и одновременно бесило. Потому что он казался слишком правильным для меня, как в принципе и сейчас.

Когда он вез меня обратно к дому, мне в голову пришла мысль.

— Ты ведь можешь проверить безопасность моего личного компьютера?

— У тебя обострился синдром недоверия?

— Это твоя попытка пошутить? — Уточнила я с прищуренным взглядом. — Или ты серьезно.

Глеб улыбнулся и кинул мимолетный взгляд на меня, продолжая уверенно держать руль.

— Поймала. И всё же? — Напряженно спросил он.

— Не знаю, — медленно проговорила я. — Охота быть уверенной в том, что моя личная информация в безопасности.

Его напряжение в плечах заметно ослабло после моего ответа. Глеб кивнул, принимая его, и кинул виноватый взгляд на меня. Я хмыкнула, понимая почему у него такая реакция на подозрение в аномальности поведения. Наверное до сих пор любой разговор о расстройствах и синдромах вызывали у него тяжелые воспоминания о матери.

— Ты завтра идешь в агентство? — Наконец спросил он.

— Нет, завтра ведь воскресенье, — съязвила я.

— Вы не всегда работаете по графику, вот и уточнил, — Глеб немного помолчал и, чуть кашлянув, добавил. — Давай я завтра к тебе приду и всё проверю. К тому же... ты как раз боишься кабинета.

— Угу, — пробурчала я, боясь говорить большее.

— Согласна? — Не услышал моё утробное бурчание Глеб.

Я упорно держала взгляд на одной точке. Мне стало казаться, что мой голос начнет дрожать также, как и всё тело от одной мысли, что Глеб поднимется ко мне. Он войдет в мою квартиру. Мы останемся наедине.

Медленно выдохнув, я прохрипела:

— Отличная идея.

Автомобиль притормозил напротив подъезда, и мы одновременно вышли из него. Сумочка в моих руках подвергалась попыткам. Я её нещадно теребила. Мы синхронно остановились и повернулись друг другу. Мы то поднимали взгляды, то резко опускали их.

Неловкие взгляды, неуклюжие движения создавали чарующую, давно забытую атмосферу. Словно вокруг нас купол, который ограждал нас от всего мира. Тут только мы и никого кроме нас.

Эти чувства нужно было срочно прерывать.

— Спасибо за ужин, — решительно проговорила я, разрывая купол, и протянула руку, как сделала бы с любым коллегой после переговоров. — Я была рада наконец нормально поговорить с тобой и разъяснить наши отношения. А также обсудить сотрудничество.

Глеб опустил голову, рассматривая протянутую ладонь, а затем исподлобья глянул на меня с легкой усмешкой на губах, будто понимал, что я сделала. После чего он нежно пожал мою руку и ласково провел большим пальцем по тыльной стороне задрожавшей ладошке. Его теплое касание, чуть шероховатая кожа будоражили лучше крепкого алкоголя и навевали ностальгию.

Картинки воспоминаний всплыли в памяти. Как я нежилась в его объятиях; как я чувствовала защищенность в его руках; как я падала в бескрайний омут любви к нему.

Мне хотелось откинуть все взрослые правильные мысли и наброситься на него. Возродить всё то, что потеряла; всё то, что сама бросила.

НО... нельзя!

— И я рад, — он аккуратно выпустил руку и внимательно на меня посмотрел. — И раз мы расстались друзьями, то могу я тебе дать один совет. На правах друга. — Я недовольно нахмурилась, но всё же кивнула, перед этим спрятав руки за спиной. — Сейчас ты поступаешь также, как и со мной тринадцать лет тому назад. Ты тогда струсил, потому что боялась вспыхнувших чувств. И сейчас ты отталкиваешь человека, потому что знаешь, что с ним ты станешь другой.

Глаза распахнулись от такой наглости. Кого он имел в виду? Неужели Кванджона? Но он не мог ни от кого узнать про его предложение. Тогда про что он?

— Ты кого имеешь в виду? — Подозрительно проговорила я, чувствуя как от злости поджимались пальцы на ногах в тесных лодочках.

— Твоего сыны. — Серьезно ответил Глеб и добавил. — Лев.

— Глеб, он..., — задохнулась от ярости и отступила, чтобы побыстрее закрыться от мужчины и от его слов.

— Я знаю про биоматериал и про Лидию, — жестко добил меня Глеб и грубо схватил за плечи, чтобы я не ускользнула от него. — Марина тогда мне всё рассказала. Но поверь, самое ужасное, что взрослый может сделать для ребенка — это отмахнуться от него. Сделать его проблемы не такими уж и важными. Обесценить его существование и не выслушать его в важный для него момент. Я не прошу тебя взять ответственность за него. Но поговорить с ним по душам.... Это лучшее начало из возможных.

Сжимаясь в его руках, я слушала его и вспоминала себя. Ведь я мало чем отличалась ото Льва. Он, как и я, остался совсем один. Ему нужна поддержка, которую мне когда-то оказывал дядя Миша. Разве мне не хватит сил для этого?

— Я подумаю..., — хрипло проговорила я и почувствовала как Глеб разжал объятия и выпустил меня.

Нам снова стало неловко в обществе друг друга, но это иная неловкость. Когда каждый стыдился своих действий и не знал, как выпутаться из липкой паутины неудобного момента.

— Завтра дай мне свой ответ, хорошо? — Настойчиво попросил он, я же молча кивнула, опустив голову. Вдруг рядом прошелестел ветерок, приподнимая пару выпавших из пучка

прядей. Тем временем я ощутила, как рука Глеба взметнулась и коснулась моей щеки. Когда-то он также касался меня после выпускного и прошептал памятные слова. Я невольно подняла голову, взглянув на него, и услышала его благоговейный шепот: — У тебя до сих пор в глазах радуга, Ксюша. Не теряй её.

После чего он ушёл.

Глеб сбежал от меня в машину, а затем со свистом уехал прочь.

В моих силах оставалось неподвижно провожать его взглядом, а затем потрясенно вернуться домой. Уже в квартире, стоя на балконе, я прикоснулась к щеке, где недавно чувствовались пальцы Глеба. Волнение, трепет и эйфория снова окутали меня. Они беспардонно ворвались в мою душу, угрожая устроить тут хаос. Вот только там уже царствовал бедлам, хуже от любовной лихорадки мне вряд ли станет.

Что со мной происходит? — задала я вопрос ночной прохладе и сверкающим фонарям города. — Разве наша любовь не закончилась? Разве «мы» не исчезли в этом мире? Или мы случайно создали новое начало?

**

...Анатолий уничтожит твоё агентство, но сначала разрушит репутацию каждой твоей модели. Денис станет в глазах других насильником. Матвея назовут вором, потому что он не сможет вернуть деньги вкладчикам. Никита сядет за мошенничество. Лев попадет в приют. А Глеб разорится и снова станет никем....

...Ты разрушаешь его жизнь, даже если от тебя остались одни лишь воспоминания....

Вздрагнув, я очнулась. Меня с силой вырвало из кошмара, но мне до сих пор мерещился голос Нинель. Она будто комментировала каждый кадр возможного будущего моих друзей. К ней также присоединялась Мила. Она снова стала маленькой. Только она не улыбалась, она кричала, что я разрушительница судеб. А моя жизнь строилась на чужих руинах былого благополучия.

Я содрогнулась. Холодные потные простыни не давали тепла. Я крепко обнимала себя, но такие объятия не согревали. Всё тело покрылось противным холодным потом, вызывая брезгливость к самому себе.

Резко встав, я отправилась в душ. Горячие струи обещали тепло, но им не под силу согреть огромный айсберг в моей души. Ворох неприятных мыслей вертелся в сознании и зудел. Я не могла за них ни ухватиться, ни прогнать. Я могла только беспомощно вертеть головой, чтобы вытрясти остатки тревожного сна. В какой-то момент мысли обрели общий образ. Он словно змий-искуситель хотел намекнуть на что-то, но молчал и ускользал от меня, как только мне удавалось приблизиться к ответу.

Что это... что....

Нет, этого не может быть.

Дернув кран, я выпрыгнула из душевой. Энергично вытираясь, я несколько раз ударила о раковину и подскользнулась на мокром кафеле. Затем я обмотала вокруг себя полотенце и выскочила из ванной. Я метнулась в гостиную, где до сих пор лежал конверт с пачкой фотографий от Нинель. Повторно разложив всё в ряд, чтобы не упустить ни одной детали, я вгляделась. Я перечитывала каждое слово, пересматривала каждый кадр, но не находила одно имя, одно лицо. Ни единого упоминания этого человека.

— Марина, ты ведь не предательница, — прошептала я в тишину, не желая верить. — Ты не могла. Не могла.

Вот только факты говорили об обратном. Нинель угрожала каждому мало-мальски

ценному для меня человеку. Но она пропустила Марину. Вряд ли случайно, ведь она постаралась найти связь со Львом и Глебом. А Марина являлась моей единственной подругой на данный момент, и об этом знали все. Но при этом её фотографии отсутствовали в этом конверте. Будто она в деле с ними, а не со мной.

— Это ложь. Я ведь могу ошибаться, — попыталась успокоить себя, но это плохо получалось.

Марина знала про мои прошлые отношения с Глебом и то, что он дорог для меня. Она знала про Льва, ведь это она встретила его в агентстве в тот день. Она знала детали конкурса, которые использовал Анатолий, чтобы приостановить его. К тому же я ей не сообщала про счета, и про них кстати Нинель не упоминала. Также Глеб не успел рассказать Марине про чужое вмешательство в базу данных агентства.

Это можно воспринимать как доказательство вины? Или я подтасовала факты? А могло ли это быть всего лишь неприятным совпадением?

Но тогда подосланец — Женя. Она внешне милая и не вызывающая подозрений, но при этом достаточно хитрая. Ведь мне не показалось тогда, что она подслушивала за мной, а потом притворилась, будто уронила карандаш.

Или мне легче верилось в предательство Евгении, чем близкого для меня человека, которого я знала уже много лет.

Положив ладонь на лоб, я задумалась.

Зачем Марине предавать меня, если это правда? И зачем это делать Жене?

В итоге получалось, что Евгении вредить мне незачем, а у Марины был мотив. Вдруг её слова прощения — это пустышка. Вдруг она до сих пор обижалась на меня из-за подставы с Парижем. Вдруг она долгие тринадцать лет обдумывала план мести.

Голова взрывалась от обилия подозрений. Одна часть меня хотела поверить в удобную правду, а другая в зыбкие факты. Но основная проблема заключалась в том, что я не верила себе. Я не верила своей интуиции, которой всегда доверяла.

Столько лет меня обманывала выдуманная мною иллюзия. Поэтому я не могла безоговорочно довериться своим инстинктам. К тому же они сильно притупились из-за падения с Олимпа абсолюта.

Дверной звонок спас меня от приближающегося саморазрушения. Придерживая полотенце на груди, я заглянула в глазок и увидела там Глеба.

— Ты чего так рано? — Воскликнула я тоненьким голоском.

— Ксюша, открывай скорей, — потребовал Глеб. — Рано начнем, рано закончим. У меня Оксана на два часа осталась в детской комнате, так что поторопись.

Опустив взгляд, я посмотрела на белое обмотанное полотенце и раздосадованно скорчила рожицу.

— Открывай дверь после десяти, — приказала я.

— Чего?!

— Я сейчас отопру замок, а ты досчитаешь до десяти и только после этого войдешь в квартиру, — повторила приказ, отпирая дверь.

— Ксения, вы не одеты? — Иронично-подозрительно спросил Глеб.

— Глеб!

— Хорошо, — со смехом отозвался он.

Отперев замок, я полетела в спальню. Прислонившись к запертой межкомнатной двери, я услышала как вошел Глеб. Он тщательно заперся, затем что-то поставил на тумбу в

прихожей и прошел внутрь квартиры.

Я стремительно распахнула шкаф, нашла в нем нижнее белье, темно-синие джинсы и белую футболку без принта и тут же всё надела. После чего схватила расчёску и безжалостно расчесала ещё влажные волосы.

— Ты хотела проверить ноутбук или компьютер? — Глеб подошел к двери, которая вела в спальню, и где сейчас пряталась я.

— Вообще-то ноутбук я ни разу не подключала к сети.

За дверью тут же затихло. Казалось, что Глеб даже перестал дышать на всякий случай. Я тоже замерла, ожидая его реакции. И наконец он громко кашлянул и уточнил:

— Ты ведь не скрываешь ото всех параноидальное расстройство личности? Может и проблемы на самом деле выдуманные твоим психозом?

— Нет! — Яростно выкрикнула я. — Не носи бред.

— Тогда откуда столько подозрительности? — Глухо спросил через дверь Глеб.

— После одного события, — ответила ему, выходя в гостиную.

Глеб стоял около двери. Он немного хмурился видимо из-за нашего разговора, но, опустив взгляд, улыбнулся.

— Тебе идёт.

Как и тебе, — окончательно смутилась я. Глеб тоже сегодня надел джинсы и футболку без принта, но чёрную. Мы уставились друг на друга, но комментировать одинаковость выбора не стали. Мы же не виноваты, что предпочитали похожие стили в одежде и гармоничны во вкусах.

Глеб прошёл к дивану и сел на него.

— Давай я сначала проверю твой вайфай и усилю его безопасность. А ты пока включи компьютер. Позже я установлю на него собственную программу.

— Какое? — Удивилась я, отходя к рабочему столу, где стоял персональный компьютер.

— Я создал что-то наподобие антивирусника, но внедрил иную систему защиты.

— Вау, — восхитилась я. — Почему же ты не предложил поставить его в агентстве?

— Потому что пока он подходит только для личного использования, когда сумею расширить функционал, тогда и начну предлагать его фирмам.

Включая компьютер, я вспомнила про разложенные фотографии. Оглянувшись, поняла, что Глеб пока их не заметил. Поэтому я бросилась к ним и как можно быстрее запихнула их обратно в конверт, спрятав в ближайший выдвижной ящик. Глеб озадаченно отвлекся от своей сумки, из которой вытаскивал рабочие принадлежности, и покосился на мои резкие и малость нервные движения.

— Что это? — Прямо спросил он.

— Пока не знаю, — уклончиво проговорила я. — Скорей всего доказательства.

Я вернулась к компьютеру и вбила пароль входа, когда услышала.

— Ты сама расскажешь или мне начать вырывать из тебя ответы? Выбирай: либо пыточные щекотки, либо двухчасовая экранизация художественной книги.

Глеб только что угрожал мне жесточайшей расправой, заметив мою немногословность. При этом он проговаривал детали абсолютно равнозначных для меня пыток и в то же время размеренно доставал провода и небольшой ноутбук.

Оказалось, что сейчас мне гораздо сложнее понять его. Он говорил серьезно или всё же шутил?

Меня спас дернувшийся уголок рта Глеба. Ему не нравилась моя игра в молчанку, но и

заставлять меня раскрывать секреты он не собирался. Это не в его духе.

Я могла бы промолчать и скрыть свои тревоги от него. Вот только мне этого не хотелось.

— Как думаешь, — замялась я и неохотно добавила, развернувшись к нему. — Марина способна предать меня?

Глеб серьезно взглянул на меня, почесал шею, а затем пожал плечами.

— Я её не достаточно хорошо знаю, так что не могу уверенно ответить. Но разве не ты с ней знакома много лет? Почему сама не можешь ответить на свой же вопрос?

— Да, мы знакомы с восьми или с девяти лет, — согласилась я. — Но, совершив столько ошибок, мне страшно снова обмануться в человеке. Думала, что я отлично разбираюсь в людях, а оказалось.... Я вижу только внешнее проявления, а не скрытое.

— Ты ведь не Бог, чтобы всё видеть и всё знать, — философски заметил Глеб. — И для людей естественно ошибаться. Ты вряд ли станешь особенной, если пару раз просчитаешься.

Вот же. Он снова прав, как никогда. Но принять что-то за новую веру гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд.

— И всё же..., — отвернувшись, я с досадой проговорила. — Как я могу ей доверять, если такая вероятность существует?

— Ты мне веришь? — вдруг спросил Глеб, вставая.

Слыша его поступь, я медленно повернулась и вновь оказалась с ним на расстоянии вытянутой руки. Я глубоко вдохнула, чтобы попросить его отойти, но он приблизился не ко мне, а к компьютеру. Глеб подключал какое-то принесённое устройство, повторив вопрос.

— Так веришь или нет?

— Думаю, да, — промямлила я.

— Почему? — Также спокойно спросил он, выпрямившись и сложив руки на груди.

— Да какая тебе выгода с этого, — зло воскликнула я и отошла от него.

— Деньги, месть, ревность, — загибая пальцы, он равнодушно перечислил возможные мотивы.

Смех спасал от многих вещей, но не от серьезного вида Глеба. Я безудержно рассмеялась от его слов, но чуть позже моя улыбка съехала с лица. Потому что передо мной стоял мужчина, которого я знала когда-то, но он давно изменился за эти годы. Так почему я была уверена в нём, как в себе. А вдруг....

— Ты ведь сейчас меня разыгрываешь, Глеб? — Я невольно взмолилась, на что он в ответ молча приподнял одну бровь, будто спрашивая: «Уверена в этом?». Такого Глеба я не знала, поэтому глухо прошептала. — Ты начинаешь меня пугать.

Тот час он опустил руки и расслабленно улыбнулся, после чего вернулся к дивану и взял в руки ноутбук.

— Ради твоего спокойствия я взломаю её личную почту, а также её аккаунт в соцсетях. Ты сможешь проверить Марину и успокоиться после этого. Но взамен тебе придется выполнить моё желание.

— Какое?

— Любое.

Слишком широкий разбег для желания. Если бы Глеб потребовал любое желание тринадцать лет назад, то я бы без сомнений согласилась. Потому что примерно бы догадывалась, что он потребует от меня. Но этот Глеб, который сидел сейчас на диване в моей гостиной, не предсказуем. Сейчас я не могла даже представить, что ему нужно от меня.

Хотела ли я принять его правила игры или нет? Ведь всё зависело от этого, а не от желания получить доступ к личной жизни Марины.

Так хотела ли я с ним сыграть?

— Хорошо, — решительно ответила я и направилась в сторону кухни. — Ты будешь кофе?

**

Спустя час Глеб прошёл на кухню с пустой чашкой. Он не поставил её на стол, как сделал бы гость, а на автомате вымыл её в раковине и поставил на сушку. Я сидела на барном стуле и следила за отточенными движениями Глеба. Он выключил кран и обтер руки о полотенце, а затем обернулся, опираясь о кухонную стойку.

— Вайфай чист. Я поставил туда маячки, так что если кто вздумает взломать тебя, то ко мне придет уведомление. Можешь об этом больше не волноваться. К тому же твой компьютер под дополнительной защитой.

— А Марина....

— На это нужно время, — быстро ответил Глеб. — Я запустил программу взлома, но на это понадобится часа два-три. Вечером я скину тебе доступ.

— Спасибо, — кивнула я, допив кофе.

— Не так быстро, — хитро улыбнулся он и облокотился на стол уже рядом со мной. — Теперь я требую от тебя выполнения моего желания.

Рой мыслей промелькнул в голове. Что он может попросить от меня: ещё свидание, поцелуй или...? Но Глеб изменился и стал совсем непредсказуемым. Он за считанные секунды разрушил все придуманные замки фантазий одним сказанным словом.

— Я созвонился со Львом. Мы договорились о встрече в торговом центре. У меня там как раз Оксанка в детской комнате. Так что мы идем туда вдвоём.

— Но..., — воспротивилась я, вскакивая со стула.

— Ты должна мне, — перебил меня Глеб, наставив палец. — Даже не смей отпираться. Поняла?

Шах и мат с его стороны. Меня так никто никогда не облавливал моим же данным словом. Меня только что скрутили и связали моим же обещанием. Это было подло с его стороны? Скорей всего нет. Потому что я не чувствовала себя подставленной. Я больше злилась на саму себя и чуть-чуть на Глеба.

— А ты изменился, — проворчала я. — Ты ведь просил меня только подумать о мальчике, а сейчас требуешь, используя желание. Раньше ты был более тактичным.

С возмущенным видом я уставилась на него. Он выпрямился, возвысившись надо мной, и грустно проговорил.

— Верно, раньше я считал, что нельзя вмешиваться в чужие жизни и использовать их. Но за эти годы я получил несколько хороших уроков и выяснил одно, если ты тактичен и вежлив, то чаще всего другие даже не думают вести себя также с тобой. Наоборот для них чужой такт становится призывом, чтобы вломиться и навести собственные порядки, игнорируя мнение владельца.

Глеб отошёл, чтобы собрать свои вещи, а я быстро поскидывала всё необходимое в сумку-шоппер и обулась в белые кроссовки на высокой платформе. Мы спускались в лифте в молчании. Внизу консьерж поприветствовал меня небольшим поклоном головы.

Дорога до торгового центра заняла минимум времени. Машины словно расступались перед нами. Как только мы вошли в здание, мы начали искать взглядами Льва. Он написал

Глебу, что ждал нас в фудкорте. Но мальчик первым заметил нас и энергично замахал.

Мой шаг на долю секунду замедлился, когда я увидела его. Мальчишка, почти подросток, радостно протянул руку Глебу, который с легкостью ответил ему рукопожатием. Они радушно улыбались друг другу, чуть наклоняясь вперед. Они казались почти друзьями, хотя виделись всего один раз.

— Здорово, парень, — обратился к нему Глеб и с живым интересом задал вопрос. — Как дела у тебя?

Меня поражало как они легко нашли общий язык. Как Глеб легко сходилась с людьми, хотя внешне напоминал отстраненного серебряного принца из сказки. Я же чувствовала себя неуютно, присаживаясь на край пластмассового стульчика и внимательно рассматривая мужчин. Они были полностью поглощены в разговор, когда Глеб вдруг встал и посмотрел на нас сверху вниз.

— Голодны? Хотите есть? Заказывайте, а я схожу.

Раздраженный взгляд метнулась в сторону Глеба, на что он мне заговорщически подмигнул. Он что ли специально оставлял нас наедине, чтобы мы поговорили? В данную секунду я даже немного сожалела, что Глеб решил забить на такт и на сохранение нейтралитета дабы не вмешиваться в чужие жизни.

Разве без него мы сами бы не разобрались? — Конечно же, нет. Поэтому я должна благодарить его, а не сопротивляться его помощи.

Лев попросил обычный бургер с картошкой фри и сладкую газировку, а я салат с сухарями и вишневый сок. Глеб ушёл, а я впервые осталась наедине с мальчиком, который являлся мне сыном по законам биологии. Ещё в школе я не любила этот предмет, но сейчас во мне пылал гнев на расширенные возможности медиков-генетиков. Ведь этот мальчишка мой сын, моя кровь и плоть. Он — продолжение моих родителей, но для меня он — чужак.

Я, не стесняясь, пялилась на мальчонку. Он похож на меня. Его глаза, как мои, насыщенно-зеленого цвета с тёмной крапункой. Волосы русые, но чуть темнее моих, потому что коротко подстрижены. Черты лица в будущем станут твердыми, но пока они не ярко выраженные из-за детской припухлости. У него миловидная внешность, но взгляд оставался серьезным и пронзительным, будто на меня смотрела я сама.

Он будто я, но разве это делало его моим?

— Лев, — я тихо произнесла его имя и сожалеюще опустила голову. — Я не думаю, что стану тебе хорошей матерью. Биологически ты мой сын, но по чувствам... Сомневаюсь, что когда-нибудь смогу полюбить тебя. Я в принципе малоэмоциональный человек. И это для меня слишком...

Как мерзко отвергать столь незащитное существо. Стал бы он обращаться к незнакомой женщине, если бы не обстоятельства? Но если он доверится мне, а потом я подведу его, то мои и так хрупкие границы окончательно разрушатся под натиском вины.

Вдруг чья-то почти взрослая горячая ладонь коснулась моей руки. Я подняла взгляд и заметила до боли знакомое упрямое выражение лица. Лев сжал зубы, пытаясь сдержать свою напористость. Он сделал глубокий вдох и затем решительно заговорил:

— Я знаю. Вы мать для меня только частично. Для меня настоящей мамой останется Лидия. Но позвольте мне решать, какой матерью будете вы.

— Это не так делается, малец, — в замешательстве я чуть отстранилась от него.

Но Лев не собирался сдаваться на полпути.

— Вы бы стали меня бить?

— Чего? — Не понимаю ахнула я.

— Вы бы не кормили меня? — Продолжил Лев, не слыша моего удивления. — Вы бы ругались за двойки? Или если бы я задержался в школе из-за занятий?

— Нет, нет, — в ужасе забормотала я, отворачиваясь от него. — Что за глупые вопросы. Это ведь неправильно так поступать с ребенком.

— А у вас бы хватило денег купить мне новый школьный костюм и учебники и после не попрекать меня этим? — Добивал меня своими вопросными аргументами мальчик. У него задрожала губа, выдавая его страх и волнение.

Он действительно оказался таким, каким я предполагала. Только серьезные обстоятельства заставили его обратиться за помощью к другому человеку.

— Если мне хватает купить жилье и брендовую одежду, то хватит и на нужды ребенка. К чему все эти вопросы?

— Я не прошу вас стать для меня настоящей матерью, — выдохнул Лев. — Я понимаю, что биология не дает любви. Я прошу вас принять меня к себе на передержку. Только до совершеннолетия. Чтобы я смог спокойно учиться, а не бояться любого шороха в доме. Чтобы я знал, где мой дом, и чтобы было кому прийти в школу, как опекуну. Чтобы я мог есть дома любую еду, и потом не слышать, что она была не для меня. Я не многого прошу, Ксения. Только временную передержку у вас.

Передержка!

Какое навевающую грусть слово. Слово из прошлого, которое использовала сама.

Я нахмурилась, вспоминая квартиру тети. Подколы, придирки и оскорбления, которые исходили от родной тетки и двоюродных сестёр. Биология действительно не давала гарантии любви, хотя подразумевала это.

— Ты слишком спокоен, чтобы такое предлагать. К тому же ты меня не знаешь. Вдруг я хуже твоего отца, — я повернулась к нему, чувствуя как менялось моё отношение к ситуации.

Не смогу. Я не смогу бросить его на произвол судьбы.

— Сомневаюсь, — покачал головой Лев. — Мама умерла два года тому назад. Она мне оставила один номер телефона на всякий случай. После первых отцовских побоев я позвонил по нему и попал на Ануш. Сначала я подумал, что она моя мама. Но на встрече она рассказала мне о вас. Она мне помогала, но вам она решила пока не рассказывать обо мне. Но Ануш всегда отзывалась о вас, как о хорошем человеке. Да и в интернете про вас говорят только хорошие вещи. Поэтому я сомневаюсь, что вы хуже него.

— Почему ты не связался со мной после смерти Ануш?

— Я не знал об этом, — расстроился мальчик, сжимая ладони. — Сначала подумал, что она бросила меня. Но спустя время мне попала старая новость с её фотографией. Я не знал, можно ли связываться с вами, да и как. Но сейчас у меня нет выбора!

— Отец озверел? — Хмуро спросила я, проникнувшись его историей

— Да. Он стал ещё больше пить. Денег от маминых сбережений остается всё меньше. Его аферы сделают его банкротом. Поэтому я очень хочу стать вашим сыном. Я обещаю, что буду уважать вас и слушаться...

Я подняла руку, чтобы он не смел унижаться ещё больше, чем мог себе позволить. В двенадцать это прощательно, но мне не хотелось, чтобы принижения себя укоренилось в его характере.

— Запомни одно правило, — строго заговорила с ним. — Я не люблю мямлей. Не

вздумай унижаться ни перед кем, даже передо мной. Ты сделал мне предложение, теперь мне решать: принимать его или нет. Но не унижайся до просьб или снижения собственной ставки. Понял?

Он ошарашенно кивнул. Его глаза широко распахнулись, теперь в них плескалась не отчаянная мольба, а робкая надежда.

— Я займусь твоим усыновлением, — без колебаний проговорила я. — Но особой любви от меня не ищи. Будь готов к этому. Мне не нужны от тебя пятерки, но учись так, чтобы сам в будущем не пожалел о потраченном зря времени. Ты будешь заниматься также в секциях или на других доп занятиях, чтобы без просиживания штанов дома или с плохой компанией. Насчет еды и крыши над головой не смей даже заикаться. Это естественные нужды, как и одежда. Будь разумным в просьбах, и мы с тобой договоримся.

Потянув к нему руку для рукопожатия, я замерла, в то время как Лев неверяще уставился на меня. Его глаза немного заслезились, а нос захлюпал, поэтому он быстрым движением провел по лицу, чтобы скрыть слезы. Он хотел получить от меня положительный ответ и не мог поверить, что я его дала. Такое бывало, когда сам не верил в успех собственных решений.

— Договорились? — С усмешкой повторила я

— Да-а, — он судорожно потянулся ко мне и схватился за руку.

— Отлично. Но будь готов, что это не быстро, — предупредила его. — Я одинокая женщина, а он твой отец по крови и закону. Забрать у него ребенка будет не просто.

— Но ваши слова уже дают мне надежду.

Легкая улыбка появилась на моих губах, в ту же секунду Лев отзеркалил её для меня. Всё же приятно смотреть на того, кто похож на тебя. Где-то внутри пропадало чувство одиночества, которое любило грызть по вечерам в пустой квартире.

— Договорились? — Вернулся Глеб и расставил перед нами еду. — Скоро у Ксютки закончится время в игровой. Я пока схожу, а вы начинайте есть.

**

Ксютка — очаровательная девчушка. Она способна за несколько минут влюбить в себя любого. Лев пал её чарам за несколько минут. Он с радостью играл с ней в ладушки и много шутил. Девочка покорила даже меня. Она сразу потянулась ко мне, как только Глеб привел её на фудкорт. От её инициативности я растерялась.

Мой опыт общения с детьми совсем мал. Я общалась с ними только в детском доме, когда приезжала к ним с благотворительной помощью. Но всё же это совсем иное общение. Во-первых, в младшие группы мы с Ануш не заходили, а только передавали им игрушки или другие необходимые предметы. Во-вторых, старшие группы не тянулись к незнакомцам так непосредственно. А Ксютка полезла ко мне обниматься, словно знала с рождения.

Затем Льву позвонил отец. Заметив, как мальчик побледнел и послушно согласился вернуться домой, я испытала гнев на мужчину, которого когда-то видела с Лидией. Как он смел запугивать ребенка силой взрослого? При этом Лев тепло попрощался с Глебом и с Ксюткой, а со мной он неловко замялся и глухо спросил:

— Вы ведь не обманули меня сегодня?

— Нет.

— Тогда можно взять у вас ваш номер телефона? — Взволнованно пробормотал Лев и не глядя протянул аппарат.

Я быстро вбила заученные цифры и вернула трубку мальчику. Он тут же записал его и

сохранил, а затем с облегчением выдохнул.

— До свидания, Ксения...

— Пока, Лев. И не забудь позвонить мне, чтобы у меня тоже сохранился твой номер.

Парень с улыбкой кивнул мне и убежал, а вот я встала, чтобы проследить, как мальчишка выбегал из центра. Тяжелая мужская рука опустилась мне на плечо, заставив вздрогнуть. Я повернула голову, взглянув на Глеба и на сидячую на его руках девочку.

— Ты как? — Участливо спросил он.

— Спасибо, Глеб, что попросил у меня такое желание. Наверное, в будущем я буду вечно тебе благодарна за это.

— Это хорошо, — кивнул Глеб, ухмыляясь. — Мне особенно нравится твой временной промежуток. Вечно... Тебе не кажется опасным раскидываться такими словами?

Я отвернулась от них, чтобы скрыть довольную улыбку. Глеб такой проныра, что даже возмущаться сложно. Ведь никто не тянул меня за язык, чтобы сказать такое.

— Ну что, красавица, поехали домой? — Вопрос Глеба сбил меня с толку. Я резко повернулась к нему, чтобы возмутительно охнуть, но заметила как он поправлял красивое детское платьице Ксютки, спрашивая её, а не меня. Вдруг Глеб повернулся ко мне и уточнил: — Ксюш, тебя подбросить?

Я не успела устыдиться своего промаха, да и ответить ему, потому что Ксютка настырно потянулась ко мне, схватив за шею. Глеб попытался забрать её, но та криком остановила его и наотрез отказался выпускать заложника, то есть меня.

Её маленькие ручки прижимались ко мне, а головка прилегла на моё плечо. Вот теперь я окончательно сдалась. Ксютка не просто покорила меня, она завоевала моё сердце.

— Думаю, тебе придется подбросить меня, — хмыкнула я, принимая собственное поражение.

Мы прошли на парковку, сели в машину и почти сразу попали в пробку. Ксютка уснула в детском кресле, а я набрала Матвея.

«Давно не слышал тебя, Ксюха», — воскликнул он так громко, что даже Глеб услышал и повернулся на звук. — «Ты по делу или просто поболтать?»

— По делу, — хмуро произнесла я. — Ты вроде говорил, что у тебя есть знакомые в опеке.

«Было такое», — посерьезнел Матвей. — «А ты что ребенка решила усыновить? Что окончательно ассимилируешься и становишься добропорядочной семейной дамой?»

— Хочу добиться опеки над своим сыном.

«Кого?»

— Помнишь гормоны, больницу и обморок во время конкурса, — напомнила я ему.

«Помню. А где мать, которая как раз таки просила тебя отдать яйцеклетку?» — Возмущенно проговорил Матвей.

— Умерла два года тому назад. — В трубке воцарилось сконфуженное молчание. — Его отец, который вообще-то родной, бьет его и абьюзит над ним. Лев попросил меня помочь ему.

«Но ты одинокая, хоть и богатая и биологически родная», — повторил мои страхи Матвей, мгновенно поняв суть проблемы.

— Что-то вроде этого. И мне нужна твоя помощь, Матвей.

«Я свяжусь со своими знакомыми из опеки, но не жди быстрых результатов».

— Главное, чтобы они были.

Мы распрощались, а Глеб тем временем въезжал на придомовую территорию моего дома. Он притормозил около подъезда и повернулся ко мне.

— Матвей откликается на любую твою просьбу?

— Как и я на его. Мы хорошие друзья, — заметила я.

— И как часто вы, как друзья, друг с другом целуйтесь? — Вдруг спросил он, а я изумленно уставилась на него.

— Никогда.

— Ну да, — хмыкнул Глеб, откинувшись на сиденье.

— Правда, мы не целуемся, — возразила я.

— Но делали ведь это, хотя бы раз или даже два, — процедил он.

— Это было давно и..., — я озадаченно моргнула. — А ты откуда знаешь, что мы целовались?

Глеб как-то странно глянул на меня, но затем его телефон истошно завибрировал. Он резко разблокировал экран, а затем, читая уведомление, его брови внезапно вздёрнулись.

— Всё, Ксюш, теперь точно пока, — глухо пробормотал Глеб.

— Что случилось?

— Я поехал домой, чтобы начать работать. Сработали мои маячки на взлом сайта агентства.

— Ты уже их поставил? Я думала, ты начнешь ими заниматься после своего согласия. Когда ты их поставил?

— С нашего первого деликатного разговора.

Я выскочила из автомобиля и громко захлопнула дверь, после чего машина с визгом стартовала с места.

До позднего вечера я пыталась чем-нибудь занять себя. Но все мои помыслы вились вокруг Глеба, сайта, Льва и Марины. Мне не удавалось сосредоточиться ни на полезном, ни на бесполезном.

К десяти часам, когда я в конец измаялась, Глеб прислал сообщение.

Г: «Отправил тебе, как и обещал, доступ к почте икаккаунтам».

К: «Спасибо. А как делаю с сайтом?»

Г: «Все хорошо. Я успел временно заблокировать сайт. Теперь я смогу найти хакера».

Он настроен решительно в помощи для меня. И для этого не понадобилось выдумывать сказки. Оказалось достаточным по-человечески поговорить. Не юлить в ответах, а нормально попросить.

К: «Спасибо тебе, Глеб»

Г: «Спокойной ночи, Ксюша».

Прижав пальцы к бьющейся жилке на шее и ощущая ускоренный пульс, я делала воздушную гимнастику. Но она не успокаивала взволнованное сердце и не возвращала нормальное сердцебиение. За какие-то две недели я снова превратилась в семнадцатилетнюю влюбленную девчонку, которая краснела от его сообщений.

Я вообще когда-нибудь прекращала его любить?

Казалось, что нет. Потому что я до сих пор до ужаса влюблена в Глеба Алмазова. Моя любовь не увяла за прошедшие годы, наоборот она крепла и стала непоколебимой.

Стандартный рингтон повторился. Он снова потянул меня из сладкого сна, кстати лучшего за эту неделю. Я с трудом дотянулась до смартфона, желая вырубить его или наорать на звонившего, но, заметив от кого шёл вызов, мигом проснулась и ответила на звонок.

— Алло, Варя? Что случилось? Почему звонишь так рано? — Затараторила я, поднимаясь с кровати и одновременно путаясь в одеяле.

Окончательно разозлившись, я сдернула рукой постельные путы и скинула их на пол. А тем временем в трубке звучал спокойный голос девушки:

«Ксения, вы можете выйти во двор? Я недалеко от вас, хочу кое-что рассказать».

Уже успокоившись, я села на кровать и уточнила:

— Точно всё в порядке?

«Да. Я жду вас под аркой дома номер десять, который стоит на вашей улице».

Варя отключилась, а я смогла спокойно выдохнуть. Её не убивали и не подвергали пыткам, как, по-моему, это неплохая новость в нашей-то ситуации. Не долго думая, я схватила спортивный костюм и быстро оделась, затем намотала волосы в пучок и выскочила из квартиры.

Часы в фойе показывали семь утра. Жильцы дома спускались на парковку, чтобы отправиться на работу. Я ярко выделялась на их фоне из-за небрежного и растрепанного вида. Консьерж тоже обратил внимание на мой неформальный образ, поэтому я, проходя мимо, неловко пробормотала:

— На пробежку.

Он кивнул, оставив без внимания то, что не в моих привычках предпочитать пробежку на открытом воздухе, а не в помещении фитнес-зала. Не лучшее моё оправдание, но оно по крайней мере звучало достоверно, чем если бы я призналась, что притворялась секретным агентом, отправившись на встречу с кротом.

Обойдя детскую площадку, я вышла за территорию дома, затем трусцой пробежала один квартал и вошла в затененную подворотную арку, где ждала Варя.

Модель отошла от стены, как только увидела меня, и скинула капюшон с головы.

— Ты как? — Оглядываясь, спросила я. — И почему выбрала такое место?

— Не вы одна страдаете паранойей, — пошутила она, но глаза её не улыбались. Видимо она соблюдала осторожность не просто так. — Честно, я сначала не поверила в ваш рассказ. Подумала, что вы преувеличиваете опасность или тому подобное. Даже думала, что вы разыгрываете меня.

— Но...?

— Янковская в первый же день начала подходить к девчонкам, у которых есть проблемы, — начала она. — У кого родители больные, у кого учеба дорогая, кто приезжий и хочет закрепиться в столице. Она знала всё. Она могла даже сказать, сколько денег лежит у меня на карте в точности до копейки.

— Многие девчонки согласились? — С содроганием спросила я.

— Шесть и ещё я. Но я бы отказала, если бы не ваша просьба.

Растерев лицо, я задумалась, что их могло ждать в логове хищника и что их заставило согласиться. В каком отчаянье нужно находиться, чтобы пойти на такое? Я действительно не

видела их проблемы или всё же отказалась видеть?

— Что-нибудь ещё?

— Янковская насторожилась, когда я к ней подошла. Видимо ей успели рассказать по наши хорошие отношения. Поэтому мне пришлось рассказать ей про своё прошлое и про больную маму с маленьким братом. Я рассказала ей всю правду, конечно, кроме вашей просьбы.

Варя потеряла руки между собой, а затем спрятала их в карманах широкой худи. Она немного сторбилась, пытаясь стать меньше, а также желая спрятаться от взглядов, которые раньше встречали её.

— Как ты себя чувствуешь после этого?

— Не очень, — Варя замолчала, но потом тихо добавила. — Потому что она знала. Она всё знала обо мне до моего рассказа, но ей хотелось, чтобы я призналась. Она хотела услышать, как я говорю, кем была. После этого она посмеялась над моим видом и добавила, что мой опыт пригодится мне. А также рассказала по секрету, что во мне уже кто-то заинтересован. Поэтому я только облегчила ей задание своим согласием.

Что? Им нужна Варя?

— Варя, ты можешь отказаться, — я взяла её за руку, вытащив из кармана, и заставила посмотреть на себя. — Я понятия не имею, что тебя там ждёт. И раз у них особенный интерес в тебе, то возможно для тебя эта операция слишком опасная. Ты решительно уверена в этом?

— Это меньшее, что я могу сделать, — тихо проговорила она и протянула красный прямоугольник. — Я связалась с тем номером, который вы мне дали, и мы всё обговорили. Но вчера вечером Янковская отдала мне это.

Опустив взгляд, я внимательно рассмотрела карточку. Она больше напоминала визитку ярко-красного цвета, но без букв и цифр только с одной отметкой кьюар-кода.

— Что это?

— На этой недели мне позвонят, после чего я обязана активировать его. Затем в телефоне должен открыться навигатор без конкретного адреса только с направлением. Я подумала, что возьму второй телефон и буду звонить с него на тот номер, который от вас, чтобы передавать местоположение. Или лучше писать смс-ки?

— Мне кажется, лучше вообще, чтобы звонок шёл во время всей твоей дороги. Но подробнее обсуди это с тем, кто ответил тебе.

— Хорошо, — Варя быстро закивала и взволнованно добавила. — Не думала, что буду участвовать в облаве.

— И я, — улыбнулась я. — Удачи тебе!

Слабая улыбка мелькнула на губах Рейвен. Она развернулась и, не глядя, ушла. Проводив её взглядом до поворота, я отправилась на пробежку. Мне предпочтительней бег в зале, чем на улице, но выбора сейчас нет, а вот подумать требовалось.

Варя и девочки находились на волоске. Любое неверное движение могло подвергнуть их незнакомой, но реальной опасности. Всё зависело от Германа и его команды. А вот я являлась всего лишь пешкой на шахматном поле. Нинель и Анатолий мной воспользовались, чтобы получить выгоду, в принципе, как и Герман, который ради поимки преступников пошёл на сотрудничество. Все действия совершали другие, но почему-то всё касалось и меня. Мне пришлось в слепую идти по канату, пока другие искали доказательства. Я, будто пешка, неторопливо шагала вперед в лагерь противника. Я могла потерять равновесие, когда

сомневалась, а могла сделать невозможное — достичь конца, стать королевой и наконец победить врага.

На моём пути попадались дополнительные осложнения. Лев, который возродил пережитые воспоминания после гибели родителей, вспыхнувшая новыми красками старая первая любовь, а ещё отчаянный страх падения — все эти чувства разрушали давние выстроенные границы от мира. К тому же меня пугал тот факт, что в любую секунду вся игра в детектива может развалиться, как карточный домик. А если развалится она, то и я сломаюсь, упав с каната и разбившись на смерть.

Домой я вернулась спустя два часа. Вспотев и устав, я ворвалась в квартиру и сразу же отправилась в душ. Пробежка немного расслабила меня и привнесла некоторое облегчение. Я успела допить кофе, когда телефон зазвонил, а с экрана просматривался номер Германа. Он попросил о встрече в двенадцать на Красной площади, чтобы мы смогли затеряться среди толпы туристов. Во время сборов я сложила в сумку конверт с угрозами, бумаги со счетами от Никиты, а также схему махинаций, точнее, что вспомнила из неё.

В двенадцать ноль пять я прохаживалась по брусчатой площади, а рядом со мной вышагивал Герман.

— Я вам кое-что принесла, — передала ему пухлый конверт и добавила. — Там фото с угрозами и с фейковыми доказательствами, а также многое другое. Возможно это вам поможет. Также сегодня утром я виделась с Варей. Ей передали визитку с кьюар-кодом.

— Она знает что на ней?

— Активатор навигатора с адресом. Она сможет его активировать только тогда, когда ей позвонят. Она сказала, что возьмет второй телефон, чтобы информировать вас. Потому что боится, что приложение не позволит открывать другие окна.

— Логично, — кивнул Герман, а затем, глянув на меня, уточнил. — Она знает точную дату?

— На этой недели. Это всё.

— Что-нибудь ещё, — вдруг спросил Герман, останавливаясь. — Вы выглядите так словно вам есть что сказать.

Я отвернулась от него. Разглядывая людей, я обратила внимание на иностранную пару с маленьким ребенком. Пара увлеклась фотографиями, что на некоторое время позабыли о малышке. Она так увлеченно прыгала с камня на камень, что если родители вскоре не вспомнят о ней, то у них есть шанс потерять её.

Как и у меня. Есть огромный риск потерять девочек или покалечить их. И это будет полностью моя вина, если с ними произойдет что-нибудь непредвиденное.

— Кроме Вари, — прохрипела я. — Согласилось ещё шесть девушек. Шесть! Они будут в опасности во время вашей операции, а от меня вообще ничего не зависело. Я боюсь за них. Боюсь, что они пострадают. Боюсь, что из-за меня их втянут в проблемы.

— Ксения, вы их уже спасаете. Вы сотрудничаете с нами ради них. Вы ищете ответы, а не позволяете волне накрыть вас. Им уже повезло с вами. Предоставьте теперь нам выполнить нашу работу. И да, не приходите пока в агентство. Пусть у них развяжутся руки от вседозволенности. До свидания, — с единственным кивком Герман исчез в толпе, оставив меня посреди людского моря.

Я шла сталкиваясь с чужими плечами, с равнодушием принимая их ворчание. Кое-как выбравшись из столпотворения на Манежную улицу к Охотному ряду, я перешла улицу и на Тверской зашла в первый заинтересовавший меня ресторан.

Там я заказала чайник зеленого чай с жасмином и панини с моцареллой. Медленно жуя бутерброд, я задумалась о том, что впервые прогуливалась в рабочее время. Мне не нужно бежать в агентство, фотосессиями занимался офис, с французами переговоры перенесены, а конкурс я запущу только после разбирательства с Нинель.

Впервые за долгое время я никуда не спешила.

Мне оставалось только сидеть в ресторане, есть панини и рассматривать остальных через панорамное окно. Я меланхолично разглядывала улицу, с удивлением обнаружив знакомое лицо. Десятки машин затормозили на светофоре. Многие автомобилисты опустили окна. Но в салоне машины напротив ресторана, в котором сидела я, находилась Нинель.

Я прищурилась, чтобы лучше разглядеть её, а также её соседку.

Нинель сидела на заднем сиденье и разговаривала с блондинкой с очень знакомым лицом. Вроде бы я ещё обратила внимание на неё, когда ждала начальника безопасности Матвея. Они о чём-то спорили, после чего блондинка жестко схватилась за плечо Нинель и начала яростно ей что-то втолковывать. Незнакомка активно жестикулировала и всё время тыкала в Воровицкую пальцем, будто доказывала ей её вину. Спустя минуту автомобильный поток тронулся, а машина с Нинель и с блондинкой уехала прочь.

Вначале мелькнула мысль преследовать их и узнать, почему блондинка казалась мне знакомой. Но здравый смысл ещё не полностью отказал из-за влияния детективной обстановки. А ведь могла возомнить себя сыщиком, которому всё по плечу. Вместо этого я доела панини и спокойно оплатила счет.

Я только встала из-за стола, когда мне позвонил консьерж. Он сообщил, что в фойе меня ожидал гость. По его мнению, этот посетитель находился в крайней степени озлобленности, и что он вряд ли уйдет, пока не дождется меня.

Выйдя из ресторана, я поймала такси, чтобы через полтора часа ворваться в холл дома, где ждала разозленная Марина.

Она крепко сжимала в руках зеленую сумочку из экокожи, тем самым порча длинным маникюром поверхность. Она даже не подняла взгляд, когда я пришла. Вместо этого она отвернула голову и манерно поджала губы, будто матрона из девятнадцатого века.

— Поднимемся? — Спросила я, когда подошла к ней. Марина молча встала и подошла к лифту, уставившись в одну точку. Перед подъемом я шепнула благодарность консьержу и юркнула в кабину лифта. — Даже слова мне не скажешь? — Она продолжала молчать. — Или сохраняешь злость до квартиры?

Она с шумом выдохнула, что предполагалось ответом на мой вопрос.

Мы в молчании вошли в квартиру. Первым делом на кухне я открыла новую бутылку вина, достала два широких бокала и разлила двухлетнее мерло. Марина не отказалась от предложенного напитка и за секунду выпила его. Затем она осуждающе глянула на меня и со стуком поставила бокал на столешницу.

— Объясни, — прорычала она. — Что происходит? Я не понимаю тебя. Это на тебя так Глеб влияет? Делает тебя такой дурочкой что ли. Если так, то правильно сделала, что сбежала от него. Или может, тебя кто-то настраивает против меня? — Марина указала на себя и истошно взмолилась. — Ксю, не молчи! Прошу тебя! Я уже несколько ночей спать не могу из-за этой неразберихи. Мне кажется, что что-то вокруг происходит, но никто не посвящает меня, будто я прокаженная.

— Марина....

— Или ты мне не доверяешь? — Воскликнула Рубин, начав расхаживать по кухне. — В

тот раз перед поездкой в Париж ты испугалась признаться мне в идее Ануш. Но что могло произойти сейчас, чтобы ты снова игнорировала меня. Почему ты снова ведешь себя также?!

— Прости меня....

— Извиняешь? — Она резко затормозила и уставилась на меня. — Значит ты правда мне не доверяешь! Я хотя бы раз ставила под сомнения себя? Я хотя бы раз проявляла хоть какой-нибудь признак желания предать тебя? Ксюша, почему ты так поступаешь со мной? Почему я чувствую себя преданной тобой?!

— Сейчас происходит слишком многое, — глухо проговорила я и одним махом допила вино. — Я не могу тебе всё рассказать, потому что слишком многое стоит на кону.

— Или ты не рискуешь довериться мне, — разочарованно добавила она неозвученное. Марина ударила раскрытыми ладонями по столу и сурово спросила. — Тогда может расскажешь о чём шепчутся девчонки? Потому что вчера я услышала, как девочки обсуждали приглашение Ирины на один вечер.... Особый вечер для избранных. Мне даже не нужно было слышать детали, чтобы понять, что они имели в виду. Но как....

Её глаза засверкали от едва сдерживаемой ярости. Она судорожно замахала руками, потому что не в силах подобрать нужные слова. К чему такие лишние подробности, ведь она поняла верную мысль. А теперь она жаждала объяснений от меня. Как могла я допустить такое; каким образом повелась на уговоры кого-либо в таком вопросе; как посмела впустить эскорт в моё агентство.

— Мне пришлось....

— Почему ты мне не рассказала?

— Потому что об этом никто не должен знать, — и добавила про себя: «об этом действительно никто не знает. Глеб ищет проблему сайта и самого хакера-агрессора. Никита раскручивает нить махинаций в счетах. Денис знает только то, что детали конкурса нельзя распространять больше необходимого. Об эскорте знают только те, кто лично замешан в него». Я шагнула к подруге, настойчиво проговорив. — Марина, и ты никому не говори об этом. Пока об эскорте никто не должен знать. Я решаю эту проблему. Точнее несколько проблем, но я прошу никому не говори. Всё должно идти так, как идёт.

Марина несколько раз кивнула и отвернулась от меня. По её щеке скатывалась одинокая слезинка, которая убивала меня раскаянием.

— Ксюша, — прошептала она. — Я так обижена на тебя. Как ты могла не прийти ко мне, когда появились проблемы в агентстве. Я ведь правильно понимаю, — она глянула на меня. — Что они очень большие?

Молча кивнув, я стыдливо опустила взгляд.

— Мне казалось, что мы с тобой подруги. Только это ложь. Это одна огромная иллюзия дружбы. Дай угадаю, — Марина сложила руки на груди и пронзительно уставилась на меня. — Марков знает все детали, хотя он не работает с нами.

— Нет. — Быстро ответила я. — Он не знает. Он только свёл меня с доверенным человеком, который способен помочь. Но деталей, а в особенности тему с эскортом он не знает.

— Ну спасибо, — процедила она. — Хоть не так обидно, что этот засранец знает больше меня. А вот Глеб наверное знает?

— Нет, он занимается другим делом. Хотя он посвящен чуть больше тебя. Но это потому что специфика проблемы в его сфере, — глухо добавила я.

— М-м, ясно.

Марина провела по лицу, убирая остатки слез, а затем по волосам, чтобы привести их в порядок. Она сняла с наряда невидимую пылинку, видимо обдумывая решение, после чего выпрямилась, встав напротив меня.

— Тогда слушай и запоминай одно, Ксения, — Марина ткнула указательным пальцем в моё плечо и уверенно заговорила. — Я не могу сейчас оставить девочек. Поэтому я пригляжу за агентством, пока ты разбираешься с проблемами. Но когда это дерьмо закончится, я уйду. Мне было страшно за тебя, когда умерла Ануш. Потому что мне казалось, что её смерть случилась слишком в удачное время.

— О чём ты? — Удивилась я, посмотрев на Марину.

— А в том, что за месяц до гибели Ануш начала поднимать архив. Она попросила меня связаться с некоторыми организациями, чтобы проверить старые данные. Поэтому я до последнего верила в неслучайность её смерти, но затем всё вроде бы устаканилось. Никто не врывался в агентство с левыми документами, да и полиция не интересовалась нами. Поэтому я успокоилась. В жизни ведь всякое случается. Я думала, что заслуживаю твоё доверие, как когда-то заслужила его у Ануш.

— Но почему я не знала про деятельность Ануш в последний месяц, — непонимающе проговорила я.

— В те дни ты была на показах. — Спокойно ответила Марина, а затем грубо добавила. — Но это не оправдывает твоё недоверие. Во второй раз! А ведь я тогда тебя предупреждала, что ни от кого больше я не потерплю к себе такого омерзительного отношения. Даже от тебя, дорогая.

Она потянулась за сумочкой, которую раньше кинула на стол, но я перехватила руку Марины, останавливая её.

— Я не буду умолять тебя простить. Ты права, что я предала твоё доверие своим недоверием. Но проясни до конца ситуацию, — отчаянно попросила я. — Почему ты сомневалась в неслучайность смерти Ануш? Ведь не только из-за её предсмертной деятельности.

Марина стряхнула мою руку и достала сумочку. Она глянула на меня, оценивая моё нестабильное состояние, и устало выдохнула.

— Женщина рассказала, — спокойным голосом начала Рубин. — Именно её дочь тогда спасала Ануш. Я навестила пострадавшую в больнице уже после похорон. Там она рассказала, что слышала разговор. Кто-то говорил, что дом абсолютно безопасен и что там осталась девочка. Потом он попросил Ануш сходить за ней. Та женщина в те часы плохо соображала, могла только звать дочь и просить спасти её, но этот разговор ей запомнился. А также то, как ей сообщили про геройство Ануш. Ей чуть ли не детально расписали, как она сама решительно вбежала в полуразрушенное здание ради спасения девочки.

Это невозможно. Волонтеры не смели без разрешения спасателей входить в постройки после ЧП. Мы проходили инструктаж и ни один раз. Волонтеры обязаны помогать, а не создавать проблемы.

— Почему ты мне тогда не рассказала? — Ужаснулась я.

— Ты лучше вспомни себя в первый месяц после похорон, — упрекнула она меня. — Тебе было точно не до этого. Опять же устаканилось всё тогда быстро.

Неловко замолчав, мы не решались посмотреть друг на друга. В эту минуту я чувствовала, как теряла ещё одного друга из-за своей глупой недоверчивости. А ведь вчера, когда Глеб прислал мне доступ в личное пространство Марины, я смогла только зайти в

него, а уже через секунду покинула. Сейчас же я стыдилась собственной просьбы и сомнений насчет Рубина.

Но конкретно в этот момент я могла ответить на мучивший меня вопрос. Почему Нинель не угрожала Марине? Да чтобы я ещё больше запуталась. Я должна была начать сомневаться в себе и в других, чтобы осталась одна. Ведь одного проще сломить.

— Марин, особо не упорствую в агентстве, — предупредила я. — Никто не должен догадаться, что ты знаешь про эскорт. Особенно Янковская. Вообще с ней не общайся и не пытайся никого отговорить от предложения. Только узнай что у них за проблемы, чтобы после помочь девочкам.

— Да поняла я. — Отмахнулась Марина. — Надеюсь, ты действуешь не своими руками, — вдруг спросила она, а я недоуменно уставилась на неё. — В том смысле, чтобы этим занимался какой-нибудь официальный орган, а не какая-нибудь шарашка с арбата.

— А-а, да, всё под контролем, — ответила я, на что Марина только слабо кивнула.

Она вышла, не прощаясь и не оглядываясь. Я же кое-как доковыляла до спальни и плашмя упала на незаправленную кровать.

Так тихо и пусто, будто выкачали все звуки из пространства. Именно так происходит прощание со старым другом, с которым только что разорвал долгую дружбу. Я будто стерла весь наш смех, нашу радость и наши воспоминания о нас. Будто «мы» — Малахит и Рубин, прекратили совместное существование.

И в этом виновата одна я.

Следующие дни я отсиживалась дома. Связь с агентством поддерживала через Женю и Марину, выполняя рутину удаленно. Мне пришлось притвориться больной перед секретарем, а Марина малость разнесла мою легенду по всему офису, чтобы казалось правдоподобнее. Ведь болела я редко, и болезнь никогда надолго не выводила меня из интенсивного рабочего ритма. А так я будто работала в штатном режиме, но из дому из-за плохого самочувствия.

Женя вроде бы поверила мне. По крайней мере я очень на это надеялась.

Но уже спустя сутки стены стали давить на меня. Спасала только связь с внешним миром. К примеру, Никита звонил каждый вечер и сообщал как продвигается дело. Марина сухо отписывалась, извещая об обстановке среди моделей. Даже Денис однажды набрал меня, но скорее для того, чтобы наорать на меня, чем справиться о моём здоровье. Видимо Марина не сдержала при нём слез, обвинив в них меня. Из-за этого он мучил меня расспросами несколько часов, требуя подробного рассказа. В итоге я призналась, что мы сильно поссорились, и что Марина хотела уйти из агентства. Завуалированные формулировки не убедили Дениса. Он только понял, что Марина из-за нервов быстрее выложит ему всё, чем я.

Молчал только Глеб. Он не звонил и не писал, как и я ему. Но при этом я знала, что он каждый день ходил в офис и запирался в кабинете с программистами. Видимо поставленная задача оказалась намного сложнее, чем предполагалось изначально.

После бессонной ночи я повторно разбирала базу данных агентства, планируя поиск новых вероятных партнеров. Мне чудилось, что история с эскортом ещё аукнется мне в будущем и, как по-моему, лучше начать подготовку к этому сейчас. Не верила я, что всё эти события совершатся без жертв с моей стороны и легко забудутся обществом. Возможно мне придется заново выстраивать некоторые цепочки партнерства: забыть о старых и найти более лояльных новых.

Голова трещала из-за многочасовой концентрации, когда на столе завибрировал телефон. Я со смесью страха и облегчения уставилась на него, потому что хотела отвлечься от базы данных и в то же время боялась услышать ухудшающиеся новости. Но из всех возможных контактов мне звонил Лев, и я даже не знала чего ждать от звонка: непринужденной радости или дополнительных проблем.

— Лев, — в трубку воскликнула я. — Что случилось? Почему ты звонишь?

Пальцы непроизвольно скрестились, надеясь на лучшую новость, но вместо неё я услышала детский всхлип и спущенную воду в унитазе.

— Где ты? Мне приехать забрать тебя? Ты в опасности? — Нервно подскочила я, тут же направившись в сторону выхода.

— Ксения, — прошептал мальчик и снова всхлипнул. — Я в школе. Меня вызвали к директору, чтобы познакомить с представителем опеки. Они сказали, что к ним пришёл донос на нашу семью о семейном насилии. Они приехали забрать меня. Я попросился в туалет, чтобы позвонить вам. Это вы устроили? Чтобы быстрее забрать меня?

Быстро перебрав возможные варианты, я начинала понимать, что что-то тут не так. Матвей бы не стал действовать так топорно. Я сама недавно заходила на форумы, задаваясь вопросом, как лучше всего забрать опеку над ребенком. Тут мнения насчет приюта и сохранения семья сильно разделялись. К тому же я сама к этому относилась не однозначно.

Ведь отец издевался над ним, но он хотя бы знакомое зло, а что могло ожидать мальчика в приюте никто не мог предполагать. Я сама когда-то предпочла отправиться к незнакомой, но всё же родной тетке, чем в государственный приют.

А ещё я уверена, что Матвей предупредил бы меня, если бы использовал столь жесткие действия.

— Нет, я хотела забрать тебя у отца. Мой знакомый действует через связи в опеке. Но он бы предупредил меня об этом.

Лев всхлипнул громче, но всё же не ревел. Я ходила из угла в угол, пытаюсь придумать решение, которому не хватало условий.

— Так, Лев, слушай меня внимательно. Ты мой номер наизусть помнишь?

— Да....

— Отлично, возвращайся к директору и запиши мой номер. Дай его директору и сотруднику опеке. Скажи им, что это номер твоей биологической матери. Они знают как ты появился на свет?

— Директор точно, — тяжело вздохнул Лев. — Мама Лидия с ним хорошо общалась.

— То есть он друг семьи? — С радостью отметила я.

— Друг мамы Лидии, — поправили меня.

— Тогда попроси директора позвонить мне. Скажи им, что ты хочешь вернуться к биологической матери, которую нашел. Я уже связалась с тем центром, где проходила операция по твоему рождению. У меня есть документы на наше родство. Пусть опека сообщит адрес приюта, чтобы к тебе мог приехать человек. Он возьмет твой ДНК для анализа. Запомнил?

— Вроде бы, — просипел мальчик. — Вы правда собираетесь забрать меня к себе?

— Я ведь тебе пообещала, — с жаром проговорила я. — Так что даже не думай об этом. Ты главное держись, потому что я не знаю, что будет дальше и как скоро у меня получится забрать тебя.

— Хорошо....

На фоне я услышала стук в дверь и женский голос, который спрашивал как дела у Льва. Видимо из опеки решили проверить сбежал он или нет.

— Мне пора, Ксения, — пробормотал Лев и сильно втянул носом воздух.

— Не забудь дать им мой номер и сказать, что вернулась биологическая мать, — повторила я, неожиданно замечая как сама верила в это.

Телефон затих в руках, а я с удивлением отметила в себе живое желание стать матерью для этого мальчика. Нет, я ещё сомневалась, что безусловно люблю его. Но что-то во мне затеплилось, словно проснулись дремлющие и ждущие своего часа материнские инстинкты.

Зайдя в контакты, я скроллила вниз до имени Матвея. Но как только я дошла до его номера, как телефон зазвонил, высвечивая на экране безымянного абонента.

— Алло, — настороженно проговорила я, прижимая трубку к уху.

«Я не люблю, когда меня считают душой», — заорала Нинель. — «Я искала твой настоящий номер у других. Ты не хотела со мной общаться, Ксения? Но как.... Мы ведь теперь партнеры».

— Партнеры получают выгоду от деятельности друг друга, — заметила я, впиваясь ногтями в мягкую спинку дивана.

«А ты разве не получаешь эту самую выгоду» — зловеще поинтересовалась она. — «Твои любимые в безопасности из-за нашего сотрудничества. В этом твоя выгода, дрянь!»

Если ты, конечно, не играешь в две игры. Кстати об этом... успокой своего финансиста», — рывкнула вдруг она.

— Ты о чём? — Искренне не поняла я.

«Сегодня твоего сына заберет опека», — сообщила Нинель, заставив этой новостью окаменеть моё тело. — «Потому что твой финансист интересуется не теми вещами. Ясно?!»

— Я не знала, — захрипела я, шагая из стороны в сторону. — Я попрошу прекратить его.

«Только твой сын всё же окажется в приюте. Но я ведь добрая тётя», — торжественно проговорила Нинель. — «Пока его будут оберегать. Но если ты не успокоишь своего работника, то я спущу всех собак на несчастного пацана».

Выкрикнула шантажистка и сбросила звонок. Я отрешенно уставилась в окно, держась одной рукой за спинку дивана. Мысли метались. Душа беспокоилась за Льва. Но тусклый свет появился в темноте мрачного тоннеля.

Никита нашёл его. Он справился. Значит нужно ускоряться, чтобы Лев не пострадал.

Кивнув своему решению, я набрала номер финансиста, и он моментально ответил, без приветствия заговорив:

«Мне некогда, Ксюша. Я почти нашёл его».

— Пожалуйста, остановись.

«Что?» — я будто увидела наяву, как он замер от моих слов. — «Ты хочешь всё бросить?»

— Нет, Никита. Ты действительно на очень правильном пути. Но если ты продолжишь, может пострадать мой сын. Пожалуйста, чуть-чуть притормози. Ты уже знаешь имя?

«Да-а», — он задумчиво промычал что-то невразумительное, но затем четче добавил. — «Я знаю имя, но хотел кое-что проверить».

— Видимо они заметили твою проверку, — поняла я и упала на диван, потому что ноги перестали держать. — Пока ничего не делай. Ладно? Я думаю, ты уже достаточно сделал. Ты ведь дома? — В ответ глухо прозвучало Никитино «Угу». — Все твои бумаги с доказательствами положи в сейф, хорошо? Если хочешь, можешь сделать копию. Я сообщу кое-кому, чтобы с тобой связались и встретились.

«Ксюша, я разворошил осиное гнездо», — вдруг на Никиту снизошло понимание реальной ситуации. Он испуганно ойкнул и громко задышал в микрофон. Спустя пару минут он панический зашептал. — «Я в опасности? За мной следят?»

Я услышала, как Никита встал, задернул занавески, затем прошёл к двери и закрылся на все замки. Он снова куда-то присел, а дыхание его стало прерывистым, как у астматика.

— Никита, — громче заговорила я. — Услышь меня. Ты в безопасности, но сиди пока дома. К тебе скоро приедут. Его зовут Валентин Яковлевич, и он начальник безопасности. Ему можно верить. Он тебе позвонит, прежде чем постучит в дверь. Услышал меня?

Чуть требовательней закончила я, чтобы перебить начинающуюся панику финансиста. Никита глубже вдохнул и спокойнее прошептал:

«Угу, я понял. Ксюша, я буду ждать».

Сбросив звонок, я тут же набрала Матвея. Он не сразу ответил. Я досчитала до двадцати, когда наконец в трубке прозвучал серьезный (без капли привычной дурашливости) голос друга.

«Ксюха, мне или кажется, или сгущаются тучи».

— Они уже сгустились и скоро пойдет дождь, — в том же манере ответила я и

добавила. — У меня срочное дело. Во-первых, сегодня опека приехала в школу ко Льву и забрала его. К ним отправили донос на плохую обстановку в доме и семейное насилие.

«Это не я, Ксю», — напрягся Матвей и зашуршал бумагами. — Мы планировали сделать акцент на твоём родстве с мальчиком и твою благотворительность. И то, если всё дойдёт до суда. Изначально планировал съездить с юристом к отцу мальчишки и поговорить.

— Знаю, но сейчас надо ускориться. Я вчера связалась с центром, где проводили изъятие яйцеклетки и где потом родился Лев. Они передали мне документы. Оказывается Лидия к ним приходила, когда узнала про проблемы с сердцем. Она подписала разрешение на копию документов мною. Там же я договорилась о проведении теста ДНК-а, чтобы иметь на руках доказательства материнства.

«Что от меня требуется?»

Смартфон издал сигнал о приходе нового сообщения от неизвестного номера. Я нажала громкую связь с Матвеем и нажала на уведомление.

«Это директор школы Лугина Святослава. Это адрес приюта, куда временно определяют Льва. У меня также есть заверенное нотариусом письмо Лидии о желании в случае чего передать права опеки над сыном его биологической матери. Вы ведь Ксения Малахова? Я права?»

— Марков, — прошептала я.

«Что такое, Ксю?»

— Мне написала директор школы Льва. Она была подругой Лидии Бойм. Кажется у нас есть шанс быстро решить эту проблему. Ты сможешь организовать забор биоматериала у Льва?

«Мне заняться этим? А ты?», — удивленно уточнил Матвей.

Его голос звучал таким шокированным, словно он стал свидетелем божественного деяния. Он молчал, чтобы я сама поверила в то, что сказала, или в то, что сделала. Потому что я впервые просила его не о банальности, а о чём-то действительно важном. Это даже не признание того, что он мне тоже дорог. Это мой шаг искреннего доверия к нему.

Я просила спасти сына, а недавно согласилась на его помощь с выкупом у Анатолия агентства. Раньше я бы свалила все эти задачи на себя одну и не позволила даже друзьям облегчить мою неподъёмную ношу. Так было всегда, до этого дня.

— Матвей, мне нужно кое-что решить. Это очень важно. А ещё ты можешь передать своему начбезу, что я буду ждать его в том же самом кафе, где мы впервые встретились. Мне нужно кое-что ему рассказать.

«Хорошо, Ксю. Ты мне действительно доверяешь?»

— Да, Матвей. Я не буду ещё одного человека оскорблять в беспричинном недоверии.

«Можешь об этом не беспокоиться. Со Львом всё будет хорошо», — клятвенно пообещал он.

— Спасибо, — прошептала я, чувствуя непрошеные слезы.

Собравшись, я выскочила из дому и на метро отправилась в то самое кафе недалеко от агентства. Когда я входила в него, то заметила, что Валентин Яковлевич уже сидел за столиком и пил кофе.

Я подошла к нему, а он не глядя проговорил:

— Вы меня удивили, когда Матвей Васильевич передал вашу просьбу. Я ведь свёл вас с Германом. Что вам нужно от меня?

Присев на стул, я внимательно огляделась. Вокруг люди ели и тихо общались. С

прилавка доносился звук работающей кофемашины и процесс взбивания молока. Иногда позвякивал входной колокольчик, оповещая о приходе или уходе посетителя. Главное, тут не находились знакомые для меня люди и никто не обращал на нас внимание.

Убедившись в безопасности, я наклонилась и прошептала:

— Я ведь правильно понимаю, что они вам доверяют. Вы с ними продолжаете сотрудничать, хоть и работаете на Матвея. Поэтому он вас так ценит.

Валентин Яковлевич отставил пустую чашку и серьезно взглянул на меня. Он оценивающе пробежался по моей слегка помятой одежде, собранных в простой хвост волосах и коже лица без тональника и пудры. Затем он отвел взгляд и хмыкнул.

— Вы верно понимаете. Но к чему это?

Карточный домик медленно разрушался. Нужно действовать быстро, пока обломки не упали на голову.

— Мне сегодня позвонила Нинель и сказала, что мой финансист, который до этого заметил дыру в бюджете, роет не туда. И приказала запретить ему вмешиваться не в своё дело. За это мой сын получает первое наказание. А минуту до этого он позвонил мне и сказал, что его из школы забирает опека по анонимному доносу.

— Значит вам угрожали?

— По целому списку людей, — согласно кивнула я. — Но сейчас я не могу встретиться с Германом, но это можете сделать вы. Также вы сможете съездить к Никите — это мой финансист, и забрать у него доказательства.

— Хотите, чтобы я передал их в бюро? — Уточнил он.

— Да.

Я быстро достала из сумочки заготовленный заранее вырванный лист бумаги с номером телефона Никиты и его адресом. Валентин Яковлевич сначала посмотрел на меня, а затем не глядя убрал сложенный листочек во внутренний карман.

— А вы достаточно осторожны и осмотрительны, — заметил он с едва заметной улыбкой. — Как сможете объяснить встречу со мной, если нас увидит кто-то не тот.

— Из-за сына. Матвей помогает мне с опекой. Поэтому встреча с вами выглядит реалистичнее, чем с Германом.

— Логично. Тогда я пошёл? Или вы ещё что-нибудь хотите передать?

Отрицательно мотнув головой, я откинулась на плетеную спинку стула. Начбез молча достал кожаный портмоне и выложил деньги за кофе, затем встал и с высоты своего роста посмотрел на меня.

— Мой вам совет никуда не ходить следующие пару дней. Ваши враги стали активнее и агрессивнее. Никто не знает на что они действительно способны.

— Да я и так уже дома сижу, — воскликнула я. — Это мой первый выход на этой неделе.

— Тогда поезжайте куда-нибудь. Можно даже в другую страну.

— Но зачем? — Нахмурилась я, не понимая зачем такая предосторожность.

Бесспорно все нити тянулись ко мне, но разве я мешала кому-то. Или только одно моё имя отвлекало, а преступников заставляло нервничать. Очень в этом сомневалась. Зачем тогда мне совсем пропадать из виду?

— Всё идет к развязке, — пояснил он. — Вы ведь сообщили про угрозы Герману, — кивнула. — Тогда он проконтролирует, чтобы больше не случалось осечек. Но вы можете невольно помешать ему. Так что отправляйтесь куда-нибудь на несколько дней или даже на

неделю. Это мой профессиональный совет, Ксения Валерьевна.

Наклонив голову вместо прощания, Валентин Яковлевич тут же ушёл.

Опустошение. Именно оно первым пришло в мою душу. Уставившись в одну точку, я ничего не замечала вокруг. Люди проходили мимо. Звук отошёл на второй план. Любимый запах жареной арабики не радовал.

Нервы, стресс и напряжение вызывали эмоциональную бурю. Мне казалось, что я превращалась в вулкан или гейзер, который набухал, набухал, набухал, чтобы вскоре взорваться. Это изматывало меня и душило. Но в то же время мир теперь ощущался ярче. Напоминало одышку после спринтерского бега. Мои легкие горели от переизбытка кислорода. Но я чувствовала как энергия била ключом, как жизнь наполнялась смыслом и как эмоции переполняли меня.

Эта буря в душе требовала выхода. Самый простой — слезы. Я коснулась пальцами щек, чувствуя влагу. Не одну-единственную слезинку, а неиссякаемый поток. Схватив пару салфеток со стола, я промокнула ими веки и накрашенные ресницы. Сначала на бумажном платочке появились черные разводы, но потом они намokли и превратились в кашицу.

— Держи платок, — на соседний стул присел взявшийся из ниоткуда Глеб и крепко прижал меня к себе. — Вот держи, он не бумажный надолго хватит.

Я взяла мягкую ткань и промокнула ею щеки, после чего нагло уткнулась в плечо Глеба и не сдерживаясь заплакала. Я выплескивала весь накопившийся страх, недоверие, волнение, любовь. Слезы не останавливались, в то же время мне чудилось, что я уменьшалась в размере.

Глеб нежно провел по моей макушке, слегка притрагиваясь губами к виску, затем его пальцы запутались в моих волосах, окончательно ломая конский хвост. Он шептал ласковые глупости, которые успокаивали, и в какой-то момент я затихла.

— Расскажешь причину такого потопа, — спросил он, когда я отлипла от его плеча.

Метнув в его сторону взгляд, я заметила мокрое пятно на его футболке и грязные разводы от туши. Заметив моё стыдливое выражение лица, Глеб заинтересовано опустил голову, но, обнаружив грязь, он даже не поморщился и не попытался очистить одежду. Потому что его не волновала испорченная футболка. Его волновала лишь я.

— Ксюша?

— Льва забрала опека.

— Это....

— Мне просто нужно ускориться, вот и всё, — успокоила я его? или всё же себя? — Но вдруг я бесполезная.

— Не понял? — Нахмурился Глеб и наклонился ко мне, чтобы лучше разобрать мой шепот.

— Однажды мне сказали, что я разрушаю. Что моя помощь разрушительная. Меня звали Малахитом, а это камень исполнения мечты. И иногда я стараюсь исполнить их мечты. Но вдруг этим я только разрушаю их самих. Разрушаю их судьбу. Всё.

— Что за глупость, — воскликнул Глеб и отстранился, чтобы неверяще уставиться на меня.

— Не глупость, — я перевела на него обреченный взгляд и добавила. — А если я не справлюсь? Как мама, как друг, как владелец? Если моя помощь только покалечит людей.

— Это не может быть правдой, — яростно выпалил Глеб, не глядя на меня.

— Почему?

— Потому что женщина, которую я люблю, — он повернулся ко мне, за подбородок приподнял моё лицо, заставляя наши взгляды пересечься, и продолжил. — Не может быть прокаженной. Я люблю тебя, Ксюша, за твою отзывчивость, хоть ты её упорно скрываешь ото всех. За твоё бесстрашие перед новой волной. Ты восхищаешь и изумляешь меня. Ксюша, ты не можешь приносить несчастье — ведь ты моё счастье. Если другие этого не понимают, то я клянусь тебе, есть другие, которые это видят. Они ценят и любят в тебе это. Ты совершаешь ошибки, как и все. Но ты к тому же осознаешь последствия их, что делают не все. Запомни, ты справишься с любой волной, которая догонит тебя. Потому что ты, моя Ксюша. Ты мой Малахит.

Глеб ошарашил меня. Я могла только пялиться на него, раскрыв рот. Вдобавок он легко убрал руку, державшую меня, тихо встал и ушёл. Он не оглядываясь вышел из кафе, а я неотрывно следила за его стремительным шагом через панорамные окна. У меня отсутствовали силы, чтобы встать или тем более бежать за ним. Потому что Глеб умудрился за короткую минуту сначала убить, а затем воскресить меня.

Он вернул мне то, что я не единожды теряла за прошедшие дни.

Веру в себя.

Поднявшись, я на метро добралась до дома. Пустая квартира давно не радовала меня, скорее ввергала в уныние. Сейчас же уныние не казалось таким вечным и беспробудным, как раньше. Оно временно. Скоро у меня появится семья. У меня будет сын, с которым я создам собственную семью.

Я сидела на барном стуле на кухне, когда телефон снова зазвонил. На экране высветилась моя фотография с Кванджоном. Мы не общались почти неделю, а не виделись — две. К сожалению, теперь наши отношения не вселяли мне тепло и умиротворенность. Я изменилась. Мне не достаточно того, что я чувствовала с ним. Мне не подходило то, что он требовал от меня.

В нынешней ситуации мы не подходили друг другу.

«Ксения», — мягко поприветствовал меня Кванджон и мягко пожурил. — «Ты давно не звонила».

— Как и ты, — отстранено заметила я.

«Был занят. Прости».

— Ничего. Я тоже была занята, — проговорила я, добавив про себя: «даже слишком».

«Ксения, я скоро возвращаюсь в Россию и хотел бы поговорить. Ты ведь подумала о моем предложении? У меня скоро начнется очень важный и сложный проект. Мне придется часто бывать в Японии. Я бы хотел, чтобы ты находилась со мной в качестве моей жены. Что ты надумала о нашем с тобой браке?»

Ничего. Я не думала об этом. В эти дни мне было не до тебя. Зато я придумала, чем займусь на этой неделе. Раз мне нужно покинуть страну, тогда я обязана разрешить застаревшие любовные отношения.

— Да, Кванджон, решила. Я завтра прилечу к тебе, и мы поговорим о нас.

«Ты прилетишь в Корею?», — удивился он.

— Это проблемно? — Настороженно уточнила я.

«Нет», — воскликнул он и радостно добавил. — «Я только за. Покажу тебе любимые места. И мы всё обсудим наедине в спокойной обстановке».

— Я сообщу тебе рейс и время прилёта, как только куплю билет.

Отключившись, я встала и приступила к сборам.

Действующая виза у меня была, мне оставалось только купить билет. Самый быстрый перелёт проходил через двухчасовую пересадку в Пекине. Посадка начиналась через пять часов в аэропорту Шереметьево. Мне предстояло лететь одиннадцать часов, но зато завтра в семь утра по Москве или в час дня по Сеулу я буду уже находиться в Корее и встречу с Кванджоном.

Я собралась меньше, чем за час, и затем подъехала к аэропорту за два часа до взлёта самолёта.

Сомневаясь кого лучше предупредить о срочном отъезде, я набрала сообщение и выбрала контакт Марины. Она примерно понимала общую ситуацию, которая сложилась в агентстве, и именно она информировала меня о происшествиях.

«Я уже в аэропорту. Улетаю в Корею на несколько дней. Буду на связи. Все идет по плану».

Не дожидаясь её ответа, а только уведомления о доставке, я отключила телефон и отправилась на регистрацию посадки.

Аэропорт Инчхона. Люди толкались и проходили мимо с безразличием толпы. Многолюдные места похожи друг на друга, как ничто другое. Люди сталкивались плечами, кто-то вежливо извинялся, а кто-то невежественно грубил. Шум, стоящий в аэропорту, подавлял собственный голос, и, чтобы услышать себя, нужно прикладывать усилия.

Это место не отличалось от аэропорта в Москве. Тут только говорили иначе. Я слышала корейскую речь, видела корейские резкие иероглифы и ничего не понимала, так как не знала языка.

Мне уже приходилось не единожды прилетать в Корею, но в те разы я не оставалась одна. Всегда со мной кто-нибудь находился из сопровождающих, поэтому я даже не озадачивалась тем, чтобы запоминать дорогу. Если честно, в те годы я сама мало проявляла интереса к другим странам и не желала изучать новые города, как это делали туристы. В тот период, когда я часто летала, во мне полностью иссяк интерес к приключениям и осмотру достопримечательностей. Ведь везде они по сути казались одинаковыми. Все люди из любой страны стремились построить что-нибудь большое, величественное и блестящее. Не всегда красивое, но достойное памяти как самое-самое.

В этот прилёт мне пришлось внимательно осматриваться, чтобы поймать нужный ориентир. Вначале я шагала за потоком вышедших из самолета пассажиров, а затем искала знакомые информативные стойки на английском языке.

— Ксения!

Оглянувшись на крик, я столкнулась с расплывшимся людским морем, которое бурлило, дрейфовало и крейсировало одновременно. Я скользила взглядом по лицам из толпы, надеясь найти кричавшего, но с непривычки люди казались одинаковыми.

— Ксения! — послышался ближе голос Кванджона.

Закрутившись вокруг оси, мой взгляд блуждал и искал знакомые черты мужчины, но увидела я его только после того, как он поднял руку и помахал мне. Кванджон стремительно приближался, а толпа будто Красное море расходилось перед ним. Люди оглядывались на него и тут же что-то нашептывали друг другу, от чего гам усилился. Они следили за тем, как Кванджон, не стесняясь, подхватил меня и закружил вокруг себя. Когда мои ноги снова коснулись твердой поверхности, он огляделся и, смутившись, отпустил.

— Прости, — заговорил Кванджон на английском. — Я так рад видеть тебя.

Вид его счастья поражал и невольно заражал. Его улыбка радовала меня, от чего я тоже заулыбалась в ответ. Он потянулся ко мне, чтобы поцеловать или крепче обнять, я так точно и не поняла, но его действие подтолкнуло меня вспомнить — зачем я здесь. Моя улыбка слетела с губ, и, вместо того чтобы потянуться к нему, как ожидал он, я отступила и даже вытянула руку, чтобы не подпустить мужчину ближе.

— Я тоже рада, — проговорила я и растерянно оглянулась. — Но дорогу к выходу я тут вряд ли найду.

— Иди за мной, — Кванджон проигнорировал мой отказ от интимного приветствия и свободно взял меня за руку, не забыв отобрать у меня мой маленький чемоданчик.

Наш путь по аэропорту напоминал лабиринт. Мы то поднимались, то спускались на следующем повороте. Несколько раз сворачивали и передвигались на эскалаторе и на траволаторе. В конце мы выбрались на парковку, где нас ожидал Майбах последнего

выпуска вместе с шофером в форме. Нам тут же открыли дверь, без приказа забрали мой чемодан и спрятали в багажник. Кванджон предупредительно помог мне сесть в салон, после чего сел сам. Дверь за ним закрыл шофер.

— Я проявил наглость, — сообщил Кванджон и схватил мою ладонь, притянув к себе. — И подготовил для тебя комнату у себя. Ты ведь не против?

Аккуратно вытянув руку, я разгладила невидимые складки на брюках, рядом со мной лежала сумка, а в ней распечатанная регистрация заселения в отель.

— Извини, но мне лучше остановиться в отеле, — проговорила я и закусил губу.

— Но..., — Кванджон поправил расстегнутый пиджак и повернулся ко мне всем телом, чтобы переубедить, но я первая перебила его.

— Потому что я уже оплатила номер в Лотте отель Сеул в Мёндоне.

Он кивнул и прокашлялся, принимая моё решение. Он даже улыбнулся мне, но неловко, словно успел распланировать наши следующие дни, забыв про моё мнение.

Кванджон связался с шофером и на корейском скорректировал курс. После чего я отвернулась к окну, рассматривая бурлящий дневной город в звенящей тишине салона.

Уже в отеле Кванджон потребовал лучший для меня номер и доплатил за повышение уровня обслуживания. Мы согласовали встречу на ужин в ресторане на первом этаже, а затем я отправилась наверх отдохнуть.

Он осмотрительно не поцеловал меня на прощание.

В номере я включила телефон и на него тут же посыпались оповещения. Приходили сообщения и уведомления о пропущенных звонках. На некоторые я ответила, а остальные перенаправила. Ещё мне прислала ответ Марина, что она всё поняла и взяла руководство агентства на себя.

Матвей сообщил, что Лев под присмотром, и что его юристы подключились к решению этого вопроса.

Никита же предупредил, что Валентин Яковлевич заезжал к нему, и он забрал все документы, но если что у Никиты остались копии.

Выдохнув, я упала на мягкую постель и устало закрыла глаза. Московские дела постепенно решались. Но мне ещё предстоял серьёзный разговор с женщиной, который видел во мне жену, а он для меня успел стать прошлым.

**

— Ты отлично выглядишь, Ксения, — проговорил Кванджон, стоя за мной и пододвигая стул, чтобы я удобно уселась.

Вежливо кивнув на его комплимент, я всё же осталась к нему равнодушной. Потому что понимала, что он лгал.

Когда я только спустилась, то заметила в его глазах удивление. Он не ожидал увидеть меня за ужином, который предполагал налёт романтики, в обычных классических чёрных брюках и простой бежевой блузе. Мой вид напоминал образ офисника, работающего с девяти до пяти, но никак ни топ-модели с собственным модельным агентством. К тому же раньше я стремилась принарядиться для него, потому что знала, как ему нравится мой изящный и безукоризненный стиль. Вот только Кванджон не знал, что в эту поездку я не брала ничего нарядного. В моём чемодане лежали джинсы, брюки, пару блуз и футболок. Даже лодочки у меня оказались единственные, вся остальная обувь на плоской удобной подошве.

Потому что я готовилась не к свиданиям, а переговорам.

— И ты, — тихо проговорила я, обращая внимание на насыщенно-синего цвета костюм, который подчеркивал статную фигуру мужчины и его красивые черты лица, и в конце призналась. — В эту поездку я взяла мало вещей.

— Тогда не забудь здесь сходить по магазинам, — с довольной улыбкой предложил Кванджон. В его глазах мелькнуло снисхождение и толика облегчения, будто он радовался моим словам. Неужели он посчитал, что я только что намеком попросила содержания? Нахмурившись, я пропустила момент, когда Кванджон коснулся моей руки и радостно добавил: — Возьми мою карту, Ксения. Тогда Сеул раскроется перед тобой во всей своей первозданной красоте.

Или продажной? Будто я не знала, как любой город быстро раскрывал своё нутро вместе с людьми, если помахать перед ними дармовыми деньгами.

— Разве магазины Кореи отличаются от московских? — Сязвила я, отпив воды.

— Конечно, — воскликнул он, не замечая моей колкости. — Мне нравится Россия, но тут, по-моему, намного лучше.

— Ты не можешь беспристрастно говорить на эту тему, — хмыкнув, заметила я.

Сжимая в пальцах ножку бокала, я надеялась, что наш разговор не скатится в межнациональный спор, который всегда был и будет, если люди не научатся уважать и принимать чужие отличия.

— Согласен, — кивнул Кванджон, что сильно обрадовало меня, и я с облегчением выдохнула. Но через секунду он отрицательно покачал головой и решительно добавил. — И в то же время нет. Я рационально оцениваю потенциал будто страны, человека или любого предприятия, и скажу тебе, здесь ты способна стать более известной и богатой моделью. Особенно если примешь моё предложение.

Всмотревшись в красивое лицо мужчины передо мной, я досадливо хмыкнула. Ведь Кванджон верил всем сердцем в то, что говорил. Он верил в свои слова, в свои убеждения и в самого себя. Он действительно замечательный человек, который ценил любовь и заботу, но он в первую очередь всё же думал о себе. Он не эгоист, но и не альтруист. Раньше мне даже в голову не приходило, что мне нравилось такое качество, как самоотверженность, бескорыстность и безвозмездная забота о других. Эти качества иногда казались такими глупыми, такими неразумными, но в то же время самоотверженные люди для меня являлись оплотом стойкости и непоколебимости.

Таких качеств я никогда не находила в себе, но они меня безмерно восхищали. Они даровали меня веру в существовании добра в человеческих душах.

А Кванджон... Он бизнесмен, который умел зарабатывать и эффективно тратить деньги. Три года назад он помог мне с эфиопской деревней. Но также я знала, что он воспользовался новостью о его благотворительной деятельности и растиражировал её.

Скорей всего его желание жениться на меня имело ни одну подоплёку. Возможно я часть его следующего бизнес-проекта. А это звучало обидно даже для меня. Хотя я не влюбленная в него женщина. К тому же я всегда умела находить выгоду для себя и мыслила достаточно трезво.

— Почему ты хочешь жениться на мне? — Напрямую спросила его, чем явно шокировала его.

Кванджон подавился. Он схватил салфетку со стола и прижал её ко рту. Он едва заметно удлинял момент, чтобы успеть подумать перед ответом. Он действительно это делал «едва заметно», но я сумела подметить его вялые чуть замедленные движения, а также

напряженные черты лица. Мне повезло, потому что я не отводила взгляда от Кванджона и ждала. Мне хотелось услышать от него его чувства, чтобы окончательно определиться с выбором. А также, чтобы не страдать чувством вины, что разрушила наши вообще-то неплохие отношения.

— Потому что ты обворожительно красива, — Кванджон мягко улыбнулся и затем потянулся ко мне, чтобы взять мою руку.

Его вид располагал и создавал обманчиво-теплое ощущение. И я бы согласилась на его предложение, если бы другой голос не признавался иначе.

«потому что ты моё счастье»....

«в твоих глазах до сих пор мерцает радуга»....

— Это всё? — с разочарованием уточнила я и мельком осмотрела зал ресторана, в котором сейчас блистали корейские дамы. — Но красивых женщин много. Только в одной Корее их полно.

— Но у тебя настоящая красота и это цепляет сильнее, — неожиданно признался Кванджон, но, заметив мой прищурено-скептический взгляд, понял, что его слова не убеждали меня. — Ты умная. Твой маленький бизнес процветает, а это доказывает, что мы похожи. У тебя восхищающее хобби. Твои благотворительные проекты очень популярны во всём мире. И за эти качества ты мне нравишься. Более того, я люблю тебя, Ксюша. Поэтому я хочу видеть тебя своей женой.

Вот теперь картина ясна. Вот его реальное представление обо мне.

Красивая по меркам всего мира — мною можно хвалиться и за меня ему не придется стыдиться. Достаточно умная и способная — бессмысленно транжирить его состояние не стану, а ещё смогу помочь приумножить его. Уважающее миром хобби, благотворительность — это красивая этикетка для превосходного имиджа утонченного и благородного человека.

Он готовил для меня место подле него, как правильная формулировка в досье.

Красота не всегда даровала благо обладателю. Она имела свойство также приносить страдание своему носителю. Некоторые считали, что если женщина красивая, то большего ей нечего желать. Словно моя красота принадлежала не мне, а другим, чтобы они смотрели, восхищались и гордились. Особенно если женщина «удачно» выходила замуж. Но удача не синонимична счастью. Ведь так?

Красота всегда управляла людьми. Нередко внешняя красота становилась врагом внутреннего мира. Но почему мы ставим красоту на одну чашу весов, а ум на другую? А если человек имел и то, и другое, то значит он словил благословение фортуны. Разве без красоты или ума человек не может найти собственное счастье, правда отличающегося от всеобщего?

Из-за этого общество иногда жестокосердно относилось к моделям и к другим профессиям связанные с внешностью. Всем тем, кто зарабатывал, используя дарованную красоту, встречались те, кто превозносил их. Из этого выливалось то, что одни получали власть, а другие возможность обладать чужой красотой. Поэтому эскорт зачастую встречался среди моделинга. Потому что жажда обладания пьянило, но также и разрушало. Но уничтожало оно ни одного, а обоих — и того, кто жаждал обладать, и того, кто упивался властью над жаждущим.

Поэтому я когда-то влюбилась в Глеба. Он никогда не жаждал меня. Он испытывал со мной комфорт и уют также, как и я. Когда мы рядом, то чувствовали внутри зарождение искорки счастья, которая согревала нас.

Поэтому наша любовь прекрасна, и она стоила борьбы за неё. Потому что она особенная

для меня и для него.

Отвернувшись, я аккуратно прижала салфетку к щеке и промокнула парочку утекающих слезинок. Кванджон явно удивился моей сентиментальности, но всё же, не теряя времени, ловко достал из нагрудного кармана футляр с кольцом с изумрудами и малахитом.

Он только что сильно обманулся.

— Извини, — я отняла слегка влажную салфетку от лица и добавила. — Моя голова загружена делами агентства. Последние дни сильно выматывали меня, и я стала чрезмерно эмоциональной.

Кванджон нахмурился. Видимо он не понимал, зачем я рассказала о проблемах, но постарался проявить чуткость и заинтересованность.

— У тебя проблемы?

— Есть небольшие, — кивнула я, добавив про себя, — «или не очень».

Я устало выдохнула и поджала губы, не зная как правильно отказать и в то же время не обидеть человека. Мы строили отношения; и мы были близки; хоть мы не смогли стать чем-то целым, но делать ему больно — я не хотела.

— Тогда продай его, — вдруг воскликнул Кванджон, приподняв брови. — И переезжай ко мне. Тут зреет серьезный проект. Я про него уже упоминал. Мы вместе сможем построить нашу собственную семейную империю.

Он открыл футляр и с довольным видом пододвинул его в мою сторону. На его лице сияла улыбка, будто сделка уже у него в кармане и осталось только формально подписать бумаги, чтобы закрепить её.

Из-за этого все мои благие намерения испарились. Меня обуял гнев. Потому что единственное, что я ненавидела всем сердцем, — давления на меня. Вспыхнув, я натянуто улыбнулась и холодно проговорила:

— То есть мне нужно всё бросить: дом, друзей, агентство, — про себя добавив, — «сына, которому дала обещание». — Всю свою жизнь отложить ради тебя. При том, что я честно признаюсь тебе, что не люблю. Я испытываю только небольшую симпатию к тебе, и как, по-моему, этого мало для брака.

— Этого не мало, — возразил Кванджон, наклоняясь ко мне. — Моей любви хватит на двоих.

— Кванджон, — рявкнула я, стукнув по столу. — Не унижайся до жалких крох. Ты ведь хочешь иных отношений. Чтобы девушка светила при виде тебя. Чтобы она думала о тебе. Чтобы она дышала тобой, как и ты. Прошу, не унижай себя до таких мелких отношений: где ты будешь ждать от меня ответных чувств, а я испытывать вину за их отсутствие. Я была счастлива в наших несерьезных отношениях, но, чтобы они развивались, нужна любовь обоим.

— Ты так говоришь, как будто знаешь, что значить любить, — он печально взглянул на меня. — Я думал, что ты никого не любила. Я думал, что твоё сердце пусто.

Он думал..., что моя душа одинока.

— В моём сердце всегда был другой. Однажды я его оставила, потому что выбрала мечту. Но я никогда не переставала любить его. Никогда.

— Любила? — Кванджон растерянно вперил взгляд, а чуть позже нахмурился. — Но ведь его не было рядом с тобой? Или?

— Верно, — кивнула я. — Я бросила его, а сама уехала. А затем сожалела, что сделала это. Если мы поженимся, то моё сердце никогда не будет принадлежать тебе. Только ему.

— Но как? Я не понимаю. Я думал, что между нами, — он взмахнул руками, чтобы придать словам больше смысла. Но верные слова не приходили. Они ускользали, будто вода. — Я думал, что мы понимаем друг друга.

Сумев облечь мысли в слова, он посмотрел на меня, словно хотел найти во мне знакомые ему черты Ксюши-модели. Но с ним я не проявляла настоящую Ксюшу, только отражение реальной себя. А сейчас перед ним сидела истинная я, которую он не узнавал.

— Мне было удобно с тобой. Ты умеешь заботливо ухаживать. Ласково касаться и непринужденно улыбаться, когда молчание между нами натягивалось. Я не чувствовала себя обязанной влюбляться в тебя. Но, как оказалось, я обманулась. Потому что ты рассчитывал на крепкие отношения в будущем. Об этом я не подумала. — Я тяжело вздохнула и, подняв голову, уверенно проговорила. — Прости меня, Кванджон, но я не приму твоё предложение. Потому что оно мне не подходит, как и тебе. Прощайте, Кван Чу Вон.

Я встала, даже не прикоснувшись к еде, слегка поклонилась, как он когда-то учил меня, а затем гордо ушла, ни разу не обернувшись.

В номере меня затрясло, словно я одержала давно желанную победу. Так часто я бросала людей, не объясняясь. Я просто сбегала, навсегда исчезнув из их жизни. Но сейчас я впервые отказала человеку и попрощалась с ним.

Казалось, что в ту секунду в меня впрыснули адреналин. Но его действие заканчивалось, и теперь сердце судорожно билось в груди, а руки отражали его дрожь. При этом во мне разрасталась радость. Она медленно заполняла меня, вытесняя озноб.

Я справилась.

У меня получилось.

Облегченные слезы выступили между ресниц и неспешно покатались вниз. Впервые я не спешила осушить глаза и стереть следы плача. Наоборот они мне показались символом моей смелости, от которой я пряталась. Эти слезы — слезы осознанного выбора, а не потоку обстоятельств и страха.

Ещё мне хотелось набрать Глеба и поделиться с ним моими чувствами. Хотела рассказать, как раньше боялась делать выбор и позволяла судьбе выбирать и решать за меня. Я притворялась решительной; говорила себе и другим, что я смело борюсь за себя, но это всего лишь самообман. Был тогда, но не сейчас.

Я сумела ответить за собственные чувства и защитить себя. Моя мама сегодня бы точно гордилась мной.

Резко зазвонил телефон. Он отвлек меня, и в первую секунду я не понимала, что за звук вторгся в мои мысли. Но затем мне показалось, что это Глеб. Мелькнула идея, словно он чувствовал меня на расстоянии. Из-за этого я подскочила и выхватила телефон из сумки, но на дисплее маячил номер ресепшена дома. Мне звонил консьерж.

«Здравствуйте», — услышала я, когда приняла вызов. — «Ксения Валерьевна? Я Иван, консьерж дома, в котором вы проживаете».

— Да, я помню вас. В квартире пожар или потоп? — Уточнила я. Обслуживающий персонал дома звонил редко владельцам квартир. Только при серьезных обстоятельствах, когда необходимо срочно вернуться. — Или мою квартиру обокрали?

Меня ужаснула пришедшая мысль. Почему я вообще считала, что моя дом — крепость. Украсть можно всё что угодно, а стены квартиры вряд ли серьезное препятствие, если на кону высокие ставки. Вдруг Нинель захотела получить важные документы или печати, а Анатолий не обнаружил их в кабинете, успев побывать там. Поэтому они вместе ворвались в

квартиру и....

«Нет-нет», — забормотал Иван, видимо услышав панику в моем голосе. — «Не волнуйтесь. Дело в другом. Мне сегодня принесли почту, и, когда я сортировал её, то обнаружил письмо для вас. На ней пометка «срочно», вот я и подумал сообщить вам об этом».

— Откуда оно? — Расслабленно проговорила я, растирая лоб.

«Эфиопия... район Сомали... зона Корахе... деревня Шеке. Вроде бы прочитал правильно», — проговорил он.

— Вы можете открыть?

«Но это как-то некрасиво...». — Неуверенно пробормотал консьерж.

— Вы знаете английский?

«Не особо».

— А читать умеете?

«Вы хотите, чтобы я прочитал вам? Открыл письмо и прочитал на английском?» — Изумился мужчина.

— Да, мне бы не прислали письмо с отметкой «срочно», если бы не произошло что-то действительно срочное. Прошу.... Я вам потом выдам премию, — настойчиво умасливала его я.

«Это, Ксения Валерьевна, вообще не красиво. Если хотите отблагодарить, то подарите лучше коробку вкусных конфет». — Проворчал Иван, сдаваясь.

— Тогда вы получите самые вкусные, — пообещала я, из-за чего он хмыкнул.

Благодаря звукам я будто наяву увидела, как консьерж положил телефон на стол и включил громкую связь, а затем распечатал конверт и на корявом английском прочитал письмо.

Мне приходилось несколько раз тормозить Ивана и просить его перечитать строку, потому что не понимала прочитанных слов. Но мы столкнулись с такими сложностями не из-за плохих навыков в лингвистики консьержа, а из-за неправильного написания некоторых слов. Большая часть людей из деревни говорили на амхарском языке и совсем чуть-чуть на английском. Я же амхарским владела не так хорошо, как хотелось бы. Я говорила с местными на их языке, но не читала и не писала на нём. Для эфиопов из деревни написания письма складывалось из смеси родного языка, плюс особенности диалекта и очень плохого знания английского.

Поэтому навыки Ивана, как чтеца, только усугубляли ситуацию, а не полностью портили.

Chigiri, moti, isati — беда, смерть и пожар. Три слова на амхарском, которые постоянно повторялись. Они записали их, используя английские буквы. Из всего письма я поняла главное, они срочно нуждались во мне.

«В деревне случился пожар?» — Уточнил Иван, когда я прошептала перевод слов.

— Спасибо вам, — душевно поблагодарила его. — С меня конфеты, а мне пора.

«Летите в Эфиопию?» — быстро понял он.

— Да, приглядите за квартирой.

Скинув звонок, я устремилась в спальню собирать чемодан, потому что кое-что уже было разложено. Через интернет я выкупила билеты до Аддис-Аббебы. Туда редко летали прямые самолёты, поэтому пришлось брать через Дубай, который улетал через шесть часов.

Спустя сорок минут с чемоданом в руках я спустилась на первый этаж и стремительно

подошла к стойке ресепшена.

— Мне нужно срочно выселиться, — проговорила я на английском, как только администратор заметил меня.

Корейка в форме дежурно улыбнулась и чуть смущенно мотнула головой, в традиционном для неё приветствие. Она нажала на панель встроенного компьютера, попросила у меня документы и ключ, а потом вернула бумаги.

— Деньги вернутся на счёт карты, с которой оплачивался номер. — проговорила она.

Равнодушно кивнув, я не вслушивалась в речь девушки. Это Кванджон доплачивал за номер, так что деньги его и должны вернуться к нему. Возможно так даже лучше, что мне надо срочно покинуть страну.

— Спасибо, — сказала я, когда корейка закончила, и добавила. — Ещё мне нужна машина.

— Конечно, к вам подойдут через пару минут, — девушка двумя руками показала мне на кресла фойе, где я могла подождать.

Посидев не больше десяти минут, ко мне подошёл консьерж отеля.

— Машина ожидает вас, — проговорил он и взял мой чемодан.

Он проводил меня к черной машине местной марки, положил багаж в багажник и поклонился, пока я садилась в салон. Через интерком я сообщила водителю, куда меня нужно отвезти, и откинулась на сиденье.

Нужно кого-нибудь предупредить о срочной поездке.

Достав телефон, я набрала Марину, но она не отвечала ни на первый звонок, ни на второй. Видимо выключила звук, когда находилась на съемках, — мелькнула мысль. Отвлекать также других от работы я не хотела, поэтому набрала того, у кого есть в обязанностях передавать информацию.

Женя ответила со второго гудка.

«Ксения Валерьевна, давно вас не было...».

— Женя, передай, пожалуйста, Марине Рубиной, что я срочно улетаю из Кореи в Эфиопию, — нетерпеливо перебила я её.

«В Эфиопию... Я даже не знала, что вы улетели в Корею», — буркнула она, и как мне показалось с нотками обиды.

— Тоже срочно пришлось улететь, — ответила ей. — Ты главное передай Марине об Эфиопии. Ладно?

«Да-да, я ведь ваш секретарь. Это моя работа».

После чего Женя без прощания скинула звонок. Потрясенная от её слов, я убрала телефон в сумку и с некоторым отупением разглядывала город.

Я ни о чём не думала, а только пялилась на промелькнувшие здания и занятых своей жизнью людей. Сумерки настигли меня, когда машина въехала на территорию аэропорта. Водитель выгащил чемодан и вежливо попрощался.

Уже стоя в очереди на досмотр, я неожиданно призадумалась о Жене. Вроде бы раньше она не вела себя так грубо, даже когда я намекала на её ложь. Неужели она обиделась, что её не предупредили о моём отъезде, или дело в другом?

Мысли перескакивали с одной идеи на другую, когда телефон зазвонил. Фото Марины обрадовало меня, а также появилась надежда, что насчет Жени я всё же выдумывала невероятные небылицы.

«Ты знаешь, что я узнала», — выкрикнула Марина.

Зажимая телефон между щекой и плечом, я старалась удержаться на месте и ничего не уронить. Очередь постоянно двигалась, поэтому руки были заняты сумкой, чемоданом и документами. Так хуже всего то, что за мной стоял и пихал вперед один тип, которому явно невтерпеж поскандальить.

— Говори скорее, у меня телефон разряжается, — поторопила Марину, когда послышался пиликающий сигнал.

Надо было зарядить его в отеле перед отлетом!

«А ты где?» — Вдруг озадачилась Марина.

— Почти в самолете. Она ведь тебе уже сообщила? — Уточнила я, делая шаг вперед, чуть не роняя сумку.

«Что и кто сообщил?» — Сильнее удивилась подруга.

— Я полетела в Эфиопию, — ответила я одновременно с объявлением рейса.

«Что? Ничего не поняла», — воскликнула Марина, а я вздохнула, чтобы повторить ответ. — «Стоп! Ты сбила меня», — вспомнила Рубин и перебила меня. — «Я узнала кое-что о Жене Авдеевой, твоей секретарше».

— А что именно? — Напряглась я и сделала широкий шаг вперед.

«Она двоюродная сестра Регины! Регины Афанасьевой. Помнишь её...».

Меня снова толкнули вперед, но в этот раз мой телефон выскочил из зажима и, пролетев дугу, ударился экраном сначала о стенку, а затем с треском рухнул на пол. К тому же убийство смартфона завершилось проездом по нему огромной поломочной машиной.

Он точно и навсегда закончил своё существование в этом мире.

— Простите! — Выскочил клинер, когда понял что на что-то наехал. — Я извиняюсь! Простите!

Мужчина кричал то на корейском, то английском, затем достал откуда-то остатки растерзанного и мокрого телефона и вернул его мне. Схватив обломки, я запихнула их в сумку. Думать о смартфоне некогда, подходила моя очередь.

— Не волнуйтесь. — На английском ответила я, а затем махнула в сторону мужика позади меня. — Он ответственен за происходящее.

Мужуку-пихателю мои обвинения совсем не понравились. Он забухтел после моих слов, с каждой секундой усиливая громкость. Из-за него очередь и дорога до самолёта казалась вечностью.

Уже на борту самолета я попросила бутерброд и таблетку аспирина. Мысли невольно вернулись к прерванному разговору с Мариной. Головная боль усиливалась из-за того, что имя напоминало мне о чём-то. Это имя было как-то связано с прошлым, но как именно память не спешила раскрывать.

Самолёт взлетел.

Устав и наевшись, я решила немного вздремнуть.

...

Длинные светлые волосы спускались ниже талии. Они колыхались от медленного, но решительного шага. Спина девушки гордо выпрямлена, икогдаона уходила после проигрыша на южном конкурсе, то ни разу не обернулась.

Блондинка с королевской внешностью степенно прошла мимо в белоснежном платье от Валентино. Она встала к фотостенду и изящно вытянула ногу, отклонив голову назад. Её волосы, перекинутые за спину, кончиками достигали до тонкого пояса.

Модель, что испортила платье строительной ватой, чтобы вырвать победу у соперницы.

Она беспощадно растерла стройматериал изнанку наряда и обувь, чтобы противница не смогла сделать ни шагу. Настолько сильно она жаждала победить. И за это Марков уничтожил её репутацию.

Именно поэтому её лицо казалось знакомым, когда она проходила мимо кафе. И именно она сидела в одной машине с Нинель и жарко с ней спорила.

Именно её имя назвала Марина.

Регина Афанасьева.

А её сестра работала последние месяцы секретарем в модельном агентстве!

...

Из-за кошмарного сна-воспоминания я подорвалась с места. Опустив голову вниз, я зажала её между ног, чтобы хоть как-нибудь успокоиться. Тем временем стюардесса объявляла посадку в Дубае. Мой стоповер тут чуть больше часа.

Ко всем проблемам мой телефон сломан, и я не успевала купить новый, а Марина и вообще никто в Москве на данный момент не знал — моё нынешнее местонахождение. А единственный, кому я успела его сообщить, оказался неблагонадежным осведомителем.

**

Выйдя из самолёта в Аддис-Аббебе, я в первую очередь связалась со знакомым эфиопом Абелем через его брата таксиста. Именно он занимался транспортировкой продуктов и вещей первой необходимости до ближайших сел. Уже два года, как между нами действовал договор, по которому он отвозил меня в деревню и после возвращал в столицу. Расстояние от Аддис-Аббебы до Шеке приличное и мало кто брался за такую работу, поэтому данную услугу Абель предоставлял только для меня.

В этот раз мне пришлось немного его подождать. Потому что обычно я с ним связывалась заранее. Но, когда его потрепанный высокий грузовичок подъехал к аэропорту, он вышел и приветливо растянул губы в частично беззубой улыбке, а затем помог залезть в кабину автомобиля.

— Ты ведь вроде недавно уезжала, — Абель заговорил на смеси английского и амхарского и завёл с глухим выхлопом машину.

— Мне письмо пришло из деревни. У них пожар случился.

— Беда, — грустно проговорил он, качая головой и поцокивая. — Кто-то погиб?

— Подробности не знаю, поэтому сразу полетела сюда.

Остальную часть путь я провела в полусне, из-за чего больше молчала, чем говорила.

К тому же отголоски кошмара, который я увидела при полёте к Дубай, омрачили меня. Мой телефон сломан, а в аэропорту Дубай купить новый аппарат я не успела, как и связаться с Москвой. Я приобрела телефон уже в Аддис-Аббебе, но симка в нём не работала. Видимо она тоже повредилась, когда поломочная машина проехала по ним. Попытка подключиться к общественному вайфаю сорвалась, потому что сигнал тут слабый. Мне не удалось даже войти на электронную почту.

От разочарования хотелось биться об асфальт. Но тут обстоятельства оказались сильнее меня. Мне пришлось отложить прием связи с Москвой на поздний час.

Мы прибыли в Шеке в вечерних сумерках. Меня встречали всей деревней. Абель уехал в соседнюю деревню, и мы договорились, что он вернется за мной дня через два. Эфиопы из Шеке тут же взяли меня в оборот и отправились показывать мне погоревшие места. Пострадало, к счастью, не много, но приступать к работе было уже поздно. Они вкусно меня накормили и отправили спать в отдельную хижину. Но мне перед сном захотелось, пока

последние сумерки ещё освещали дорогу, пройтись и осмотреться.

Кое-что меня зацепило, когда местные жаловались на пожар. У одного сарая я заметила длинную борозду прожженной земли, которая тянулась до мелкого кустарного леса. Захватив с собой маленький фонарик, который потерялся в прошлый раз, я отправилась в обход. Борозда действительно оказалась странной. Она тянулась слишком аккуратно и продуманно, словно огонь жег не всё, а только конкретный сарай.

Она мне напоминала линию поджога, а не случайный пожар. Но зачем и почему?

Дойдя до роши, где борозда закончилась, я при помощи фонарика осмотрела ближайшие кусты и недавно вырытые кучи. Ничего подозрительного и в то же время ничего нормального. Разве огонь не должен разойтись дальше по сухой траве? Или я снова додумывала факты ради удобной правды?

Я уже развернулась, чтобы вернуться в деревню, когда фонарик зацепил блеск. Замерев, я нерешительно подошла к нему и обнаружила под слоем листьев и земли канистру, пахнущую бензином.

А это уже не домыслы чуть помешанного на паранойе сознания. Неужели кто-то умышленно совершил пожар?

Усилием воли я заставила себя войти в предоставленную хижину и лечь на спальное место. Если пожар был не случайным, то скорей всего это месть от соседних народов или вообще подстава от сомалийцев. Ведь тут конфликт может начаться от любой маломальской провокации.

Закрыв лицо руками, я пыталась убедить себя в том, что это совпадение. Всего лишь обычное совпадение, но прозорливое предчувствие нашептывало мне тоненьким голоском, что рядом пряталась моя опасность. Проворочавшись, я всё же смогла уснуть, а затем... лучше бы совсем не просыпалась.

Я открыла глаза из-за женского визга и резко поднялась с постели. Сейчас ночь, но почему-то в окне мне померещилась яркая вспышка. Едкий запах защекотал обоняние и сдавил грудную клетку. Я подскочила на ноги и подбежала к окну, чтобы понять что за опасность в деревне, когда взрывная волна сбила меня с ног. Я упала на дощатый пол хижины, чувствуя как ладони покрылись мелкими, но кровоточащими царапинами. Попыталась подняться, оперевшись об стол, но не удержалась и снова упала, разбивая колени. Грохот от взрывов и автоматной очереди приглушили остальные звуки. А сизый туман разъедал слизистую от чего у меня потекли слезы.

Первородный страх окутал меня. Мне показалось, что я задрожала всем телом от предчувствия скорой расправы. Но я услышала женские крики и что-то во мне заставило не сдаваться. Пока рано. Пока рано поддаваться панике.

Откуда тут опасность? Это ведь деревня с обычными эфиопскими трудягами, которые хотели выжить. Они жили здесь, чтобы прокормить себя и своих детей.

Уши заложило, а туман в голове не собирался пропадать. Всё перед глазами показалось размытым. Только периодические вспышки ярко виднелись за окном. Я повторно попыталась встать, но не успела. Кто-то проломил дверь моей хижины. Огромная черная тень с автоматом в руках направилась ко мне. Массивные кожаные армейские ботинки тяжело опускались, и вроде бы глухой звук отзывался слишком четко и громко в туманной голове. Черные пальцы больно впились в плечо, поднимая меня. Он не задумался, что мне больно. Хуже того, когда я не сумела подняться, неизвестный прикрикнул на меня на незнакомом диалекте. Я не поняла его, но инстинкты кричали, что мне нужно его бояться.

Моя жизнь сейчас не в моих руках.

Мне пришлось подняться и пройти на выход. Дуло автомата уперлось в правую лопатку, неприятно покалывая. Я, запинаясь, переступила порог и окинула взглядом долину.

Глаза давно слезились от едкости вокруг. Сердце кольнуло от окружающей боли и страданий. Я увидела как мужчины пытались бороться с захватчиками, но явно проигрывали им. Женщины испугано кричали, пытаясь спасти детей. Но к сожалению черных теней слишком много в нашей деревне. Кто-то из них поджигал местные посева, а кто-то вырубал скот. Недалеко от меня кто-то истошно закричал, но крик резко прервался после одиночного выстрела.

Что-то во мне сломалось. У меня пропал воздух, и я начала задыхаться. Тень позади меня сильно толкнула, чтобы поторопилась, но я не смогла идти. В изнеможении я схватилась за руку неизвестного, пытаясь произнести слова помощи на амхарском. Но страх парализовал память, из-за чего я выдавала ужасную смесь на разных языках. Мой беспомощный вид не вызвал сострадания у тени. Наоборот, он повысил голос и пнул меня, попав в бедро.

Боль, страх, унижение. Никогда не думала, что меня можно сломить. Но перед лицом реальной опасности я оказалась слабой, обычной женщиной, которая молила о пощаде. Я валялась на пыльной земле, слезы текли по щекам, руки дрожали, а голова шла кругом.

Тень крепче прижала к себе автомат, направляя в меня дуло. Вспышка ярко осветила мне лицо скрытое маской. Темная кожа в прорези блестела, как и черные глаза. В них не было сомнений или раздумий. Одна лишь цель и готовность убить.

Стольких потеряв, я никогда не ценила свою собственную жизнь. Она просто была, и мне казалось, что я обязана её прожить.

НО я вообще хотела ли иметь свою жизнь? Хотела ли жить по-настоящему?

Вчера я бы не поняла вопроса, а сейчас да. Я хотела жить. Хотела ценить счастье, которое мне подарила судьба. Хотела поблагодарить за всё, что получила и не ценила. Принимала как должное. Потому что сейчас перед лицом смерти я искренне хотела дожить до старости. Хотела видеть людей, которых люблю. Хотела сказать, как они дороги моему сердцу.

Медленный ВДОХ и последующий ВЫДОХ.

Мой выбор впервые не принадлежал мне. Сейчас жить мне или умереть решала сама судьба. И я покорно позволила сердцу выбрать направление.

Я медленно закрыла глаза, отдаваясь освобождающему чувству, когда услышала очередной одиночный оглушающий выстрел.

POVГлеб

Последние дни я без устали работал. Любая Ксюшина проблема стала бы личной для меня. А тут я мог помочь ей в том, в чём разбирался сам. Я не мог отказаться от этого, даже если бы хотел; даже если бы она не попросила меня. Сохранять хладнокровный вид раньше казалось отличной идеей. Но вид Ксюшиных слёз сломил меня, из-за чего я, не задумываясь, снова признался ей в чувствах, которые никогда не покидали меня.

Вот только Ксюша не ответила на них (этого я в тайне хотел, но не ждал), и всё же она даже не позвонила мне. Более того она срочно улетела в Корею, где проживал нынешний её ухажер — Кван Чу Вон. В этом меня мельком просветила Марина, когда недавно мы столкнулись в лифте.

Ещё я надеялся, что мои чувства хотя бы немного поутихли за прошедшие годы, но сжирающая меня ревность говорила об обратном. Они не утихли. Они жили во мне, прикрываясь тенью. А уж после новой встречи с Ксюшей они начали медленно выползать на свет, будто заново будоража и зажигая меня.

Она до сих пор не замечала, что когда задумывалась, то начинала теревить мочку уха. А когда она нервничала, то проводила чуть влажными ладонями по бедрам, будто сглаживала неровности. Я до сих пор помнил момент, когда впервые увидел её. То, как она стояла и бесстрастно глядела на школу. То, как грустно она улыбалась, то, как задерживала дыхание, когда кто-то упоминал родителей. Она всегда была стойкой, но я видел, сколько сил ей приходилось прикладывать, чтобы сохранять этот образ. В те минуты мне хотелось подойти к ней и обнять, а также сказать, что я с ней. Но вместо этого я смиренно принимал её выбор, забывая о себе.

А ведь уже тогда первого сентября перед одиннадцатым классом я влюбился в Ксюшу с первого взгляда.

Я и Рустам стояли недалеко от первоклассников ближе к крыльцу школы. Нас мало кто видел, но нам это место позволяло следить за каждым. Рустам подмигивал девчонкам из десятого и дразнил их подкаченными за лето бицепсами. Я же, сложив руки на груди, присматривал за Люсей, которую скоро должен был на руках понести Марков. Но затем к толпе подошла незнакомая девушка.

В нашей школе все старшеклассники знали друг друга, по крайней мере признавали по лицу. Ведь почти все мы жили неподалеку. Единственным инородным существом среди нас выступал Матвей Марков, который обязан был учиться в лучшем лицее города вместе с другими детками обеспеченных родителей. Вот только у этого вырожденца бабуля — упрямая женщина. Именно она отправила внука учиться в обычную школу, чтобы пробивал дорогу даже в самых непроходимых местах.

Меня ещё тогда Марков раздражал. Потому что он умел не приспособливаться к условиям, а менять эти самые условия. Вместо того чтобы казаться чужим среди нас, он сделал лишними нас. Мне так иногда хотелось врезать ему с оттяжкой, а затем выставить из школы, чтобы перестал маячить перед глазами. Но вместо этого я сжимал зубы, сдерживая гнев, и мрачно глядел на него.

А тут эта незнакомка. Она не улыбалась, не старалась подружиться и вообще стояла в тени под маской неприветливого дружелюбия. Она напоминала мне картину. Она будто

глиняная статуя, которой я хотел поклониться. Конкретно она не казалась инородной, потому что она совсем не являлась частью этого мира. Она произведение творца, без привязки ко времени и к месту.

Пораженный, я стоял не в силах отвести от неё взгляда. В какой-то момент Рустам толкнул меня и отвлек своими рассуждениями о новенькой учительнице, которая стала нашей классной.

Проморгав момент, я не заметил, когда незнакомка ушла. Но уже тогда она рабски пленила меня. Все мои пять чувств и пять душевных сил замкнулись на девушке и отказались подчиняться моей воле.

Иногда казалось, что Ксюша сделала мне одолжение, когда сбежала от меня. Потому что с первой встречи я чувствовал, как попал в зависимость от неё. Я перестал существовать, но появился другой «я» — безумно влюбленный и жаждущий восхвалять объект любви.

Она могла управлять мной; могла сделать марионеткой; приказать умереть или убить. Это пугало, но в то же время будоражило.

Я вводил новые условия в программу, перестраивая алгоритм поиска, чтобы выйти на след хакера, который недавно пытался взломать сайт агентства. В этот раз он не собирался внедрять обновленные инъекции в базу данных для получения свежей информации. Нет, он готовился взломать аккаунт управления сайтом, чего я совсем не ожидал. Мне повезло, потому что хакер при взломе попал в одну из ловушек. Иначе он мог бы получить доступ к сайту, так как мои маячки ждали его при входе в базу данных внутренней системы агентства.

Я преуменьшил проблему, когда рассказывал про неё Ксюше. Главное то, что мне удалось за него зацепиться, а сейчас я пробовал аккуратно взломать его ход, чтобы потом найти по оставленным следам.

Оксана уснула где-то час тому назад, сразу после третьего повтора сказки про маму козочку и семеро маленьких детишек-козлят. Моя дочка часто просила её рассказывать, потому что в этой сказке есть её любимая часть. Когда мама-коза отправилась к волку и прыгала через костер, чтобы вернуть их домой. Мне иногда казалось, что Ксютка надеялась, что и её мама также поступит, если её унесет страшный серый волк. Она любила свою маму, как всякий ребенок, но, к сожалению, её маме она никогда не была нужна.

Всё же Арина не настолько плохой человек как, по-моему. Из этих тринадцати лет мы женаты уже почти десять. Она ведь действительно мне помогла тогда. Когда я заканчивал университет, мой отец неожиданно скончался. Мне грозила армия, а Люся могла оказаться в приюте, если бы я не поспешил взять опеку над ней. Брак ускорил весь этот процесс.

С моей стороны не правильно было использовать любовь Арины к себе. Я всегда видел её чувства и до сих пор верил, что она действительно сильно любила меня. Но вот дочь — нет. Арина забеременела, когда приближалось совершеннолетие Люси. К своему стыду я даже не помнил ту ночь и причину, почему позволил жене соблазнить себя. Ведь тогда мне казалось, что мой брачно-тюремный срок подходил к концу.

Я недооценил коварство Арины. Тогда я начал надеяться, что ребенок изменит её. Вот только я снова ошибся. Потому что малютка не вызывала трепет в душе этой женщины. Арина относилась к Ксютке холодно и пренебрежительно. Она неохотно подходила к плачущему ребенку, даже когда требовалось покормить младенца. Доктор объяснял мне, что от послеродовой депрессии никто не застрахован и просто просил быть терпимее к супруге.

Я всё это понимал, со всем соглашался и старался помогать как мог. Не мне ли не знать, что каждый может сойти с ума. У каждого найдется своё заболевание или особенное

строение мозга. Вот только я устал быть понимающим, терпимым и помогающим для таких людей. Мне с ранних лет пришлось присматривать за матерью-истеричкой. Ещё подростком я следил за её таблетками и приемами к врачу. Затем присмотр потребовался отцу, который медленно, но верно спивался. Он до последнего держался неплохо, но всё же алкогольная зависимость оказалась сильнее него и здоровье подвело его.

Арина же оказалась ещё одним человеком в моём окружении со специфическим сознанием. Она чем-то напоминала мать, но при этом не устраивала истерики и не бушевала по любой причине. И всё же она часто раздражалась по ерунде, плохо спала и часто жаловалась на головную боль, а главное радовало её только я. Моё внимание к ней, забота и общение — единственное, что приносило ей радость, поэтому она сильно ревновала меня. Сначала я всё списывал на депрессию и старался с терпением относиться к закидонам супруги, но затем доктор объявил, что она здорова. К сожалению, характер Арины не изменился. Она продолжала ревновать меня, даже к Люсе и к Ксютке. А уж про любовь к дочери мне приходилось помалкивать.

Тогда у меня появилась мысль, что на самом деле Арина никогда не хотела детей и из-за этого у неё и развилась депрессия. Она рожала из-за меня, чтобы я не вздумал разводиться с ней. Уж она то знала, что детей я любил больше взрослых.

Ей не нужна дочь. Но благодаря её эгоизму у меня появилась Ксютка. Моё ещё одно солнышко, которое заставляло спирать моё дыхание. Ради моей маленькой малышки я готов на многое. Даже на то, чтобы забрать её от родной матери в другой город и самому дать ей всё, что смогу.

— Вы снова вместе? — За спиной прозвучал возмущенный голос Люси. Оглянувшись, я обнаружил стоящую на пороге комнаты сестренку. Она сложила руки на груди и, поджав губы, кивнула на компьютер. — Ты и Ксюша Малахит. Вы снова вместе? Я ведь правильно поняла?

Я разглядывал мрачный вид сестры, не подтверждая её слов, но и не отрицая возможность её предположения. Опустив голову, я тихо спросил её:

— Почему ты так думаешь?

— Потому что вижу, — взмахнула руками Люся. — Ты стал другим. Или правильнее сказать «прежним»? Взволнованным, энергичным, молодым. У тебя словно появился дополнительный пропеллер в заднице, и поэтому ты летаешь.

Сморщившись из-за прозвучавшей грубости, я всё же не акцентировал на нем внимание и с улыбкой попытался объяснить сестре собственные чувства.

— Люся, я люблю её. Моей любви не становится меньше для тебя и для Ксютки. Вы для меня единственные близкие люди в моей жизни, ради которых я готов от всего отказаться. Ещё в такой же категории для меня принадлежит и Рустам, но он всё же немного другое. Ведь вы мои девочки.

После своих слов я отвернулся от сестры, возвращая внимание компьютеру и не законченному коду.

— И все они женщины, кроме Рустама, — вздохнула Люся.

— Как видишь..., — улыбнулся я.

Она уже не в первый раз подмечала то, как я неохотно подпускал людей в личное пространство. Но менять собственный характер я не собирался, потому что, в первую очередь, он меня устраивал. А во вторую, мне казалось лицемерным называть незнакомца другом, полностью не доверяя ему.

— Ладно.... Что взять с дурака. Но, Глеб, — Люся подошла ко мне и со спины обняла за шею, слегка наклоняя меня вперед. — Если она вновь разобьет тебе сердце.... То ей конец!

Сложно признавать, что человек, который рос на твоих глазах, стал взрослым. Теперь не только я мог о ней заботиться, но и она сама — не только о себе, но и обо мне. Мы стали равноправными людьми, которые искренне беспокоятся друг о друге, потому что любили.

Сестринская забота приятно согревала меня, хоть и звучала она угрожающее. Я благодарно сжал руку сестренки, а она в ответ смачно поцеловала меня в щеку. В этот момент неожиданно прозвенел дверной звонок. Мы с недоумением переглянулись.

— Ты кого-то ждала? — Наконец я спросил у сестры, когда звонок повторился.

— Нет.

Активировав программу поиска и взлома, я встал и направился к входной двери. Звонок повторился в третий раз с нетерпеливым стуком. Заглянув в глазок, я недовольно прорычал, но всё же открыл дверь, не скрывая раздражение на лице при виде незваного гостя.

— Какого черта ты тут забыл? — Процедил я вместо приветствия.

На пороге стоял Матвей Марков. Он растянул губы в фальшивой извиняющей улыбке, но при этом глядел на меня немигающим твердым взглядом. Он тоже не собирался здороваться со мной и имитировать радость от новой встречи. Потом он грубо подтолкнул меня, чтобы я не мешался под ногами, и решительно вошёл в квартиру, закрывая за собой дверь.

— Есть разговор, — серьезно проговорил Матвей, заполняя мою проходную собой.

— О чём? — Я отступил, чтобы даже случайно не коснуться этого человека.

— О ком. О Ксюше, — ответил Матвей, осматриваясь. Тут его взгляд зацепился за вышедшую Люсю, после чего он снова глупо и даже беззаботно заулыбался (моей самой ненавистной улыбкой!). — Ого, и ты здесь живешь. Как-то не подумал, — он провёл по волосам, взлохмачивая их.

Ох, я до сих пор помнил бесящую Мраковскую манеру соблазнителя. Но хуже того то, что Люся ему улыбнулась, опустив взгляд, как это раньше делали другие девчонки — объекты его соблазнения.

Не вытерпев, я жестко схватил за плечо Маркова и повел его в домашний мини-кабинет, не давая ему нормально снять обувь из-за чего она разлетелась по прихожей.

— Начинай! — приказал ему я.

Матвей не торопясь осмотрел комнату, разминая плечо от моего захвата, и заострил внимание на мониторе с открытой вкладкой кодировки. На его лице появилась странная гримаса, и он недовольно сложил на груди руки.

— Глеб, вот скажи, какого черта, я узнаю последним в каком на самом деле дерьме находится Ксю. Мне даже пришлось прищучить своего безопасника, чтобы он наконец признался, какую выполнял для неё работу. Я уже начал думать, что Ксюха скрывала проблемы ото всех. Но ты, — Матвей ткнул в сторону компа. — Всё же знал. Старая любовь значит победила....

Нахмурившись, я задумался. О чём балагурил этот идиот? Неужели Ксюша преуменьшила опасность и на самом деле проблема, с которой я разбирался, намного крупнее, чем казалась на первый взгляд.

— Ты про что?

Марков хмыкнул и, раскинув руки, рассерженно рявкнул:

— Про то, что Ксю угрожали. Её заставили сделать из агентства — эскорт.

Матвей пялился на меня пылающим взглядом, будто я причина проблем Ксюши. Вместо

оправдательной или обвинительной ответной речи меня охватила оторопь. Я мог будто рыбка раскрывать рот, не произнеся ни звука.

— Что? — Наконец прошептал я и тут же закашлял. — Я думал проблема только в сайте и возможно в бизнес-партнере Ксюши — Анатолии.

Марков пару минут разглядывал меня, после чего откинул голову назад и устало вздохнул.

— Никита тоже вначале думал, что дело только в этом, — Матвей оглянулся и присел на кресло, растирая ладонью лицо. — Пока не обнаружил офшорный счет на Сейшелах. Может, слышал, как недавно из Египта депортировали одну криминальную личность, — Марков кинул на меня опустошенный взглядом и закончил. — Он ещё организовал сексуальный бизнес по всей европейской части России?

Я отрицательно покачал головой, потому что криминальные новости меня не интересовали. Детективы, расследование, поиск ответов меня никогда не привлекали. Даже не задумывался, что когда-нибудь мне придется с таким столкнуться.

— Ты что даже не слышал о том, что его собирались судить чуть ли не прилюдно. Но все свидетели по его делу исчезли, как будто их никогда не было. — Я снова отрицательно мотнул головой, после чего Матвей громко цокнул. Но через минуту он дернулся и с усмешкой проговорил. — Тогда слушай, что я выпытал из безопасника... Этот криминальный человек сводный брат бизнесмена Воровицкого. А жена его Нинель, модельер, которого рекомендовал Анатолий, и именно она организовала клуб удовольствий.

Не дождавшись от меня бурной реакции, Матвей вздохнул, но всё же медленно поведал всё, что узнал от своего безопасника. Он подобно рассказал, что делала Ксюша, как она ловко обходила преступников и сумела связать все концы. Теперь работа оставалась за официальными органами, которые уже давно копали под этот притон.

— Но зачем им агентство Ксюши? — Я только сильнее запутался в доводах Маркова. — Они так бьются за него, раз опустили до угроз.

— Как сказал Валентин Яковлевич, они задумали расширяться. Открыть новые точки в Европе. Но, чтобы вывозить немало красивых девиц, нужна официальная бумажка. А модельное агентство, которое сотрудничает со многими европейскими брендами отличное прикрытие для их делишек.

Наконец-то картинка начала вырисовываться, и с каждой новой секундой она становилась ещё более неприятной. В каком же аду находилась Ксюша, когда поняла, что её загоняли в угол. К тому же она ни с кем не могла поделиться и попросить о помощи. Потому что тут требовались навыки сокрытия, а не все могли таковыми похвастаться.

Я покосился на замолчавшего Матвея, который до сих пор приходил в себя после свалившихся новостей. Но тут в комнату вошла Люся. Она переделалась из домашнего платья в короткие ночные шорты и футболку на тонких бретельках. Она чрезмерно обнажилась, что заметил ни один я, судя по кривой улыбке Маркова. Я открыл рот, чтобы выпроводить сестру, ей рано слушать рассказы о преступлениях и проблемах взрослых. Вот только ненамеренно я слишком часто забывал об одном моменте — моя сестра успела стать взрослой.

— Сомневаюсь, что Нинель там главная, — поделилась с нами Люся. Она оперлась о стену и подогнула ногу под себя, напоминая позой модель.

Я закашлялся и уже сделал шаг к ней, чтобы выставить девчонку за дверь, посмевающую подслушивать. Но из-за Маркова все мои планы в один миг разрушились.

— Почему? — Удивился он и, сгибая пальцы, добавил. — Всё кажется очень логичным. Брат Воровицкого помог связями в теневом бизнесе. Нинель организовала клуб. Анатолий отмывал деньги через агентство и находил новые лица. Теперь нужны только доказательства или застать их на месте преступления.

— Ты её знаешь? — Подозрительно спросил я у сестры, которая всем видом показывала, что доводы Матвея полный отстой.

Мелькнула до ужаса противная мысль. Из-за неё я даже поморщился, так как не ожидал от самого себя такого панического эгоизма. Вдруг Люся пробивалась в мир моды, а мне не сказала. Может, поэтому она лично знакома с этой опасной Нинель, и поэтому так саркастично высказывалась о ней.

Если бы Люся захотела стать моделью, то ни за что бы не пошла к Ксюше в агентство. И мне ни слова бы не сказала. Потому что считала, что любое упоминание моды являлось моим личным триггером. А всё из-за того, что ребёнком она сильно привязалась к Ксюше, хотя до последнего отрицала это. Она полюбила её всем детским сердцем, а затем, после её исчезновения, оно расколосось из-за испытанного разочарования. Мне даже казалось, что «мода» триггер Люси, а не мой.

Но испугался я того, что могу случайно потерять сестру, а затем узнать об этом самым последним. Или это всеобщий страх любого родителя, а не только мой?

— Да вы на неё в интернете посмотрите, — вернула меня из страшных фантазий Люся. Она выпрямилась и достала телефон из заднего кармашка шорт, приговаривая. — Она либо наркоманка, либо полная идиотка. Она бы не закрутила такой бизнес, чтобы при этом не наследить на каждом углу. И даже такие связи как у неё, не спасли бы её.

Люся нашла какое-то видео, где худая женщина смеялась и танцевала дикие пляски на барной стойке в незнакомом клубе. Она повернулась к камере и подползла к ней, а затем, раскрыв рот, вытянула язык, чтобы облизнуть объектив. Послышались маты, фокус сместился, а через секунду видео закончилось.

Мы задумались. Либо Люся права, либо Нинель хитрее, чем казалась. Вдруг это игра на публику, чтобы все считали её не адекватной особой. Я переглянулся с Матвеем, и в этот момент мой компьютер запиликал.

Сработало оповещение об окончании автоматической расшифровки. А теперь срочно требовалась ручная декодировка.

Резко отодвинув стул, я сел и начал шустро вводит код стуча по клавиатуре. Следующие пятнадцать минут мне понадобилось, чтобы преодолеть уровни безопасности, которыми обезопасил себя хакер. И только после этого я беспрепятственно сумел напрямую подключиться к чужому компьютеру, не забыв скрыть своё присутствие.

Пару минут загрузки, а затем взломанная камера включилась и показала вид на незнакомую комнату. За спиной послышался вздох, после чего Матвей неспешно подошёл ко мне и наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть экран.

— Глеб, ты б только знал, насколько сильно мне интересно, что конкретно мы в данный момент смотрим. Это как-то связано с делом, по которому я пришёл? Или сейчас начнётся что-то горячее? Хотя на тебя это совсем не похоже.

Он выжидательно глянул на меня, а я сидя на стуле отодвинулся от него. Уж слишком близко оказалась его голова от моей.

— Я ищу человека, который взломал сайт агентства Ксюши.

Быстро ответил ему, пока он не надумал что-то безумное.

Матвей же восхищенно присвистнул, а вот Люся громко хмыкнула, до этого не зная, но всё же подозревая, чем я занимался последние дни. Марков выпрямился и оглянулся на мою сестру, когда зазвонил его телефон. Он мельком показал мне экран (будто мне интересно с кем он общался), на котором большими буквами написано «СУМАСШЕДШАЯ ПОДРУГ/ КСЮ МАРИНА». Поджав губы, я осуждающе посмотрел на парня, но он в ответ только хмыкнул и подтвердил вызов, включив громкую связь.

«Что за хрень происходит?» — Тут же заорала Марина, на фоне её ругательства слышался голос Дениса, который будто пытался медитировать. — «Все словно с ума посходили. Постоянно кто-то звонит, а никто работать не хочет. Ты то откуда узнал про «ситуацию»?».

— Безопасник поведал. Он не рассказывал деталей, но этого хватило, чтобы понять в каком дерьме наша общая знакомая, — хмыкнул Матвей. — Кстати, где сама-то Ксюха?

«Она в Корею улетела», — тут же ответила Марина нам и параллельно Денису. — «Я ей звонила, но во время нашего разговора у неё разрядился телефон. Кста-ати», — снова повысила голос девушка. — «Ты представляешь, что я узнала сегодня. Секретарша Ксю, Женья — двоюродная сестра Регины Афанасьевой. Я даже не знаю что делать. Если я её уволю не навредит ли это делу. А кому рассказать...».

Её перебил чуть приглушенный голос Дениса:

«Пока просто не вмешивайся. Не рассказывай этой девчонке важные новости и всё».

— Регина? — Переспросил Матвей, посмотрев на меня. Но я покачал головой, показывая, что не знаком с этой женщиной. Марков перехватил телефон и чуть напряженнее проговорил. — Почему это имя мне кажется знакомым?

В трубке прозвучал яростный вздох, а затем Маринино озлобленное шипение:

«Это та сучка, что во время финала строительной ватой обсыпала платье Ксю».

— Черт! — Воскликнул Матвей, распахнув рот. — Точно! Как я мог забыть эту мразь.

Мой пальцы замерли над клавиатурой и едва заметно дрогнули. Мысли перепрыгивали с одной на другой, затягивая меня в парализующую трясину ужаса. Я вспомнил, как недавно Ксюша прижалась к моему плечу и жалко плакала, потому что она устала. Она хотела, чтобы её пожалели, хотя бы на одну долю секунды.

Моя маленькая Ксюша, что же тебе пришлось вынести, ради достижения выбранной тобой вершины?

— Строительную вату? — Шокировано переспросила Люся. Её руки опали, словно это защитные заслонки её сердца, которые она расставила, чтобы не позволить вернуться старым привязанностям. Вот только они дрогнули и возможно навеки рухнули. — Но зачем?

— Чтобы она проиграла, — не задумываясь ответил Матвей.

Для него это событие являлось частью и его истории. Он был непосредственным свидетелем того момента, и именно он оказался ближе всех к Ксюше, когда она больше всего нуждалась в друге. Он оберегал её, в то время как я даже не предполагал, что она пережила. Меня охватила сжирающая ревность, а гнев только больше подпитывал это чувство. Потому что это я должен был быть рядом с Ксюшей в такой серьезный для неё момент, а не Матвей или Марина.

Марков заметил мой пронзительный, а также наполненный гневом, взгляд. Он удивленно приподнял брови, и мне пришлось от него отвернуться. Ведь прошлого уже не изменить, как бы сильно мне этого не хотелось.

— Ксюха тогда заняла из-за этой подставы третье место. — Добавил Матвей,

оглядываясь на Люсю.

Моя сестра широко распахнула глаза и прижала пальцы к губам, прошептав:

— Какой ужас!

«А ты с кем там?» — Удивилась Марина, а затем подозрительно добавила. — «Кто-то знал больше нас двоих?»

— Я у Глеба, — объяснил Матвей, после чего из трубки прозвучало длинное: «А-а-а-а!». — Ты что ли знала, что он в теме?

«Ксюша говорила, что он столкнулся с проблемами в своей сфере. Поэтому ей пришлось ему рассказать. Но без подробностей. Что?» — Марина приглушила микрофон со своей стороны, из-за чего мы слышали только шум и приглушенные голоса. Через минуту девушка уже нормальным голосом ответила нам. — «Так мне пора. Какие-то неполадки в агентстве. Поэтому мы поехали туда. Если что, как бы мне неприятно это было говорить, но оставайся на связи, Марков».

— Отвечаю взаимностью, Рубин, — язвительно проговорил Матвей и сбросил звонок.

Он снова повернулся ко мне и к компьютеру, и в этот момент на экране, а точнее в комнате хакера, появились люди. Молодой парень — внешне классический нёрд, худой, одетый в непрезентабельную поношенную футболку и джинсы на размер больше него самого, длинные космы, которые давно нужно помыть, а в руке эспандер-кольцо. Видимо он боялся развития туннельного синдрома. С ним пришла девушка — ухоженная блондинка с красивыми чертами лица. Этакая принцесса, сбежавшая из королевского дворца. Но, к сожалению, весь образ портила её мимика. Она демонстрировала её озлобленность и даже мерзость характера.

Дернувшись в сторону, чтобы повернуться к Матвею, я собирался спросить — знает ли он кого-нибудь из них. Но мне даже не понадобилось произносить вопрос вслух, потому что побледневший Марков уставился на экран, не в силах отвести от него взгляда.

— Это она, — прошептал он. — Это Регина Афанасьева.

Та самая девица, которая однажды подставила Ксюшу? Я потрясенно перевел взгляд на компьютер и снова открыл вкладку кода, чтобы включить внешний микрофон. Теперь у нас работал звук, осталось включить запись экрана.

«— Как у тебя не получилось! — Истошно заорала Регина, возмущенно размахивая руками. — На её сайте должен был появиться баннер: «Тут работают шлюхи!». Ты обещал, что всё будет ещё неделю назад!

Девушка приблизилась к хакеру, почти касаясь носом его щеки. Он нервно участил работу эспандера в руке и отступил на шаг назад.

— У неё оказалась более сильная защита, чем ты говорила. Возможно с ней теперь работает более профессиональный хакер, — оправдывался парень.

— Так я ведь тебе уже говорила, что она наняла нового спеца. Даже анкету показывала, которую мне принесла сестра.

Регина вырвала из рук парня эспандер и кинула в сторону. Она ткнула в худую грудь парня пальцем, грубо толкая его.

— Но я не ожидал, — хакер отступил ещё на шаг и, не заметив под ногами пустую бутылку, запнулся об неё. Чуть не упав, он взмахнул руками и со вздохом добавил: — Что он сумеет так мощно и быстро усилить систему. Я кое-как замел свои следы, когда провалил взлом сайта. Он очень сильный хакер. Он....

— А ты значит кто? — Зло прошипела девушка. Она провела почти нежно пальцем по

линии его челюсти и жестоко уточнила. — Мусор? Видимо так оно и есть. И я зря тратила на тебя своё время, мусор.

Регина снова толкнула парня, от чего он упал на пол, а затем не оглядываясь вышла из комнаты. Хакер поспешно встал и выбежал за ней».

Остановив запись, я выключил микрофон.

— Это что же получается, — в шоке проговорил Матвей, отступая. — Это Регина подослала секретаршу. Но я не пойму, она связана с Нинель, Анатолием и со всем грязным бизнесом или нет?

— Если да, то девчонка точно могла что-нибудь услышать, — глухо проговорил я, вспоминая девушку в приемной.

Женя казалась очень милой и немного неповоротливой. Но именно она первая встретила Льва, и только после прибежала Марина и увела пацана. Очень похоже на то, что обе сестры участвовали в заговоре. Были теми самыми недостающими звеньями, которые связывали всю картину вместе.

— У Регины точно был мотив, — устало упал на кресло Матвей. — Если они вместе, то она как раз умудрялась отомстить каждому, кто когда-то испортил ей жизнь. Только чужими руками, оставаясь при этом в тени. Как думаешь, кто-нибудь ещё примкнул к ним?

— Думаю, кто-нибудь из бухгалтерии, — ответил я. — Анатолий не мог отмывать деньги без непосредственного внутреннего участия.

— Но бизнес постепенно расширялся, и теперь без ведома Ксю было никак, — сложил мозаику Матвей. — Но как Регина связана с Нинель, да и с Анатолием? Она с ними знакома? Как давно? Что их ещё может связывать?

Глянув на притихшую Люсю, я задумчиво провёл по подбородку. Может сестренка что-нибудь заметила? Она ведь тоже бывала в агентстве. Успев только открыть рот, я тут же его захлопнул. Вспомнил! Как я мог про это забыть....

— У них появился новый распорядитель. Её имя.... — Память подсовывала разные вариации имен с фамилиями, но каждый казался не правильным. Нахмурившись, я попытался вспомнить ту вульгарную и явно доступную женщину. Мы ведь с ней случайно столкнулись в комнате отдыха, где она коснулась меня и предложила отужинать. — Ирина Янковская. — Щелкнув пальцами, вспомнил я. — Ксюша ещё сообщила, что она под протекцией Анатолия.

— Кто? — Ахнул Матвей, подскочив на ноги. Он начал нервно расхаживать по комнате, чуть не ломая собственные пальцы. — Какая к черту протекция?! А она ведь та ещё мразина. И она точно знакома с Региной. Хотя как они связаны с Нинель до сих пор не понятно....

— Они ведь все в одном котле варятся, — глухо проговорила Люся, и мы оба повернулись к ней. — Наверняка кто-нибудь с кем-нибудь за последние десять лет где-нибудь пересекались.

— Скорей всего, — пробормотал Матвей, кивая. Развернувшись, он решительно спросил: — Ты можешь найти адрес Янковской? Может взломать что-нибудь, чтобы найти, где она живет?

Нехотя отводя взгляд от печальной сестры, я уточнил:

— Хочешь поговорить с ней? — Он кивнул. — Я могу позвонить ей, — Марков удивленно уставился на меня и даже несколько раз поморгал, словно не верил своим ушам, глазам и главное мне. Недовольно поджав губы, мне пришлось объясняться перед ним. — Она подкатывала ко мне и оставила номер. Вот и всё. Не думал, что вообще пригодится.

Лицо Матвея выражало массу эмоций. Он явно хотел иронически постеснить меня, но

не знал с какого места начать. В какой-то момент он тяжело выдохнул и с намеком протянул:

— Я-а-асно-о-о.... Не беспокойся, я ей ничего не расскажу. Как-никак мужская солидарность в силе.

— Чего? Не сравнивай меня с собой, — рявкнул я на него, доставая телефон и клочок помятой салфетки.

— А ты тот ещё баб... обворожитель женщин, — хмыкнул в руку Матвей, что я тут же вспомнил все причины моей к нему школьной ненависти.

Мне дико хотелось врезать по самодовольному лицу Мрака, но меня останавливала спящая дочурка в соседней комнате и хихикающий вид сестры. Предательница!

Не обращая внимание на тихий хохот, я быстро созвонился с Ириной. Она не подозревая подставы с моей стороны с радостью назвала адрес квартиры, где она сейчас жила, и подтвердила готовность встретиться. Люся вышла из комнаты, чтобы ответить на звонок, а Матвей вальяжно подошёл ко мне и стукнул по плечу, будто мы с ним старинные друзья. Я резко скинул его руку и поднялся, чтобы переодеться. Меня футболку, я пытался игнорировать Мраковский стёб, но каждый его подкол всё больше раздражал меня. Я уже шагнул к нему, чтобы заткнуть его, но Матвей сам неожиданно замолчал. Обернувшись, я заметил вернувшуюся Люсю, которая укоризненно глядела на Маркова.

Сестра перевела взгляд на меня и, шагнув ко мне, прошептала:

— Брат....

— Побудешь с Ксюткой, — быстро попросил её я, пока она не вздумала останавливать меня.

— Конечно, только..., — Люся глянула на меня, затем на Матвея и после снова на меня. — Будьте аккуратны. Хорошо? Оба....

Моя маленькая сестра действительно перестала быть маленькой. От переполнявших меня чувств я крепко обнял сестренку, чтобы она перестала волноваться обо мне. Уж я то давно не маленький подросток. Да и не в моём характере понапрасну рисковать собой. К тому же я поехал на обычную встречу, чтобы поговорить с человеком. Не с опасным головорезом, а с обычной женщиной.

Люся отступила, выпуская меня из объятий, когда Матвей упал на меня сзади и обхватил рукой мои плечи. От неожиданности я замер, боясь пошевелиться. Тем временем Марков широко улыбнулся и низким голосом проговорил:

— Не беспокойся, красавица, я за ним присмотрю. — Затем вытянул меня в прихожую, а после утащил и из квартиры.

Уже на улице я грубо ткнул его в плечо, рявкнув.

— Не смей фамильярничать с моей сестрой. Она тебе не девчонка из клуба с которыми ты якшаешься.

Мы направились к машине Матвея (я впереди, а он чуть позади), когда до меня донесся его голос.

— Ты б только знал.... Ты б только знал....

Но я решил не обострять наши не без того тяжелые отношения. А то чего с него взять? Ведь дурачок и не такие вещи может сказать.

Мы с Матвеем добрались до Тверской где-то за час. Как показал опыт, это быстро для скоростной Москвы с постоянными пробками. Дом, в котором жила Янковская, входил в десятку лучшихзданий премиум класса, как быстро поведал Матвей. Точнее с ухмылкой

произнес: «Вот интересно на какие деньги модель прошлого содержит свою квартиру».

Дом действительно производил особое впечатление. Он будто сам вырос из-под земли. Казалось, что обычный человек не способен возвести такую красоту своими руками. Но по ухмылке Маркова — человека, который как раз таки и занимался строительством и недвижимостью, было ясно, что он не сильно то и впечатлился, как только что я.

Квартира модели находилась на третьем этаже. Матвей встал около стены, чтобы женщина его не заметила в глазок, а я, сжав вначале несколько раз руку, нажал на звонок. Трель послышалась из-за запертой двери. Спустя минуту я услышал, как отпирались замки, а затем передо мной предстала сама Ирина. Она встречала меня в одном полупрозрачном negligé.

Вообще-то я предполагал такой исход событий, но всё же моя фантазия оказалась не настолько откровенной. Я невольно смущенно опустил взгляд, стараясь не глядеть на вздымающуюся полную грудь, тонкую талию и изящные бедра, а также то, что должны скрывать трусики. Но так как их не было, то вид представлялся тот ещё.

— Я-а, — прохрипел я, скосив взгляд на насмехающегося Матвея. Он прикрыл рот кулаком, чтобы скрыть вырывающиеся смешки, и вообще всем видом показывал, как ему «жалко» меня. Злость заставила меня вести себя смелее. Я посмотрел в глаза женщине, не опуская взгляд вниз, и уверенно продолжил. — Пришёл поговорить на самом деле.

— Правда, — простонала Ирина, вытягивая гласные. Она приоткрыла рот и влажным языком провела по накрашенным красным губам. — А я думала, мы займемся более интересными делами.

Она раскрытой ладонью повела вниз по своему телу, из-за чего хочешь не хочешь, но взгляд заскользил за движением её руки. Мягкая полупрозрачная ткань местами натягивалась, оголяя тело. Напряженные соски явно выпирали, то ли от холода, то ли от возбуждения. Нехотя я заострил внимание на женской груди, чувствуя тесноту в грудной клетке, а также в пахе. Вздохнув, я снова отвёл взгляд, стараясь не засмущаться. Я не понимал собственного поведения, а также причину своего стыда. Испытывать возбуждение от красивого женского тела, разве это не естественно? Но почему-то мне казалось, что моя реакция — это измена Ксюше.

Что за наивный дурак!

— Давайте пройдем на кухню, — пробормотал я.

— Согласна, там у меня закрытое вино, — она вновь провела языком по губам и с легким поворотом, при котором её negligé распахнулось, направилась внутрь квартиры.

— Я не расскажу Ксю, как ты пялился на Янковскую, — издеваясь, шепнул мне Матвей и первым вошёл в квартиру.

Оглянувшись по сторонам, я вошёл и закрыл на замок дверь. Вдруг из кухни раздался женский испуганный возглас, после чего прозвучал Матвеевский грубый ответ: «Не ори!». Видимо хозяйка увидела неприглашенного гостя.

— Какого черт! — Выкрикнула она. — На двоих я не согласна.

— А что не приятный опыт? — Надменно спросил Матвей, вставая около окна, в то время как я загораживал арочный проход.

— Да что ты знаешь? — Озлобленно воскликнула Ирина. — Говоришь так, словно я проститутка.

— Скорее эскортница, которая предоставляет широкий спектр услуг, — жестко проговорил Матвей, всматриваясь в неё.

И не зря.

Слова «эскорт» и «широкий спектр услуг» подорвали уверенный вид женщины. Она мертвенно побледнела, а нижняя губа явственно задрожала. Она судорожно переводила взгляд с одного на другого, пытаясь найти ответ в наших безучастных лицах, и наконец в её глазах появилось оно. Что-то похожее на осознание или даже страх. Она поняла, что её игра окончена, а конкретно она уже проиграла.

— Чего вы хотите? — Смиренно проговорила она, дрожа всем телом.

— Не делай из себя овечку, — резко потребовал Марков, сжав направленный в женщину кулак. — Ты не похожа на тех, кто смиренно лепечет и просит. Ты из тех, кто находит способы договориться. А нам от тебя нужны ответы?

Поджав губы, Ирина притворно-покорно опустила взгляд, словно надеялась быстро придумать, как нас обыграть. Вот только нас двое, и мы по природе сильнее. А ещё мы оба настроились на серьёзный разговор и не желали выпускать столь легкую добычу из рук.

— Ну так спрашиваете, — с улыбкой предложила она и продефилировала между нами.

Она взяла со стола пачку тонких и длинных кубинских сигарилл без фильтра и, будто случайно обнажив бедра, изящно присела на кухонный стул. Её не смущала собственная нагота, как и присутствие мужчин. Наоборот она наслаждалась неожиданным, но природным вниманием, которое проявлял мужской пол к женскому телу.

Она поднесла огонь от зажигалки, закурила и медленно затянулась, наблюдая за нами из-за дымовой завесы. Она хмыкнула, когда заметила наши каменные лица, не дрогнувшие под действием её женских чар.

Я невольно переступил с ноги на ноги от сковывавшего напряжения, а у Матвея заиграли желваки, но при этом он упрямо продолжил пялиться злым взглядом на развеселившуюся Ирину.

— Хороших она себе стражей выбирает, — проговорила она, качая головой. — Я помню тебя, черненький. Хотя имя не скажу. Ты уже тогда вел себя преданным псом для этой возомнившей себе королевой Малахит. Только она этим не пользовалась. Вот же дура! Ведь ты мог принести ей кусочек неба, если бы попросила. А этот..., — Янковская вперила взгляд в меня. — Мне сказали, что ты её первая любовь. Первая ведь не последняя. Думала ты станешь легкой добычей. Но Малахит наверное пользуется валерьяновыми духами, раз все коты сбежались и не хотят предавать свою хозяйку.

Мы пришли не для того, чтобы выслушивать гадости в сторону Ксюши. Я устал притворяться равнодушным к оскорблениям в её адрес. Потому что это не так. Потому что слушать такое напоминало мне пытку: медленную обжарку на малом огне. А люди будто чувствовали это и упивались тем, что могли досадить мне через неё.

— Как ты связана с эскортом? — раздраженно спросил я, теряя терпение.

— Уламываю девочек на секс, — спокойно ответила она. — Я знаю на какие точки давить и как преподносить эскорт, чтобы это казалось благородно. Мы ведь все хотим быть стоящим товаром. Хотим иметь ценность в глазах других. Хотим чувствовать себя любимыми, а не продажными. Вот и я тот человек, который мотивирует их стать проститутками. Некоторые даже в первое время считают себя такими спасительницами человечества. Будто они дают жизнь прогнившей от похоти мужской душе. Но это временно. До тех пор, пока не попадется настоящий садист, который умеет вытряхивать душу из живого тела.

— Анатолий тоже работает с вами?

— Анатолий? — Нахмурилась она и со смешком ответила. — Мы стараемся не знакомиться со всеми. Мы ведь не команда мечты. У нас не проводят тимбилдинги, чтобы мы сдружились. Наоборот у нас в чести грязное соперничество. Важнее выжить, чем остаться с честью.

— У меня тоже есть вопрос? — Выступил вперед Матвей. — Регина Афанасьева. Как она связана со всеми вами?

Янковская в этот момент затягивалась никотиновым дымом, но внезапно подавилась, услышав имя. Она с ненавистью уставилась на Маркова. Непроизвольно я шагнул к ним. Мне показалось, что она хотела разъяренно кинуться на Матвея и выцарапать ему глаза своими длинными искусственными ногтями. Я хоть и не против навредить этому болвану, но лучше не при таких напряженных обстоятельствах.

— Откуда вы про неё знаете? — Прошипела она.

— Кто главный в вашем змеином притоне, — вновь задал вопрос Матвей, чувствуя приближения к скрытой истине. — Это ведь не Нинель? Тогда кто мозг в вашем бизнесе?

Лицо Янковской исказилось. Мне даже послышался скрип её белоснежных зубов. Казалось, что она увидела мерзкое насекомое, которое она жаждала раздавить. А Матвей в этот момент действительно напоминал кровожадного клеща. Он впился в женщину и выжимал из неё всевозможные соки.

Вдруг Ирина выпрямилась на стуле и, уже не обращая внимания на тлеющую сигариллу и на падающий пепел, затихла.

Видимо Люся оказалась права. Нинель только этикетка, а главный начальник скрыт от лишних глаз. Сейчас же Янковская принимала решение, кого она страшилась больше.

— Кто...? — Матвей решил дожать её и продолжить допрос, но не закончил.

Запертая входная дверь содрогнулась и повалилась на пол. Через дверной проем проскочил отряд в черной форме, с масками на головах и автоматами в руках. Они разом крикнули нам: «Не двигаться! Руки над головой! Лицом в пол!». Затем почти одновременно повалили нас. Сначала меня, затем замершего Матвея, который забыл поднять руки, а после верещающую во всё горло Ирину.

Отряд не терял времени даром. Они заученно обыскали нас на наличие оружия и документов, защелкнули наручники на запястьях и поставили на колени. Матвей молчал, но ему не нравилось такое отношение к нему. Ирина испуганно глядела на возвышающихся мужчин, а те невольно отводили взгляд. Всё же женское неглиже не скрывало грудь и лобок.

Кто-то из отряда выпрямился и четко отчитался о прошедшей операции, и затем вошёл самый главный. Он не возвышался над парнями из отряда, но было заметно, как почтительно они к нему относились. Он в обуви прошёл мимо меня, наступая на разбитое стекло, и остановился напротив Ирины.

Парни по обе стороны от женщины подняли её с колен, когда главный глянул на них, а затем он медленно перевел внимательный взгляд на неё.

— Янковская Ирина Вячеславовна? — Она кивнула. Он достал лист А4 и показал ей, а затем по памяти перечислил её грехи. — Вы арестованы за употребление и распространение наркотиков, за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов, а также распространение данных материалов. Ребят, — он повернулся к отряду. — Пакуйте её. Только сначала укройте чем-нибудь.

— А как же мои права, — воскликнула она. — Вы не зачитали мне мои права!

— А вы разве их не знаете? — Наклонился к ней главный. — Тут не Америка с

«Правилами Миранды», где я должен плясать перед каждым задержанным. А ты не принцесса из соседней страны.

— Я должна позвонить, — пролепетала она и умоляюще взглянула на мужчин.

— Конечно, это ведь ваше право, — сухо ответил главный. — Дайте ей уже плед, да уводите поскорее. — Затем вновь глянул на женщину и добавил. — Вам предоставят звонок после допроса.

— Но мне нужно срочно! — Воскликнула она.

— Чтобы вы предупредили подельников? — Усмехнулся мужчина и снисходительно добавил. — Ваш адвокат будет ждать вас в допросной.

Янковская истошно закричала. Она попыталась ударить главного ногами, но её успели увести. Её тело грубо обмотали, а затем увели прочь из квартиры. Вот только её крики эхом раздавались на весь подъезд. Тихо мириться с положением женщина не собиралась.

Как только гам стих, главный уставился на нас. Кто-то из отряда передал ему наши изъятые документы и телефоны.

— Вы пришли за услугами к этой женщине? — Сухо поинтересовался он, не раскрывая паспорта.

— Нет, — отрезал Матвей. — Чтобы допросить.

Парни из отряда переглянулись, а затем уставились на главного, который нахмурился и раскрыл сначала мой паспорт.

— А вы у нас кто? ФСО, МВД или наркоконтроль? Кто ещё занимается этим делом кроме нас? — Холодно уточнил мужчина.

— Мы не обязаны отвечать, — заартачился Матвей.

— Мы друзья Ксении Малаховой, — ответил я, уже не надеясь на благоприятный исход, но главный, к моему удивлению, заинтересовался моими словами. Он внимательнее пересмотрел наши документы и задумчиво глянул на нас. — Я, Глеб Алмазов, работаю в Ксюшином агентстве, как специалист по кибербезопасности. Сегодня я и её друг, Марков Матвей, — кивнул на притихшего парня. — Узнали, что у Ксюши проблемы намного серьезнее, чем мы думали. Вот и приехали сюда, чтобы кое-что узнать.

— И своими действиями чуть не запороли опасную операцию, — прорычал главный. — Вы думаете, что Ксения не сотрудничает с нами?

— Сотрудничает? — Переспросил Матвей.

— Ты Марков? Это у тебя работает Валентин Яковлевич? — Он кивнул. — И он рассказал тебе детали дела?

— Только про то, что виделся с финансистом Ксюши, и что ей угрожали. А остальное мы связали воедино.

— Кто ещё знает или возможно знает детали этого дела? — Сухо уточнил главный.

Мы переглянулись, а затем Матвей кивнул. Значит говорить пока он отказывался.

— Марина, её распорядитель. Возможно Денис, фотограф в агентстве, — быстро начал перечислять я ребят. — Ещё может быть Никита, финансист у Ксюши.

— По-тихому найдите всех свидетелей по этому делу, — приказал главный к кому-то из отряда. — И привезите их в отдел. Только по-тихому.

Несколько парней кивнули и вышли. Только после этого ФСБ-шник приказал освободить нам руки и наконец представился. Герман сопровождал нас сначала в машину, а затем и в отдел. Возвращать телефоны он нам отказался, чтобы перестраховаться перед важным делом. Во время дороги Герман в двух словах объяснил ситуацию, в то время как я

костерил себя и, возомнившего себя великим детективом, — Матвея.

В наших размышлениях ведь проскальзывала мысль, что такой крупной аферой давно кто-нибудь бы заинтересовался. И ведь логично предположить, что такой человек, как Ксюша, не пошла бы в атаку без хорошего плана. Она бы не впустила в агентство змею, если бы не подстраховалась. Она точно бы не стала рисковать людьми попусту. Именно поэтому она затихла, словно смирилась с обстоятельствами, и старалась реже мелькать в агентстве, чтобы у врагов развязались руки от предоставленной свободы.

Вот же мы идиоты! А я вдвойне, раз повелся на предложение Маркова начать собственное расследование.

По приезду нас двоих посадили за решетку, как каких-то преступников, и оставили одних. Но перед тем, как нас запереть, Герман уточнил один момент.

— Что вас натолкнуло поехать к Янковской?

Почувствовав взгляд Матвея, я подошёл к решетке и спокойно ответил. Ему не хотелось подставлять меня, но я знал, что мои действия оставались в рамках моей деятельности. Я искал человека, который устроил взлом сайта моего клиента. Моя вина состояла только в том, что мы не привлекли кого-нибудь из управления «К». Точнее не успели даже подумать об этом.

— Ксюша меня кое о чем попросила, — произнес я. — Сначала она высказала обеспокоенность в сохранности баз данных, когда я рассказал, что обнаружил чужое присутствие. Она попросила меня установить маячки, чтобы потом я мог предотвратить взлом, если вдруг он произойдет.

— Когда он случился? — Быстро спросил Герман и добавил. — Взлом. Я ведь правильно понял, что он был.

— Верно, — кивнул я, опираясь о решетку камеры. — Где-то дня четыре тому назад. Точнее скажу, если вернете телефон.

— Дальше что? — Не повелся на моё предложение Герман.

— После атаки я смог проникнуть в сеть хакера. Мне пришлось покопаться, потому что защита у него стояла отличная, но сегодня я обнаружил его. И с ним была девушка.

На этом моменте моя часть история заканчивалась, поэтому я повернулся к Матвею, который мог досказать конец. Он уселся на скамью, расставив ноги и облокотившись на бедра, а ладони сомкнув в замок.

— Этой девушкой оказалась Регина Афанасьева. — посмотрел на нас Марков. — Я узнал её, потому что тринадцать лет тому назад она участвовала в конкурсе вместе с Ксюшей. Ксю тогда была фавориткой, но Регина подставила её и победила. А я... Надавил через связи и заставил отменить решение судей, нашёл доказательство и её выгнали с конкурса опозоренной.

— И это стало причиной поехать к Янковской? — Удивился Герман, сложив руки на груди.

Он, издеваясь, хмыкнул и собрался уходить, но я схватился за решетку и дернул её, создавая грохот. Кто-то подорвался к нам с полицейской резиновой дубинкой, но Герман махнул ему рукой, чтобы тот возвращался на место.

— Нам позвонила Марина, — добавил я. — Распорядитель Ксюши. Она рассказала, что нынешняя секретарша Ксюши является сестрой Регины. А Янковская недавно стала вторым распорядителем в агентстве, к тому же она когда-то тоже знала Регину. Поэтому мы решили отправиться к ней. Она точно должна была что-нибудь знать.

Герман поджал губы, ещё раз хмыкнул и ушёл, оставив нас за решеткой почти на три часа. Матвей бубнил под нос проклятья в сторону ФСБ-шника, а я надеялся, что за это время Люся не потеряет меня. Если она вдруг начнет мне названивать, а я не отвечу, то она может поднять панику.

Неожиданно к нам пришёл кто-то из отдела Германа и открыл решетку, выпуская нас. Он предупредил, что пока нам нельзя выходить из здания, но в аресте больше нет необходимости. Мы вышли за ним в коридор, где встречал нас начальник безопасности Матвея.

— Ну и долго же вы шли, Валентин Яковлевич, — обижено проговорил Матвей.

— Извините, Матвей Васильевич. Мне нужно было привезти ваших друзей.

Он рукой указал нам направление, где нам придется ожидать разрешение на выход, и где затем мы столкнулись с остальными: Мариной, Денисом и Никитой. Их всех тоже лишили телефонов и остальных гаджетов, запретив связь с внешним миром. Они взволнованно подскочили, увидев нас, но затем уселись на прежние места вдоль стенки в пустующем коридоре.

— Мне нужно предупредить Люсю, — сказал я Матвею и его безопаснику.

Тот мельком глянул на Маркова, а затем после хозяйского кивка ответил мне.

— Её уже предупредили, что с вами всё хорошо. Но пока ей лучше не выходить из квартиры и ни с кем не связываться, — Валентин Яковлевич перевёл взгляд на Матвея и добавил. — Я оставил с ней Романа, пока вас нет.

Нахмурившись, я уставился на Маркова, который похвалил своего работника, но чуть позже спросил:

— Но чего мы ждем? Нас ведь не арестовали. Но я не понял, после чего нас собираются отпускать то?

— После окончания облавы. А потом вас ожидает допрос, — хмуро ответил Валентин Яковлевич и показал на свободные места. — Тут комфортных комнат нет, так что придется находиться тут.

— Как долго? — Спросил я, свыкаясь с мыслью, что возвращение домой — событие не скорое.

— В течение этой ночи, — быстро ответил безопасник и развернулся, чтобы уйти, но я поймал его за руку.

Он озадаченно глянул на меня, когда я произнес:

— Спасибо.... За сестру.

Он снова мельком глянул на Матвея, а затем быстро кивнул мне и ушёл.

Спустя ещё три часа мы окончательно измаялись сидеть в пустом коридоре. Мы все находились в гнетущем состоянии, потому что не совсем понимали что происходит. Вроде бы понимали, что в мире всегда существовали преступники, которые совершали разного рода преступления. Но слабо осознавали что это такое. Мы все впервые столкнулись с настоящим предумышленным уголовным злодеянием, а теперь здесь сидели и ждали окончания... облавы. Хех, или окончания привычного существования.

Устав сидеть, я встал у окна и наблюдал за тем, как ночное небо медленно светлело и появлялись первые предрассветные сумерки. Недавно мимо нас провели в наручниках того самого хакера, который взламывал сайт Ксюши. Я узнал его по видео, но не ожидал что они так быстро обнаружат его местонахождение и арестуют. Как сообщил Валентин Яковлевич, у которого тут связи на каждом шагу, что его звали Мирослав Гапелов.

На самом деле он талантливый программист, который когда-то давал большие надежды. Оказалось, что за ним уже давно следили, но ловили его только единожды. И то тогда, когда он учился в университете, из-за этого его кстати и отчислили. Он нарушил личностные права студентов и за воровство личных данных на него наложили приличный штраф. К тому же ему запретили заниматься программированием где-то около года. Но по факту с таким «рекомендательным письмом» он терял возможность закончить образование в данной сфере, да и вряд ли кто-нибудь ему доверил бы должность программиста.

А ещё мы узнали, что Мирослав с Региной уже не в первый раз пытались своровать личные данные Ксюши. Они успели подключиться к её телефону, и как сознался Мирослав, они ждали подходящего компромата. Регина жаждала уничтожить Ксюшу, поэтому надеялась получить что-нибудь жесткое, от чего общество бы возненавидело её.

Вот только они не ожидали, что Ксюша быстро их обнаружит или кто-то другой. Они так и не поняли, как их ловушку заблокировали. Но после этого все её телефоны и компьютеры заимели мощную защиту, что взломать напрямую уже не удавалось. Нужен был контакт с внутренней стороны, которую организовала Женя — сестра Регины.

Матвей покосился на Марину и строго спросил:

— Ты знала про это?

Рубин же опустошенно пялилась в одну точку на стене и не сразу ответила ему. Она будто проживала собственный кошмар, который зарывал её душу в призрачную могилу.

— Я видела однажды одного техника. Ксю называла его Тимом, — она подняла голову и смущенно повела плечами. Видимо она стыдилась того, что не заметила важные детали. Ведь она могла давно догадаться, что происходит, но вместо этого обижалась и страдала. Марина вновь тяжело вздохнула и продолжила: — Он работал по ночам, когда в агентстве никого нет. Но она никому не рассказывала про телефон, слежку или кражу данных.

— А что Женя? — Спросил я безопасника, когда заметил подкрадывающуюся истерику у Марины.

— Она молчит. Хотя доказательства против неё серьезные. Её связь с Региной опасный мотив. Её встречи с Анатолием, которые мы не могли прослушать. То как она саботировала множество важных звонков в агентство. Мы многого не знаем, но то, что мы имеем, доказывает её связь с эскортом.

После его слов атмосфера будто бы уплотнилась. Все мы считали себя близкими друзьями, коллегами, соратниками Ксюши. Иногда мы не понимали её поступков и из-за этого обижались на неё. Но никто из нас не задумывался, какой на самом деле тяжелый груз носила на своих плечах Ксюша. Хотя сейчас мне больше хотелось назвать её Малахитом. Потому что Ксюша — это девчонка, в которую я влюбился и которую люблю до сих пор. А Малахит — это человек-камень. Это человек, который способен достичь вершины и не сломаться. Это тот человек, которым восхищаешься.

Иногда я забывался и видел одну лишь Ксюшу. Но Малахит.... Это одна из частей моей любимой. Это основа её характера. И если я действительно люблю Ксюшу Малахову, то должен не забывать и про Малахит. Я должен научиться уважать и принимать эту часть. Потому что я хотел любить любую Ксюшу и, чтобы она открылась для меня.

Казалось, что это откровение пришло не только в мою голову. Мы все осунулись. Ксюша скрывала от нас груз необъятных размеров. Не мелкие банальные хищения или неприятные подставы на подиуме, как мы думали, а что-то, что может уничтожить даже жизнь.

Вдруг в коридор вышел Герман. Он устало сжал переносицу и круговым движением

размял шею. Он явно давно не спал и в последние дни много работал. Он обвел коридор взглядом, заострив внимание на нас. Какое-то время он что-то прикидывал, разглядывая нас, а затем решительно подошёл.

Я и Матвей будто шарнирные куклы подскочили к нему и немигающе уставились. Но Герман и не думал останавливаться рядом с нами. Он махнул рукой и, не тормозя, проговорил:

— Пойдемте. Проведу с вами допрос.

— Мы не являемся подозреваемыми? — Удивился Денис, поднимаясь и помогая подняться Марине. — Я думал, что пока нас официально не исключат из списков, допрос будет вестись по отдельности.

— Верно, — кивнул Герман, отпирая дверь в допросную. — Но вы не подозреваемые. Скорее свидетели и то с натяжкой.

ФСБ-шник первым вошёл в комнату, а мы с секундной заминкой последовали за ним. Квадратная форма помещения с шестью серыми поверхностями сводила с ума. Расслабиться в таком месте не представляло возможным. К тому же не облегчало это состояние встроенное прямоугольное зеркало на одной из стен. Наоборот взгляд невольно косился в его сторону. Ты видел себя, но мысленно спрашивал, кто сидел там и наблюдал за нами.

Широкий стол с тонкой серой столешницей разделял допрашиваемых от следователя. Герман сел на стул со спинкой, а нам оставалось рассестись напротив него на табуреты. Матвей сел с одного конца, затем я, Никита занял место по центру, а с другого конца присели Марина и Денис. Замыкал нашу процессию Валентин Яковлевич. Он запер двери допросной с нашей стороны и занял место за нами. В эту минуту я сомневался, нашу ли сторону он занимал.

Оказалось, что Герман нес в руках пухлую папку, которую до этого я не заметил. Хотя точнее я пялился только на его лицо, надеясь понять его мысли по делу Ксюши. Он разложил на столе принесенные бумаги и телефон. После чего он внимательно всмотрелся в лица каждого присутствующего и откинулся на спинку стула.

Нам же пришлось напряженно выпрямиться. Видимо табурет необходимая часть для создания напряжения арестованному.

— Начну наверное я. — Устало проговорил Герман, снова сжимая пальцами переносицу. — Для начала, раньше вы действительно являлись подозреваемыми. Но затем, тщательно вас всех проверив, я добыл доказательства, что вы никак не связаны с делом. К тому же раз Ксения улетела в Корею, то она пока не сможет вам рассказать, что происходит от своего лица. Так вот.... Мы вас задержали и не отпускаем домой по нескольким причинам. — Герман молча пододвинулся к столу и взял какую-то бумажку. — Во-первых, потому что несколько девушек из агентства Ксюши отправились на место встречи Сатисфакшн клуба.

— И вы так просто об этом говорите? — Резко воскликнула Марина, наклонившись вперед.

Она гневно уставилась на Германа, сжимая под столом кулаки, но тут Денис мягко положил раскрытую ладонь на её колено и нежно сжал. Она нервно посмотрела на него, а он в ответ слегка покачал головой. Марина вздохнула, и хоть она продолжила сжимать кулаки, но зато перестала открыто злиться на сотрудника.

— Среди моделей есть тот, кто сообщает нам свое местонахождение, — Герман равнодушно отложил документы и бесстрастно продолжил, отведя взгляд от побледневшей

Марины. — Бабушкина Варвара согласилась сотрудничать с нами. Ксения убедила её помочь нам. Из этого следует вторая причина вашего ареста. Сейчас проходит тактическая операция, и я не хочу, чтобы вы случайно или намеренно выдали реальную ситуацию.

— Мы бы никогда, — ахнул Никита.

— То есть вы нам все равно не доверяете, — одновременно с ним язвительно проговорил Матвей.

— Но вы арестовали Янковскую, Женю и хакера, — спокойно заметил Денис. Иногда хорошо оставаться единственным с трезвой головой и холодным сердцем. — Разве никого не насторожит их пропажа?

— Нет. Они не участвуют в самом клубе удовольствий. Только организуют внешнюю сторону. А теперь по делу, — Герман вынул из папки конверт и достал оттуда фотографии. Он разложил их так, чтобы все мы могли с них рассмотреть себя и других. — Вы наверное задумывались, почему Ксения согласилась на предложение по эскорту. И вот перед вами та самая причина её послушного поведения.

Я уставился на фото самого себя, не смея прикоснуться к картинке. Перед нами лежали фотокарточки с нами и многих других людей, которых все мы знали. Мы молчали. Лично я не смог произнести ни звука. Матвей единственный смог взять один снимок с собой, но рука его дрожала.

— Нет, я слышал, что ей угрожали, — Марков мельком глянул на безопасника, а затем тихо продолжил, вернув фото на стол. — Но не знал, что нами? Откуда они узнали про пацана?

Он ткнул в фотографию со Львом. Кто-то поймал момент, когда мальчик выходил из школы и понуро шёл по улице. Видимо я не зря беспокоился, что Женя его первая встретила. И всё же зря мальчик пришёл к Ксюше в агентство. Хотя его мне не сложно понять. Когда устал от жизни настолько, что кажется минутная боль перед вечным забвением — это приятная мелочь.

— Евгения стала ушами в агентстве. — Подтвердил Герман мою догадку. — Она видела и слышала многие разговоры Ксюши. Они не рискнули устанавливать прослушивающие устройства. Ксения оказалась слишком... Подозрительной и внимательной.

— Но почему нет меня? — Воскликнула Марина, разглядывая модели из агентства. Она пальцами провела по лаковой поверхности, убирая мешающие карточки. — Я ей что ли не важна? Или со мной сделать ничего нельзя?

Все повернулись к растерянной Марине. Её слова прозвучали ревниво и немного обиженно, что могло вызвать у кого-нибудь недоумение в такой ситуации. Но я понимал, о чем она думала. В ней смешались два противоположных чувства. С одной стороны облегчение, что ей ничего не угрожало, а с другой стороны разочарование и беспокойство. Вдруг она считала Ксюшу подругой, а она её — нет.

К тому же теперь я понял, почему Ксюша начала сомневаться в Рубине. Её специально сбивали с толку. Они хотели вывести её из равновесия, чтобы она начала нервничать и совершать ошибки.

— Скорей всего это сделано специально, — вновь подтвердил мои мысли Герман. — Чтобы она перестала верить вам. Чем меньше у Ксении соратников, тем она слабее. Думаю, они думали именно так.

— Они этого добились, — грустно проговорила Марина, опустив голову.

Тишина неприятно вибрировала. Правда, которую скрывала Ксюша, оказалась для нас

слишком чудовищной. Денис не выдержал и сочувственно прижал к себе девушку, нежно погладив её по голове. Марина задрожала в его руках из-за бушующих эмоций, но при этом не издала ни единого звука.

Они напомнили мне нас. Тот момент, когда Ксюша не выдержала и расплакалась в моих руках. Видимо тогда она тоже дошла до грани, когда силы сдержаться просто закончились.

— А кто проводил операции в бухгалтерии? — Вдруг разрушил тишину Никита. Он хмуро собирал мысли в голове и затем облекал их в слова. — Я анализировал счета за последние два года. Именно с того времени начались мелкие махинации. Я пришёл в агентство чуть больше года назад и не знал, кто работал в отделе тогда. А спрашивать у кадровиков было как-то не к месту. Да и слишком подозрительно. Да и Ксюша попросила не распространяться о моей неофициальной работе.

— Это была Анастасия, — сухо ответил Герман. — Она устроилась в агентство специально для проведения этой махинации. Она пришла в отдел и уже спустя неделю запустила первый круг очищения.

— Откуда вы знаете? — Удивился Никита с сомнением поглядывая на ФСБ-шника. — Она ведь такая хорошенькая женщина. Она казалась мне очень добропорядочной и смышлённой.

— А еще опытной, — с печальной улыбкой ответил Герман, замечая ошарашенный вид Никиты. — Она до этого работала на Воровицкого, а до этого вела бухгалтерию криминального бизнеса его сводного брата. Поэтому ей не впервой вести счета хитро и обдуманно. Хотя идея Ануш была превосходна, и Анатолий не сглупил, когда внедрил её в агентство.

— Ануш? — Вздрогнув, прошептала Марина и с покрасневшими глазами уставилась на Германа. — Значит та женщина была права, что её смерть не совсем случайна? Она что-то узнала год тому назад.

Герман не хотел отвечать. Он либо не хотел пугать нас, либо сомневался нужно ли нам вообще знать ЭТИ подробности дела. К тому же допрос шёл странно. Потому что казалось, что не он нас допрашивал, а мы его. Или я просто не разобрался во введении допроса. Но чуть позже Герман все же ответил Марине.

— Да, мы обнаружили следы нахождения наемников на месте обрушения здания. То здание, под обломками которого погибла Ануш Бахтамян, обрушилось не случайно.

Мы разом испуганно вздохнули. Они вчетвером знали Ануш, я же только видел сестринскую любовь Ксюши при упоминании этой женщины. И тот факт, что её гибель оказалась умышленной, по-настоящему пугала.

Махинация с финансами, сексуальный бизнес, заказные убийства (это только то, что мы узнали) — это ведь самый настоящий ОПГ. Ксюша столкнулась не с мелким преступником, а с целой группировкой, которое рассчитывало на её содействие, а затем и на соучастие.

— То есть вы расследуете преступления организованной группировкой? — Уточнил Марков, который тоже не мог поверить.

Герман не глядя кивнул. Он всё чаще переводил взгляд на темный экран телефона, который продолжал молчать. Это напрягало ФСБ-шника, но он старательно скрывал это. Мы же полностью опустошенные и явно бесполезные сидели на неудобных табуретах каждый в своих мыслях.

— Что нам теперь делать? — Безысходно спросил Матвей.

— Ждать.

Мы все подняли взгляды на Германа, когда его телефон завибрировал. Он быстро кивнул Валентину Яковлевичу и вышел. Мы медленно проследили за напряженными движениями Германа, то как он ушёл и закрыл дверь, а затем уставились на безопасника. Он снова запер замок, заблокировал выход собой и объяснил:

— Началась операция.

Стены давили на нас. Следующие часы в тишине будто сжимали барабанные перепонки. Казалось, что звуки выкачали из комнаты, оставив только наше дыхание и печальные вздохи. Мы не говорили. Точнее нам не о чем было говорить. Нам сложно до сих пор было поверить, что всё это время мы жили на грани. Мы могли в любой момент оказаться за пределами нормальной жизни, но нас спасал один человек. Ксюша взяла на свои плечи бремя лидера, который обязался спасти тех, кто мог пострадать. Она не облегчала себе жизнь, как и мы ей.

Теперь нас всех объединяло ещё одно чувство, кроме любви к Ксюше, — это стыд.

— Почему я так на неё обижена, и в то же время мне безумно стыдно перед ней, — неожиданно Марина заговорила первой из нас.

Глянув на наручные часы, которые показывали шесть утра, я отчаялся созвониться с Люсей. И хоть моя сестра находилась в безопасности, но всё же я беспокоился о ней. А ещё я дико хотел позвонить Ксюше. Ревность, что она сейчас находилась в Корее, отступила. Мне хотелось услышать её голос и узнать, что теперь ей лучше.

— Не тебе одной, — хмыкнул Матвей, поставив локти на стол и складывая руки в замок. — Нет, я знал, что она девочка сильная. Но чтобы настолько.... Кван её не заслуживает.

— Или наоборот, — заметила Марина. — Может быть именно он сможет ограждать её от этого? Станет тем, с кем она захочет стать слабой.

— Но хочет ли она быть слабой. Может быть ей нравится быть сильной, — хмуро заметил я, признаваясь себе, что ревность вернулась после первого же упоминания неизвестного Квана в союзе с Ксюшей.

— Ты про что? — Не поняла Марина.

Она повернулась ко мне, скрипя ножками табурета, и ожидающее уставилась на меня. Я не хотел говорить, но мрачный вид девушки, её отчаяние и недоумение, — заставили меня открыться.

— Когда Ксюша сбежала от меня, она боялась, — объяснил я. — Ей не нужно, чтобы забота превращалась в ограждение от опасности. Для неё это... словно обрезание крыльев. Лишение свободы. Если бы её кто-то ограждал от опасности и при этом сильно страдал, то она бы возненавидела и его, и себя. И тогда она в ту же секунду испортит отношения с этим человеком и затем навсегда исчезнет.

Мы снова замолкли.

Оказалось, что Ксюша не принцесса из сказки, которую необходимо спасти. Она не Золушка, которая ждала после бала Прекрасного Принца. Она никогда не ждала ни от кого помощи, но если кто-то ей помогал, то испытывала искреннюю благодарность. Потому что она из тех, кто способен сбежать из дома отца и мачехи, чтобы самой найти собственный путь. Она не ждала фею; она сама её искала и находила. Она сама проложила свою дорогу в королевский дворец или даже сама выстроила его.

А мне, если я действительно любил её и хочу продолжить любить в будущем, то должен принять этот факт. Моя любимая не нуждалась в спасении. Но это не значило, что забота и поддержка для неё пустые слова.

В одном из карманов армейских черных штанов Валентина Яковлевича завибрировал телефон. Он быстро достал его и ответил, а затем проговорил с неизвестным абонентом не больше минуты. Закончив вызов, он обратился к Матвею.

— Операция прошла успешно. Вы можете получить свои телефоны и быть свободны.

Как только в мои руки вернулся телефон, то первому, кому я позвонил, была Люся. Быстро спросил как она и главное с кем, но она сонно попросила меня не волноваться. Также она пообещала, что присмотрит за Ксюшкой, пока меня нет. Затем я набрал Ксюше, но её телефон молчал. Сначала мелькнула мысль, что она игнорировала конкретно меня, но нахмуренные лица её друзей ясно говорили о том, что молчал сам телефон, а не абонент.

— У кого-нибудь есть номер Кванджона, — спросил Матвей, набирая сообщение Ксюше.

— Я думала, что он есть у тебя, — помрачнела Марина.

Марков отвлекся от телефона и поманил к себе Валентина Яковлевича. Видимо хотел попросить его найти личный номер корейца. В этот момент к зданию подъехал фургон и из него вышли девушки модели. На их плечах висели на вид теплые покрывала, но их трясло так сильно, что шли они шатко и неуклюже.

Войдя в здания, они пропали с моего поля видимости. Но минут через десять их повели по коридору, где сидели мы.

Некоторых моделей я узнал, но одна из них была знакома мне лично. Нынешняя начинающая звезда агентства — Варвара Бабушкина, работала под псевдонимом Рейвен. Мы с ней как-то сталкивались в комнате отдыха и около кабинета Ксюши. Вот она единственная, кто держался молодцом. Она крепко обнимала других моделей из родного агентства. Бледные девицы шли и запинаясь в собственных ногах. Они не падали только благодаря Варе и офицерам, которые их провожали.

Марина, заметив их, тихо вскрикнула и кинулась к ним. Она будто мать-наседка по очереди рассадила их по местам, не забывая ласково прикоснуться то к волосам, то к рукам. Девушки ответили ей детским воплем и тихим плачем. У некоторых стали проявляться на руках синяки или красные отметины ладоней на лице. Варя устало присела на стул, тяжело выдохнула и опустила голову, прижимая её руками к коленям. Её тело дрожало, но она не плакала.

Денис поднялся, чтобы найти что-нибудь горячее и сладкое. А Никита с красным лицом отвечал на звонки по агентству, которые неожиданно посыпались один за другим после окончания облавы. Оказалось, что когда Ксюша отступила и позволила Нинель занять лидерскую позицию в офисе, то последняя за каких-то пару дней успела многое изменить. Все из офиса, кто никак не был связан с ОПГ, уже приехали в агентство и разгружали свалившиеся проблемы.

Марина глянула на замершего Никиту, которому приходилось выслушивать гневливые претензии одного из спонсоров, а затем успокаивающее погладила одну из моделей и подошла к Валентину Яковлевичу.

— Вы ведь за нами неофициально присматриваете? — Он молча кивнул. — Тогда я могу увезти девушек в агентство? Нам нужно вернуться туда. Все сейчас на взводе и нужно быстро разрешить самые крупные проблемы, пока нет Ксюши. А им..., — она обернулась, глянув на модели, и вновь посмотрела на безопасника. — Страшно. Если нужно их допросить, то мы приедем. Сразу же. А пока, если можно, их нужно успокоить.

— Германпока занят, — проговорил мужчина, глянув на экран телефона. — Девушки

свидетели, поэтому допрашивать их будут позже. Так что уезжайте.

Марина и Денис собрались махом. Они заказали просторный минивэн и увезли девушек с собой. К ним присоединился и Никита. Все они успели только мимоходом попрощаться и отправились спасать родное агентство. Мне показалось, что они втроем малость стыдились своих мыслей и появившегося сомнения по отношению к Ксюше. Поэтому они отнеслись к новоявленным проблемам слишком лично и рьяно отправились их решать, чтобы хоть как-то ослабить собственный стыд и вину перед ней.

— Ты останешься? — Тихо спросил Матвей, когда Марина уводила моделей из здания.

— Хочу убедиться, что Ксюше больше ничего не угрожает.

Он понимающе кивнул и повернулся к Валентину Яковлевичу. Я опустился на освободившийся стул и прижал пальцы обеих рук к вискам. Из-за бессонной ночи и постоянного переживания о Ксюше голова противно ныла, а виски трещали, будто кто-то отбивал ритм по барабану. Об обезболивающих я даже не думал. Потому что старался не употреблять сильнодействующие препараты или по крайней мере минимизировать их прием. Страх стать зависимым преследовал меня с самого детства.

В какой-то момент я услышал, как Марков яростно заспорил с Валентином Яковлевичем. Один напирал, а другой хмуро отмахивался, но затем Матвей тихо привел последний довод, после которого безопасник сдался. Он куда-то отошёл, с кем-то созваниваясь, а Мрак в приподнятом настроении подошёл ко мне и уселся на соседнее место.

— Нам позволят посмотреть из-за стекла парочку допросов, — с улыбкой поделился он.

— Разве так можно? — Удивился я, продолжая сжимать виски.

— Не знаю, но мы ведь никому не расскажем об этом, — хитро улыбнулся Матвей. — К тому же мне нужно укреплять с тобой хорошие отношения.

— Зачем? — Ещё больше удивился я. Раньше он как-то мало интересовался насколько крепки наши с ним отношения. Да и никто из нас не стремился друг с другом подружиться. — Из-за Ксюши?

— Хмм... Не только, — кашлянул Матвей и неожиданно протянул мне самые простые обезболивающие, которые я сам же и предпочитал выбирать.

Забрав полный блистер, я подозрительно на него уставился. Что он скрывал под словами «не только»? Марков как-то неестественно растянул губы и открыл рот, чтобы дополнить свой трещавший по швам рассказ, когда со стуком отворилась дверь.

Отряд в масках вел задержанных на операции. Все в наручниках, местами побитые или испачканные, кто-то частично раздет или одет наспех. К тому же все невероятно злющие и агрессивно настроенные. Они пинались, кричали и яростно качали права. Видные мужчины в брендовых костюмах, а также полураздетые женщины, явно обслуживающие первых. Хотя меня ещё больше впечатлила другая парочка: где состоятельной и влиятельной выступала женщина, а рядом с ней шёл напуганный совсем молодой, с модельной внешностью парень. Он старался отойти от неё, но она пальцем подзывала его. Тогда ему приходилось неохотно к ней приближаться.

Кто-то из отряда заметил это, поэтому приказал разделить по решеткам на жертв и на агрессоров, а не по полу. Богатой женщине это не понравилось, но её уже никто не спрашивал. Их всех увели в те комнаты, где находилась решетка, и где мы ночью ждали прихода Германа.

Затем повели тех, кто работал в клубе: охрану, официантов и вроде бы операторов. По

крайней мере они орала на весь коридор, что только снимали и монтировали видео, а не участвовали в организации клуба. Но среди всех этих людей выделялись две женщины.

Одна из них (её нам показывала Люся на видео) с бледным, даже слегка посеревшим лицом шла более и менее смирно. Но каждый её шаг сопровождался качанием, словно она была малость не в себе. Она приподняла голову и, свесив язык, глупо захихикала, а затем неожиданно зарычала, как обезумевший зверь. Она попыталась вырваться из рук сотрудников, но в итоге её просто понесли на весу, не давая даже касаться ногами пола.

— Ублюдки! — Вдруг заорала она, пинаясь. Она ногами уперлась в обе стены возле прохода и, пружинистыми движениями качаясь взад-вперёд, вопила о произволе. Её кое-как затолкали в одну из комнат и только спустя пару минут за закрытой дверью все стихло.

— Это Нинель, — проговорил Матвей, который тоже наблюдал за ней. — Кажется она подседа на очень сильные наркотики. Видел её вены на локтевом сгибе? Они все синие.

Как-то не подумал плясть на руки ненормальной. Содрогнувшись всем телом, я вспомнил, как мама в истерическом припадке вела себя примерно также. В такие моменты её могла удержать только смирительная рубашка и укол сильного успокоительного. А эта женщина свела себя с ума собственным выбором при помощи наркотиков. Марков говорил о её руках, как, по-моему, весь её вид кричал о не здравости.

Затем мимо нас провели ещё нескольких задержанных, а после появилась она, та самая девушка, которая общалась с хакером. Именно она требовала испортить репутацию Ксюши и обвиняла парня, унижая его.

Регина Афанасьева выделялась на фоне всех арестованных. Она шла по коридору, словно модель по подиуму. Красное бархатное коктейльное платье обтягивало её точёную фигуру, как вторая кожа. Открытые плечи притягивали взгляд к острым ключицам, а собранные волосы в высокую причёску к обнаженной изящной шее.

Она красивая молодая девушка и точно не глупая, как она могла связаться с эскортом? И главное зачем?

Регина дефилировала медленно и каждый её шаг сопровождался мелодичным цокотом каблучков. На руках блестели наручники, но её это совсем не смущало. Она не улыбалась, но шла она с неиссякаемым достоинством. Она мельком глянула на нас и, заметив Матвея, её лицо изменилось. Она оскалилась при виде него и затормозила.

Теперь перед нами стояла не сказочная нимфа, а мстящая человеческая фурия.

— Ну, здравствуй, Матвей, — Регина растянула алые губы в циничной улыбке, обнажая верхний ряд зубов. — Я так долго ждала этой встречи.... Хотя надеялась, что она будет другой. Надеялась увидеть тебя поверженным, в наручниках и злым. — Она цокнула языком и наклонила голову в бок, будто рассматривала экспозицию. Она играла каждым лицевым мускулом и от этого становилось жутко. Вдруг Регина протяжно захихикала и добавила: — Но сойдет и растерянным.

Марков поднялся на ноги и оказавшись выше её на целую голову посмотрел на девушку сверху вниз. Её это не напугало. Наоборот ей понравилось, как он попытался задавить её ростом и телесной мощью. Регина довольно улыбнулась, рассматривая лицо Маркова и готовая выслушать его ответы.

— Растерянным? — Едко уточнил Матвей, играя в предложенную игру. — Вот только тебе не удалось отомстить Ксюше. Она тебя сделала. Ты проиграла, Регина. Снова. Ей даже не понадобилась моя помощь.

Регина покачала головой, будто соглашалась с ним, но её глаза горели насмешкой. Она

резко шагнула почти впрытык к нему и жарко прошептала, что слышали её все.

— Как знать, Матвеюшка. Не только я одна точила зуб на неё. Не удалось мне, так удастся другому причинить боль Малахитовой принцессе. К тому же она сейчас одна без своей королевской свиты. Ха-ха-ха....

Дикий смех девушки раздался на весь коридор. Сотрудник, который сопровождал задержанную, слегка подтолкнул её, чтобы она продолжала движение. Регина же резко замолчала и оглянулась на него. Колкий взгляд сменился на обещающий, после чего она сложила губу и смачно причмокнула, имитируя поцелуй. Сотрудник не ожидал такой внезапной смены поведения, от чего даже слегка опешил, но его подстраховал коллега. Уже вдвоем они подхватили Регину под обе руки и грубо повели дальше по коридору.

Девушка откинула голову и снова дико загоготала, а затем со злостью крикнула:

— Все таки я стала шлюхой! Снимаю с головы шляпу, маманя, ты оказалась права! Я — Шлюха!

Регину увели, но отзвук её дикого смеха ещё долго звучал в моей голове. Почему-то в глубине души мне стало жалко этого человека. Она не хотела стать такой, но и не смогла противостоять злу, которое прячется в сердцах каждого.

Матвей заторможено пялился в закрытую дверь, за которой скрылась Регина. Я встал и чуть резче, чем хотел, толкнул его.

— Ты что-нибудь понял из её слов? — Спросил я у очухавшегося Матвея.

Он не успел ответить, в этот момент к нам подошёл Валентин Яковлевич, чтобы отвести нас в помещение для наблюдения. За обратной стороной зеркала Гезелла сидела Нинель. На её плечах висел толстый плед, но ей он не помогал. Она дрожала всё сильнее, непроизвольно дробя каблуком, а также хмуро, но почему-то без страха, пялилась на Германа.

— Воровицкая Нинель, — формально проговорил ФСБ-шник. — Вы арестованы за организацию притона для занятия проституции и употребления наркотических средств, за создание и реализацию порнографических материалов, а также... — Герман глубоко вздохнул и отложил бумаги. Он сокрушенно глянул на изможденное тело арестованной и спросил. — Может, для начала объясните один момент. Вы ведь богатая женщина, зачем вам организовывать Сатифекшн клуб, тем самым нарушая множество законов УКа?

— Я это сделала не ради денег..., — прохрипела она, кутаясь в плед.

— Тогда для чего?

— Так наркоту получать проще, — рассмеялась она, а потом умоляюще спросила. — У вас случаев ничего нет? А то так плохо... Так тело ломит. Хотя бы ма-а-а-аленького, — Нинель большим и указательным пальцем показала примерный размер и скорчила просительную рожицу. — Косячка....

Сочувственное выражение исчезло с лица Германа. Теперь он презрительно рассматривал закоренелую наркоманку, иронично хмыкнув и отрицательно покачав головой.

— Отвечайте на вопрос, — жестко проговорил он. — Тогда к вам придёт доктор и прочистит ваш организм, чтобы вам стало капельку лучше.

— Да нахрена мне сдался здоровый организм, — рывкнула она, ударив по столешнице. Наручники громко лязгнули в полупустой комнате, но задержанную это не успокоило. Она, шатаясь, поднялась и нагнулась к Герману, чтобы прокричать ему в лицо. — Я! Хочу! Кайфануть!

В допросную забежали двое офицеров. Они вновь усадили сопротивляющуюся женщину и некоторое время удерживали её, опустив огромные руки на худые плечи. Плед спал с неё,

обнажая болезненную худобу и красные пятна от частых расчёсов. Когда она успокоилась, Герман кивком отпустил помощников. Он пододвинул к себе файлы и продолжил допрос:

— Нинель В....

— Просто Нинель. Я ведь не старуха какая-нибудь, — с пошлой улыбкой промурлыкала она и закинула ногу на ногу.

— Зачем вы организовали клуб?

— Фактически, — протянула Нинель и взмахнула рукой. — Не я его организовывала. Мой деверь имел старые связи, а мой муж не хотел заниматься этой фигней. И я бы тоже отказалась, если бы... не она.

— Кто она?

— Регинка, — прошипела её имя Нинель, зацикливаясь на одной точке на столе. — Когда-то давно.... она провалилась в каком-то конкурсе. Вроде бы. По крайней мере то что я помню из нашего разговора, когда мы с ней как-то вмазались. У-у.... Она рассказывала, что после такого позора её репутация сильно подпортилась в модельном бизнесе. А у бедняжки кроме красивого личика ничего и не было. Училась она плохо. Делала ставку на внешность. Тогда-то она и связалась сначала с эскортом, а затем стала оказывать доп услуги. Вот однажды она и стала очередной шлюхой моего мужа. В тот год моего деверя почти посадили, хих. Ему даже пришлось притворяться законопослушным гражданином. Поэтому ему пришлось предложить мне создать особый клуб удовольствий. Я сначала отказывалась. Нахрена мне такой геморрой на мою тощую задницу. Но Регинка.... Она умеет убеждать....

— Каким образом?

— Мой муж бабник. Ему нравится трахать баб. И чем чаще меняется личико, тем лучше. Регинка в тот момент уже поднадоела ему. Поэтому она понимала, что её дни сочтены. Но эта тварь убедила меня, что возможно следующая шлюха может оказаться умнее и увести моего мужа. Поэтому я организовала этот клуб и повелась на обещания деверя.

— Так почему же? — Не понял её Герман.

— Лучше мой муж трахает моих девок, — рявкнула Нинель, вновь яростно ударяя по столу. — Мною проверенных девок, чем левых баб, которые могут увести его и лишит меня денег.

— Хорошо, с этим разобрались. А какая роль у Хрусталеvского Анатолия? — Спросил её Герман.

Нинель устало вздохнула и со скучающим видом надула губы.

— Он занимался отмыванием денег через агентство «Малахитовая кошка». А ещё...? А ещё он искал новых девок и милых пацанчиков. На них в последнее время тоже появился спрос. Многие соглашались, когда проваливали испытания у Бахтамян или Малаховой. Они те ещё строгие стервы; искали таланты, а не продажных неумех. Вот он их и обрабатывал, а затем приводил к нам.

— Ануш Бахтамян узнала, что Хрусталеvский мошенничает со счетами?

— Не знаю, — с детской непосредственностью подняла и опустила плечи Нинель. — Но в какой-то момент он прибежал и стал делиться, что Ануш изменилась. Регинка тогда отвела его и убедила, хэ-хэ, что стать вдовцом удобнее, хэ-хэ, чем рисковать делом. Говорю же, у неё талант, — проникновенно проговорила она и медленно добавила. — Убеждать....

— Как он это сделал?

— Это лучше спросить у Регинки, — быстро ответила Нинель и попыталась откинуться назад, но из-за отсутствия спинки у табурета чуть не упала. Она недовольно оглянулась и

облокотилась на стол. — Я мало что знаю. Могу только рассказать, как мой муж провозил наркоту через границу и как деверь управлял всеми делами за бугром.

— Почему вы всё это рассказываете?

— Я схожу через пару месяцев. Поэтому мне нужна наркота, чтобы боль проходила. Хотя бы на пару часов.

— К вам придёт доктор, — пообещал Герман. — И ещё вопрос, где Анатолий? Его не было в клубе. Он обычно присутствует на вечеринках?

— О да..., — улыбнулась воспоминаниям Нинель. — Он самый жестокий клиент из всех. Он обычно выбирал самых гордых или самых опытных, а потом делал из них мясо. Поэтому он заприметил Рейвен. Он хотел подарить её моему деверю. Такому же садисту, как и он. Они вроде бы так и познакомились.

— Так где он? — Повторил вопрос Герман.

— Улетел... дня три тому назад, — она сфокусировала взгляд на мужчине и со смешком продолжила. — Хочет обуздать самую норовистую кобылку. Хочет обуздать самую гордую сучку, которая всегда смотрела на него свысока.

Слова безумной вызывали смешанные чувства. Потому что подсознательно мы понимали кого имела в виду Нинель, обзывая норовистой кобылкой и гордой сучкой. Только одного человека она могла так назвать.

Я глянул на Матвея, который с выпученными глазами сжимал телефон. Он повторял дозвонки на выключенный смартфон, но становилось только хуже. Потому что липкий страх облеплял сознание, лишая его кислорода. Он мешал думать и нормально соображать.

Ксюша в опасности. Только она смотрела на Хрусталева свысока. Именно поэтому Регина спокойно отнеслась к тому, что её месть не удалась. Потому что объект её ненависти мог пострадать сильнее от руки другого человека.

— Давай ты тоже позвонишь ей ещё раз, — глухо проговорил Матвей, повторяя вызов.

Кивнув, я достал телефон и тоже набрал Ксюшу. Но вместо неё ответил женский голос, который уведомлял, что абонент выключен или не в зоне действия сети. Раз за разом девушка-робот повторяла одно и тоже из моей и Матвеевской трубки. Надежда медленно таяла, но мы продолжали по очереди набирать номер.

Затем мы вышли из комнаты наблюдения одновременно с Германом из допросной. Он хмуро заметил откуда мы вышли, но промолчал. Он подошёл к нам и со вздохом проговорил:

— Вы еще тут. — Мы кивнули. — Могу сказать, что сейчас выясняется куда улетел Хрусталева. Деверь Нинель и брат Воровацкого успел сбежать во время операции. Но всё перекрыто, так что ему вряд ли удастся выбраться из города. Кстати именно из-за его приезда они так торопились и начали агрессивно втягивать Ксению в свой «бизнес».

Вдруг телефон во внутреннем кармане пиджака Германа зазвонил, и он резко вынул его и прижал к уху. Пару кивков, несколько «И?» и один «Отличная работа!».

— Его взяли, — с искренней улыбкой проговорил Герман.

— Анатолия? — С надеждой уточнил я.

— Нет, брата Воровацкого. Теперь его точно посадят.

Для него Хрусталева мелкий участник в организационной цепи. Ему важнее посадить основного организатора, того, кто представлял большую опасность перед государством и обычными гражданами.

Герман после такой новости незамедлительно ушёл в свой кабинет, даже не думая прощаться. Мы с Матвеем напряженно переглянулись, понимая, что делать тут нам больше

ничего. Сейчас наша задача дозвониться до Ксюши или разыскать её. Хотя была вероятность того, что в данный момент она крепко спит в объятиях своего корейца и ни о чём не беспокоиться. Возможно она больше не захочет возвращаться в Москву и вообще останется с ним в далекой Корее навсегда.

Но даже если так, я должен убедиться: что ей ничего не угрожало и что она в безопасности.

— Чего?! — Вдруг выкрикнул Матвей, и я оглянулся на него. Оказалось, что он с кем-то общался по телефону. — В смысле два дня тому назад она улетела?... Так ещё не известно куда!.. Он приехал сюда?... Без неё?... Он думал, что она вернулась сразу домой.... Что за фигня.... Так, — он глянул на меня и быстро добавил. — Мы скоро приедем в агентство.

— Что такое? — Обеспокоенно спросил я.

Матвей сбросил вызов и со злостью проговорил.

— Ксю два дня тому назад улетела из Кореи. Точнее выписалась из корейского отеля и куда-то уехала. Кван Чу Вон думал, что она вернулась домой, поэтому прилетел к ней, сюда. Но консьерж сказал, что она не дома. Тогда он поехал в агентство и там встретил Марину. — Марков подозвал к себе Валентина Яковлевича и резво шагнул к нему. — Оставайся тут. Когда появится информация, куда улетел Хрусталеvский, сразу же сообщи мне.

Он кивнул, а мы побежали к выходу. Мы сели в автомобиль Матвея, который до этого перегнал безопасник на парковку ФСБ. Марков гнал по дневной Москве, а я мог думать только об одном. Скоро мне придется встретиться с тем самым корейцем. Да, я продолжал беспокоиться о Ксюше, и многое бы отдал, чтобы узнать, где она и что с ней сейчас. Но треклятая ревность пустила в моё израненное сердце свои когтистые лапы и жадно впиалась в него.

У дорогого китайского автомобиля, к счастью, встроены качественные тормоза. Матвей первый в школе обзавелся правами и машиной. Во-первых, потому что в одиннадцатый класс он пошёл уже совершеннолетним, а, во-вторых, его семья спокойно могла приобрести и второй, и третий личный транспорт, поэтому столь дорогой подарок для них казался естественным. Ещё тогда я замечал особую любовь и заботу к автомобилям у Маркова. Он не каждого пускал в салон и тем более не каждого подвозил. Он мог ехать на скорости, но не на предельной. Мне казалось, что он соблюдал правила не ради себя, а ради машины.

Но сегодня этот человек вел агрессивно. Он лихо подрезал других автомобилистов и превышал скорость в не положенных местах. А сейчас он резко затормозил около агентства, после чего припарковался, занимая два места одновременно. На Маркова это было совсем не похоже.

Мы выскочили из салона и не задумываясь с силой захлопнули двери. Нервы у обоих были на пределе, поэтому таким образом хотелось хоть как-то выпустить пар. Уже в лифте Матвей ослабил и даже тихонько хохотнул в прежней (бесящей меня манере):

— Даже интересно, сколько я сегодня заработал штрафов. Может ставки поставим?

Он кинул на меня насмешливый взгляд.

— Мне это не интересно, — степенно ответил я. — Хотя не понятно, чего тебе об этом беспокоиться. Ведь никто тебя не будет этим попрекать.

— Кто знает... кто знает....

Снова его странный и малость безумный бубнеж. Я скосил на него взгляд. Он пялился в потолок с глупой ничего незначащей улыбкой. Неприятное чувство дежавю свербело где-то внутри. Казалось, что Марков знал какой-то секрет, который мне о-очень не понравится. Он

это понимал, и будто предвкушал, как яотреагирую, когда узнаю.

Что это за секрет? И почему Марков вел себя так предвкушающе и ожидающе?

Я уже в открытую пялился на него, пытаюсь разгадать загадку. Но лифт приехал, и Матвей вальяжно улыбаясь пропустил меня вперёд. Я сильно нахмурился. Потому что его поведение напоминало подмазывание. Неужели он подмазывался? Так ещё ко мне?!

Проходя мимо, я всматривался в его лживый взгляд, который совсем не вызывал у меня доверия. Что он мог скрывать? Я уже раскрыл рот, чтобы откровенно расспросить его, но из комнаты отдыха вышла Марина.

Увидав нас, она замельтешила и затараторила:

— Вы здесь! Наконец-то, быстрее-быстрее, заходите, — Мы проследовали за ней и вошли в комнату, где находились двое: Денис и явный представитель азиатского континента. Видимо тот самый Кван. Заметив нас, он слегка приветственно поклонился, после чего ненароком заострил всё внимание на мне. Но тут громко заговорила Марина, и мы все посмотрели на неё. — Я уже позвонила некоторым знакомым, с кем Ксюша могла встретиться или к кому отправиться. Но никто не видел её и даже не слышал про её отъезд дальше Кореи. То есть все знали, что она улетела в Сеул, а куда дальше она отправилась — никто. А если её похитили? — Испуганно замерев, она прижала руки к щекам.

— А смысл? — Бесстрастно спросил Денис. — Отомстить? Или для выгоды? Если для выгоды, то уже кому-нибудь прислали бы условия. К тому же если бы её похитили, то вряд ли бы вывезли из Кореи. Всё же похищенного человек сложнее перевести через границу.

Все повернулись к Кванджону, и Матвей на свободном английском описал ситуацию. Кореец отрицательно покачал головой и заговорил на английском с явным корейским акцентом.

— Мои люди оповещены. Они начали искать её как только я узнал, что она не возвращалась в Россию. Если она в Корее, то они мне сообщат.

— А если Ксюша сама куда-то отправилась, — вдруг сказал Матвей. — То кому бы она позвонила в первую очередь?

— Мне и тому, кто передаст мне, — быстро ответила Марина. — Но мне никто не сообщал.

— Но нам сегодня сказали, что Женя саботировала некоторые звонки. Могла ли Ксюша позвонить ей, но она не стала передавать тебе её звонок.

Марина выпучила глаза, раздумывая над ответом, а потом медленно кивнула и опустилась на кресло. Её взгляд стал опустошенным и потерявшим всякую надежду.

Кореец спросил Маркова о чём мы говорили, и тот ему перевел. Тогда Кван достал телефон и быстро набрал кому-то сообщение, а затем объяснил на английском, что он сделал:

— Попросил найти списки вылетевших за последние дни из Ичхона. Если она сама куда-то полетела кроме России, то мне сообщат меньше чем через час. В отеле сказали, что она попросила такси, но не сказала направление. Я сначала подумал, что она просто захотела переселиться в другой отель. Но Ксению никто не видел и не регистрировал в ближайших в Мёндоне отелях.

— Был ещё один человек, которому она звонила, когда её планы менялись, — на русском глухо проговорила Марина. — Консьерж дома.

Она достала телефон и набрала номер, а мы расселись вокруг кофейного столика. На стеклянной столешнице стояли закуски, высокий кофейник и прозрачные кружки. Матвей

единственный потянулся к закрытым бутербродам и выбрал самый высокий из всех. Он с наслаждением откусил, а затем вдобавок к моему бешенству налил себе кофе, не забыв про три ложки сахара. К его счастью, рядом сидел что-то жующий Денис и задумчивый кореец. К тому же пристальный взгляд Квана отвлекал меня от жрущего Маркова.

Нас никто не представил друг другу. Но казалось, что этого и не требовалось, — мы и так знали, кто мы и почему здесь находились.

Наши взгляды схлестнулись. Внешне никто из нас не показывал истинные чувства. Мы напоминали мраморные изваяния, которые замерли в выбранном миге творца. Никто не видел, что скрывалось под твердым мрамором внутри, и только мы знали — что.

Разница в менталитете и в социальном статусе не касается чувств человека. Тем более если это касалось мужчины, который чувствует соперника, ревнуя к нему свою женщину.

Наша враждебность — это животный инстинкт самца, который не искоренить ни общественными нормами, ни цивилизованными порядками. Это то, что делает человека ближе к зверю, чем к иллюзии современного человека не наделенного инстинктами.

Неожиданный толчок выбил меня из равновесия. Со свирепым видом я оглянулся на пихнувшего меня Матвея, который невозмутимо продолжал заталкивать в себя остатки бутерброда. Он даже не покосился на меня, чтобы узнать мою реакцию. Он продолжал жрать, когда специально пихнул.

Вот же.... Снова бесил меня, словно школьные дни вернулись спустя много лет. Из-за нашего роста нас часто отправляли за последние парты. Я столько лет видел, как этот поганец раскидывал руки и ноги, будто весь класс принадлежал ему. Вот и сейчас он сидел и молча жрал, при этом он успевал бдеть за всем и каждым, не упуская ничего из виду.

Как же меня это бесило тогда, а сейчас вдвойне. Надеюсь в скором времени он пропадет из моей жизни, и когда-нибудь я навсегда забуду, как его зовут.

— Так, — громко сказала Марина, привлекая мужское внимание. — Консьерж рассказал, что тот, кто общался с Ксюшей, сделал пометку, что она задерживается. Его зовут Иван, и сейчас мне скинут его сотовый телефон, чтобы мы с ним связались. Вот и оно.

Она продолжила с цокотом длинных ногтей тыкать по экрану, в то время как я смог свободно выдохнуть. Ксюша знала, что задерживалась. Она просто куда-то уехала. Возможно захотела побыть одна и дожидаться окончательного разрешения проблем в Москве.

— Доброе утро, — проворковала Марина с улыбкой. — Я, Марина Рубина, заместитель Ксении Малаховой. Да-да.... Она не смогла дозвониться до меня и сообщить, куда она отправилась и когда вернется.... Да-а, вы знаете, куда она уехала?

Марина нахмурилась, видимо Иван находился где-то в шумном месте, потому что ей приходилось несколько раз просить его повторить. Но вдруг зазвонил телефон и Матвея. Он отложил недоеденный бутерброд, вытер пальцы о белоснежную салфетку и ответил на звонок. Маркову позвонил безопасник. Сначала разговор шёл тихо, но затем резко перешёл на повышенную тональность.

— Куда улетел этот ублюдок? Куда?! — Взревел Матвей.

Такой же звук с другого конца комнаты издала и Марина. Она даже несколько раз повторила вопрос, чтобы убедиться, что расслышала правильно: — А вы уверены?

После чего они одновременно отключились от звонка и опустили трубки, а затем синхронно проговорили: — Эфиопия.

Мне это ни о чём не говорило. Я глянул на Квана, который тоже половину не понимал, но всё же страну Эфиопию признал. Возможно это как-то связано с благотворительным

проектом Ксюши. Ведь она долгое время восстанавливала деревню где-то в глубинке Африки. Тем более она могла захотеть полететь туда из Кореи, чтобы отвлечься от проблем. Но как с этим связан Анатолий?

Хмуро рассматривая взволнованных присутствующих, я жестко потребовал:

— Может расскажите подробности?

— Ей пришло письмо, в котором говорилось о пожаре в деревне. Иван прочитал ей, и затем Ксю попросила присмотреть за квартирой. Думаю, она полетела туда, — глухо начала Марина.

— Пять дней назад, — подхватил Матвей, откладывая телефон на столик. — Анатолий улетел в Аддис-Абебу и после этого его сигнал пропал. Поэтому где он конкретно никто не знает. Из-за него теперь ФСБ-шникам придется подключать Интерпол.

Все затихли.

Вероятность совпадения — минимальна. Надо срочно туда лететь, чтобы вытащить Ксюшу. Я уверен, что она сейчас находилась в опасности. Но как я мог ей помочь? В силах ли я преодолеть километры и найти человека в безлюдье? Конкретно у меня нет ни ресурсов, ни возможностей, чтобы даже узнать, где находилась та деревня.

Краем уха я услышал, как Матвей быстро перевёл ситуацию корейцу, который заметил сгустившуюся напряженность после звонков. Пока я внутренне самоуничтожался, Кван набрал номер и на корейском приказным тоном что-то сказал. Он оглядел всю комнату и предложил свой план.

— Я отправляюсь в Эфиопию. У меня остались координаты деревни. Нужно убедиться, что Ксения, — он замедлился, когда произносил её имя, но затем сурово закончил. — В безопасности. Марина, вы останетесь в агентстве, потому что вдруг она вернется. Вдруг консьерж ошибся. Хотя мне только что сообщили, что Ксения действительно полетела в Аддис-Абебу через Дубай. Но ситуации могли сложиться разные. Возможно в Дубае произошла задержка или ещё что-нибудь. Мои люди как раз проверяют этот случай. Матвей....

— Я остаюсь в Москве, — быстро перебил его на английском Марков, оглядывая нас. — Мне нужно вытащить из приюта сына Ксюхи.

— Адыль? — Переспросил кореец, случайно перейдя на родной язык, но секунду спустя уточнил уже на английском. — У неё есть сын?

И почти мимолетный взгляд на меня. Неужели он решил, что я причина неожиданного появления сына у Ксюши? Хмыкнув, я проигнорировал его и, посмотрев на остальных, проговорил на русском.

— Я полечу с ним.

Марина переглянулась с Матвеем, а Денис что-то пробубнил себе под нос. Но отговаривать меня никто не стал, поэтому Марков перевёл корейцу мои слова. Кван согласно кивнул и встал, сказав, что пора отправляться за вещами, а затем в аэропорт.

Я тоже встал, но никуда не пошёл. Уставившись на Маркова, я понимал, что мне придется кое о чём его попросить. Потому что как бы он меня не раздражал, но он единственный человек в Москве, которого я знал больше года.

— Матвей, — осторожно начал я, от чего тот поперхнулся. — Присмотри за моей сестрой и дочерью. Только....

Марков от неожиданности встал и с распахнутыми глазами глупо заулыбался. Мне пришлось угрожающее зарычать и ткнуть в него пальцем, но Матвей в ответ только махнул

рукой и смиренно добавил:

— Не волнуйся, Глеб. Я присмотрю за ними, как за собственной семьей.

С возрастающим сомнением мне пришлось отступить. Нужно спешить на самолёт, а Матвей хоть и поганец, но намеренно не станет обижать моих девочек. И хоть Люся бесспорно способна постоять за себя и за Ксютку, но я продолжал волноваться о них. Вдруг кто-то связанный с делом ОПГ захочет навредить им. Уж от этого Марков в состоянии обеспечить их защитой.

Мы с корейцем молча спустились на лифте. Внизу нас уже ждал мини-лимузин. Шофёр открыл для Квана дверь, а я быстро обошёл с задней стороны и сел сам. Я набрал в картах смартфона свой адрес и передал его корейцу.

Лимузин завелся, и мы отправились сначала к моему дому. Там я собрал минимум одежды и забрал загранпаспорт. По дороге до дома я узнал, что Эфиопскую визу можно сделать в самом аэропорту Аддис-Абебы. Так что беспокоиться, что меня не впустят в страну оказалось лишним.

Затем автомобиль отправился в отель, где зарегистрировался Кван. Там к нам сел, уже ожидающий нас, ассистент с собранным чемоданом. И только после этого мы приехали в Московский аэропорт, подъехав непосредственно к трапу частного самолёта.

Я в принципе редко летал, а уж в такой роскоши подавно. Она меня мало интересовала. Хотя, конечно, я стремился к постоянным деньгам в необходимом для хорошей жизни размере. В том смысле я всегда радовался мелочам и не стремился к золотым вершинам, где дорожка выкладывалась бы драгоценными камнями. В детстве я мечтал о стабильной жизни, где можно купить качественные продукты и в том объеме, в котором хотелось. Сейчас меня радовало, что я могу дать дочери и сестре чувство безопасности в завтрашнем дне.

И мне казалось, что этого достаточно.

Но я никогда не задумывался, а что для Ксюши являлось нормальной жизнью? Мы вообще одинаково смотрели на список необходимых нужд или я обманывался на этот счет. Может быть Ксюша на самом деле всю жизнь стремилась и до сих пор жаждет получить вот такую жизнь? Где нет границ для желаний, а прихоть равнозначна мечте. Потому что Кван способен исполнить всё, ради довольного вида Ксюши.

Сев на свободное место, я задумался о мрачном. Мысли спутывались, образуя комок из нервов и переживаний. Неожиданно напротив меня уселся кореец. Он выглядел холодным и степенным в превосходно сшитом у личного портного костюме. (По крайней мере я так думаю, что на него работает личный портной). Кван казался тем, кто всегда получал желаемое.

Вот только я во всяком случае считал, что это ложь. Выдуманная сказка, чтобы возвеличить богатых, и тем самым выстроить прочные границы между ними и бедными. Поэтому я не завидовал богатству знакомых, хотя иногда меня посещало отчаяние и злость из-за денег.

Ведь если так подумать, то никто не может гарантировать, что кто-то всегда будет получать желаемое. А деньги не всегда решение всех проблем, хотя с ними действительно проще смотреть на сложившуюся ситуацию. Вот только иногда жизнь способна столкнуть нас в яму с таким количеством дерьма.... Что как бы ты не прыгал, как бы не старался, — нельзя из дерьма взбить сметану и выпрыгнуть из горшка. Приходится искать другие пути, не всегда желаемые или красивые.

К нам подошла миловидная стюардесса-корейка. Она принесла нам напитки и что-то с

поклоном прошептала на корейском. Кван кивнул ей и взмахом руки отправил восвояси. После чего снова уставился на меня, как тогда в агентстве Ксюши. Он будто задался каким-то вопросом и пытался найти во мне ответ.

— Ты говоришь по-английски? — Наконец-то спросил меня кореец. Но я опять проигнорировал его вопрос. В мои планы не входил душевный разговор с возможным будущим мужем Ксюши. Мне претила сама мысль слушать, как они счастливы. Хотелось побыть невоспитанным эгоистом и обезопасить своё сердца от вероятных страданий. — Вижу, что да, — продолжил кореец, каким-то образом догадавшись про мой обман. — Ты другой. Ты отличался от них. Они волновались за Ксению, но как друзья. А ты... Я чувствую, что ты и есть та самая причина. Неизвестный показатель. Из-за тебя Ксения прилетела ко мне в Корею. Ты и есть причина, почему она отказала мне. Ты мой соперник. Но я признаю только честную борьбу. Только чистую победу. Ксения должна показать, что действительно любит тебя, что другой для неё не существует. Либо принять тот факт, что я не отступаю от ухаживаний после первого отказа.

На этом он замолчал и закрыл глаза, откинувшись на кресле.

Я же отвернулся к окну, пытаясь скрыть широченную улыбку.

Ксюша отказала ему. Она. Ему. Отказала.

Огромная волна облегчения прокатилась во мне, а следом за ней меня накрыла вина. Как я только посмел подумать о ревности, о соперничестве и любовном выборе, когда на кону безопасность Ксюши.

Затем я не заметил, как закрыл глаза и проспал до посадки в аэропорту Аддис-Абебы.

POVКсения

Звук оглушил меня.

Я, истошно крича, упала на колени и прижала руки к ушам. Новый взрыв сильнее вдавил меня в землю. Я чувствовала, как вместо крови по моим венам побежал страх. Инстинкты орали спастись. Все мои чувства велели мне встать и бежать. Неважно куда, но подальше от этого места. Вот только я не могла. Я закрыла глаза и заткнула уши, чтобы не видеть убийцу и не слышать автоматную очередь.

Впервые в жизни я отказывалась смело смотреть вперед.

Впервые я трусливо сжалась на земле, боясь поднять голову.

Стрельба продолжалась. Запах гари неукоснительно пробирался в нос. А зажмуренные глаза, будто продолжали видеть всё то, что я не хотела. Вдруг раздался боевой клич. Вздвогнув всем телом, я сильнее зажмурилась. Где-то рядом повторялись боевые вопли племени. Выкрики сопровождалась с мощными ударами кулака о плоть.

Набравшись немного смелости я подняла голову. Сознание до сих пор туманилось, звуки казались искаженными, а свет будто стал чуть мутнее, чем должен быть. Но кое-что я всё же успела заметить. Последний удар с победным криком и последующий предсмертный вздох.

Тот, кто недавно выводил меня из хижины и с беспощадным взглядом пялился на меня, лежал на боку. Его глаза также ярко мерцали в сгустившейся тьме, но иначе. Теперь в них не отражались эмоции. Они стали стеклянными, безжизненными и опустевшими. Я беспомощно замерла, глядя на мертвого человек и не замечая другого — живого. Он оглянулся, быстро осматривая пылающую деревню, а затем неукоснительно двинулся ко мне.

Я не замечала его, но как только он приблизился, то с ужасом осознала, что произошло. Только что этот человек убил другого. Он совершил убийство. Он... Страх завладел мной. Когда чужие руки потянулись ко мне, я дернулась от него. Вместо шока, я наконец-то начала бороться. Он схватил меня за плечи и крепко сжал, а я пыталась ударить его ногой в колено. Я хотела крикнуть, когда он сильно встряхнул меня и позвал.

Голова, словно на шарнирах откинулась назад, а затем вперед. Мысли разлетелись в разные стороны, а страх слегка отступил. Я смогла разглядеть человека, который только что меня... спас.

Я его знала. Знала. Знала!

Он был тем, с кем я обсуждала планы развития. Он один из приближенных мужчин к старейшине деревни. И я его точно знала.

Он снова взгляделся в меня, словно хотел убедиться, что я могу трезво мыслить и действовать. Затем он с легкостью поднял меня с колен и поставил, а после быстро заговорил на амхарском. Я слушала его и ни слова не понимала, будто никогда не учила этого языка. В ответ я мотала головой и тряслась всем телом.

Но мужчину это не останавливало. Он снова крепко схватил меня за плечи и со всей силы тряхнул, что даже ряды зубов стукнулись друг о друга. Моя голова чуть не слетела с плеч, но зато я смогла расслышать и понять чужие слова. Я признала своё имя с амхарским акцентом, а также «сет лге» — дочь.

— Лемеисед сет лге, — снова прозвучала просьба из уст мужчины, а затем на моих руках появилось чужое маленькое теплое тельце.

Маленькие ручки крепко обхватили мою шею и испуганно задрожали. Я опустила взгляд и с недоумением уставилась на темнокожую малышку. Она прятала лицо в воротнике расстегнутой рубашки.

— Ругу, — вдруг закричал мужчина и подтолкнул меня в лес. Я продолжала стоять, невольно не понимая, чего от меня хотели. Но в спину вновь прилетел жесткий приказ. — Ругу! Ругу, Ксения!

В этот раз всё изменилось. Мозгами я не понимала, что мне нужно делать. Но тело... инстинкты взяли над ним вверх.

Прижав крепче к себе малышку, я побежала вперёд в лес. Вокруг кружила тьма, но она не останавливала меня. В сумерках я могла скрыться, а на свету — нет. Поэтому я продолжала бежать больше ни оглядываясь и ни думая, делая только одно возможное действие.

Бежать. Бежать. Бежать!

В моём теле словно оказался дополнительный источник силы. И имя ему — страх. Он заставлял меня ни тормозить, ни даже дышать.

Девочка молча прижималась ко мне, не хныкая и не плача. В моих силах было только держать её и надеяться, что в нас никто не попадёт. Я слышала, как где-то там участилась автоматная очередь. Она то затихала, то вновь появлялась. Мне казалось, что за нами отправилась погоня. Но я не рискнула останавливаться или хотя бы оглядываться.

Я просто продолжала бежать. Передвигать ногами, прижимать ребенка к груди и изредка дышать.

Меня смогло остановить только солнце, которое медленно начало подниматься из-за горизонта. В изнеможении я упала на колени и тяжело задышала. Рассвет озарял местность и тягуче тянулся ко мне. Взгляд зацепился за розоватые проблески в небе, а теплые лучики тем временем впервые ласково прикоснулись ко мне. Девочка жалобно пискнула, и я, будто только проснувшись, оглянулась.

Что это было? Почему я была в полнейшем тумане и только сейчас смогла осознать происшествие? И главное, что мне сейчас делать?

Делая глубокие вздохи, чтобы быстрее отойти от длительной пробежки, я трезвым взглядом уставилась на ребенка. Трехлетняя малышка сидела на моих коленях. Её поцарапанные ручки и ножки успели покрыться корочкой. С заплаканными глазками она испуганно уставилась на меня.

— Сымиш ман ноу? — Проговорила я, желая узнать имя девочки.

Но она только покачала головой и закрыла разбитыми ручками лицо. Её некогда светлое платье испортилось от грязи и капель крови. Короткие кудряшки торчали в разные стороны. А кожаные сандалики были неправильно застегнуты.

На себе же я нашла неглубокие царапины на ладонях и коленях, синяки на плечах и боках и одну кровоточающую рану на икроножной мышце. Я недавно её получила, когда задела ветки шипастого куста, мимо которого пробегала. Голова, к счастью, цела, но при этом она продолжала гудеть, словно в ней застряла шальная пуля.

Мы остались в живых и к тому же достаточно целы. Оставалось выбрать дорогу и принять решение, что делать дальше.

Ощупывая себя, я обнаружила поясную сумку. Всегда, когда я раньше приезжала в

Эфиопию, то брала похожую, чтобы складывать мелкие, но важные вещи. Во время пересадки в Дубай я по привычке купила телесную и очень маленькую сумку. Но впервые я пожалела, что для меня важным оказались паспорта (родной и заграничный), банковская карта и местной валюты наличность, а не аптечка, рация или хотя бы вода.

— Считала важным, — с усмешкой проговорила я, закрывая сумку. — Но это нас сейчас не спасёт.

Задумавшись, я провела по спутанным волосам. На деньги я могу купить еды, воды и билет до Аддис-Абебы. Но, чтобы что-то купить, нужно сначала дойти до людей. Для этого сгодится любая местная деревня. Но получится ли мне её найти? Человеку, который не ориентировался в этой местности.

Страх подгонял, мешал думать и сосредоточиться. Мы могли с девочкой остаться в тени дерева и дожидаться помощи. Но я боялась задерживаться на одном месте. Мне казалось, что нас до сих пор преследовали. Поэтому, как только отдышка более и менее прошла, я тяжело подняла малышку на руки и пошла дальше. Не зная дороги, я пошла в никуда.

Босой, в майке, в шортах и в легкой рубашке под палящем солнцем, а также без оружия и без воды, я могла надеяться только на чудо, что дойду до людей.

Сделав пару шагов, я решительно сняла с себя рубашку и кое-как разделила её на две части. Сначала я оторванным лоскутком завязала подобие банданы на голове малышки, а затем повторила то же самое и себе. Вздохнув, я подкинула ребенка на руках, чтобы взять её поудобнее и после этого отправилась в путь.

Лес закончился. Начиналась пустошь с высушенной землей. Это не плодородное поле и не мертвая пустыня. Скорее безмолвное место, которая пугала не меньше напавших на деревню людей. Сухая горячая земля обжигала подошву голых ног. Жаркий воздух с летающей вокруг пылью резал глотку при каждом вздохе. Солнце пекло, хотя оно ещё не находилось в зените.

Но я упорно продолжала передвигать ноги. Впереди виднелась тень лесного массива. Там было больше зелени и деревьев. Один его вид придавал мне сил. Я шла, то иногда ускоряясь, то снова замедляясь. Мне начинал мерещиться прохладный ветерок, но лес будто бы не приближался. А наоборот убежал, не забывая кокетливо помахать кроной деревьев.

Земля сильнее жгла ноги. Каждый шаг наполнял меня болью. Я хмуро сжимала зубы и крепче прижимала к себе девочку. Перед глазами начинали появляться круги, а движения стали шаткими.

Я думала, что не дойду. Что я упаду вот здесь, после чего африканское солнце окончательно сожжёт мою кожу. Но нет. В какой-то момент я почувствовала как ноги коснулись прохладной травы, а тень накрыла меня. После чего я измождено упала на колени, тяжело опустив ребенка с затекших рук. Пересушенная кожа губ треснула, когда я пыталась языком увлажнить их. Плечи горели так же сильно, как и подошва ног. Меня будто жарили на сковороде с обеих сторон. Горло першило от сухости. А мышцы окаменели от долгого пути.

Сумею ли я добраться до деревни? А до воды?

Усталость брала своё. Теперь даже страх не мог придать мне сил. Я медленно присела рядом с девочкой, когда послышался шорох. Ноги не слушались, поэтому я только схватила девочку и накрыла её своим телом. Мы истощены. Мы не сможем убежать от врага. Шум приближался. Я прислушивалась к нему. Страх больше не было. Его спалил местный жар. Именно поэтому я смогла заметить странность. Звуки шагов казались другими. Не стройный

ход отряда, а шаркающий и такой же напуганный, как у меня.

Подняв голову, я заметила перепуганных детей из спаленной деревни. Не только я спаслась, но и другие.

Выживших было двенадцать, среди которых оказался только один взрослый. Хотя о чём я. Разве от того, что семнадцатилетнюю девушку выдали замуж, и она сразу забеременела — сделало её по-настоящему взрослой. Я видела её в деревне и даже была на свадьбе год назад. Теперь же она беременная первенцем находилась на сносях, тяжело дышала и устало вытирала струящийся по лицу пот, придерживая огромный живот. Бехати, так звали девушку. Она изначально была женой старшего внука старейшины, но он умер. Поэтому она перешла в наследство второму внуку, который как раз достиг половой зрелости. Именно Мати (подросток для нас, но взрослый для деревни) вывел детей и свою беременную от брата жену.

С ними находились четверо детей примерно двенадцати лет, которые держали детей ещё младше. Среди них даже оказался младенец не больше года, двое трехлеток и ещё две пятилетки.

Мне сказали, что девочку, которую я несла, звали Камали. Она продолжала цепляться за меня, её не успокаивала близость знакомых людей.

Мати, первым узнал меня, потому что он часто просил меня учить его языку. Он, как раз и рассказал мне всё, что с ними произошло. Как он и его друг (того же возраста) вывели детей, каких успели найти. То, как его отец и дед остались в деревне, надеясь спасти хоть что-нибудь. И то, как они столкнулись с одним из убийц, но кто-то из мужчин отвлек его.

Мати сбивчиво рассказывал, иногда переходя с английского на амхарский. Он, как и другие, очень обрадовались мне, надеясь, что я смогу им помочь. Но мой телефон сломался ещё до прилёта в Эфиопию, а мои друзья возможно даже не знали, где я.

Моё печальное лицо говорило громче любых слов, что со мной их шансы выжить не повышались. Мати всё понял, поэтому устало присел и потерянно оглядел вверенных им людей. Теперь он, как внук старейшины, к тому же вступивший в брак, становился старшим. Он обязан спасти их всех. Но он до сих пор оставался ребенком, который только входил во взрослые года и учился делам старшим.

— Мати, — я с трудом встала и отвела его в сторону, заговорив на амхарском. — Нам нужно дойти до деревни. До любой. Ты знаешь, где находится ближайшая.

Потерянный вид сменился на задумчивый. Он осмотрелся, вспоминая дорогу, и кивнул.

— Хорошо, — обрадовалась я. — Но сначала нам нужно найти что-нибудь поесть и попить. Мы все устали и нам не мешало бы отдохнуть. После чего мы все отправимся в путь.

Мати сначала смиренно кивнул, но затем нахмурился и уставился на мои обгоревшие плечи, которые скорей всего начали шелушиться, и покрасневшие ноги.

— А вы сможете? — Уточнил он, с сочувствием глянув на меня.

— Я должна. Не хочу умирать, даже не попытавшись спастись. К тому же, — я посмотрела на безоблачное небо. — Ведь ещё дождливый сезон не закончился. Может быть нам повезет и пойдет дождь.

— Тут вы не правы, — грустно ответил Мати. — Если вернуться дожди, а мы не дойдем до деревни. То скорей всего погибнем. Здесь дождь опаснее жары.

Переваривая услышанное, я вновь посмотрела на безоблачное небо, которое таило в себе не меньшую опасность, чем люди на земле.

Мы вернулись к нашему импровизированному лагерю, где Мати забрал с собой детей по

старше, чтобы найти еды и воды. У мальчишек с собой оказался один небольшой кожаный бурдюк. Поэтому мы немного поели, отдохнули в тени леса, и только ближе к вечеру мы поднялись, чтобы снова отправиться в путь.

**

Следующие два-три дня будто слились воедино. Жара притупляла сознание, а усталость и жажда окончательно добивали меня. Ребята находили разные ягоды и сочные плоды, но воды не хватало на всех нас. Но хуже всех чувствовали себя младенец и беременная девушка. Почти годовалый ребенок глядел на меня голодными глазками, заставляя меня не сдаваться. Бехати же с каждым часом шла всё медленнее, после отдыха поднималась самой последней, а пот с её лица стекал, словно водопад Тис-Аббай на Голубом Ниле. Я беспокоилась о ней, что она упадет из-за обезвоживания, но и помочь ей никак не могла.

Мати вел нас к чистой реке, где мы сможем напиться, а затем до деревни нам останется идти не больше двух-трех километров. Это радовало, но это так же не мешало думать о нападающих. Кто в тот вечер напал на деревню? Неужели соседние жители? А если они, то не шли ли мы в новую ловушку? А если это наемные убийцы устроили ловушку в Шеке? Вдруг они напали не из-за деревенских разборок, а потому что ждали кого-то конкретного? Например, меня.

Страх заставлял напрягаться, когда где-то вдалеке слышался мотор. Из-за страха я с трудом закрывала глаза. Страх действительно менял людей. Потому что до этого я не думала, что настолько пуглива.

Неожиданно за спиной послышался протяжный женский стон. Бехати схватилась за живот, дрожа всем телом. По ноге медленно скатилась первая капля, а затем под ней образовалась небольшая лужица непонятной жидкости. Я зачаровано глядела на темное пятно на земле, осознавая что это и предвестником чего являлось. Подняв взгляд, я уставилась на сморщенное лицо девушки. В какой-то момент она с трудом разлепила сухие губы и со слезами прошептала:

— Я не могу... Больше никак... Ребенок. Он скоро родиться.

Звуки на секунду пропали. Я могла только тупо пялиться на искаженные черты лица темнокожей девушки. Руки навязчиво пытались искать телефон в пустых карманах, чтобы по привычке позвонить в скорую или службу спасения. Но остатки разума останавливали бесполезные попытки.

Мимо пробежал Мати, который заметил нашу остановку. Он вместе с другим парнишкой подхватили Бехати и быстрее повели к реке, до которой оставалось сотня метров. Детишки постарше уже бежали с малышкой к воде, желая напиться. Маленькая рука Камали коснулась моей щеки и даже немного привела меня в чувство. Удобнее перехватив малышку, я ускорила.

Место идеально подходило для ночлега. Чистая и прозрачная вода радовала глаз, вызывая желание напиться. Дети склонились над рекой и, будто звереныши, уткнулись мордочками в водную поверхность. Мати аккуратно усадил Бехати под тень дерева, а затем набрал в бурдюк свежей воды и поддал его девушке. Она сделала пару глотков и, оттолкнув руку, громко застонала. Бехати уперлась пятками в землю, а пальцами рук сжала траву, вырывая её с корнями.

Моя жажда отступила. Камали слезла с моих рук. Я же могла стоять истуканом, глядя на муки роженицы.

Я наблюдала, как Мати быстро обтер водой лицо Бехати; как Бехати откинула голову

назад, в то время как всё её тело напряглось от боли; как остальные детишки, не глядя на роды, готовились к ночлегу.

Я думала, что самые страшные дни смогла пережить. Но сейчас... когда от меня мало что зависело, а если и зависело, то я всё равно оказалась бесполезной. Дитя города без необходимых для выживания навыков — слаб, как неоперившийся птенчик. Мы можем жить только в благоустроенном месте, когда под рукой телефон с быстрым вызовом различных служб спасения. Я даже должна опасаться чистой воды в реке, потому что никакие прививки не спасут от расстройства изнеженного городского желудка.

О чём я только думала, что могу кого-то спасти? Если я даже прокормить в безлюдной местности в окружении дикой природы себя не смогу.

Кто-то тронул меня за повисшую руку. Я опустила голову и заметила двенадцатилетнюю девочку. Она улыбалась, а из-под губ проглядывали желтоватые зубы.

— Я, Джемаль, — ладошкой показала на себя, а затем добавила на корявом английском. — Я видеть, как рожать моя мать. Меня учить этому. Готовить стать акушеркой.

— Разве я тебе чем-то смогу помочь? — Удивилась я, слыша повторяющиеся стоны Бехати.

Роженица оперлась спиной о дерево, тяжело дышала, на коже проявились капельки пота и казалось, что девушка немного побледнела. Я бы хотела ей помочь. Если бы знала как.

— Я видеть, как рожать. Но мне нельзя касаться ребенка. Рано, — грустно проговорила Джемаль.

Тут к нам подошёл Мати и с надеждой спросил:

— Ксения, вы знаете, что делать?

Но знала ли я? Или всё же знала... В голове начали всплывать разговоры с девчонками в хаммаме после встречи выпускников. Маша ещё рассказывала какие-то страшные истории, которые случались в её практике, как медсестры гинекологического отделения. Отрывки научных фильмов о том, как рожали раньше. Разные статьи, которые я читала, когда перелёты в самолётах были слишком длинные. Даже вспомнились уроки ОБЖ из школы. Что сейчас самое опасное, и что я могу предотвратить?

— Нам нужен огонь, — тихо проговорила я. — Нам нужна кипяченая вода, чистые тряпки для младенца, что-то острое и что-то обеззараживающее.

Мати кивнул. Он подозвал другого мальчишку и что-то приказал на амхарском, а затем сказал Джемаль, чтобы она подошла к Бехати. После чего он тихо уточнил:

— Вы знаете, что делать?

— Нет, — честно призналась я. — Но нужно хотя бы попытаться.

Мати оглянулся на собственную жену, которая рожала ребенка его погибшего старшего брата. Вот только теперь он нес ответственность за неё и ещё не рожденного младенца.

— Я сбегая до деревни, — проговорил он и глянул на меня. — Принесу ведро для горячей воды, тряпки и всё остальное.

— Возможно там есть акушерка или повитуха, — обрадовалась я. Но Мати явно сомневался моей радости. Тогда я достала все наличные деньги и протянула парнишке. — Используй их, чтобы купить всё необходимое.

Он кивнул и забрал протянутые деньги. Он аккуратно их сложил и убрал под нагрудную повязку.

— Я постараюсь, как можно быстрее, — взволнованно пообещал Мати, а затем рванул в сторону деревни, словно жаждал обратиться в ветер.

Сорвавшийся чужой стон боли, заставил меня действовать. Сорвав с головы остатки рубашки, я подошла к реке и сполоснула её, затем быстро брызнула себе в лицо прохладной воды и вернулась к извивающейся девушке.

Я приложила тряпку к её лицу и глянула на Джемаль.

— Ещё долго, как думаешь?

Девочка быстро поднырнула под юбку роженицы и покачала головой.

— Ещё нескоро. Пока «там» не хватит место для ребенка. Нужно подождать, чтобы он смог выйти.

В школе я ненавидела три предмета: биологию, литературу и ОБЖ. А сейчас я чувствовала себя героиней какой-то странной и пугающей истории, где знание как помочь человеку и как он состоит, очень бы помогло. Словно объединились в одно все мои самые нелюбимые кошмары юности.

Противная паника дергала за ниточки. Хотелось забиться в угол и плакать, плакать, плакать, пока кто-нибудь не придёт. Но запах гари и крови напоминал мне, что если я сдамся, то хуже от этого станет только мне. Потому что проиграю только я.

Дети поглядывали на нас, но в их глазах отсутствовало волнение. Наступал вечер. Мягкая прохлада окружала и дарила легкость. Но пламя контролируемого огня рождало чувство уюта, к которому тянулся ребенок. Они доедали ягоды. Кто-то сумел даже поймать пару рыбешек, пока я мучилась выбором. Они все тянулись к жизни.

Подняв голову к темнеющему небу, я про себя взмолилась пустоте.

Пусть всё получится. Пусть всё сложится благополучно. Пожалуйста!

Только после этого я аккуратно провела по животу Бехати, чувствуя окаменелость. Сколько прошло с тех пор, как Мати ушёл? Я оглянулась, надеясь, что он уже возвращался.

Джемаль вновь заглянула под юбку Бехати и встревоженно глянула на меня.

Тьма обступала. Только огонек костра развеивал мрак. Джемаль уже в который раз рассказала, что за чем следовало, но мне это мало помогало. В руках Бехати ломались тонкие палки, а ноги разрыли глубокие ямки, когда её пятки упирались в земляные горки. Она взывала всё громче, будто дикий зверь. Запах крови заполнял мои легкие, а пальцы неприятно липли друг к другу.

Из-за сумерек стало сложно разглядеть что происходило с Бехати, но касаниями я чувствовала давление.

— Скоро, — тихо проговорила я.

— Это Мати, — вдруг выкрикнула Джемаль, вглядываясь в темноту.

Я кинула взгляд на приближающегося паренька, но в этот момент Бехати схватила мою руку, сжимая её до хруста. Она разлепила губы и с трудом проговорила:

— Чувствую. Он. Лезет.

Пальцами я провела по входу, тоже чувствуя головку.

— Джемаль, — крикнула я. — Нам скоро потребуются тряпки. Живее грейте воду!

Дети подскочили, помогая кто чем может.

— Бехати, — сухо позвала её я. Она открыла глаза и устало взглянула. — Тебе сейчас надо будет выталкивать ребенка. Тебе говорили как?

— Постараюсь, — тихо ответила она.

Оглянувшись, я заметила как Джемаль ставила котелок над огнем. Также она достала

плотную ткань и подошла ко мне. Мы вдвоем слегка приподняли таз Бехати и подложили покрывало под неё. Затем к нам подошёл Мати, проводя влажной тряпкой по лицу роженицы.

— Я купил всё, что вы сказали.

— Там был доктор или акушер, — спросила я.

— Нет, — покачал головой Мати. — А повитуха отказалась идти в такую даль. Сказала, что если Дева Мария хочет её спасения, то она поможет нам.

Ответить я не успела. Потому что Бехати начала тужиться. Мати отошёл к костру, чтобы не мешать. А Джемаль присела рядом, подсказывая по ходу событий.

— Сейчас головка повернется, — шептала она. — Проверить пуповину вокруг шеи. А теперь он должен развернуться.

Мои руки от кончиков пальцев почти до локтя измазались в крови и в слизи. В последний момент я поймала младенца, завернула его в пеленку и инстинктивно прочистила ему носик. Жалобный писк плавно переходил в уверенный плач ребенка.

Слезы потекли. Я пялилась в темноте на маленькое кряхтящее тело, но ничего не видела. Но не из-за темноты, а от слез. Кое-как я передала младенца Бехати, а сама рухнула рядом на колени.

— Амесагналеху, — прошептала Бехати, касаясь моей руки.

«Спасибо» на амхарском. Кивнув, я встала на дрожащие ноги и побрела в сторону реки. Джемаль успела мне только крикнуть, что с остальным справиться сама. Потому что «остальное» ей уже несколько раз доверяли.

Опустив руки в воду, я замерла. Слезы не останавливались. Они медленно капали в реку. Звезды отражались в гладкой поверхности реки. А мыслями я была уже не здесь.

Мне хотелось домой. Там, где меня бы ждали. Там, где я бы чувствовала себя дома.

Тщательно умывшись я вернулась в импровизированный лагерь. Дети давно дремали разбившись на кучки. Меня ждали трое. Мати гладил по голове Бехати, а она с нежностью качала ребенка. Джемаль же, заметив меня, улыбнулась и протянула мне нож.

— Зачем? — Не поняла я.

— Вы помогли ребенку родиться, — объяснил Мати. — Вам и перерезать пуповину.

После всего Бехати наконец уснула. Мати разбудил другого паренька, чтобы он немного посторожил. Джемаль завернулась в юбку и тоже быстро уснула. А я устало упала на прохладную землю и закинула руки за голову. Сон медленно наплывал, но вдруг чьи-то маленькие теплые ручки обняли меня. Вздвогнув, я приоткрыла глаза и увидела Камали. Я тоже обняла её в ответ и наконец крепко уснула.

Мне казалось не прошло и часа, как кто-то стал меня трясти. Тот паренек, которого оставили сторожить, толкал меня, а затем указал рукой куда-то вдаль. Сначала с недоумением я привстала и посмотрела в сторону, но ничего не увидела. Потирая глаза, я встала в полный рост и внимательней всмотрелась вдаль.

Там шли люди. Много людей.

Они напоминали отряд, который уничтожил деревню. Я огляделась, понимая, что теперь нам не спрятаться. Во второй раз нам всем так не повезет, а одна я не стану убегать. Я не смогу бросить их всех, особенно после вчерашнего.

— Что делать? — Спросил паренек.

Скорей всего сдаваться, — про себя ответила я. С грустью осмотрев спящих детей, я сжала кулаки.

Отряд приближался. Нахмурившись, я сильнее прищурилась, чтобы разглядеть одного из них. Потому что он мне кого-то напоминал. Своей вальяжной стремительной походкой, своей атлетической фигурой, а также манерой держать голову. Не мне ли помнить эту манеру, которую я всячески критиковала во время его короткой модельной карьеры.

Но разве это возможно? Так значит эти люди пришли нас спасти? Они не враги? Не враги. Не враги!

Резко шагнув вперёд, я из-за этого чуть не упала, но выпрямившись направилась на встречу к ним. Он радостно махал, узнавая меня. Я же в шоке разглядывала его полувоенную форму, кожаные высокие берцы и улыбку от уха до уха. Впервые я ответила ему недоверчивой, но всё же улыбкой.

— Наконец-то я нашел тебя, — воскликнул он, останавливаясь рядом со мной. — Сколько вас?

— Со мной четырнадцать, — хрипло проговорила я, разглядывая мужское лицо в рассветных сумерках. — Не поверишь, но я очень рада видеть тебя, Анатолий.

Он насмешливо хмыкнул, а затем обернулся к отряду и на английском приказал помочь детям добраться лагеря, где им должны предоставить всё необходимое.

— Поехали, Ксюша, ты наверное сильно устала, — он накинул на мои плечи плед и решительно повел меня к внедорожнику.

Как же люди слабы и падки перед «сладким». Потому что в ту секунду моё недоверие и сомнение насчет Анатолия исчезли. Я могла думать только о том, что спасена. Точнее все мы спасены. Я, будто маленькая девочка, доверилась тому, кто дал мне сладкую конфету.

Наконец мои руки и лицо чисты. Я смыла грязь с себя, оставив её в темнеющей воде. Но это не помогло почувствовать себя чистой. Поменяв в металлическом тазике воду, я взяла чистые бинты, чтобы очистить раны на локтях, коленях и ступнях. Ранки щипали. А тело чесалось из-за пыльной одежды. Я с радостью скинула её, а затем обтерлась. На походной койке лежал комплект свежей полувоенной женской формы. Одев его на себя, я поняла, что по размеру он мне идеально подходил. Это немного поражало, но не удивляло. Затем я приступила к обработкам ран. Антисептик, регенерирующая мазь, бинты или пластырь. В ход шло всё, что подходило.

В конце я намазала плечи толстым слоем крема и почувствовала долгожданное облегчение.

Среди принесенных вещей я обнаружила маленькое раскладное зеркальце. Оно отобразило мне монстра, а не меня, — красное лицо, отеки под глазами и потрескавшиеся губы. «Измождённость» была написана огромными буквами на моём лбу. Но в глазах я видела ещё одну надпись, которую выводила лично для себя: «выжившая».

Чей-то грубый голос звал доктора. Я отвлеклась на него и убрала зеркальце, задумавшись. Анатолий не соврал мне о лагере. Нас действительно ждали и искали. Здесь нас встретил доктор с едой и со связью.

Выйдя из палатки, я пошла искать ребят из деревни. Их тоже привезли сюда, и с ними должен находиться доктор. Мы все долго шли, мало пили и ели, к тому же роженица и новорожденный нуждались в присмотре. Младенческий крик указал мне направление. В их палатке было не так уж много места, как я думала. Одиннадцать детей лежали на походных койках, один Мати сидел рядом с Бехати, помогая ей присесть с младенцем.

Заметив меня, кто-то приподнялся, а кто-то продолжал спать. Бехати улыбнулась при виде меня и спросила:

— Вы ещё тут? Разве вас ещё не забрали домой?

— Куда я денусь, — хмыкнула я, присаживаясь на стул. Ко мне тут же на руки залезла Камали. Она уткнулась в форму и тихонько захныкала: — Как вы тут? Вас всех осмотрели?

Все тут же уставились на Мати. Мати в моих глазах ещё ребенок, которому нужно вырасти, чтобы стать взрослым. Но для них он внук старейшины, а значит он старший среди них. Он принимал решение и выбирал путь племени.

— В чём дело? — спросила я их.

— Он запретил нам выходить из палатки, — пожаловалась Джемаль на Мати. — Он сказал, чтобы мы сидели тут и не разбегались.

— Почему? — Уточнила уже у самого Мати.

Он поджал губу, как ребенок, и опустил голову. Его голос звучал тихо и будто в себя, но это не помешало мне услышать его.

— Не верю.

Его слова, словно отскочили рикошетом в меня. Его слова, будто возродили уснувшие подозрения и сомнения. С громким вздохом я очнулась от сладкого марева облегчения и расслабления.

Как я могла так легко поверить Анатолию? Он ведь подозреваемый в деле, которое расследовал Герман. Можно с натяжкой предположить, что он действовал из-под палки.

Возможно его шантажировали также, как и меня. Но это не лишало его статуса подозреваемого.

— Стоп-стоп, — я резко встала и ссадила с себя Камали на стул. — Мати у вас действительно старший. Значит вам придется его слушаться. — Мати довольно выпрямился и гордо вытянул шею. Это выглядело так по-детски, что заставило меня улыбнуться. — Вы так и не ответили. Вас осмотрел доктор?

Я повернулась к Бехати, потому что она с младенцем нуждалась во враче больше всего. Она кивнула и тихонько добавила:

— Со мной и с Ксанти все хорошо.

— Ксанти? — Переспросила я, не поняв её.

Бехати демонстративно покачала младенца, без слов объясняя о ком она. Она назвала ребенка в мою честь. Такой почести редко когда удосуживался иностранец. Всё же для их племени важнее почтить памяти предка или покровителя племени, а не чужеземца.

— Можно? — Спросила я и только после кивка Бехати нежно провела по пушистой темной головке младенца. Казалось, что он наполнен самой сутью жизни. — Спасибо за честь. — Пробормотала я на амхарском. — Будьте тут. Я скоро вернусь, когда осмотрю лагерь.

После этого я стремительно вышла из палатки. Солнечный свет слепил. Время вроде бы подходило к обеду. Дети вряд ли выйдут, пока Мати им запрещал, значит нужно попросить прислать им еду в палатку.

Покрутившись на месте, я глазами искала хоть какие-нибудь признаки походной кухни или обеденного места. Небольшой дымок шёл на границе лагеря, в ту сторону я и отправилась.

Мы с Ануш не единожды участвовали в спасательных операциях как волонтеры. Особенность таких лагерей, что они устанавливались по особым правилам, которые тут абсолютно не соблюдались. Палатки разбиты вразнобой, будто никому не было дело о том, что правильная расстановка могла сократить дорогу и тем самым иногда спасти жизнь. Возможно основы жизнедеятельности в школе я не любила, но инструкцию волонтеров, находящихся на спасательном посту, выучила на зубок. Точнее Ануш заставила выучить, чтобы сама же не пострадала при выполнении заданий.

Этот палаточный лагерь не был похож на спасательный пост. Это настораживало, а также заставляло быть осторожнее.

В походной столовой сидело не меньше десяти мужчин. Разномастные, огромные и громкие мужланы ели, чавкая и стуча ложками о металлические тарелки. Никто не замер при виде меня, но все заметили моё появление. Я будто чувствовала касание их невидимых взглядов, а также молчаливый разговор друг с другом.

Никто не собирался приветствовать меня или помогать. Поэтому я смело прошла мимо столов, намереваясь затем пройти в кухонную зону.

— Куда? — Из ниоткуда прозвучал окрик на русском. Стена палатки зашевелилась, из-за которой появился мужик ниже меня на сантиметров пять с выпяченным пузом и большими руками. Темно-рыжие жирные волосы скрывали уши и часть шеи. А маленькие глаза зыркали, будто искали чем поживиться. К тому же с кривого носа стекала прозрачная сопля, которую мужик сначала попытался втянуть в себя, а затем стер бугорком под большим пальцем. Сопли зацепились за руку, что он заметил, после чего с безразличным видом обтер о фартук. — Тебе чего? Если жрать, то сиди там. Тебя позовут.

Мужик, скорее всего местный повар, зацепился языком за верхний коренной зуб, широко открыв рот. В шоке я отступила, едва сдерживая брезгливость. Прикрыв рот ладонью, чтобы предотвратить рвоту, я растерянно проговорила:

— Эм-м, нет. Я из-за детей. Нас нашли недавно.

— И? — рявкнул он, вставая у пыхтящей кастрюли и размешивая какую-то жижу. — Мелкие пусть тащат свои хилые задницы сюда. Тогда я их и покормлю.

Он улыбнулся, показывая пожелтевшие зубы, от него несло дешевым куревом, а фартук был в странных разводах. Всё это не прибавляло ему очков, скорее увеличивало мою брезгливость.

Не сдержавшись, я скорчила лицо и прохладно добавила:

— Разве нельзя сделать одну уступку и отнести еду в их палатку. Там ведь ещё и женщина, которая родила меньше двенадцать часов назад. Она....

— Как смогла раздвинуть ноги, так и дойдёт, — раскатисто рассмеялся грубиян, а его смех тут же подхватили остальные.

Опешив, я оглянулась. Я рассматривала мужланистые лица отряда, которые надрывно ржали над «шуткой» повара. Взглядом, перебегая по их мордам, я четко осознавала, что попала в ловушку. Я тут не в безопасности. По глупости я сама лично из-за испытанного голода вбежала в мышеловку на запах сыра.

Эти парни не спасатели. Они больше похожи на сухопутных пиратов. Не хватало только бутылок с ромом. Хотя скорее всего современные сухопутные воры предпочитали пить виски или бренди.

Сжав кулаки, я холодно посмотрела на повара и рявкнула:

— Какой же ты, ублюдок!

Смех стих. Он стих моментально, будто кто-то выключил стереоаппаратуру. Повар выпучил глаза, кинул поварешку на стол, из-за чего немного расплескала жижа из кастрюли, а затем шагнул ко мне.

Он вскинул руку и, чуть задыхаясь от ярости, выпалил:

— Ах, ты, гадина! Слышь, ты, где твоя благодарность, стерва!

Он бы меня ударил. Я готовилась либо стойко принять удар, либо резво увернуться. Но позади прозвучал окрик, который остановил мужлана.

— Макс!

К нам подошёл Анатолий. Он распекал нерадивого повара Макса, а я во все глаза пялилась на него.

— Я ведь говорил тебе, будь мягче, — добавил Анатолий, но не привычным льстящим или лицемерным голосом, а суровым, жестким и вызывающий страх.

Он с улыбкой посмотрел на меня, а я пыталась рассмотреть то, что скрывалось многие годы. Холёный Анатолий исчез. На рассвете, когда они нашли нас, я заметила полувоенную форму на нём и армейские кожаные берцы. Но в тот раз я плохо разглядела его.

Ему шла эта форма. Не из-за внешних совпадений или его атлетической фигуры. А потому что в нём будто проглядывала военная выправка. Он был военным? Где-то служил? Или возможно проходил военную подготовку?

Я никогда не интересовалась его прошлым. Почему? Неужели потому что видела только внешнюю картинку бесхребетного слабого парня, который пришёл на кастинг мужчин-моделей.

Анатолий пришёл в футболке цвета хаки и в штанах от комплекта полувоенной форме.

На поясе висели несколько набитых квадратных сумок, а за спиной я вроде бы заметила черную резную ручку от ножа. Из верхнего открытого кармана штанов выглядывала палка размером с карандаш. Анатолий, заметив мой интерес к его внешнему виду, быстро застегнул все открытые карманы и поправил плотную кобуру для ножа. Теперь я убедилась, что у него за спиной холодное оружие.

Сглотнув, я повернулась к повару, который продолжал метать в меня яростные взгляды. Анатолий, к моему удивлению, повторил мою просьбу, правда в более приказном тоне:

— Пусть детям отнесут еду и воду. — Неожиданно он закончил разговор с акцентом на меня: — И, чтобы я больше не видел, как ты замахваешься на Ксению Валерьевну. Ясно?

Макс хмыкнул, но четко ответил: «Ясно», а затем ушёл к выкипающей кастрюле.

— Пойдем, Ксюша, ты ведь тоже голодна, — Анатолий опустил тяжелую руку на моё плечо и повёл к свободному столу. Сначала он усадил меня на стул, затем сходил за едой, расставил тарелки для нас, а в конце сел напротив.

Он улыбался. Его глаза искрились удовольствием и потаенной радостью. Он медленно разглядывал меня, иногда дергая уголками губ в легкой усмешке. Он казался милым, если бы не напоминал хищника перед прыжком на жертву.

Я же продолжала пялиться на него. Мысли путались. Воспоминания о прежнем Анатолии и виденье нынешнего не соединялись в единую картинку. Тот Анатолий брезговал есть в забегаловках, а этот уплетал варево Макса. Тот любил покрасоваться, а этот выверял каждый шаг. Тот напоминал червяка, а этот превратился в опасного хищника.

— Ксюша, тебе нужно поесть, — снова улыбнулся Анатолий, добавляя. — Холодная еда не такая вкусная.

Я подняла руки с колен и взяла ложку. Вновь оглядев окружающих мужчин, я наконец поняла, что меня смущало. Они не похожи на спасательный отряд, а вот на наемных убийц — да.

Тяжело сглотнув, я пододвинула к себе тарелку и зачерпнула остывший суп. Если он отравлен, то хотя бы не буду мучиться. А если нет, то голодная я буду беспомощной. Здесь любая слабость равнозначна смерти.

Значит пока я жива, то минимальный шанс выжить сохранялся. Ведь даже нуль выше минуса.

— Оно и теплое так себе, — проговорила я, морщась. — Хотя я настолько голодная, что даже это съем.

— Согласен, — рассмеялся Анатолий и довольно посмотрел на меня. — Ты такая милая сейчас, что я даже немного очарован.

— Что это значит?

— Не важно.

Я продолжала есть, стараясь не выпускать никого из виду. Они замечали мои взгляды украдкой. Кто-то в ответ пялился открыто, кто-то растягивал губы или причмокивал, а кто-то бесстыдно касался себя между ног.

— А где остальные? Или только ты меня искал? — Спросила я, размешивая жижгу.

— Мы все тебя ищем. Мне просто повезло найти тебя первым. Они тебя ищут в других районах. Можем вечером устроить созвон по рации, — с легкостью дал обещание Анатолий.

— Вот так просто? — Недоверчиво проговорила я. — А почему только вечером?

— Потому что днём идут розыскные операции, это раз, — он прижал указательный палец к ладони, а через секунду прижал и средний. — А два, аппаратуру привезут только

ближе к ночи. Я начал искать тебя до того, как обустроили полностью лагерь. Знал, что ты далеко не могла убежать.

— А-а? А кто ещё меня ищет, — спросила, быстро доедая остатки. — Кто участвует в поисково-спасательной операции?

— Как кто? — Удивился Анатолий, отставляя пустые тарелки. — Конечно, это Кван поднял ради тебя всех. Он ведь твой жених. Мы разделились. Другой лагерь взял на себя осмотр восточной зоны. Так что не волнуйся, Ксюша, — он коснулся мой руки. Заметив, что я вздрогнула от его касания, его губы расплылись в улыбке, и он продолжил. — Всё уже свершилось.

Анатолий резко встал, отнёс наши тарелки и вышел из походной столовой, оставив меня наедине с похотливыми взглядами. Немедля я тоже встала и выбежала наружу. Пахло дождем. Те, несколько дней, когда мы с детьми бежали из горящей деревни, выпали на сухие дни влажного сезона. Но он еще не закончился в этом году. Скоро небо испустит из себя потоки дождя, омывая сухую землю и наполняя реки.

Глубоко вдохнув пропитанный влагой воздух, я отправилась к детям. Они ели, только что принесенную еду, а я прилегла на пустую кровать.

Нужно подождать. Нужно выждать момент.

**

Когда первые вечерние сумерки опустились, я вышла от детей. Иногда мне навстречу шли головорезы, но никто не лез. Сейчас я даже мысленно не могла назвать их спасателями, а вот отморозками — легко. Их кровожадные взгляды провожали меня, а я притворно бодрилась и не показывала вида, что мне до одури страшно. Они глядели на меня так, словно ждали всего лишь одно слово с разрешением, чтобы жестоко растерзать.

Радость от спасения ослепила меня, но восторг рассеялся. Осталось только разочарование в себе вместе с осторожностью и подозрительностью.

Конечно, возможно все это я выдумала. А к Анатолию я просто чрезмерно предвзята. Значит мне нужны доказательства, за которыми я и отправилась.

Переходя от одной палатки к другой, я старалась не привлекать к себе внимание. Я хотела найти личные вещи Анатолия и наконец узнать правду. Ещё я бы не отказалась от рации или телефона с местной связью. Иными словами от этого зависели мои следующие решения.

Вдруг боковым зрением я засекала его. Шагнув назад, я скрылась за растянутым брезентом. Осторожно выглянув, я следила за Анатолием. Он усердно жал руку какому-то старику-африканцу. Они о чём-то долго разговаривали, а затем Анатолий застегнул вход палатки, из которой вышел, и ушёл вместе со стариком. Я оглянулась. Вдруг я тоже стала объектом слезки. Но, к моей удачи, наступило время ужина и вокруг не было ни души. Подскочив, я рванула к той самой палатке, присела, чтобы схватить язычок молнии, быстро осмотрелась и только после этого расстегнула небольшой лаз, в который тут же проскользнула.

В первую секунду в глазах зарябило от света мерцающих дисплеев и мигающих огоньков. А во вторую, мелькнула мысль, что этот засранец всё же в чём-то меня обманул. Аппаратура для связи стояла тут явно давно и полностью настроенная. Неужели он просто тянул время?

От злости я чуть нервно дернула язычок и застегнула до конца вход, а затем медленно прошла вглубь палатки, забитой различной техникой и множеством проводов.

На спасательных постах обязаны быть передвижные радиостанции или спутниковые телефоны. Когда Анатолий сказал о созвоне, я подумала, что он имел в виду о стационарной спасательной аппаратуре связи с центром или банальный спутниковый телефон. Вот только тут стояла не она, а что-то похожее на портативный военный компьютер с защищенной телефонной связью.

Я такое никогда не видела, а узнала эту штуку только благодаря рассказам Тима. Надеюсь, что он сможет усилить безопасность моего телефона, а он в ответ рассмеялся и посоветовал обратиться к производителю военной продукции.

Этот компьютер не купишь в обычном магазине, да и стоит он больших денег. На такое можно потратиться только в том случае, если очень сильно хочешь что-то спрятать и это что-то явно стоит таких огромных затрат.

Неожиданно послышались чьи-то голоса. Кто-то проходил мимо палатки. Они громко смеялись, но не останавливались рядом с ней. Голоса через минуту затихли, напомнив мне о моей миссии.

Руки дрожали. Я рисковала случайно нажать не ту кнопку, огласив всем своё местоположение. Но момент требовал решительных действий, поэтому я быстро вошла в браузер и вбила слово «почта». Войдя на знакомый сайт с возможностью создать видеозвонок, я ввела данные аккаунта и выбрала контакт для звонка. Самым первым выскочил Матвей, как популярный контакт из всего списка. Нажав курсором на зеленую трубку, я вздрогнула от раздавшегося гудка. Тут же загорелся красный огонек на портативной веб-камере.

Первый гудок, я поправила камеру. Второй гудок, проверила микрофон и уменьшила громкость звука компьютера. Третий, на экране появился взъерошенный Марков с двухдневной щетиной.

— Ксюша? — Неверяще прошептал Матвей, а затем громче добавил. — Что с тобой? Где ты? Мы ведь тебя ищем? Ксюша!

— Матвей, — прошептала я, оглянувшись. Вдруг за мной кто-то стоял, а я глупая даже не проверила темные углы. — Я в Эфиопии. — Быстро зашептала, уставившись на экран. — На деревню кто-то напал... я....

— Да, мы уже узнали, что ты там. Они пару часов назад связались и рассказали, что утром осмотрели всю территорию деревни. Но нашли только множество трупов и сгоревшие дома. Где ты? Откуда ты звонишь?

Матвей вытянул шею, чтобы разглядеть мой фон, но я сжала руками голову, закрывая видимость.

Этим утром они появились в деревне? Значит Анатолий действительно приехал со всеми? Он... хороший?

— Значит Анатолий мне не соврал, — проговорила я и с облегчением выдохнула.

— Анатолий? — переспросил Матвей. Его плечи напряглись, а лицо будто превратилось в восковую маску. — Почему ты его вспомнила?

— Он разве не с вами прилетел? — уточнила я, сжимая кулаки.

Где-то вдалеке раздался звук мотора, который приближался, а за ним последовали мужские крики приветствия.

Что-то в лагере менялось и это напрягало вдвойне.

— Анатолий сбежал в Эфиопию, Ксюша. Он был одним из организаторов секс клуба, — не сдерживаясь, выкрикнул Марков и встал, а затем снова сел. — Как только мы узнали, что

и ты там, то они рванули туда. Собрали, сколько смогли знакомых спасателей, и полетели. Этим утром они уже попали в деревню, хотя только вчера мы про всё узнали.

— Кто? — Не поняла я и уточнила. — Кто полетел сюда?

— Глеб и Кванджон.

В шоке я не могла отвести взгляда от темных глаз друга. Он же не замечал моего пораженного вида, потому что разговаривал одновременно со мной и ещё с кем-то по телефону. Он требовал от кого-то быстро найти моё местоположение, пока связь работала. Мне же мерещилось, что в моих ушах вата, которая искажала любую услышанную информацию.

Матвей говорил: искать. А я слышала: потерять.

Я будто сходила с ума или просто не могла мыслить здраво. Но страх делал из человека зверя, который жаждал жить. Я плохо понимала речь друга, но быстро распознала шаги Анатолия к палатке. И почему-то я была уверена, что он давно искал меня и уже предполагал, где найдет.

— Матвей, включи запись экрана, — попросила я друга, когда он закончил разговор.

— Сделал, но зачем?....

Он продолжал говорить, но его голос я больше не слышала. Я выключила звук на компьютере, а вот микрофон подняла до максимума. Затем переставила веб-камеру и проверила картинку.

Напоследок я перешла через настройки в блок «Конфиденциальность», а затем в «Геолокацию», чтобы дать разрешение на доступ.

Матвей яростно размахивал руками, пытаюсь дозваться до меня, но я тихо проговорила ему:

— Я включила геолокацию на этом компьютере. А ты главное не выключайся.

Марков раскрывал беззвучно рот, когда в палатку вошёл Анатолий. Он включил основное освещение и совсем не удивился, увидев меня. Более того он широко мне улыбнулся, но спустя секунду его улыбка погасла. Он внимательным взглядом осмотрел палатку и шагнул ко мне.

— Ксюша....

Его голос, его манера вести себя, его движения — всё в нём изменилось. Стало чем-то средним между тем, что видела я все эти годы, и тем, что увидела сегодня.

Он вальяжно, но осторожно продвинулся вперёд. Он шёл так, словно на полу раскиданы мины, и только он знал их порядок. Он снова показался мне пауком, который сплёл для меня платье из белоснежной паутины и в которую я всё же попала. Потому что снова недооценила врага.

Как однажды сгруппировалась и доверилась Арине, которая оказалась лицемерной змеей. Также я ошиблась с Анатолием — двуличным пауком. Потому что вот этот Анатолий Хрусталеvский — настоящий. Он мог быть создателем клуба удовольствий. Он мог быть кем угодно. Он мог быть даже тем, кто способен убить.

— Анатолий..., — я проговорила его имя холодно и вроде бы бесстрастно.

Но голос срывался, а сжатые кулаки бессовестно выдавали меня. Он заметил моё напряжение, а также неестественное поведение. Он медленно опустил взгляд на мои руки, а затем также медленно поднял его, чтобы всмотреться в моё лицо и в мои глаза.

— А что же ты тут делаешь, Ксюша? — Ласково проговорил Анатолий с диким оскалом почуявшего кровь хищника.

Его вид пугал меня, даже сильнее, чем пережитый ужас во время нападения на деревню. Он казался иномирным и непредсказуемым. Потому что я находилась на его территории. Я в его власти. В моей же оставалось только бравировать и держаться до мига, когда я всё же окончательно сдамся.

— Искала доказательства, — решительно проговорила я.

— И как? Нашла?

— Ты не мелкая сошка в организованном клубе Нинель. Ты один из главных организаторов. Ты проводил очистку денег через моё агентство по выдуманном когда-то плану Ануш. Ты приводил девушек в клуб и делал их проститутками. А ещё собирался расширяться за счёт меня и моих связей.

Я не знала подробностей дела, которое вёл Герман, но до меня наконец-то дошло. Зачем я действительно была нужна им. Ведь я когда-то видела, как Анатолий подходил к девушке, которой мы с Ануш отказали. Он завёл с ней разговор, а затем обменялся с ней контактами.

Больше эту девушку никто не видел.

Тогда я не придавала этому большое значение. Скорее беспокоилась за Ануш, вдруг её муж ей изменяет. Но сейчас эта картина предстала передо мной в другом ключе.

Анатолий зазывал в эскорт-клуб красивых девушек, которым мы отказывали. Наш жесткий отказ делал для него удобную платформу для влияния на них, чтобы они сразу начинали подчиняться ему, а также испытывали благодарность за помощь.

Ублюдок!

— Наконец-то, Ксюшенька, — мягко проговорил Анатолий, разминая круговым движением шею, а затем с силой выдыхая. — Наконец-то мы с тобой можем поговорить начистоту. Вижу теперь ты воспринимаешь меня всерьез.

— Меня будут искать и обязательно найдут! — Воскликнула я, надеясь сбить с него спесь.

Но это не помогло.

Анатолий только рассмеялся моему фальшивому апломбу и захлопал в ладоши.

— Обязательно! Тебя обязательно найдут, Ксюша, — повторил он. — Но мертвой. Потому что никто не знает, где ты. И тем более никто не знает, где я. Теперь ты, дорогая Ксюша, полностью в моих руках. Наконец-то!

Мой мир разрушился. Потому что я кое-что поняла. Возможно, то видео, которое Матвей записывал, станет основным доказательством по делу в обвинение Хрусталева. Но вероятность, что кто-то успеет меня спасти, близилась к нулю. Потому что я почти буквально на ладони перед этим ублюдком и только что полностью развязала ему руки кинутым обвинением в его сторону.

Я опустила взгляд на экран, где с бумажкой сидел мертвенно-бледный Матвей. Он крупными буквами написал, что ко мне летят. Мне нужно только его задержать. Но безумный взгляд Анатолия говорили об обратном. Он слишком долго ждал этого момента. Он точно убьет меня. Теперь есть только я и он, а также окончание его игры.

— Может тогда расскажешь, — я вышла из-за стола и подошла ближе к нему. — Как её план оказался у тебя?

— С радостью, — он шагнул ко мне и направил на меня указательный палец. — Только сначала выпьем. Более того, я даже тебя угощу. Я не мелочный, как ты считала.

Он отступил к ящику и достал пузатую бутылку с пятилетним коньяком. Я же тем временем искала способ защититься. Тут мне на глаза попались ножны на поясе Анатолия, в

которых торчал нож с черной резной рукоятью.

В голове заиграла музыка с нотками надежды. Возможно ещё не всё потеряно. Возможно у меня ещё есть шанс на спасение.

Анатолий протянул мне металлический стакан с коричневым напитком на дне.

— Извиняй, бокалов тут нет для, её высочества, — пожал плечами мужчина, а затем насильно всучил мне коньяк.

Я не выпускала стакан из рук, но и пить напиток не стала. Анатолий издевательски хохотнул, а затем демонстративно вырвал коньяк и выпил до дна. Не спуская с меня взгляда, он спиной отступил от меня. Его губы изгибались в насмешливой ухмылке, а глаза ярко блестели в тусклом освещении палатки. Причмокнув, он нахально уточнил:

— Так значит, ты хочешь услышать историю? — Тишина. Глоток коньяка уже их своего стакана. — Ведь все злодеи просто обязаны исповедоваться перед невинной овечкой и объяснить, где она протупила. Логично, логично, — он покивал и оперся о ряд ящиков. — Тогда слушай меня внимательно, моя милая тупая овечка. Я ненавижу Ануш Альберти Бахтамян.

Резкие грубые слова ударили наотмашь, ни разу не промахнувшись. Зубы до боли сжались. Но я удержалась и ни звука не проронила.

— Молчишь? — Улыбнулся Анатолий. — Тогда продолжим... Если на чистоту, то я бы предпочел тебя. Сочную холодную мегеру, которую постоянно нужно укрощать. Но Ануш, как улов, проще. А мне в тот момент нужна была влюбленная по уши дура модель, которая крепко связана с агентством с отличной репутацией. И, конечно, чем выше её положение, тем лучше. Поэтому Ануш идеально подходила на это место. Она давно в модельном бизнесе, её репутация выше всяких похвал, а также её многие знали и с ней ХОТЕЛИ работать. Но ещё не менее важное то, что у неё было прошлое. Печальное. Трагическое. Драматическое. Мне насрать какое, главное, чем страшнее, тем лучше. Таких проще ловить. Я разобрал её прошлое по кирпичикам. Даже ездил на её родину, к семье, друзьям и соседям. И после тщательной подготовки я грамотно к ней подкатил и с легкостью её влюбил. — Он цокнул, задумался и, будто вспоминая счастливые деньки, продолжил. — Она стала моей сучкой. Покорная, ответственная и выполняющая любой мой каприз. Она даже однажды рассказала мне про своё интересное хобби. Это было занятно и забавно выслушивать её идеи. Хотя я не ждал от неё чего-то стоящего, но её план — это Сикстинская капелла. Она продумала каждую мелочь, каждую непредвиденную деталь. Я бы вряд ли такое смог придумать. Видимо тут ей пригодился опыт в агентстве. Но это не важно. Потому что единственное с чем моя рыбка была не согласна, так это ввести эскорт в спектр ваших услуг. Ануш в этом вопросе оказалась упрямее ослицы, что немного удивляло и бесило. Как бы я её не убеждал, что красота женщине дана, чтобы этим восхищался мужчина. Она не велась на это. Я даже хотел из-за этого её придушить. Стало хуже когда Ануш застала меня с тупой моделькой. Вот тут признаю, мой косяк. Это прям жесткий провал с моей стороны. Но кто же знал, что её подруга Ксюшенька неожиданно заболит и не приедет на встречу. Вот Ануш и вернулась домой пораньше. Хотела устроить романтик для меня, — усмехнулся Анатолий и добавил в стакан коньяка. — Ещё Настюха давила на меня. Она стала внедрять план махинаций в бухгалтерию агентства. Вот и требовала от меня хорошего поведения. А тут полный провал. Потому что после увиденного настоящего моего траха с моделькой Ануш стала не управляемой стервой. Представляешь, Ксюшенька, — кивнул мне, не глядя. — Она даже стала следить за мной. И однажды я понял, что эта тварь заметила внедренную

махинацию в агентство. Ох, как она тогда была зла. При чём больше на себя, чем на меня. Она ведь меня так и не выгонила из квартиры, только запретила касаться себя. — Анатолий откинул голову и хрипло засмеялся.

В этот момент я незаметно скосила взгляд и чуть-чуть наклонила голову, чтобы посмотреть назад. Анатолий пока не видел красной точки на веб-камере, потому что я прикрыла её, когда меняла ракурс. Но если он поменяет расположение и сдвинется хотя бы на пару сантиметров, то вряд ли пропустит яркий огонёк.

Вдруг Анатолий повернулся ко мне всем телом и яростно воскликнул:

— Я видел в её глазах подозрение, и в то же время неверие. Она напоминала мне лань перед светящимися фарами. Такая милая... Я люблю широкие глазки, наполненные страхом. Я тогда впервые перестал ненавидеть её. Но затем я обнаружил в её бумагах заявление на аудит. И я понял, что пора кончать. К тому же Регинка хорошо так подсела на уши. Даже ребят порекомендовала. Кстати ты их видела сегодня в лагере.

«Пора кончать»?!

Смысл этих слов медленно доходил до меня. «Кончать» в смысле завязывать, совершать преступление и....

Ох, Ануш... Почему же ты не пришла ко мне, когда стала подозревать Анатолия? Почему захотела всё сделать сама? Ты мне не доверяла или не хотела ввязывать меня в это дело?

Вспышка. Осознание. Миг.

Какая я глупая! Я ведь знала ответы на все вопросы, потому что сама была в такой же ситуации. Я сама отмалчивалась от друзей, хотя они замечали, что что-то произошло. Как однажды я спрашивала Ануш и интересовалась причинами её изменений.

Почему мы обе вели себя так? — Неужели потому что эгоистки или самодовольные дуры, готовые рискнуть всем лишь бы не показывать свои ошибки другим. Или дело в другом? Мы с Ануш всегда были похожи. Вечные одиночки, постоянно защищающие личный кокон самобичевания. Мы до жути боялись открыться другим, даже близкому другу.

Как же мы ошибались. Одному, возможно, безопаснее. Ведь тебя никто не сможет придать. Но одному не легче, а сейчас я поняла, что и бессмысленно. Я и Ануш по глупости и скорей всего от усталости доверились не тем людям. Мы совершили то, чего боялись — доверили душу лжецам. Ненароком мы оскорбили недоверием друзей. Теперь я поняла, как сильно обидела Марину. Дважды! Какого было Матвею висеть над пропастью моих предубеждений. Как мучился Глеб, ища причины моего безмолвного побега.

Одиночки — самодовольные эгоисты, думающие только о себе. Они лелеют страхи, вместо того чтобы изгонять их.

Я не хотела бы остаться одной. Пустой дом не моя мечта. Не моя!

Слезы покатались по щекам. Анатолию понравился мой поверженный вид. Он наклонил голову и с ухмылкой уточнил:

— От чего слезки на щечках, Ксюшенька?

— То есть смерть Ануш была не случайной? — С отчаянием проговорила я. — Это ты её убил?

— А ты как думаешь? — Он задвигал верх-вниз бровям и хохотнул. — Она мешала. Сильно мешала. Салкын тоже хотел расширяться. Поэтому понадобилось очень тщательно обдумать план. Чтобы её смерть казалась случайностью.

— Какой же ты, убудок, — со злостью прошипела я и впила ногтями в ладонь.

— Нет, — возразил Анатолий. — Я бизнесмен. Только бизнес у меня нелегальный, а потому и методы решения проблем не совсем законные. Ты бы только знала, каких мы обслуживаем реальных говнюков. Их много и они среди нас. А сколько таких же помещанных в Европе или в Америке? Поэтому никто из нас не хотел уменьшаться. Ни я, ни братья Воровицкие. Салкын даже угорал над сводным братом, что вроде бы честный бизнесмен Воровицкий так заботиться о своей репутации, а вот из нелегала выходить не хотел. Видимо доля приятно радовала душу, как и новенькие девочки, готовые выполнить любой каприз. Ах, ещё нельзя забывать про Регинку. Умная и красивая стерва. Все думали, что главная Нинель. Регина очень старалась, чтобы никто не усомнился в этой лжи. Вот только Нинель жалкая наркоша, которая сходила с ума. Но она годилась для ширмы по плану руководства Регинки. Кстати она тебя помнит, — кивнул Анатолий. — Она рассказывала, как сильно ненавидит тебя. Рассказывала, как ты испортила ей жизнь. А также она пообещала, что отдаст тебя мне, чтобы я наказал. Я не говорил? Я специалист по качественному наказанию и перевоспитанию.

— А почему не она? — Хмыкнула я и сложила руки на груди. — Слабая на расправу?

— Потому что гордых сучек наказывать и делать шелковыми умею только я, — выкрикнул Анатолий. — Мы ведь готовили Рейвен как подарок. Такая же сучка, как и ты, только для Салкына. Он тоже любил по жестче, как и я. Хотя я огорчен, что всё сорвалось. Мне недавно пришла информация, что всех положили. Вот это мне свезло.

Герману удалось повернуть операцию. Я с облегчением выдохнула и напрямую спросила:

— Ты знал про операцию?

— Нет. Я приехал сюда, чтобы подготовить тебе сюрприз. Чтобы ты также исчезла, как когда-то Ануш. Но, видишь ли, ... Если от Ануш я хотел просто избавиться, то с тобой напоследок я ещё хотел развлечься.

— Но меня то зачем убивать. Я же пошла на уступки.

— Да просто я понял, что Марков на полном серьезе собрался выкупать мою долю. А ещё ты встретишься со своим сынком. Это ведь лишние наследники. К тому же, если ты станешь женой Квана, то убить тебя станет намного сложнее. Поэтому нужно было торопиться. Как-то так.

Анатолий закинул в себя остатки алкоголя, причмокнул и дернулся в сторону. Вдруг он замер, нахмурился и присмотрелся.

— Ах, ты сука, записываешься меня, — он замахнулся и кинул металлический стакан во включенную веб-камеру.

Я наблюдала, как камера накренилась и слетела с подставки.

Секунда, и мужские сильные руки сомкнулись на шее. Он навалился всем телом, а я споткнулась и полетела вниз. Жесткое приземление на спину, а также давление сверху Анатолием. Я закашляла и попыталась оттолкнуть его. Пару движений ползком вперёд, как на меня снова прыгнули. Анатолий накрыл меня всем телом, но я успела согнуть колени. Теперь мои ноги не подпускали его ко мне.

Он зарычал, а затем наотмашь ударил по лицу. Сознание помутилось, а руки ослабли. Его тело оказалось чересчур тяжелым и сильным, но я продолжала бороться, хотя уже не так активно. Вдруг Анатолий предплечьем саданул по моему локтевому сгибу обеих рук, после чего с размаху прижал меня корпусом.

Воздух с хрипом вырвался из горла, но сделать необходимый вздох мне не дали.

Анатолий одной рукой схватился за шею, периодически сжимая её, а другой вцепился в волосы и до боли оттянул.

Ладонями я пыталась ударить его в торс, а ноги суматошно бились об пол. Но ему мои действия только приносили удовольствие. Он втолкнул своё колено мне между ног, а затем тазом уверенно протиснулся дальше. Он сильнее прижался ко мне, давая мне почувствовать его возбуждение.

Меня снова окутал ужас, но, к счастью, не сковал.

Анатолий с наслаждением вдохнул мой запах возле шеи и нежно прошептал:

— Вот так, сучка, и только так. Ты должна быть послушной.

Он наслаждался моим поражением, вот только я ещё не сдалась.

Он отпустил мои волосы, сильнее сжимая горло, а свободной рукой начал расстегивать на нас одежду. Он жестко касался моей груди, не замечая, как я решительно схватилась за резную ручку его ножа. Он непроизвольно качнулся своими бедрами, совершая фрикцию, когда острие ножа вошло в его шею. Анатолий посмотрел мне в глаза и открыл рот, не произнося ни звука. Ножом я сильнее проникла в тело, а кровь потекла вниз, капая с рукояти на мою руку и ниже на моё лицо.

Анатолий сначала попытался сильнее придушить меня, но инстинктивно его руки потянулись к ране, чтобы заткнуть дыру. И тогда я потянула нож обратно и прошипела:

— Это тебе за Ануш, ублюдок!

И окончательно вынула острие из шеи. В этот же момент кровь бурным потоком вырвалась из артерии.

Толкнув истекающего Анатолия, я отползла от него. Он продолжал сжимать шею, но кровь, пульсируя, вытекала сквозь его пальцы. Он слабел прямо на глазах. Я видела, как сначала побелела его кожа, как опали его руки и как веки в последний раз закрылись.

Мертвое тело глухо упало рядом, и только после этого я поняла, что сделала.

Мои окровавленные руки крепко держали острый нож. В нос врывался ржавый запах крови. А язык ощущал солоноватый привкус. Откинув от себя нож, я подогнула под себя колени. Я стала мерзнуть, но сдвинуться с места так и не смогла.

Он это заслужил. Ты не виновата. Ты защищалась.

НО.

Я также испытала радость, когда Анатолий испугался. Меня пугало не то, что я совершила. А та радость, которую испытала при смерти человека от моей руки.

Чуть подняв голову, я заметила компьютер. На экране до сих пор маячил Матвей. Он с кем-то разговаривал по телефону и выглядел не очень. Я немного придвинулась и увеличила громкость звука, чтобы услышать друга.

— Матвей, ты слышишь? — Прохрипела я.

— Ксюха, ты жива? — обеспокоенно заорал Матвей. — Я не вижу тебя. Покажись, пожалуйста!

— Он мертв, Матвей, — я тихо застонала. — Я убила его.

Марков затих. Я тоже молчала. «Я убила его», — эти слова на повторе зазвучали в моей голове. Теперь я убийца. Убийца.

— Ксюша, — спокойным голос позвал меня Матвей. — Ты ранена?

— Синяки.

— Он точно мертв?

— Сомневаюсь, что в его теле осталась кровь.

Тишина.

— Ксюша, держись! Вертолёт уже летит к тебе. Я получил точку твоего местоположения. Скоро они будут рядом.

Они? Он про Глеба и Кванджона?

— Тут отряд наемников, — предупредила я. — Ещё дети из деревни, из которой мы сбежали.

— Я передам им, чтобы были внимательней, — понял меня Матвей. — И, Малахит, ты реально думаешь, что у Кванджона не хватит денег для поддержания личной армии? Так что он с этим справиться. А Глебу даже армия не нужна, чтобы прорваться к тебе.

После его слов я улыбнулась, а затем устало прикрыла глаза. Очнулась я из-за стрельбы. Снова слышались крики, выстрелы и чьи-то стоны. Но на меня навалилась такая апатия, что даже не хотелось думать кто стрелял и зачем. Кожу стягивала засохшая кровь, мышцы ныли, а шея неприятно покалывала. Возможно Анатолий в последние секунды действительно почти придушил меня.

Кто-то открыл вход палатки. Слегка наклонив голову, я заметила парня в маске, но в другой военной форме. С автоматом в руках он осмотрел палатку, задерживая внимание на мертвом теле. Он опустил оружие, пододвинул ко рту рацию и отрапортовал на корейском.

Страх будто умер, вместе с Анатолием. Поэтому я резко дернулась и выглянула из-за стола, уставившись на наемника. Он рефлекторно среагировал, вскинув автомат, и чуть позже внимательней пригляделся.

Он сделал осторожный шаг вперед и что-то проговорил на корейском. Я же смогла ему только покачать головой, совсем его не понимая. Тогда он перешёл на английский:

— Вы Ксения Малахова. Вы в порядке?

Я кивнула.

Он тут же опустил оружие и приблизился ко мне. Он помог мне встать, хотя мог с легкостью закинуть на плечо. Но при этом он бережно вывел меня из палатки и повел по лагерю, в котором творился хаос. Мертвые, раненные, арестованные люди встречались нам по дороге. Я медленно передвигала ноги, вглядываясь во встречающиеся лица, и вдруг услышала до боли родной голос. Он звал меня. Он кричал на весь лагерь, пытаясь меня найти.

— Глеб, — прохрипела я, оглядываясь. Корейский наемник хотел повести меня дальше, но я запротестовала. Я оттолкнула от себя парня и закружилась вокруг себя, взглядом ища родное лицо. Тогда я чрез боль крикнула: — Глеб!

— Ксюша!

Его голос слышался слева. Запинаясь, я побежала. Я не видела, куда бежала и об кого запиналась. От крика сильнее заболело горло, а в ребрах нарастала острая боль. Я продолжала бежать, хотя ноги неохотно слушались меня. И вот я увидела его — растерянного и взволнованного. Он искал меня в плотной завесе дыма.

— Глеб! — выкрикнула я и побежала, и тогда он оглянулся в мою сторону и тоже рванул ко мне.

Он поймал меня в тот момент, когда силы окончательно покинули меня. Я коснулась его лица, вглядываясь в любимые серые глаза. Я не могла стоять, но и не могла отключиться. Потому что пару часов назад я расставалась с жизнью, а сейчас вновь её обрела. И он, мой Глеб, снова был рядом. Он тут, рядом со мной. Хотя не должен.

— Ксюша, ты вся в крови. — Он ласково провёл по моему лицу, коснулся больной шеи и

порванной одежды. Он крепко удерживал меня на весу, продолжая аккуратно осматривать. — Нужно срочно показать тебя доктору!

— Это не моя кровь, — заплакала я.

Глеб замер, но не стал спрашивать подробности. Он бережно поднял меня на руки, как когда-то давно после драки в школе, и понес в тихое, безопасное место.

Я подняла лицо к небу, наблюдая как сгущались тучи. Грохнул гром, и дождь вновь вернулся в Эфиопию. Он мог продолжать идти до конца месяца или даже влажного сезона. Но это меня мало волновало. Потому что теперь я точно спаслась. А с Глебом для меня любое место становилось домом.

Дождь с каждой минутой усиливался. А я продолжала цепляться за футболку Глеба и тихо плакала. Он молчал. Он крепко прижимал меня к себе и нес по лагерю. Иногда взгляд цеплялся за пробегающих людей, но разглядеть их мешал дождь.

Глеб вошёл со мной на руках в медпункт, где успело всё измениться. Во-первых, детей из деревни тут не было, но на некоторых койках сидели раненые парни. Во-вторых, вместо доктора, который тут был, появился другой медик. Он мельком глянул на меня, но что-то его заставило дернуться в мою сторону и позвать к себе медсестру, которая незаметно перевязывала раненного.

Глеб посадил меня на свободную койку, накрыл плечи плотным одеялом, а затем присел напротив меня на корточки. Он взял в свои руки мои, слегка их сжал и с улыбкой посмотрел мне в глаза.

— Ксюша, тебя должны осмотреть. Поняла? — Я кивнула. — Пока тебя осмотрят, я узнаю, как там дети.

— Они живы? — Встрепенулась я.

— Я видел их. Хочу помочь им расположиться в отдельной палатке. А медпункту пока есть чем заняться.

— Я пойду с тобой, — хотела подняться, но Глеб поймал меня раньше и вновь усадил на койку.

— Они в порядке. Мне нужно их просто разместить, потому что пока другие заняты наемниками. Нам нужно тут дожидаться представителя Интерпола. Также сюда летит Герман. А ещё пошёл дождь. Так что нам в любом случае придётся задержаться в этом лагере. Тебя сначала должны проверить, а чуть позже я вернусь. Хорошо?

После этого Глеб встал и ушёл.

Доктор оказался знакомым. Он был основным участником гуммиссий, в которых когда-то участвовала я вместе с Ануш. Его попросил приехать Матвей и быть готовым оказать срочную помощь всем, кому сможет. Доктор осмотрел меня, затем узнал, что кровь не моя, и отправил отмываться в переносном душе.

Зеркала тут не было. Но то, что я видела, вызывало смешанные чувства. От радости спасения, торжества справедливости и сладострастия мести до отвращения и безразличности. Я смывала с себя кровь, наблюдала как краснеет вода и путалась в чувствах. Я убила человека. Когда рука коснулась ножа, я даже не задумывалась, что делала. Когда я вытягивала острие из шеи, то чувствовала облегчение и мстительное удовольствие, что ему не удалось. Я вновь помешала его планам. А затем наступили шок и ужас, которые сейчас перерастали в отвращение и безразличности к себе.

Я пока не могла здраво думать, поэтому просто закрыла глаза и продолжила мыться.

В чистой одежде, сидя под теплом одеялом на койке, я вслушивалась в анамнез от доктора. Подозрение на трещину в ребрах и легкое сотрясение головы, которые нужно обязательно подтвердить в госпитале. Также он уточнил про моё психическое состояние и поставил пометку о дополнительной проверке. Кожу ступней и плеч он тоже не забыл осмотреть и попросил медсестру тщательно всё обработать.

Напоследок он с сочувствием проговорил:

— Ксения, когда вернетесь, вам предстоит длительная реабилитация. И я вам советую

не относиться к этому с попустительством. Возможно физически пострадали вы не так смертельно, но в порядке ли ваша душа?

Медсестра, обработав раны, дала мне успокоительное и попросила расслабиться. И на пару часов я действительно уснула.

Во сне мне приснилось, как чья-то рука вновь схватилась за шею и придушила. Дыхание сбилось, я дернулась и очнулась. В медпункте было тихо. Кто-то тихо постанывал в другом конце палатки, но вокруг стояла тишина. Дождь прекратился, но не надолго.

Я закрыла глаза, надеясь уснуть. Но воспоминания тут же подкидывали картинку. Искрящий яростью и удовольствием взгляд Анатолия. Сейчас я вряд ли вспомню форму или цвет его глаз, хотя в последние минуты его жизни вглядывалась только в них. Но я помнила его обжигающий взгляд. То как он медленно осматривал моё тело, как в них мелькали чувства, как искрила радость от собственной власти надо мной.

Тогда я села на койку и спустила ноги. Болей в теле действительно было не много. Постанывали синяки, не удавалась дышать полной грудью, а обгоревшая кожа слегка горела. Вся боль скопилась намного глубже, чем брэнное тело. Она копилась в груди, тяжелела и уплотнялась.

На улице стоял поздний вечер. За пару часов, которые я проспала, лагерь изменился. Кто-то переставил некоторые палатки, установил переносные крыши и разложил что-то наподобие тропинок.

На мне висела полувоенная мужская форма. Штаны пришлось завязать на несколько тугих узлов, чтобы они не слетели, а штанины затолкать в ботинки. Плохо расчесанные волосы я стянула в низкий хвост. Кожа на носу, лбу и подбородку некрасиво слазила и до сих пор оставалась красной. Вообще-то такой «красавицей» я никогда не была. Но впервые мне было наплевать, какой меня увидят другие. Я даже не засмушалась, когда в таком непрезентабельном виде, меня нашёл Кванджон.

Мы столкнулись под навесом и от неожиданности уставились друг на друга. К нему подошёл какой-то мужчина и на английском проговорил:

— Мы мертвых положили в палатке номер три, а арестованных посадили во второй. Они находятся под постоянном наблюдением, пока полицейские не приедут из Аддис-Абебы. Интерпол летит сюда за некоторыми наемниками. Их разыскивали во многих странах. Также сюда направился кто-то из ФСБ. Вроде бы из-за русской девушки и убитого русского.

— Значит завтра со всеми и поговорим. Иди и следи за порядком, — приказал Кванджон и дождался, когда его помощник скрылся из виду. Он подошёл ко мне и уставился куда-то поверх моей головы. — Как ты?

— Как ты тут оказался?

— Вернулся за тобой в Россию. Я ведь обещал приехать. Но столкнулся с тем, что никто не знал, где ты. А потом твои друзья рассказали о расследовании. Я не мог остаться в стороне, когда узнал, что ты в опасности.

— Спасибо тебе, — прошептала я, опустив взгляд. — Ты приехал вовремя.

— Ты выжила после нападения на деревню. Затем ты сама спасла себя, когда на тебя напал тот... Анатолий, — процедил его имя с акцентом Кванджон. — Какой из меня спаситель, если ты выбираешься из проблем сама?

На такое я даже не знала, что ответить.

Такова моя натура.

Мой стиль жизни.

Как-то само получалось.

Но эти слова звучали как оправдание. А я не понимала, почему должна была оправдываться. Я такая какая есть. Именно поэтому я бы не смогла быть просто женой влиятельного человека. Где он принимал все решения, а я стояла рядом с ним с молчаливой поддержкой. В то же время я не хотела брать вверх в отношениях, но и плыть по течению не в моём характере.

— Когда мы летели сюда, — вдруг проговорил Кванджон, когда начало казаться, что нам нечего друг другу сказать на прощание. — Я предупредил его, что хочу честной борьбы за твоё сердце. Я надеялся, что твои чувства вспыхнули по прошлым воспоминаниям, но не так сильны, как ты считала. Но я ошибся. Просчитался в тебе. Снова. Ты бы не говорила с любви, если бы не была уверена в ней.

— Прости, Кванджон, — комок внутри снова накалился. Всклипнув, я тяжело вздохнула и продолжила. — Прости, что не могу ответить на твои чувства. Я так тебе благодарна, что ты прилетел спасать меня. Но даже благодарность не может заставить моё сердце любить кого-то кроме него.

— Твоё сердце действительно принадлежит ему без остатка, — как-то грустно проговорил Кванджон и наконец посмотрел на меня. Он слабо улыбнулся и провёл по моей макушке. — Не плачь, Ксения, и не стыдись чувств. Их подделать нельзя. Вот наступило и моё время для принятия отказа. Непривычные ощущения. Мне в любом случае не удалось бы победить. Только если бы ты его никогда не встретила. Но он был и это исправить никому не под силу. Знаешь, я подсознательно чувствовал соперника и ждал его прихода. Иногда ты словно уплывала от меня. Вроде бы со мной, но не со мной. Вроде бы смотришь на меня, но видишь не меня. Я не хочу тебя терять, но и жестоким с тобой не могу быть. Я принимаю твой отказ, Ксения, и отпускаю, потому что люблю.

Я вздрогнула и невольно шагнула к нему.

— Кванджон, я не заслуживаю тебя.

— Кто знает, Ксения. Может быть и наоборот. Но мои чувства вряд ли от этого изменятся.

Я грубо стерла с щек слезы и отвернулась. Теперь наша история завершилась. Линии судьбы, которые временно сплелись, разорвались. Он это тоже понял и вдруг притянул меня к себе, обнимая.

— Желаю тебе счастья, Ксения.

— И я тебе.

В какой-то момент он отступил. Он больше не смотрел на меня. Его заинтересовало что-то за моей спиной. Поэтому я тоже оглянулась. Там стоял Глеб, а рядом с ним Мати. Они с улыбками общались друг с другом, а затем скрылись в палатке.

— Он хороший человек, — глухо проговорил Кванджон и добавил. — Обещаю, что помогу детям. Хотя не знаю, что пока делать с заводом....

— Он ведь у тебя не большой, — перебила его я. — Возможно от работы не откажутся из других деревень. Если ты, конечно, ещё в этом заинтересован.

— Да, конечно.

— А дети.... Их тоже нужно пристроить или помочь как-нибудь, чтобы они выжили.

— Думаю, уже завтра мы всё узнаем. Иди отдыхай, Ксения.

Кивнув, я ушла в медпункт и легла на койку. Я медленно проваливалась в сон, но одна

мысль неприятно царапала.

Глеб обещал прийти, но не пришёл.

**

На следующий день приехала местная полиция с представителем от Интерпола. Они мной не интересовались. Единственный человек, который общался с ними, — Кванджон. Они узнали у него подробности и причины его поступка, поблагодарили за помощь, а также пообещали, что его имя будет сокрыто от СМИ. Герман подъехал где-то на два часа позже полицейских. Они общались сухо, но без напряжения. Всё же тот, кто был нужен ФСБ уже не подлежал экстрадиции.

После долгого разговора с Интерполом Герман нашёл меня. Его больше интересовала я вместе с личными вещами и компьютером Анатолия, за которые он боролся с полицией. Во время разговора со мной Герман кое-что объяснил.

Салкын — это тот самый босс всего ОПГ, а также сводный брат бизнесмена Воровицкого. Он давно находился в списках подозреваемых, но ловко уходил от правосудия, что даже громкая экстрадиция его из Египта никак не помогла. Свидетели по делу успели погибнуть до суда. Но сейчас его взяли с поличным в клубе. Там оказалось достаточно доказательств, чтобы надолго его посадить. А вот Анатолий мог скрыться, если бы не его желание отомстить мне. Наемники сотрудничали с ним не первый раз, но ими заинтересовался Интерпол уже давно и совсем по другому делу.

— А что будет со мной? — Под конец решила спросить я. — Ведь я его убила. Разве это не превышение самообороны?

— Ксения, у вас на руках запись, как Анатолий признавался в своих преступлениях. Как он угрожал вам расправой, а затем кинулся, чтобы убить. Сейчас вам разрешено вернуться в Россию, где я вам пришлю повестку. Там я проведу с вами допрос и скорей всего вы будете проходить по делу как основной свидетель, а также жертва.

— Меня никто не будет арестовывать?

— Тут нет состава преступления.

— Но я была рада, что умер. Когда он рассказал про Ануш, я хотела его смерти, — призналась я, кутаясь в одеяло.

— Давайте так, — вздохнул Герман. — Отправляйтесь скорее в Аддис-Абебу. Там пройдите обследование у доктора по поводу сотрясения и трещины. Затем летите в Москву и отдыхайте. У меня тут ещё достаточно работы. Нужно перевезти тело Хрусталева вместе с вещдоками. В Москве вы обязаны побыть со семьей и с друзьями. Можете записаться к психологу, слышал, что они действительно кому-то помогают. А когда я вернусь, то сразу свяжусь с вами.

Согласно кивая для порядка, я отправилась собираться. У меня кроме маленькой набедренной сумки с паспортами и деньгами ничего не было. Поэтому я только тщательно умылась, расчесалась и поправила вчерашнюю одежду так, чтобы она не висела на мне как мешок. Когда я вышла из палатки, то увидела знакомую грузовую машину и улыбающегося эфиопа. Абель радостно помахал мне и с облегчением обнял.

— Напугала ты старика, — поворчал он. — Я, когда узнал про пожар в Шеке, то сразу полетел туда быстрее ветра. Но там уже никого не было, кроме стервятников. Там-то я потом встретил тех двоих, что искали тебя. Один твой сородич, а другой этот.

Я глянула, куда показывал Абель. Там стояли Глеб с Кванджоном. Они что-то обговаривали, но явно не соглашались друг с другом. Затем они в чём-то сошлись, но в конце

без прощаний разошлись. Кванджон ушёл к полицейским, а Глеб к детям, которые только что вышли из палатки.

— Абель, — тихо позвала мужчину я. — А вы знаете, тут есть хорошие приюты?

— Хотите пристроить детей? — быстро понял меня эфиоп.

— Да. Перевезти детей через границу, чтобы помочь в России, я вряд ли смогу. Но, чтобы и тут помочь, мне понадобится чужие руки. Может у вас есть идеи?

Я с надеждой посмотрела на Абеля, который хмуро жевал щеку. Он мельком пробежался взглядом по детишкам, задержал внимание на Бехати и Мати и вздохнул.

— Ксения, есть одна мыслишка. Но без тебя я не смогу.

— У вас есть место для их житья? — Обрадовалась я, и слегка подпрыгнула.

— Есть у моей сестры. Она живёт не в городе, как я, но недалеко. Дом не большой, но если всё достроить, то места всем хватит. Правда, первое время тяжело будет.

— Насчет денег можете не беспокоиться, — воскликнула я. — К тому же Джемаль, та девочка, — я быстро указала на неё. — Её обязательно нужно отправить в медицинский. Да и Мати не мешало бы пойти учиться в университет. Я помогу с ними со всеми, но им понадобится... передержка.

Пообещав, я сложила руки в молитвенной позе и умоляюще уставилась на Абеля. Он покачал головой и вздохнул.

— Ладно, Ксения. Раз так, то помогу им.

Я вскрикнула и обернулась к ним. Они сгрудились вокруг Глеба и с большим вниманием его слушали. Я подкралась к ним и громко хохоча подскочила.

Кто-то из них заулыбался, кто-то испуганно вскрикнул и только Камали сразу потянула ко мне ручки. Подхватив девочку, я оглядела каждого и проговорила на амхарском.

— Ребята, я кое о чём договорилась. Как вы думаете, если все вы поедете в дом к Абелю. — Они заглянули за мою спину и нахмурились. Мати наклонил голову и что-то прошептал, а Бехати с тревогой поглядела на младенца. — Я понимаю, что сейчас вам будет очень сложно. Мне тут нельзя оставаться по некоторым причинам. Да и перевезти вас всех в Россию мне никто не разрешит. Но зато я могу вас доверить хорошему человеку и помочь вам встать на ноги. Чтобы вы все выжили, получили образование и мизерный шанс спастись. Что вы думаете?

— Мы с вами никак не можем? — спросила Джемаль.

— К сожалению, нет.

— Это я должен о них заботиться, — глухо проговорил Мати и вздрогнул, когда я коснулась его руки.

— Мати, я знаю. И ты обязательно о них позаботишься. Но пока тебе нужно набраться сил, как и всем остальным. Я помогу вам. Я вас ни за что не брошу. Буду также приезжать к вам, если мне позволят вернуться.

— А не буду ли я бесполезной, — вдруг спросила Бехати.

— Если вдруг такое случится, — проговорила я. — То тогда я помогу тебе с переездом в Россию. Ты взрослая, поэтому с тобой проще.

— Он действительно хороший человек? — сурово спросил Мати, напрягаясь всем телом.

— Да. Я постараюсь наладить с вами прямую связь, чтобы не потеряться. Согласны?

Дети переглянулись, но решал теперь за них Мати. Он снова внимательно осмотрел старика и кратко кивнул. После этого Абель махнул им рукой, чтобы они залезли в

грузовик.

Теперь со мной остался один Глеб. Камали тоже быстро убежала за остальными детьми. Он с улыбкой наблюдал за взбирающимися ребятами, но почему-то не глядел на меня. Я рассматривала его мужские черты лица, которые изменились за эти годы. Раньше я не ценила то, что могла к ним легко прикоснуться. Но сейчас мой взгляд пробежался по линии носа, спустился к рельефным губам, к чёткому подбородку. Мне хотелось приблизиться к нему и уткнуться в изгиб между плечом и шеей. Но почему-то мне казалось, что Глеб за ночь отстранился от меня. Будто после его ухода из медпункта всё изменилось.

Я не рискнула приблизиться к нему, а тем более поцеловать. Я могла только рассматривать его, замечая мимолетные чувства, которые скользили по его лицу.

— Ты снова справилась без чужой помощи, — вдруг хрипло проговорил Глеб.

— Я? Почему же без чужой, — возразила я. — Это Абель согласился помочь.

— Но это ведь ты решила проблему с приютом для детей, — с улыбкой ответил Глеб и неожиданно посмотрел на меня. — Мы с Кванджоном последний час только и спорили, что с ними делать. А ты справилась за пятнадцать минут.

— Мне повезло? — то ли спросила, то ли попробовала оправдаться я.

— Малахит исполняет желания не только свои, но и чужие, — с какой-то внутренней печалью проговорил он.

После этого нас позвали. Абель согласился отвезти ещё и меня с Глебом в Аддис-Абебу. Там я должна пройти небольшое обследование на аппаратуре, а затем мы вдвоем отправимся домой. Кванджон тоже уже собирался со своим отрядом в Корею. Мы в последний раз переглянулись, затем он махнул мне и сел в мощный внедорожник. Тем временем Интерпол с полицией и с Германом задерживались в лагере.

Машина, забитая детьми и нами, медленно отправилась в Аддис-Абебу. Дождик мелко накрапывал, но не надолго. Скоро должны были вернуться мощные сезонные дожди.

В аэропорту, ожидая самолёт до Домодедово, я постепенно приходила в себя. Привычная людная суматоха успокаивала и возвращала старые воспоминания. Мне нравились аэропорты, а сегодня симпатия к ним переросла в любовь. Не думала, что отсутствие цивилизации в действительно опасных условиях так пугает. Я наслаждалась своим нахождением среди людей.

Единственное, что меня сейчас беспокоило, — Глеб. Он молчалив, суров и отстранен. Что могло измениться за эти часы порознь? Он осознал, что я убила человека? Он разлюбил меня, потому что стала... убийцей. Недавнее хорошее настроение скатилось в пропасть. Бурная неделя или даже месяц в эмоциональном плане утомили меня.

Убив одного и дав жизнь другому, я изменилась. Недавно я боялась, что мне придётся воспитывать сына, от которого отказалась ещё до его зачатия. А сейчас... я с нетерпением ждала своего возвращения к семье.

К тому же я словно перестала бояться чувствовать. Что со мной могло случиться, если кто-то вдруг узнает, что я чувствую? Вот именно — ничего. Если я полюблю, доверюсь, а затем разочаруюсь. Какая разница, что другие люди увидят меня такой. Я не умру от этого, а тотальное одиночество и отстранение других от себя точно не сделает меня счастливой. Разве такую жизнь правильно называть жизнью, а не существованием. Кн и го ед . нет

— Люблю аэропорты, — неожиданно (даже для самой себя) проговорила я. — Шумные, эмоциональные, суматошные. Тут люди кажутся настоящими. Они взволнованы или уставшие. Они не думают о том, как они выглядят. Они просто находятся в моменте

перелёта с одного места на другое. В моей жизни было столько аэропортов, что даже не вспомнить сколько. Но кажется я заново влюблюсь в Домодедово и в Москву.

Я откинула голову назад и улыбнулась. Моя любовь к Глебу не изменится от его отношения. Если он передумал, то ничего. Но он должен узнать, какие у меня к нему чувства.

Повернувшись к нему, я увидела его профиль. Он не смотрел на меня, но хотя бы отреагировал хмыканьем на моё признание.

— А я ненавижу аэропорты, — проговорил Глеб, опуская голову. — Потому что они отбирали у меня тебя.

По аэропорту раздалось объявление на посадку до Москвы. Мы молча проходили проверку и регистрацию. В тишине рассаживались по местам в бизнес-классе. Самолёт готовился к взлёту, когда я повернулась к Глебу и решительно проговорила:

— Я люблю тебя, Глеб.

В эту же секунду самолёт набрал скорость и готовился отрываться от земли. Борт слегка задрожал, а Глеб резко развернулся ко мне с распахнутыми глазами. Его руки сжимали подлокотники, а тело было напряженно, когда самолёт снова дернулся. Но шум вокруг не отвлекал. Я хорошо расслышала, как приглушенный голос Глеба спросил.

— Что ты сказала?

— Ты боишься летать?

— Что ты сказала, Ксюша? — Он громче повторил вопрос.

Мы отрывались от земли, когда я положила руку на сжатые мужские пальцы.

— Я полетела в Корею, чтобы расстаться с Кванджоном. Потому что он хотел жениться, а я никогда его не любила. Ты единственный, кому я признавалась в чувствах. Если признаваться, то во всём. Ты единственный мужчина — не друг и не член семьи, которого я любила всем сердцем. Только с тобой любое место превращалось для меня в райский уголок. Я уехала тогда, потому что по юности не ценила эту способность. По глупости я боялась сильных привязанностей, а также боли, которая может быть и в то же время не быть. Но мой побег не изменил моих чувств. Я не прекращала любить тебя и видеть в других одного тебя. Я старалась закрыться от тебя, когда ты снова появился в моей жизни. Но как можно закрыться от того, что являлось частью меня. Проще отрезать от себя кусочек, чем разлюбить тебя.

— Ксюша...

— Ты моя первая и единственная любовь... И сейчас мне страшно, что после инцидента с Анатолием, агентством и со всем остальным, я стану для тебя мерзкой и противной. Вдруг ты меня разлюбишь. Поэтому я хочу спросить, — всхлипнула я. — Ты меня ещё любишь? Я до сих пор твоя любимая не смотря ни на что?

Глеб развернулся ко мне всем телом, хотя ремни безопасности сопротивлялись этому. Он сжал мою руку и притянул к губам, касаясь мягким поцелуем костяшек.

— А иначе никак... Ты ведь никуда больше не собираешься сбегать? — Спросил Глеб, разглядывая меня.

— Куда? Я объездила весь свет, но так и не нашла места лучше, чем рядом с тобой. Мне некуда бежать, кроме как к тебе. Я больше не исчезну без объяснений. Обещаю!

Прямой рейс летел около восьми часов. Всю дорогу мы не проронили ни звука. Только держались за руки и периодически поглядывали друг на друга.

Мы снова вместе — спустя тринадцати лет блужданий.

Через иллюминатор соседа просматривались очертания Москвы. Она встречала меня с распростертыми объятьями, как родной дом, а не как город передержки. Любовь, которую я отвергала, чтобы не привязываться, теперь приятно согревала изнутри. Мне даже начало казаться, что я стала излучать невидимый свет.

Опустив голову на плечо Глеба, я вздохнула, а он сжал мои пальцы в понимающем жесте.

«Уважаемые пассажиры, рейс Аддис-Абеба — Москва прибывает в пункт назначения. Просьба привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть ремни безопасности. Мы снижаемся. Спасибо за выбор Ethiopian Airlines».

Темнокожая стюардесса проговорила на английском объявление через интерфон, а затем выглянула в салон для проверки. После самолёт начал снижение и мягко приземлился. Пассажиры зааплодировали, и я вместе с ними. Глеб усмехнулся и тоже поддержал благодарность пилотам. Встав первым, он достал нашу ручную кладь, затем взял меня за руку и повёл за собой на выход.

— До свидания, — попрощалась стюардесса на амхарском.

Кивнув ей, я крепче прижалась к плечу Глеба. Мы аккуратно спускались по трапу, а потом автобус довёз нас до терминала. Когда мы вошли в него, то я сразу заметила наших встречающих. Девчонки-модели из агентства держали яркий транспарант с моим именем. Марина и Матвей махали мне руками так усиленно-безумно, словно сбежали из психушки и надрались чем-то крепким. Денис, самый степенный из компании, чинно поднял табличку и помахал ею.

От шока я затормозила, прижав ладони ко рту. Глеб тут же мягко подтолкнул меня вперёд.

— Ребята, — чуть плача простонала я, подходя к ним.

— Ксюха! Малахит! — по-разному вскрикивали они, а затем плотным кольцом обступили меня.

— Ксюха, — вклинился в толпу Матвей и, хлопнув, положил руку на моё плечо. — Я требую от тебя честного ответа! Ты добивалась моего инфаркта? Посмотри, — он опустил голову передо мной, демонстрируя волосы. — Мне кажется, где-то там можно найти седину. Если ты ещё раз, — посмотрел на меня друг. — Заставишь меня испытать подобное, то я не знаю, что сделаю.

— Прости, Матвей, — я обняла его и даже вытерла немного соплей со слюной о лацкан его спортивного пиджака. — Я сама думала, что это конец.

— Глупая, Малахит, — погладил по волосам друг, а затем резко оторвал меня и залихватски улыбнулся. — И кстати, у меня получилось. На этой неделе тебе нужно приехать в отдел опеки, пройти пару проверок и Лев твой по закону.

— Спасибо, — проговорила я, ещё раз обнимая друга. — Тогда завтра или даже сегодня туда заеду.

Кто-то осторожно постучал мне по лопатке, и я обернулась. Марина кинулась мне на шею и вперемежку со всхлипами зашептала в волосы.

— Ты меня так напугала, Ксюша. Ну, куда ты без меня? Только прошу, больше не вздумай молчать, когда тебе плохо. Если у тебя проблемы, то я приду и помогу тебе. Не смей так рисковать.

— Хорошо, — со всей искренностью пообещала я. — Больше так не буду себя вести. Прости, Марина. Такой подруги, как ты, мне не найти.

Она снова всхлипнула мне в волосы и сжала в объятиях. Из-за её плеча я наблюдала, как Мила также крепко обнимала Глеба. Ксютка целовала отца и звонко хохотала, когда он провёл большим пальцем по её щечкам. Он сильно любил каждую свою девочку, а они отвечали ему взаимностью.

Наши с Глебом взгляды столкнулись. Его глаза говорили, что я теперь тоже его девочка, которую он любит.

— Да ладно, — Марина резко отступила, будто не она только ревела, и вытерла костяшкой большого пальца под носом. — Не известно, как бы я себя вела в такой же ситуации.

Денис притянул девушку к себе и подставил мне ладонь для «дай пять». Я его не разочаровала, и тогда он с улыбкой добавил:

— Рад, что ты цела.

После модели оттеснили всех остальных. Они громко плакали и выражали эмоции. Кто-то из них раздавал сухие салфетки из огромной упаковки. Последней ко мне приблизилась Рейвен.

Я взяла её за руку и тут же спросила:

— Как ты? Ты сильно пострадала во время....

— Нет, Ксения. — Она покачала головой. — Я... просто... испугалась. Сначала там в клубе... А потом, когда нам сообщили про ваше исчезновение. Я подумала, что не справилась. Ведь вы всё-таки пострадали.

— Ты не виновата. Мне приготовили ловушку, вот я и попала. Но ты справилась. За это я благодарна тебе. Было бы намного хуже, если бы преступники остались на свободе. Ты так не считаешь?

Варя кивнула, скрывая слёзы под распущенными волосами. Я отступила от неё и оглядела всех.

— Так, девочки, — они все посмотрели на меня. — Ну, не только девочки, — в ответ послышались смешки. — Мне нужна неделя, чтобы прийти в себя. Да и вам я думаю тоже. Но я не собираюсь отступать от конкурса. Он полностью придуман. Кстати с нами хочет работать Гайднер Виктор и Рене, так что.... Если всё в силе, то у нас уйма работы.

— Ксюша, — выкрикнула Марина. — Лессовский поддержал тебя. Так что конкурсу точно быть. Всё же ты сильно запала ему в душу.

Опять прозвучали смешки, а я смущенно улыбнулась.

— Тогда тем более мне нужно привести себя в порядок. А затем продолжим исполнять мечту одного дорогого для меня человека. Как думаете? Хорошая идея?

— Да! — крикнули девочки.

— Так, — заорала Марина. — Модели, я вас забираю в агентство. — Она резко повернулась к Денису и не менее громко добавила. — Денис, помогай собирать стадо красавиц, а после гоним их в офис.

— Рубин, почему вы нас так называете, — заупрямилась блондинка с крупными кудрями. — А то я себя рили овечкой чувствую.

Скрывая улыбки, модели под предводительством Марины и Дениса потопали к выходу. Теперь остались только мы — я, Матвей и Глеб со своей маленькой девичьей семьей.

— Тогда я вас подвезу? — Предложил Марков с ухмылкой.

— К сожалению, да, — посмотрел на него Глеб. — Ты ведь хорошо присматривал за МОЕЙ семьей?

— Клянусь честью, — Матвей выпрямился перед Глебом, демонстрируя всю свою благородную статью. Но опять промахнулся.

— Не клянись тем, чего у тебя нет, Марков, — оборвал его Глеб и повел своих девчонок вперёд к выходу.

Я и Матвей поплелись за ними, отставая на десяток шагов.

— Столько девчонок вокруг, а жадничает. Ведь может хотя бы одной поделиться, — глухо заворчал Марков.

Хмыкнув, я слегка толкнула друга.

— Нет, ну, а что... Вы ведь теперь вместе? — С серьезным видом уточнил друг. — Я видел, как вы держались за ручки. Я делюсь с ним своим другом, а он пусть поделится своей сестрой.

— Матвей! — Воскликнула я. Из-за чего на нас тут же оглянулся Глеб и подозрительно уставился на Маркова. Когда его снова отвлекли, я прошептала почти одними губами. — Ты бы поосторожнее с этим.

— Ага, я уже это понял. А он точно человек? Вдруг он оборотень с нечеловеческим слухом и с обострённым чутьём, — с обреченностью проговорил Матвей.

— Скорее обычная братская любовь, — улыбнулась я.

Мы, сидя в автомобиле, выехали с парковки аэропорта, когда Люся громко сделала предложение:

— Все приглашены на обед. — Она посмотрела на брата и добавила. — Я приготовила крем-суп и испекла чизкейк. Матвей, ты тоже к нам заходи. У всех сейчас ведь праздничное настроение?

— Но Ксюша..., — засомневался Глеб.

— Может ответить за себя. К тому же она явно не хочет расставаться с тобой после такого стресса, — уверенно проговорила Люся и невозмутимо отвернулась. — Или я не права?

Глеб сомневался. Он посмотрел на меня с заднего сиденья, задавая безмолвный вопрос. Я оглянулась и с улыбкой кивнула Люсе.

— Ты права. Не хочу. Точно не сегодня.

— Вот и решено, — торжественно проговорила сестренка Глеба.

Люся с довольным видом хлопнула в ладоши и оглядела всех присутствующих, задерживая внимание на Маркове, который прятал улыбку.

— Но Матвей возможно не захочет остаться. — Глеб с намеком попробовал отменить приглашение своему недругу. — Он ведь крутой бизнесмен, у которого минуты стоят дороже часовой оплаты обычных рабочих. Давай не будем утруждать его нашим вниманием.

Глеб с надеждой уставился на профиль Матвея, но он забыл, какое хобби у бывшего одноклассника. Марков обожал обламывать других и ломать чужие планы и надежды.

— Что ты, Глеб, да я только «за». А то недавно внепланово скинул несколько кило из-за стресса, — он кинул на меня злой взгляд. — Как ты вообще додумалась попросить меня включить запись? Я в ту секунду даже не думал о доказательствах.

— Подумала, что если умирать, так с песней, — грустно улыбнулась я. — Захотела подгадать Анатолию в последние секунды своей жизни.

— Чокнутая, — прошептал Матвей и покачал головой.

Я сама не понимала, как решилась на такое. Как сумела бороться до победного и не струхнуть в последний момент.

В салоне повисло молчание. Ксютка играла в ладушки с отцом, а остальные о чём-то глубоко задумались. В какой-то момент Матвей потянулся к магнитоле и включил её. Раздалась песня нашей юности. Я помнила её, потому что слушала после похорон. Она меня успокаивала и некоторое время дарила облегчение. В те годы она даже стала хитом. Видимо не мне одной она запала в душу.

— Как же мне нравится эта песня, — вдруг проговорила Люся, покачиваясь в такт музыке.

Глеб улыбнулся и поправил волосы Ксютке, которая махала ногами в детском кресле.

— Это песня из нашей молодости, — ответил ей брат. — Мы тогда из десятого переходили в одиннадцатый. Рустам от этого хита сходил с ума. Мог слушать его часами. Даже на рингтон поставил.

Мы с Марковым одновременно усмехнулись. Как-то не соответствовала эта танцевальная попса гиганту Рустаму. Он всё же огромный самбист, который пугал одним только видом, а зависал под такую незатейливую песню. Как он вообще смог очаровать нашу

классную учительницу и даже жениться на ней, хотя я точно помнила, как она тряслась перед ним.

— И что, — вдруг холодно процедила Люся и повернулась к брату всем корпусом. — Мне теперь запрещается её слушать?

— Нет, конечно, — растерялся Глеб.

— Или может быть вы, старички, — она обвела нас пальцем. — Устройте митинг запрета слушания музыки ваших времен? Вы ведь такие старые, а я молодая. Вдруг мои ушки постареют раньше времени от прикосновения к вашему поколению.

Люся глянула на меня и затем перевела взгляд на поджавшего губы Матвея.

— Почему столько акцента на возрасте, — подозрительно уточнил Глеб, всматриваясь в сестру.

— Просто, — пожала плечами девушка и отвернулась к окну.

— Сомневаюсь, что просто, — устало провёл по лицу Глеб, а затем вперил взгляд в Матвея. — Или ты это говоришь не всем нам, а кому-то конкретно?

Упс... Братское сердце Глеба чувствовало подвох и опасность. Я повернулась к окну, чтобы не выдать себя. А Матвей тем временем с невыразительным выражением лица крутанул руль и объявил:

— Приехали!

Мы по очереди вышли. Глеб с девчонками снова шли чуть впереди.

— Это было близко, — прошептал Матвей, включая сигнализацию.

Мы догнали их у лифта и молча поднялись в квартиру Глеба, где я ещё не была. Люся убежала на кухню подогревать обед. Марков пошёл с ней, чтобы достать тарелки, как он громко всех предупредил. А я ушла в ванну. Спустя пару минут ко мне заглянул Глеб. Он молча взял меня за руку и повёл в свою комнату.

— А где Ксютка?

— Мультики смотрит. Она поест и сразу спать ляжет. Уже успела устать, — улыбнулся он. — А вот тебя надо подлечить.

Глеб невозмутимо обрабатывал раны и смазывал заживляющим кремом обожженную кожу. Его касания не причиняли мне боли. Они согревали и навевали воспоминания о нашей единственной ночи.

— Выгляжу наверное ужасно, — простонала я, когда заметила своё отражение.

— Ты прекрасно выглядишь, Ксюша, — возразил он. — Сейчас тебе нужно вылечиться и отдохнуть. После ты почувствуешь себя лучше.

Глеб прикоснулся к моей щеке, будто снова искал в моих глазах радугу. Между нами медленно сокращалось расстояние и в какой-то момент его губы согрели мои. Мой вздох застрял между нами. Моя ладонь заскользила по груди Глеба, где билось сердце, а затем спустилась к напрягшемуся животу. Он стал крепче за эти годы. Его же пальцы тем временем запутались в моих волосах. Наш поцелуй становился жарче, что мы даже не заметили, как завалились на кровать, продолжая целоваться и касаться друг друга.

— Ксюша, как же я скучал, — прошептал он.

— И я...

Глеб навис надо мной, целуя шею, прикусывая мочку уха, от чего я вздрогнула и вспыхнула. Возбуждение прокатилось по моему телу, от чего я задрожала.

— Хей, голубки, вы про нас не забыли! — Марков с силой стукнул по запертой двери, незамедлительно остудив нас.

Глеб недовольно уставился на дверь, которая скрывала Матвея, и со вздохом приподнялся. Через минуту я присела рядом с ним. Он задумчиво смотрел вперёд, когда вдруг спросил:

— Тебе не показалось странным поведение Люси?

— То есть, — кашлянула я, не зная куда спрятать взгляд.

— Она ведь не могла влюбиться в Маркова? Или он её соблазнить? Он же не настолько испорченный?

— А что, это плохо? Матвей отличный парень, вообще-то, — проговорила я. — Не думаю, что он будет обижать твою сестру.

— Да нет, это бред, — вдруг опроверг самого себя Глеб и встал. — Он не мог заинтересовать мою сестру. Мне просто показалось.

Я же только хмыкнула, но не ответила. Я не видела сложности в отношениях между Матвеем и Люсей, но между Матвеем и Глебом — проблемы явно были. Причем с обеих сторон. И как им помочь преодолеть это, я не знала. Помогать в отношениях — это совсем не моя специфика.

Мы вошли в гостиную, где Люся успела подготовить стол, а Матвей раскладывал тарелки. Марков подмигнул нам, когда заметил, но Глеб глухо проговорил:

— Неприятный вид. Мрак в моём доме и ведёт себя как часть семьи.

Они ведь не начнут драку, если что. Если вдруг поспорят или поругаются.

Но мы всё же сели за стол и пообедали в тишине. Глеб убедился, что Ксютка хорошо поела, а затем увёл её в спальню. Она уже давно клевала носом. Люся изящно встала и незаметно от брата провела по руке Маркова, а затем ушла на кухню, чтобы приготовить десерт. Я резко подседа поближе к другу и зашептала:

— У тебя есть хоть какой-нибудь план? Он не рад перспективе родства с тобой.

— Да я тоже не рад перспективе родства с ним. Это ведь каждый праздник его рожу видеть, — в ответ зашептал Матвей, чуть наклонившись. — Но как говорится, и такое бывает. Это не в его и не в моей власти. Пусть привыкает.

Он развёл руки и в этот момент вернулся Глеб.

Они вдвоём собрали большой стол в форму кофейного. После чего Люся внесла испеченный ею торт. Я отсела от друга, а тот взволнованно провёл по лбу. А Глеб ещё более подозрительно уставился на Маркова.

— Брат, сходи за чайником.

Он вышел, а Люся раскладывала торт по тарелкам, а затем отломил кусочек и на вилке поддала попробовать его Матвею. Марков с сомнением смотрел на девушку, умоляя глазами перестать его дразнить, но она настаивала на своём. Уже слышались шаги возвращающегося Глеба, когда я толкнула друга, чтобы ускорился.

Он быстро съел предложенный кусочек, а Люся, довольная, отошла и села на кресло. Я же неожиданно засмушалась, сдерживая несвоевременный смех. Один Глеб оставался суров и подозрителен. Он разлил кипяток и сел ко мне на диван.

Мы снова молча пили чай, не рискуя раскрыть рот. Я надеялась, что застолье закончится мирно, если, конечно, Люся не захочет рассказать нам о своих чувствах Матвею. А она, ой, как хотела это сделать. Только для чего? Чтобы их отношения пошли дальше или, чтобы подразнить Маркова?

В какой-то момент я заметила тайные переглядки парочки, как вдруг Люся ухмыльнулась и задумчиво проговорила:

— Я тоже хочу татуировку. Примерно такую же, как и у Матвея.

Она невозмутимо засунула ложку с тортом в рот и протяжно застонала, словно не замечая, как вокруг изменилась атмосфера. Глеб уставился на Маркова, ища тату на видном месте. Он ещё в машине скинул пиджак и остался в белой футболке, которая открывала чистые руки и шею. Матвей же чуть не подавился от столь пристального взгляда, но умудрился ему ещё и улыбнуться. Вот же бессмертный.

И тогда Глеб дошёл до грани. Он нахмурился, отставил от себя кружку и тарелку и наклонился немного вперёд.

— Не понял, — пробурчал он. — А ты откуда знаешь, что у Маркова есть тату? Может, ещё знаешь где оно?

— Вот глупый, — засмеялась в ответ Люся, поправляя волосы. — Конечно, знаю. А вот откуда... Такие вопросы брат не должен задавать сестре. Ведь и так понятно откуда.

Ту-дум!

Почему нынешняя ситуация казалась опаснее и нестабильнее, чем то, что я пережила в Африке?

Глеб перевёл грозный взгляд на Матвея, который наконец-то начал нервничать. А Люся тем временем как ни в чём не бывало крошила торт на тарелочке. Я же глазами искала все возможные будущие орудия преступления, которые нужно срочно убрать с пути Глеба.

— И как это понимать? — сухо спросил Глеб.

— Ты только не кипятись, хорошо? — попросил Матвей. — А то уже пар выходит из ушей.

— Не переводи тему.

— Ну, ты мне лучше дай минутку. Дух перевести. А то дельные идеи под твоим грозным братским взглядом не приходят, — увиливал от ответа Мрак.

— То есть, — прорычал Глеб, сжимая кулаки. — Сначала я терпел тебя, когда ты крутился вокруг Ксюши.

— Ну, ты и вспомнил, — залихватски улыбнулся Матвей, махнув в мою сторону. — Прошло то лет тринадцать с тех пор.

— А теперь ты свой темный глаз положил на мою сестру, — продолжил рычать Глеб, чуть привставая.

— Да, кто же знал, что она вырастет так быстро, — хохотнул в неудачное время Марков.

Я успела только ноги подобрать под себя, а Люся громко ахнуть, когда Глеб полетел к Матвею и вцепился в его футболку. Приподняв наглеца с кресла, оскорбленный брат затряс его.

— Как ты посмел, — орал тот. — Она ведь моя сестра. Я ведь просил присмотреть за ней, а не ухлестывать.

— Каюсь, — поднял руки Матвей. — И к своему оправданию могу сказать одно, то, что ухлестывать я начал за ней до твоей просьбы. Не признал я её, когда с ней столкнулся. Да кто бы мог предположить, что из маленькой девочки получится такая красивая малышка.

Люся хихикнула и заулыбалась. А я немного побледнела. Потому что вид озверевшего Глеба меня беспокоил больше. Я никогда не видела его таким... злым, яростным и безумным. Он не любил, когда проявлял слишком много эмоций, которые напоминали ему о матери. А сейчас он оказался на пределе.

Он не замечал, что это Люся играла с Матвеем, как настоящая кокетка. А не он соблазнял её и преследовал, как какой-то распутник.

В какой-то момент до друга тоже дошло, что Глеб на грани. Если он опять что-нибудь ляпнет в сторону Люси, то рискует отведать кулаков оскорбленного брата.

— Глеб, честно, не признал в ней твою Люсю. Давай, ударь меня за это. Только прошу не в лицо. У меня совет директоров через два дня. Бей в живот.

Глеб не мешкая размахнулся и точным ударом пробил корпус Матвея.

— Ох, — выдохнул Марков. — Вот же, Глеб, ты ведь программист. Ты над клавиатурой что ли качаешься...

За первым ударом последовал второй, но уже в лицо обидчика. Глеб замахнулся для третьего удара, когда Люся вскочила и закричала.

— Остановись, Глеб. Он не виноват, — кулак брата замер. — Он правда не узнал меня. Это я его соблазнила. Я его сразу узнала, а он, что логично, нет. Он не понял, кто перед ним. К тому же я назвалась Милой, а не Люсей. Как все привыкли. Матвей правда не виноват.

Глеб ткнул пальцем в кровоточащий нос Маркова, добавляя боли.

— Не радуйся раньше времени, — предупредил его Глеб. А затем уставился на сестру тяжелым взглядом. Но он её не пугал. Люся смело подошла к брату и отвела кулак от лица возлюбленного. Тогда Глеб сипло спросил: — Зачем?

— Потому что я люблю Матвея. И всегда любила. А ещё я хотела, чтобы первым был он.

— Оу, — выдохнул Марков, сжимая пальцами нос.

Глеб выпустил из рук футболку моего друга и толкнул его в кресло. Он отступил, принимая сторону сестры. Я же снова пихнула друга в ногу и проникновенно процедила:

— Марков, вали уже отсюда.

Он сначала не понял. Нахмурил брови, скосил взгляд на ходячего из стороны в сторону Глеба, а затем распахнув рот понятливо проговорил:

— Да, точно. Мне пора. Лицо починить нужно. Ксюша, пока. Глеб, пока. Мила... то есть Люся... думаю мне пока опасно с тобой говорить. Но я тебе напишу.

— Р-р-р!

— Понял, валю отсюда!

Матвей быстро смылся из квартиры, а Люся ушла к себе. Глеб стоял в центре комнаты, пялясь в одну точку. Тогда я решительно встала и подошла к нему.

— Почему он? — Глеб тихо простонал и сморщился, будто мучился мигренью.

— Он не настолько плохой, как ты думаешь. — Пробормотала я, надеясь, что это не вызовет у него новый всплеск гнева. Всё же я не привыкла видеть его злым.

— Понимаешь, Ксюш, — устало начал Глеб. — Он меня со школы бесил. Вот сразу мне было ясно, что этот парень бесит меня и всё. Потом я начал его ненавидеть из-за тебя, — я в ответ кивнула, а он продолжил. — А сейчас мне нужно принять тот факт, что этот бесящий засранец окончательно вошьется в мою семью. Серьёзно? Почему он? Я бы так не бесился, если бы Люся влюбилась в любого другого одноклассника. Рустама, например, или даже в Бельковых. Они, кстати, тоже меня раздражали в школе, хотя не так, как этот. Но Матвей Марков! Это заноза в заднице. Почему именно его мне нужно принять в качестве возлюбленного моей сестры. Как её будущего жениха, а затем мужа?!

— Может быть это судьба?

— Это закон Мерфи, а не судьба, — прорычал Глеб и упал на диван. Он растер руками лицо и вздохнул. — Ладно, сестру я люблю больше, чем ненавижу этого пройдоху. Но если он её обидит, то последнее, что он увидит, это мой кулак.

— Спасибо, — заверещала Люся, вбегая в гостиную. Она кинулась брату на шею и

несколько раз поцеловала его в щеку. После чего подпрыгнула, ринулась обниматься ко мне и вновь убежала. В руках у неё уже находился телефон, и она кому-то ловко отписывалась. Через время она вернулась и прошептала. — Ты у меня лучший брат на свете. Люблю тебя.

Она вихрем покружилась, поцеловала воздух и с улыбочкой умыкнула.

— Она подслушивала? — риторически спросил Глеб.

— Скорее всего.

Глеб вздохнул и откинул голову назад. Я присела к нему и погладила его по плечу.

Всё же ему тяжело отпускать сестру. Он понимал, что она уже взрослая, но опускать не торопился. Он ей ведь почти отец, а тут такое.

Глеб постепенно расслаблялся от моих касаний, как неожиданно Люся снова выскочила в коридор. Она переделалась, накрасилась и козочкой поскакала на выход.

— Ты куда? — рявкнул Глеб, поднимаясь.

— Освобождаю место парочке. Не хочу вам мешать.

— А ты то куда? — он повторил вопрос.

— Брат, — она взглянула на него и даже подмахнула бровями. — Не задавай вопросы, если не хочешь знать ответ.

— Людмила! — рявкнул Глеб и подошёл к сестре, которая уже открывала дверь.

Но тут их ожидал новый сюрприз. В подъезде стояла Арина. Люся замерла. Её улыбка тут же превратилась в оскал. Глеб тоже невольно напрягся, разглядывая на всё ещё свою жену.

Арина стойко встретила недовольство Алмазовых и заглянула за их спины. Она заметила меня и поморщилась, но никак не прокомментировала моё присутствие.

— Зачем ты приперлась сюда? — едко спросила Люся, скрестив руки на груди.

— Люся, ты вроде бы собиралась к Матвею, — уточнил Глеб. — Уходи, пока я отвлекся.

Девушка юлой обернулось к брату и снова поцеловала его в щеку, а затем выбежала из квартиры, не забыв скорчить рожицу Арине.

— Зачем ты пришла, Арина? — спросил Глеб, когда лифт уехал.

— Даже непустишь меня? — звонко спросила моя давняя подруга, но в ответ ей была тишина. — Что? Даже вариант «увидеться с дочкой» не приходит на ум?

— Не приходит, — холодно ответил Глеб. — Она тебе не нужна. Именно поэтому я требую развод с полной опекой с моей стороны.

— Я могу предложить кое-что интереснее..., — сказала Арина и полезла в сумку.

— Мы не станем снова пытаться строить наш изначально фиктивный брак, — сразу предупредил её Глеб.

— А я это и не предлагала, — оскорбилась она и протянула бумаги. — Я подписала развод, а также отказ от Оксаны.

— Что? — удивился Глеб, принимая бумаги. Он раскрыл их и вчитался в основные условия. — Почему так?

— Не хочу быть лишней и бесполезной. Если Оксана захочет со мной встретиться, то ты мне позвонишь. А пока... я хочу улететь отсюда. Подальше. Надоело жить ради тебя. Хочу начать жить ради себя. — Глеб неловко кивнул, а Арина развернулась к лестничным пролётам. Но перед уходом громко сказала: — Как я вообще могла подумать, что смогу вытравить память о тебе собой. Так ведь, Ксюша? Глупая была и наивная.

После этого она ушла. На весь подъезд эхом раздавался перестук её каблучков. Глеб пребывал в шоке, но всё же закрыл дверь и вернулся ко мне.

— Мне всё это не снится?

Я взяла бумаги и тщательно их рассмотрела. Всё действительно так, как она сказала. Она официально отказалась от ребенка, а также согласилась на развод.

— Не снится, Глеб. Это всё реально.

— Это всё ты, — вдруг сказал Глеб и крепко обнял меня. — Ты все же исполняешь желания.

— Не я, — усмехнулась я и достала из поясной сумки мамино кольцо, которое лежало там всё время. Хотя я его не брала с собой перед поездкой в Корею. — Точно не я. Это не в моих силах.

Но Глеба было не убедить. Он крепко обнял меня, а затем аккуратно поцеловал. И в этот момент прибежала полусонная Ксютка.

Спустя год

Аплодисменты взорвали зал. Последние модели вышли на подиум и, стоя под софитами, гордо демонстрировали наряды победивших модельеров. К ним немедля поднялся Рене Бонне. Красивый мужчина в возрасте, которому должно быть больше шестидесяти, но на вид так точно не скажешь. Он взял микрофон и поблагодарил всех присутствующих. Он ещё долго что-то говорил, но я нагло пропускала всё мимо ушей.

После случившегося в Эфиопии мне и всему агентству пришлось много и тяжело работать. Поэтому сейчас я тихо наслаждалась успехом, сидя в тени зала.

Мы справились, и сейчас я находилась в Париже, где мои модели, лучшие модельеры и фотографы из России (и как оказалось не только) получали всеобщее признание. Некоторые из них остались со мной в агентстве «Малахитовая кошка», а кто-то успел договориться с другими известными брендами о сотрудничестве.

Как я и предполагала, участие Виктора Гайднера, как и Вениамина Лессовского, вывело конкурс на другой уровень. Гайднер славился своими головными уборами, а также уединенным образом жизни. Но его идеи, а также помощь неопытным модельерам, привлекли к нам дополнительный интерес. Лессовский же помог конкретно мне своей поддержкой среди бомонда. Из-за связи с Воровицкими моё агентство слегка подпортило репутацию. Каждому я не могла рассказывать историю о том, как меня шантажировали, или доказывать нашу невиновность. Ведь некоторые даже позицию жертвы могли выставить так, что это бы порочило меня и делало слабой. А в мире моды, вроде бы среди красоты и лоска, ни в коем случае нельзя показывать слабость или даже проявлять откровенную лояльность к чему-либо. Поэтому открытая поддержка Лессовского спасла меня от полного отвержения бомондом и сохранения более и менее стабильной репутации. Этакого реноме. Затем последовал громкий открытый суд, на котором я выступала не только как жертва и свидетель, но также, как и добросовестный гражданин, содействующий всеми силами следствию.

Журналы, газеты и интернет трубили об этом деле и, конечно, обо мне. И вот тогда мнение бомонда обо мне моментально изменилось. Они перестали злословить, а некоторые даже извинились за грубость. В итоге из-за всей шумихи вокруг агентства анонс конкурса распространился по стране за считанные секунды. Мы получили множество заявок, из-за чего многих пришлось пристраивать в дополнительные студии, чтобы не потерять ни одного таланта.

Рейвен стала звездой, как я и предвещала. Её взгляд притягивал каждого, не важно мужчина это или женщина. Он манил их и в то же время отталкивал. Ворон показал свою мощь и красоту и перестал быть вестником зла. Но чего я не ожидала, так это того, что Варя откажется от карьеры модели ради места организатора-распорядителя. Она захотела остаться в моём агентстве, чтобы стать частью административного персонала. Поэтому сегодня я оставляла её тут в Париже за главную. Если её будет интересовать эта должность даже после буйной предстоящей недели мод, то кто я такая, чтобы запрещать ей менять свой путь.

Я попрощалась со всеми на мероприятии и отправилась в отель собирать багаж. Через пять часов у меня самолёт до Москвы, поэтому мне предстояло немного поспешить, чтобы

успеть на рейс.

Уже в такси по пути к Шарль де Голль я позвонила Марине, которая в эту поездку осталась в Москве. Она сначала долго не брала, а затем неожиданно переключилась на видеозвонок. Появилась размытая картинка, но через секунду изображение улучшилось, демонстрируя Рубин с насыщенно-красными волосами.

— С чего такая резкая смена стиля? — Удивилась я, раскрыв рот. Раньше не замечала за подругой любовь к радикальным переменам. — Только не говори, что захотела полностью изменить свою жизнь и начала с волос.

— Вообще-то эта смена стиля для фотосессии, — похвасталась Марина, поправляя идеальную укладку, и счастливо заулыбалась. — Ксюша, ты представляешь, мне сделали предложение на серию фотосетов. Боже мой, — она вскинула руки и громко захохотала, раскачиваясь на стуле в своём кабинете агентства. — Я столько лет держала себя в форме. Следила за каждой калорией и постоянно худела. Я с пятнадцати лет сидела на диетах и усиленно занималась спортом, чтобы не разжиреть. Вечно пила правильные, витаминные смузи вместо нормальной еды. Но тогда никто не хотел снимать меня. А сейчас.... Мои формы наоборот привлекли ко мне больше внимание, чем прежняя худосочность.

— Так, а теперь приостановись, — попросила я, когда такси притормозило на светофоре. — Тебя пригласили на съемку. А кто? Когда? Куда? Подробности, пожалуйста!

— Так сам Лессовский и предложил, — ухмыльнулась Марина, хлопая в ладоши и постукивая ногами о пол. — Вчера мне пришло от него предложение. Где написал, цитирую: «... на некоторых худоба выглядит неестественно. Вы, Марина, из другой плеяды людей. Именно вам настоящая красота только добавляет изюминку и привлекает взгляд. Истинная внешность придает человеку шарм и неиссякаемый магнетизм». — Марина подняла взгляд от листка, видимо на котором было распечатано письмо, и весело хохотнула. — Ксюша, я перекрасилась пару часов назад. Меня еще никто не видел такой. Но я так счастлива, что смогу хотя бы немного посниматься. Потому что как бы мне не нравилось работать в агентстве и заниматься с моделями, но я хотела быть моделью. Хотела сниматься и позировать перед фотоаппаратом.

— А Денис тебя разве не снимает?

— Снимает, конечно, — заулыбалась Марина и тихо добавила, прикрывая рот. — Но эти фотографии он ни за что не выставит. Слишком они личные и откровенные.

Я улыбнулась, представляя, как степенный Денис снимал эротические фото. Он вряд ли выставил бы на публику что-то очень личное. Особенно, если это «личное» касалось обнаженного тела любимой женщины.

— Ты ему ещё не говорила?

— Только спросила, что он думает об этом, — ответила Марина. — Он ответил, главное, чтобы я не влюбилась в другого фотографа и была счастлива во время работы. Всё остальное на мой выбор.

Я хотела ещё кое-что спросить Марину, когда услышала, как открылась у неё дверь и прозвучал опешивший голос обсуждаемого фотографа.

— Бо-же-мой! — Денис подошёл к Рубин. Заодно он появился и в моём поле видимости. Я наблюдала, как он разглядывал волосы подруги и даже аккуратно потрогал пару локонов, будто сомневался, что краска настоящая. — Что это?

— Это я, Марина. Не узнаешь?

— Марина, что же ты сделала? — прошептал он.

— С волосами? — уточнила она с улыбкой. Хотя в глазах мелькнуло возрастающее напряжение. Всё же Денис сейчас не улыбался и его лицо казалось непроницаемым.

— Нет, с мозгами!

— Что?! — воскликнула Марина и встала, начиная злиться. — С моими?

— Нет! С моими, — громче крикнул Денис. — Почему у меня все мысли из головы пропали. Хочу сказать что-то правильное и нормальное, но в голову лезет один бред.

— Может, потому что я красивая? — с облегчением и с вернувшимся кокетством спросила Марина, выставляя бедро.

— А может потому что ты сексапильная и вышибаешь мне мозг своим нестабильным поведением?

А это что-то новенькое. Не ожидала таких слова от Дениса. Он всегда сохранял невозмутимый вид, был спокоен и не предвзят. Но сейчас он показался другим: живым, энергичным и эмоциональным. Это удивляло и вызывало восхищение перед Мариной. Потому что она умудрилась вытащить его из прочной скорлупы холода и равнодушия.

— А разве в наших словах есть разница? — Марина обняла за шею своего парня, плавно покачиваясь на нём.

— Ну, вроде должна быть, — задумался Денис.

— А меня всё устраивает, — потянулась к нему Марина. — Меня очень даже устраивает то, что ты холодный и тяжелый тип и теряешь от меня голову. То, что тот, кто всегда умеет дать словесный отпор теряет дар речи при виде меня. Если меня устраивает, то какая разница, что для других наши слова существенно различаются. Меня всё-е-е-е устраивает.

— Тогда, уважаемый Рубин, — торжественно проговорил Денис, подхватывая подругу под пятую точку. — Вы срываете мне голову с плеч с нашей первой встречи. Даже не знаю как быть. Ведь голова вам нужна, чтобы целоваться.

И после они приступили жарко демонстрировать обсуждаемые поцелуи.

Я в некотором смущении отвернулась, ожидая, когда они уже закончат данный процесс. И в какой-то момент Денис всё же заметил включенный телефон и активный видеозвонок.

— Ты с кем-то разговаривала? — спросил он Марину.

— Ой, — воскликнула Рубин и развернулась. — Ксюх, я....

— Не волнуйся, — перебила её я. — Ты мне потом расскажи, как пройдут съемки у Лессовского. Имей в виду, что он вообще не смягчает свой лексикон во время работы. Может так наорать, что потом стыдно перед ним появляться.

— Разберусь как-нибудь. Уже не маленькая девочка, — ухмыльнулась Марина и отключилась.

В этот момент такси въехало на парковку аэропорта.

И снова самолёт. Снова просьба пристегнуть ремни. Снова услужливые стюардессы помогали найти место и предлагали напитки. Снова чувства давление при взлёте и легкости при полёте.

Взгляд незаметно следил за пролетающими мимо облаков, но мысли безостановочно вились вокруг Глеба. Он не давил в наших теперешних отношениях, но в то же время с каждым разом всё больше занимал места в моей жизни.

Мы жили на две квартиры. У каждого по ребёнку, по-своему трудные обязанности родителя, а также работа. Но мы стремились проводить всё свободное время вместе. Всей большой семьей.

Лев, кстати, больше тянулся к Глебу, чем ко мне. И только последние полгода оттаял и

начал вести себя со мной более расслабленно. Он стал рассказывать истории, которые с ним происходили, и беззаботно смеяться.

А Матвей пару дней назад украл Люсю из-под носа Глеба. Марков прислал мне фотографию, как они отдыхали на Мальдивах. Глеба это дико разозлило. Потому что никто из них двоих даже и не думал спрашивать у него разрешения. Только предупредили его постфактум, когда уже сели в самолёт. Матвей тогда прислал мне первое фото и голосовую с просьбой, чтобы я успокоила своего парня. На что Глеб попросил передать будущему зятю, чтобы он не совершил ничего такого из-за чего его сестра могла бы бросить универ и даже не попробовать построить карьеру. Если переводить с рассерженного братского языка, то просил не зачать ребенка раньше времени. Матвей поклялся, опять же через меня, что будет внимательно за этим следить. Правда, клятву мне пришлось подредактировать, чтобы Глеб снова не разозлился и не поехал вызволять сестру из песочного замка.

Из Домодедово я никому не звонила. Я быстро нашла такси и назвала домашний адрес. Спустя ещё пару часов я поднималась в квартиру, открывала дверь и переходила порог. Меня больше не встречала тишина. В глубине квартиры я слышала включенный телевизор с мультфильмами, а также незнакомую мне рок-балладу из комнаты Льва. На кухне энергично стучали ложки о дно тарелки, а детские голоса над чем-то громко смеялись.

Значит они сегодня все здесь. Я оставила большой чемодан в прихожей и поспешила на кухню. А там меня моментально рассекретила Ксютка.

— Ксю, — проговорила она и ткнула в мою сторону пальцем. Глеб сразу обернулся и улыбнулся.

Я обняла его, а затем прижала по очереди детей. Но как только они доели, то тут же убежали, оставив взрослых наедине.

— Ты приехала раньше, чем планировала, — прошептала мне на ухо Глеб, обнимая со спины.

— Хотела вернуться пораньше. Скучала по дому.

— Приятно слышать это от тебя. — Он аккуратно прикусил меня за обнаженное плечо, от чего я вздрогнула. Но Глеб, к сожалению, не продолжил ласково касаться меня. Он вдруг опустил подбородок на укушенное плечо и тяжело вздохнул. — Матвей стал твоим бизнес-партнером и даже вложил в твоё расширение.

— Ты это говоришь из-за ревности или обиды, что он выкрал Люсю. — Поддразнила его я.

— Скорее из-за чувства неполноценности. Я ведь не в силах выкупить твою долю бизнеса и вернуть тебе или вложиться в твой проект. Это...., — он, не договаривая, отошёл от меня.

Тогда я резко развернулась, лоя его за руку, а затем решительно притянула обратно.

— Ты ведь не серьезно? — уточнила я, но выражение лица Глеба говорило само за себя. — Слушай, давай кое-что проясним. Ты не перестаешь в моих глазах быть мужественным из-за того, что твой счет меньше, чем у моих знакомых и друзей.

— Ксюша....

— Дай мне закончить, — я подняла руку, тормозя его. — Ты в моих глазах не менее мужественен и силен. Ты заставляешь мои коленки трястись от одного твоего голоса, потому что я люблю тебя. Знаешь, я всегда считала, что качества хорошего мужчины исчисляются не только банковским счетом. Да, бесспорно, богатым проще удовлетворять желания. Так же им проще пустить пыль в глаза. Проще привлечь внимание тех, кто хочет беззаботной

жизни. Но деньги не всегда делают мужчину мужественным.

— И что же тогда делает? — спросил Глеб с улыбкой.

— В моих глазах мужественность — это когда мужчина понимает, что он сильнее. Он несёт ответственность за каждое своё действие и слово. При всеобщей истерии феминизмом, когда женщины начали путать борьбу за права с ущемлением мужского достоинства, а некоторые слабаки с радостью поддерживают эту волну и говорят: «Они ведь сами этого хотели, пусть и работают с нами наравне или пусть таскают тяжести, как и мы». Действительно сильный мужчина не будет забывать, что женское тело априори слабее. Так ведь и женщины не этого на самом деле добиваются. Они не хотят заменить мужчин. Нет, они хотят, чтобы их мнение учитывалось, чтобы их уважали за мягкую силу. Мужественность, как и женственность, скрыта в мелочах. Ведь женственность это не равно брендовые вещи, третий размер, пухлые губы и мастерство на кухне. Также и мужественность это не равно большой кошелёк, высокий рост, накаченные мускулы и внешность красавчика актера. Это сильная душа мужчины, который способен сделать свою женщину счастливой. А у женственности — это красивая душа женщины, которая... тут я не придумала, что можно красивое вставить. — Глеб и я тихо засмеялись. Когда смех стих, я продолжила. — Поэтому Глеб... Ты делаешь меня счастливой. Много лет тому назад я отказалась от женственности в пользу мечты. Но сейчас я хочу... Хочу мира для тебя и для меня. Для нас всех.

— А ты умеешь красиво говорить, — снова обнял меня Глеб и притянул к себе.

— Ради тебя вообще-то старалась. — Проговорила я ему в губы. — Не хочу, чтобы ты волновался из-за этого. Иначе продам свой бизнес и попробую стать домохозяйкой.

— Чтобы я потом постоянно чувствовал вину? — С усмешкой уточнил он.

— Ты ведь этого не хочешь? — Он покачал головой. — Значит больше не думай о том, будто ты не мужчина в моих глазах.

Вместо ответа он поцеловал.

Так прошёл вечер, и наступила ночь. Дети спали у себя, а мы наслаждались друг другом. На следующее утро я лежала на груди Глеба и выводила на его теле замысловатые рисунки. Иногда он дергался, но пока не признавался, что уже давно проснулся. За окном накрапывал мелкий дождик, а я же усиленно размышляла над мелькнувшей недавно идеей.

— Может нам съехаться, — вдруг проговорила я.

Глеб тут же раскрыл глаза и уставился на меня. Спустя минуту он сипло спросил:

— Ты правда этого хочешь?

— Почему бы и нет, — ответила я и села на кровати. — Мы в любом случае много времени проводим вместе. Либо в твоей квартире, либо в моей. Но я думаю, дети тоже будут только «за», если у каждого появится своя комната. Лев так вообще будет очень рад больше не расставаться ни с тобой, ни с Ксюткой.

Глеб сначала замялся, а затем осторожно начал.

— Да я вот то же начал присматривать что-то общее. Дом или квартира?

Но ответ на этот вопрос был лишним. Спустя секунду он начал вываливать на меня столько разной информации о различных районах, о подходящих квартир и домов, которые предлагали на сайте недвижимости. Он не заметил, как сел и оперся о спинку кровати. Он даже полез в свой телефон, чтобы показать мне парочку вариантов, которые ему приглянулись.

Я подозрительно всмотрелась в него, а затем спросила:

— Признайся, ты уже давно об этом думал?

— Конечно, — улыбнулся он и смущенно провёл по волосам. — С того дня как увидел тебя перед школой первого сентября. Подумал, что с такой красоткой закрыться в собственном доме на вечность самая лучшая моя идея из всех.

Я схватила подушку и стукнула ею по Глебу, приговаривая.

— Вот же... Нет бы что-нибудь романтичное подумать, а не это.

— Прости, Ксюша, но в том возрасте первая заинтересованность проявлялась вот такими пошлыми мыслями. Это физиология!

Я снова его ударила, но Глеб вовремя перехватил мои руки и уложил на лопатки, после чего жадно поцеловал. Он спустился к моей шее, прихватывая кожу и царапая зубами. Наш спор тут же забылся. Но продолжить нам не дали.

В дверь постучали, и затем прозвучал звонкий детский голосок:

— Папа, открывай!

Глеб устало вздохнул, но встал. А я выглянула в окно. На небе из-за дождя и солнца снова появилась радуга. Она будто заглядывала в наше окно и радовалась вместе с нами.

Радуга стала нашим мостиком, который мы чуть не разрушили. Мостик нашей с Глебом любви притягательно мерцал на небе. Он легко может исчезнуть, может раствориться, но он всегда вернется, как только луч солнца и капли воды сольются в одном отражении. Как и наша любовь. Мы наконец слились в одном на двоих отражении. И я надеялась, что это будет надолго, а лучше навсегда.

Больше книг на сайте - Knigoed.net